

СТИВЕН

СТИВЕН КИНГ
ИДЕТ В КИНО

КИНГ

**СТИВЕН
КИНГ**

**СТИВЕН КИНГ
ИДЕТ В КИНО**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Coe)-44

К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
STEPHEN KING GOES TO THE MOVIES

Перевод с английского

Художник В. Лебедева

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Стивен Кинг идет в кино : [сборник ; перевод с английского] / Стивен Кинг. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-118092-8

В этом сборнике Стивен Кинг собрал повести и рассказы, которые легли в основу известных голливудских фильмов. Писатель также добавил свои комментарии, делясь впечатлениями о каждой картине и размышляя, удалось ли режиссерам передать дух его произведений или, может, даже превзойти их.

Сюрреалистичная и жестокая «Мясорубка», оригинальные и пугающие «Дети кукурузы», загадочные и интеллектуальные «Сердце в Атлантиде», увлекательный и реалистичный «Побег из Шоушенка» и классический ужастик «1408».

Пять историй, пять экранизаций с лучшими актерами — от Моргана Фримена и Тима Роббинса до Энтони Хопкинса и Джона Кьюсака.

Вы смотрели эти фильмы?

Возможно, теперь самое время перечитать литературные произведения, по которым они были сняты!..

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118092-8

© Stephen King, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

1408

Чудо, что эта история вообще появилась на свет, на бумаге или в кино. Первую тысячу слов я написал от руки в гостиниой съемного домика на острове Санибел, когда целый день нельзя было выйти на пляж из-за сильной грозы. Рассказ был задуман в качестве примера процесса работы над текстом (для «Как писать книги»). Я тогда только что закончил историю отеля с привидениями («Сияние») и не испытывал особого желания второй раз писать об одном и том же.

А довел я эту вещь до конца потому, что меня стал интересовать главный персонаж — циничный писака (может, даже кандидатом был на каких-нибудь выборах), выпекающий книги, в которых разоблачает якобы обитаемые призраками места. А что, подумалось мне, случится, если такой вот деятель нарвется на реальное зло?

Редко бывает, чтобы серьезные актеры соглашались на роль в среднебюджетных ужастиках, но роль Майка Энслина взял Джон Кьюсак. Я не очень представляю, почему он это сделал (может, он говорил об этом в каких-то интервью перед выходом фильма, но я ни разу не слышал, чтобы его об этом спрашивали). Однако у меня есть гипотеза: этот персонаж мог захватить и его воображение. Роль он сыграл так блестяще, что получилось почти шоу одного актера.

Я понял, что фильм будет хорошим, когда продюсер Боб Вайнштейн прислал мне предварительный трейлер. В нем была идеальная атмосфера клаустрофобии, точно отражавшая тон рассказа. Я представлял себе всякую чертовщину: она в буквальном смысле сводит с ума обитателей номера 1408, подвергая их чу-

ждым ощущениям и ментальному внушению, которые обычно можно испытать лишь в лихорадочном бреде либо под ЛСД или мескалином. Киношники это уловили, и в результате получился раритет: фильм ужасов, действительно нагоняющий ужас. Я добивался рейтинга PG-13 (в конце концов фильм был его удостоен), потому что в фильме практически нет крови или человеческих внутренностей. Как и великие старые фильмы Вэла Льютона, эта картина дергает за нервы, а не за рвотный рефлекс.

И еще одно, последнее: сценаристы добавили предысторию, которой в приводимом рассказе нет. Это старый голливудский фокус, всегда опасный и редко успешный. А здесь он сработал, хотя я уверен: чтобы это получилось, конец пришлось переснимать.

Майк Энслин еще открывал вращающуюся дверь, когда увидел Олина, менеджера отеля «Дельфин», сидевшего в одном из больших кресел вестибюля. У Майка упало сердце. «Все-таки мне следовало привести с собой адвоката», — подумал он. Что ж, уже поздно. И даже если Олин попытается возвести еще один кордон или два между ним и номером 1408, может, это не так уж и плохо. В его книге появятся несколько лишних страниц.

Дверь только оказалась за спиной Майка, а Олин уже направлялся к нему, протягивая пухлую руку. «Дельфин» располагался на Шестьдесят первой улице, в шаге от Пятой авеню, — невысокое, но красивое здание. Мужчина и женщина в вечерних туалетах прошли мимо Майка, когда тот пожимал протянутую руку менеджера, предварительно переложив небольшой чемодан в левую руку. Женщина, блондинка, была, естественно, в черном, и легкий цветочный аромат ее духов символизировал Нью-Йорк. На мезонине кто-то играл в баре «День и ночь» — еще один штрих неподражаемой атмосферы Большого Яблока.

— Мистер Энслин. Добрый вечер.

— Мистер Олин. Есть проблемы?

Олин замялся. Оглядел маленький уютный вестибюль, словно прося помощи. У регистрационной стойки слегка помятый мужчина — обычное дело после длительного перелета в салоне бизнес-класса — обсуждал какие-то нюансы, связанные с заказанным номером, с женщиной в изящном черном костюме, который мог сойти и за вечерний наряд. В отеле всем спешили прийти на помощь, за исключением мистера Олина, попавшего в лапы писателя.

— Мистер Олин? — повторил Майк.

— Мистер Энслин... могу я поговорить с вами в моем кабинете?

Конечно, почему бы нет? Этот разговор усилит раздел, посвященный номеру 1408, добавит зловещности, которую обожают читатели его книг, но это еще не все. До этого момента полной уверенности у Майка Энслина не было, несмотря на серьезную подготовку к этому визиту. Теперь же он ясно видел, что Олин боится номера 1408, боится того, что может случиться с Майком в эту ночь.

— Разумеется, мистер Олин.

Олин, радушный хозяин, протянул руку к чемоданчику Майка.

— Позвольте?

— Я сам донесу, — ответил Майк. — Там ничего нет, кроме смены белья и зубной щетки.

— Вы уверены?

— Да, — кивнул Майк. — Счастливая гавайская рубашка уже на мне. — Он улыбнулся. — Пропитана особым составом, запах которого отгоняет призраков.

Олин не улыбнулся. Вдохнул — маленький толстячок в темном, сшитом по фигуре костюме, с вязанным галстуком.

— Очень хорошо, мистер Энслин. Идите за мной.

В вестибюле менеджер отеля казался нерешительным, чем-то даже напоминал побитую собачонку. А вот в кабинете, обшитом дубовыми панелями, с картинами на стенах («Дельфин» открылся в 1910 году: хотя книгу опубликовали бы и без таких подробностей, Майк не поленился заглянуть в подшивки давнишних газет и журналов), вновь обрел уверенность. Пол устилал персидский ковер. Мягкий желтый свет двух торшеров располагал к непринужденной беседе. На столе, рядом с ящичком для сигар, стояла лампа под зеленым абажуром. С другой стороны ящичка для сигар лежали три книги Энслина. В мягкой обложке, конечно же, в твердой его еще не издавали. «Мой хозяин тоже провел подготовительную работу», — подумал Майк.

Майк опустил в кресло перед столом. Он ожидал, что Олин сядет за стол, но тот удивил его. Сел рядом с Майком,

положил ногу на ногу, потом наклонился вперед, прижав круглый животик к колену, коснулся ящичка для сигар.

— Сигару, мистер Энслин?

— Премного благодарен, но не курю.

Взгляд Олина сместился на сигарету за правым ухом. В не столь далекие времена репортеры, чтобы не лазить лишний раз в карман, случалось, засовывали сигарету за ленту шляпы с мягкими полями, рядом с нашивкой «ПРЕССА». Майк настолько сжился с этой сигаретой, что поначалу и не понял, куда смотрит мистер Олин. Потом рассмеялся, вытащил сигарету из-за уха, посмотрел на нее, перевел взгляд на Олина.

— Не курю девять лет. Старший брат умер от рака легких. Я бросил курить после его смерти. Сигарета за ухом... — Он пожал плечами. — Где-то напоминание, где-то — суеверие. Как гавайская рубашка. Вроде сигарет в коробочках со стеклянной крышечкой и надписью «РАЗБИТЬ СТЕКЛО ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ», что люди кладут на стол или закрепляют на стене. В номере 1408 разрешено курить, мистер Олин? На случай, если разразится атомная война.

— Раз уж об этом зашла речь, разрешено.

— Отлично, — воскликнул Майк. — Хотя из-за этого можно не волноваться.

Мистер Олин вновь вздохнул, но этот вздох уже не был столь безутешным, как в вестибюле. «Да, кабинет дает о себе знать, — подумал Майк. — Кабинет Олина, его владения». Даже днем, когда Майк приходил с адвокатом Робинсоном, как только они пришли сюда, Олин заметно успокоился. Почему бы и нет? Где еще можно чувствовать себя хозяином, как не в собственных владениях? А кабинет у Олина получше, чем у многих: хорошие картины на стенах, хороший ковер на полу, хорошие сигары в деревянном ящичке на столе. Многие менеджеры вели здесь дела начиная с 1910 года. По-своему, это тоже визитная карточка Нью-Йорка, как блондинка в черном платье с оголенными плечами, запах ее духов, невысказанное, но явное обещание утонченного нью-йоркского секса в предрасветные часы.

— Вы по-прежнему думаете, что мне не удастся отговорить вас от реализации вашей идеи? — спросил Олин.

— Уверен, что не удастся. — Майк вернул сигарету за ухо. Он не смазывал волосы маслом, как многие его прежние коллеги, носившие шляпы с мягкими полями, но сигареты все равно менял каждый день, как нижнее белье. За ушами тоже выступает пот, и когда в конце дня Майк оглядывал сигарету, прежде чем бросить ее в унитаз, видел желтовато-оранжевое пятно на тонкой белой бумаге. Сигарета в руке не усиливала желание закурить. Теперь он уже представить себе не мог, как почти двадцать лет выкуривал по тридцать, иногда сорок сигарет в день. Скорее мог объяснить, почему он это делал.

Олин взял со стола три книжки.

— Я искренне надеюсь, что вы ошибаетесь.

Майк расстегнул молнию бокового отделения чемодана. Достал мини-диктофон «Сони».

— Вы не будете возражать, если я запишу наш разговор, мистер Олин?

Менеджер махнул рукой. Майк нажал на клавишу «RECORD», загорелась маленькая красная лампочка. Бобины начали вращаться, пленка пошла.

Олин тем временем тасовал книжки, читая названия. Всякий раз, видя свою книгу в чьих-то руках, Майк Энслин ощущал самые разные чувства: гордость, неловкость, удивление, пренебрежение и стыд. Как бизнесмен, стыда он не испытывал: последние пять лет они обеспечивали безбедное существование и ему не приходилось делить прибыль с автором идеи («книжные шлюхи» — называл таких его литературный агент, возможно, из зависти), потому что он не только писал книгу, но и сам разрабатывал ее концепцию. Хотя после того как первая книга прошла на ура, было понятно, что только полный кретин мог проглядеть такую концепцию. А ведь думали, что после «Франкенштейна» и «Невесты Франкенштейна» ловить в этой области уже нечего.

Однако он окончил Айовский университет*. Учился с Джейн Смайли**. Однажды участвовал в семинаре Стэнли

* Айовский университет основан в 1847 г. Славится литературными традициями. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Смайли Джейн (р. 1950) — современная популярная американская писательница.

Элкина*. Мечтал (об этом не подозревали даже его ближайшие друзья) опубликоваться как Молодой поэт Йеля. И когда Олин начал вслух произносить названия книг, Майк пожалел, что включил мини-диктофон. Потому что знал, что позднее, слушающая запись, будет ловить в голосе Олина нотки презрения. Механически он коснулся сигареты за ухом.

— «Десять ночей в домах с призраками», — читал Олин. — «Десять ночей на кладбищах с призраками». «Десять ночей в замках с призраками». — Он посмотрел на Майка, и уголки его губ изогнулись в легкой улыбке. — Чтобы написать эту книгу, вы побывали в Шотландии. Не говоря уже о Венском лесу. И всякий раз ваши налоги уменьшались на затраченные на поездки суммы, верно? В конце концов охота за призраками — ваш бизнес.

— Вы сказали все, что хотели?

— Вы очень трепетно относитесь к этим книгам, не так ли?

— Да, трепетно. Но пренебрежением к ним меня не проймешь. Если вы надеетесь, критикуя мои книги, убедить меня уйти из вашего отеля...

— Нет, нет, отнюдь. Простое любопытство, ничего больше. Я послал за ними Марселя — он дневной портье — два дня назад, когда вы впервые обратились с вашей... просьбой.

— Требованием — не просьбой. И это по-прежнему требование. Вы слышали мистера Робертсона. Закон штата Нью-Йорк, не говоря уже про два федеральных закона о гражданских правах, запрещает вам отказать мне в найме конкретного номера, если я хочу снять этот номер и он свободен. А номер 1408 свободен. В наши дни номер 1408 всегда свободен.

Но мистер Олин не собирался уходить от избранной им темы для разговора — трех последних книг Майка, попавших в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», — пока не собирался. Он перетасовал их в третий раз. Желтый свет ламп отражался от глянцевых обложек. На них преобладал пурпурный цвет. Майку как-то сказали, что пурпурный цвет — оптимальный для книг о призраках. Обеспечивает максимальные продажи.

— До этого вечера мне не представилось возможности заглянуть в них. Столько навалилось дел. Впрочем, дел всегда хва-

* Элкин Стэнли (р. 1930) — известный американский писатель, профессор литературы, лауреат многих литературных премий.

тает. По нью-йоркским масштабам «Дельфин» — маленький отель, но заполняемость у нас превышает девяносто процентов, и едва ли не каждый гость приносит с собой новые проблемы.

— Как я.

Олин улыбнулся.

— Я бы сказал, что вы — особая проблема, мистер Энслин. Вы, мистер Робертсон и все ваши угрозы.

Майку его слова не понравились. Он никому не угрожал, если не считать угрозой присутствие мистера Робертсона. И его заставили воспользоваться услугами адвоката, как человеку приходится брать в руки фомку, чтобы вскрыть старый сейф, ключ от которого давно утерян.

«Сейф-то не твой», — подсказал ему внутренний голос, но законы штата и государства утверждали обратное. Законы говорили, что он имеет полное право снять номер 1408 отеля «Дельфин», если у него возникло такое желание и никто другой не занял этот номер раньше.

Он почувствовал, что Олин наблюдает за ним с той же легкой улыбкой. Словно подслушивал внутренний диалог Майка, не пропуская ни слова. Чувство это было неприятным, да и вообще пребывание в кабинете Олина вызывало крайне негативную реакцию. У него сложилось ощущение, что он постоянно оправдывается, с того самого момента, как достал мини-диктофон (обычно мини-диктофон обезоруживал противную сторону) и включил его.

— Если в нашей беседе заложен какой-то глубокий смысл, мистер Олин, боюсь, мне его понять не удастся. У меня выдался трудный день. Если у вас больше нет возражений и я могу занять номер 1408, с вашего разрешения я хотел бы откланяться и подняться...

— Я прочитал одну... как вы их называете? Эссе? Байки?

Майк называл их счетоплательщиками, но не собирался говорить об этом вслух, под запись. Даже если эту запись делал его мини-диктофон.

— Историю, — подобрал название Олин. — По одной истории из каждой книги. В «Домах с призраками» — про дом Рилсби в Канзасе...

— Ах да. Убийства топором, какой-то человек — его так и не нашли — зарубил топором всех шестерых Рилсби.

— Совершенно верно. И еще о ночи, которую вы провели на могилах влюбленных с Аляски, которые покончили жизнь самоубийством, вроде бы их призраки люди видели около Ситки... и еще ваши впечатления о ночи, проведенной в замке Гартсби. И обнаружил, что это очень занимательное чтение. Что меня удивило.

Ухо Майка четко улавливало нотки презрения даже в самых хвalebных комментариях его «Десяти ночей», он не сомневался, что иногда презрение слышалось ему там, где его не было и в помине (Майк обнаружил, что трудно найти большего параноика, чем писатель, который верит в глубине души, что пишет чушь), но в данном случае презрение отсутствовало напрочь.

— Благодарю вас. — Он посмотрел на мини-диктофон. Обычно красный глазок наблюдал за собеседником, ждал, когда же тот что-нибудь ляпнет. Сегодня глазок определенно следил за ним.

— О да, я надеялся, что вы воспримете мои слова как комплимент. — Олин забарабанил пальцами по верхней книжке. — Я хочу дочитать их до конца. Мне нравится, как вы пишете. К собственному изумлению, я смеялся, читая о ваших приключениях, в которых не было и толики сверхъестественного, в замке Гартсби. Я удивлен, что вы — такой хороший писатель. И так тонко все чувствующий и подмечающий. Ожидал столкнуться с ремесленником, а не мастером.

Майк уже знал, что за этим последует. Вариация Олина на тему «Что такая милая девушка делает в столь ужасном месте». Все-таки Олин не один год управлял городским отелем, принимал у себя светловолосых женщин в черных вечерних платьях, нанимал немолодых людей в смокингах, игравших старые шедевры вроде «Дня и ночи» в баре отеля. Олин, должно быть, читал Пруста в свободные от работы вечера.

— Но они и встревожили меня, эти книги. Если бы я не заглянул в них, не думаю, что стал бы дожидаться вас этим вечером. Увидев адвоката с брифкейсом, я понял, что вы намерены провести ночь в этом чертовом номере и никакие мои доводы не помогут. Но книги...

Майк протянул руку и выключил мини-диктофон: маленький красный глазок его достал.

— Вы хотите знать, почему я копаюсь в отбросах? Не так ли?

— Полагаю, вы делаете это ради денег, — миролюбиво ответил Олин. — И я не считаю, что вы копаетесь в отбросах, отнюдь... хотя любопытно, что, исходя из моих слов, вы пришли к такому выводу.

Майк почувствовал, что краснеет. Нет, он никак не ожидал такого поворота, он никогда не выключал мини-диктофон во время разговора. И Олин оказался совсем не таким, как он предполагал. «Меня сбили с толку его руки, — подумал Майк. — Эти пухлые ручки менеджера отеля с аккуратными белыми полукружиями ухоженных ногтей».

— А встревожило меня... более того, напугало... вот что: я читал книгу интеллигентного талантливого человека, абсолютное не верящего в написанное им самим.

Это не совсем так, подумал Майк. Он написал, возможно, два десятка историй, в которые верил, но опубликовал лишь несколько. Он написал множество стихотворений, в которые верил в свои первые восемнадцать месяцев в Нью-Йорке, когда голодал на нищенское жалованье в «Виллидж войс». Но разве он верил в безголовый призрак Юджина Рилсби, шагающий под лунным светом по брошенному фермерскому дому в Канзасе? Нет. Он провел ночь в этом доме, устроившись на грязном вздувшемся линолеуме кухни, и не увидел ничего страшнее двух мышек, пробежавших вдоль плинтуса. Он провел жаркую летнюю ночь в развалинах трансильванского замка, где вроде бы правил Влад Цепеш, но из всех вампиров на встречу с ним явились, правда в большом количестве, лишь европейские комары. Когда же он заночевал на могиле серийного убийцы Джеффри Дамера, белая, в кровавых потеках, размахивающая ножом фигура возникла перед ним в два часа ночи, но смех друзей привидения выдал его, да и сам он особо не испугался. Он мог отличить подростка, закутавшегося в простыню и размахивающего резиновым ножом, от настоящего призрака. Но Майк Энслин не собирался рассказывать все это Олину. Он не мог позволить себе...

Да нет, мог. Мини-диктофон (теперь он понимал, что допустил ошибку, достав его из чемодана) выключен, разговор определенно останется между ними. И пусть кому-то это и пока-

жется странным, он начал восхищаться Олином. А человеку, которым восхищаются, обычно говорят правду.

— Вы правы, я не верю ни в призраки, ни в привидения, ни в прочую длинноногую нечисть. Я радуюсь, что ничего этого в природе не существует, потому что не уверен, что Господь Бог смог бы уберечь нас от этих тварей. Я с самого начала занял позицию бесстрастного наблюдателя. Я, возможно, не получу Пулитцеровскую премию за репортаж о Лающем призраке с кладбища «Гора надежды», но, явись он мне, написал бы о нем со всей объективностью.

Олин что-то сказал, произнес какое-то слово, но слишком тихо, чтобы Майк расслышал его.

— Простите?

— Я сказал. нет. — В голосе Олина звучали нотки извинения.

Майк вздохнул. Олин принял его за лжеца. Когда разговор выходит на такой уровень, у тебя только два выхода: или выложить все козыри, или прекратить дискуссию.

— Почему бы нам не продолжить эту беседу в другой день, мистер Олин? Я бы хотел подняться наверх, почистить зубы. Может, я увижу в зеркале Кевина О'Молли, который материализуется у меня за спиной?

Майк начал подниматься, но Олин протянул пухлую, с ухоженными ногтями руку, чтобы остановить его.

— Я не называю вас лжецом, мистер Энслин, но вы не верите. Призраки редко являются тем, кто в них не верит, а если и являются, то не дают себя увидеть. Юджин Рилсби, возможно, склонял перед вами отрубленную голову в прихожей, но из кухни вы этого не могли заметить!

Майк встал, потом наклонился, чтобы подхватить чемоданчик.

— Если это так, я могу не волноваться насчет номера 1408, правда?

— Как раз наоборот, — возразил Олин. — Должны. Потому что призраков в 1408-м нет и никогда не было. Что-то там есть, я это чувствовал на себе, но это совсем не призрак. В заброшенном доме или развалинах замка ваше неверие может служить вам защитой. В номере 1408 именно из-за него вы станете более уязвимым. Не делайте этого, мистер Энслин. Я ждал вас

сегодня, чтобы просить, умолять не делать этого. Из всех людей Земли, которым не следует заходить в этот номер, человек, пишущий такие веселые, такие интересные книги про призраков, занимает в списке первое место.

Майк все слышал и не слышал одновременно. «И ты выключил мини-диктофон! — клял он себя. — Он смутил меня, заставив выключить мини-диктофон, а теперь превращается в Бориса Карлоффа, устраивающего у себя унк-энд знаменитых призраков! Черт! Я все равно его процитирую. Если ему это не понравится, пусть подает в суд».

Ему просто не терпелось подняться наверх. Не только для того, чтобы провести долгую ночь в угловом номере отеля, но чтобы записать слова Олина, пока они не стерлись в памяти.

— Выпейте со мной, мистер Энслин.

— Нет, вообще-то я...

Мистер Олин сунул руку в карман и достал ключ, соединенный кольцом с тяжелой латунной пластиной. Поцарапанной, тусклой, старой. С выгравированными на ней цифрами: 1408.

— Пожалуйста, — продолжил Олин. — Доставьте мне удовольствие. Уделите еще десять минут времени, этого хватит, чтобы выпить по стаканчику шотландского, и я отдам вам ключ. Я бы отдал все, что угодно, лишь бы убедить вас отказаться от принятого решения, но мне хочется думать, что я знаю, когда дальнейшие уговоры становятся бесполезными.

— У вас до сих пор настоящие ключи? — спросил Майк. — Как мило. Это же чистый антиквариат.

— Номера «Дельфина» оборудованы магнитными замками с 1979 года. Аккурат тогда меня назначили управляющим. Номер 1408 — единственный, который открывается обычным ключом. Не имело смысла ставить на дверь магнитный замок, поскольку он всегда пуст. Последний раз в него кого-то поселили в 1978 году.

— Вы морочите мне голову! — Майк сел, вновь достал мини-диктофон. Нажал клавишу «RECORD», сказал: «Управляющий отеля заявляет, что более двадцати лет номер 1408 пустует».

— Опять же, в дверь номера 1408 не стали врезать магнитный замок, ибо я абсолютно уверен, что работать бы он не стал. Электронные часы в номере 1408 не работают. Одни отстают,

другие останавливаются. В номере 1408 узнать точное время еще никому не удавалось. То же относится к карманным калькулятором и сотовым телефонам. Если у вас есть бипер, мистер Энслин, советую вам выключить его, потому что в номере 1408 он начинает пикать, когда ему заблагорассудится, а не потому, что кого-то заинтересовал ваш автомобиль. — Он помолчал. — Даже если вы его и выключите, потом он может не заработать. Единственное верное средство — вынуть из него батарейки. — Он нажал на мини-диктофоне клавишу «STOP», даже не посмотрев на надписи. Майк решил, что Олин хорошо знаком с этой моделью, возможно, надиктовывает на нее служебные записки.

— На самом деле, мистер Энслин, единственное верное средство избежать неприятностей — держаться подальше от этого номера.

— Не могу, — Майк взял мини-диктофон, убрал, — но думаю, у меня есть время выпить шотландского.

Пока Олин доставал бутылку из бара из-под картины с изображением Пятой авеню в начале двадцатого века, Майк спросил, откуда ему известно, что в номере 1408 не работают бытовые устройства, созданные на основе высоких технологий, если с 1978 года там не останавливался ни один гость.

— Я же не говорил, что с 1978 года в этот номер не ступала нога человека, — ответил Олин. — Во-первых, раз в месяц горничные делают там легкую уборку. Сие означает...

Майк, который уже четыре месяца работал над книгой «Номера отелей с призраками», перебил его: «Я знаю, что сие означает». Легкая уборка нежилого номера означала следующее: открывались окна, вытиралась пыль, менялись полотенца. Постельное белье — скорее всего нет. Он даже подумал, а не следовало ли ему захватить с собой спальник.

Направляясь к Майку по персидскому ковру с двумя стаканами в руках, Олин словно прочитал мысли писателя.

— Постельное белье поменяли во второй половине дня, мистер Энслин.

— Почему бы вам не обойтись без фамилии? Зовите меня Майк.

— Вы уж извините, но так мне привычнее. — Он протянул своему гостю стакан. — За вас.

— И за вас. — Майк поднял свой, намереваясь чокнуться с Олином, но тот отвел руку.

— Нет, за вас, мистер Энслин. Я настаиваю. Сегодня мы оба должны пить за вас. Вам это потребуется.

Майк вздохнул, ободок его стакана звякнул по ободку стакана Олина.

— За меня. Вам самое место в фильме ужасов, мистер Олин. Вы могли бы сыграть роль мрачного старого дворецкого, убеждающего молодую семейную пару держаться подальше от замка Рок.

Олин сел.

— Эту роль, слава богу, мне приходится играть нечасто. Номера 1408 нет ни на одном сайте, где перечисляются места, известные паранормальными явлениями, выбросами психической энергии...

«После моей книги ситуация кардинальным образом изменится», — подумал Майк.

— ...и в туристических путеводителях среди отелей, где видели призраков, отель «Дельфин» не значится. Зато указаны «Шерри-Нидерленд», «Плаза», «Парк-Лейн». Мы принимаем все меры, чтобы о номере 1408 знали как можно меньше... хотя, разумеется, всегда найдется историк, удачливый и дотошный одновременно.

Майк позволил себе улыбнуться.

— Вероника поменяла постельное белье, — продолжил Олин. — Я ее сопровождал. Вы можете гордиться, мистер Энслин. Можно сказать, постельное белье вам меняла особа королевской крови. Вероника и ее сестра служат в отеле «Дельфин» с 1971 или 1972 года. Ви, как мы ее зовем, старейший работник «Дельфина», ее стаж как минимум на шесть лет больше моего. Она давно уже стала старшей горничной. Полагаю, постельное белье не менялось много лет, но до 1992 года она и ее сестра регулярно прибирались в номере 1408. Вероника и Селеста были близнецами, и существовавшая между ними внутренняя связь, похоже, позволяла... как бы это сформулировать? Нет, нечувствительными к воздействию 1408-го они не оставались, но

могли противостоять ему... по крайней мере на короткое время, которое занимала легкая уборка.

— Не собираетесь же вы сказать мне, что сестра Вероники умерла в этом номере, не так ли?

— Нет, разумеется, нет. Она ушла с работы в 1988 году по причине слабого здоровья. Но я не исключаю, что номер 1408 способствовал ухудшению ее психического и физического состояния.

— У нас вроде бы установилось полное взаимопонимание, мистер Олин. Надеюсь, оно не исчезнет, если я признаюсь, что нахожу ваши слова нелепыми.

Олин рассмеялся.

— Для исследователя мира призраков вы слишком большой материалист.

— Это мой долг перед читателями, — сухо ответил Майк.

— Наверное, я мог просто забыть про номер 1408, — промурлыкал менеджер отеля. — Дверь закрыта, свет погашен, шторы затянуты, чтобы не выцветал ковер, кровать застлана покрывалом, на нем меню завтрака, которое с вечера можно оставить на ручке двери... но мне претила сама мысль, что воздух в номере станет таким же затхлым, как на чердаке, а слой пыли будет увеличиваться день ото дня. Вы думаете, я слишком пунктуален или одержим чистотой?

— Я думаю, что вы хороший менеджер.

— Пожалуй. В любом случае Ви и Си прибирались в номере очень быстро, только входили и сразу выходили, пока Си не уволилась, а Ви не получила повышение. После этого уборкой занимались другие горничные, всегда по двое, и в пару я подбирал только тех, кто ладил между собой...

— В надежде, что у них тоже была внутренняя связь, помогающая противостоять привидениям?

— В надежде, что такая связь есть, да. Можете посмеиваться над привидениями номера 1408, мистер Энслин, но вы сразу почувствуете их присутствие, в этом я уверен. Что бы ни жило в этом номере, застенчивость ему несвойственна.

Часто, когда у меня была такая возможность, я шел с горничными, присматривал за ними. — Он помолчал, потом с явной неохотой добавил: — Чтобы вытащить их оттуда, если произойдет что-то ужасное. Слава богу, обошлось. Некоторые вдруг

начинали плакать, на одну напал безумный смех, который напугал меня куда больше, чем слезы, кое-кто падал в обморок. Но, повторяюсь, ничего ужасного. За эти годы мне удалось провести несколько примитивных экспериментов с биперами, сотовыми телефонами, часами, опять же, все обошлось. Слава богу. — Он вновь помолчал, потом добавил спокойным, бесстрастным тоном: — Одна из них ослепла.

— Что?

— Горничная ослепла. Ромми ван Гелдер. Она стирала пыль с телевизора и вдруг начала кричать. Я спросил ее, что случилось. Она бросила тряпку, подняла руки к глазам и прокричала, что ослепла... но может видеть какие-то ужасные цвета. Они исчезли, как только я вывел ее из номера, а когда мы дошли до лифта, к ней начало возвращаться зрение.

— Вы рассказываете все это, чтобы напугать меня, мистер Олин, не так ли? Чтобы я не оставался ночевать в номере 1408?

— Да нет. Вы же знаете историю номера, начиная с самоубийства его первого жильца.

Майк знал. Кевин О'Молли, коммивояжер, продававший швейные машинки, покончил с собой 13 октября 1910 года, оставив жену и семерых детей.

— Пятеро мужчин и одна женщина выпрыгнули из единственного окна номера, мистер Энслин. Три женщины и один мужчина приняли смертельную дозу снотворного, двоих нашли в кровати, двоих — в ванной, женщину — в ванне, мужчину — сидящим на унитазе. Еще один мужчина повесился в стенном шкафу в 1970...

— Генри Сторкин, — вставил Майк. Это, вероятно, случайная смерть... эротическая асфиксия.

— Возможно. Но был еще Рандольф Хайд, который перерезал себе вены, а потом, истекая кровью, едва ли не полностью отхватил гениталии. Вот это уже не эротическая асфиксия. Я вот о чем толкую, мистер Энслин, если двенадцать самоубийств, совершенных в этом номере за шестьдесят восемь лет, не убедили вас отказаться от вашей затеи, сомневаюсь, что ахи и стоны горничных окажутся более действенными.

«Ахи и стоны — это хорошо», — подумал Майк, решив, что эти слова его книге не помешают.

— Редко кто из семейных пар, останавливающихся за эти годы в 1408-м, вновь просили дать им этот номер. — Олин одним глотком допил виски.

— За исключением близняшек-французенок.

— Это правда, — он кивнул, — Ви и Си бывали там часто.

Майка не волновали горничные и их... как там сказал Олин? Их ахи и стоны. Конечно, количество самоубийств, перечисленных Олином, производило впечатление... коли уж Майк был столь толстокожим, не сам факт, так глубинный смысл происшедшего. Только никакого глубинного смысла не было. У вице-президентов Авраама Линкольна и Джона Кеннеди была одна фамилия — Джонсон. Линкольна и Кеннеди избрали президентами в год, заканчивающийся на числе 60. Линкольна убили в театре Кеннеди, Кеннеди — в автомобиле «линкольн». И что доказывают эти совпадения? Ровным счетом ничего.

— Эти самоубийства найдут достойное отражение в моей книге, — ответил Майк, — и поскольку диктофон выключен, могу сказать вам, что они — пример явления, которое статистики называют «групповой эффект».

— Чарлз Диккенс называл это «картофельным эффектом», — вставил Олин.

— Простите?

— Когда призрак Джейкоба Марли впервые заговаривает со Скруджем, Скрудж говорит ему, что он всего лишь капля горчицы на куске недоваренной картофелины.

— Полагаете, это смешно? — В голосе Майка зазвучали ледяные нотки.

— В том, что связано с номером 1408, мистер Энслин, я ничего смешного не нахожу. Абсолютно ничего. Слушайте внимательно. Сестра Ви, Селеста, умерла от сердечного приступа. К этому моменту она уже страдала болезнью Альцгеймера средней степени, а заболела ею в очень раннем возрасте.

— Однако ее сестра-близняшка в полном порядке, о чем вы упомянули чуть раньше. Более того, являет собой пример реализации американской мечты. Как и вы, мистер Олин, если судить по внешнему виду. При том, что вы многократно заходили в номер 1408 и выходили из него. Сколько раз? Сто? Тысячу?

— На очень короткое время, — уточнил Олин. — Знаете, ситуация та же самая, что с комнатой, заполненной ядовитым газом. Если задержишь дыхание, все будет в порядке. Вижу, сравнение вам не по душе. Вы, вероятно, находите его вычурным, даже нелепым. Однако, поверьте, это очень удачное сравнение.

Он сложил пальцы домиком под подбородком.

— Возможно, некоторые люди быстрее и сильнее реагируют на обитателя этого номера. Вы ведь знаете, среди увлекающихся подводным плаванием одни люди переносят изменение наружного давления гораздо легче других. «Дельфин» открылся без малого сто лет назад, и за это время персонал отеля пришел к твердому убеждению, что 1408-й — отравленный номер. Он стал частью истории этого дома, мистер Энслин. Никто не говорит о нем, как никто и не упоминает, что четырнадцатый этаж, это, кстати, свойственно большинству отелей, на самом деле тринадцатый... но все сотрудники это знают. Если обнародовать все факты, связанные с этим номером, получится потрясающая история... только вряд ли ваши читатели получают от нее удовольствие.

Я например, не сомневаюсь, что едва ли не в каждом отеле Нью-Йорка случались самоубийства, но готов поспорить на свою жизнь, только в «Дельфине» двенадцать человек покончили с собой в одном номере. Кстати, оставляя за кадром Селесту Романдю, нельзя сбрасывать со счетов смерть постояльцев 1408-го номера от естественных причин. Так называемых естественных причин.

— И сколько их было? — Мысль, что в 1408-м люди умирали и от так называемых естественных причин, не приходила Майку в голову.

— Тридцать, — ответил Олин. — Как минимум тридцать. Мне точно известно о тридцати.

— Лжете! — Слова сорвались с губ Майка, прежде чем он успел их остановить.

— Нет, мистер Энслин, заверяю вас, не лгу. Или вы действительно думали, что мы держим номер пустым из-за суеверий или нелепой нью-йоркской традиции... может, идеи, что в каждом старом отеле должен обитать хоть один призрак, звенящий в своем номере невидимыми цепями?

Майк Энслин осознал, что такая идея, пусть и не сформулированная, безусловно, присутствовала на страницах его новых «Десяти ночей». И раздражение в голосе Олина (должно быть, так же раздраженно ученый разговаривал бы с туземцем, размахивающим гадалочной доской) не добавило Майку спокойствия.

— В гостиничном бизнесе есть суеверия и традиции, мистер Энслин, но мы не позволяем им мешать делам. Когда я только начинал работать, на Среднем Западе еще говорили: «Когда скотоводы в городе, пустующих номеров нет». Если номер освобождается, мы его тут же заполняем. Единственное исключение, которое я сделал из этого правила, и наш разговор — единственный на эту тему, номер 1408, на тринадцатом этаже, сумма цифр на двери которого равняется тринадцати.

Олин пристально смотрел на Майка Энслина.

— В этом номере случались не только самоубийства — инсульты, инфаркты и эпилептические припадки. Один мужчина, остановившийся в нем, это случилось в 1973 году, утонул в тарелке супа. Вы скажете, что такого просто не может быть, но я разговаривал с человеком, работавшим тогда в службе безопасности отеля и видевшим свидетельство о смерти. Неведомая сила, обитающая в номере, вроде бы слабеет к полудню, в расчетный час, когда обычно сменяется постоялец, и, однако, я знаю нескольких горничных, прибиравшихся в номере, теперь страдающих от сердечных болезней, эмфиземы, диабета. Три года назад на этаже забарахлила система отопления, и мистеру Нилу, тогда главному инженеру отеля, пришлось зайти в несколько номеров, чтобы проверить отопительные приборы, в том числе и в 1408-м. Он прекрасно себя чувствовал и в самом номере, и потом, но на следующий день умер от массивного кровоизлияния в мозг.

— Совпадение, — отмахнулся Майк. Но ему пришлось признать, что Олин — мастер своего дела. Будь он вожатым летнего лагеря, до того бы перепугал детей, что после первого круга историй о призраках у лагерного костра девяносто процентов запросилось бы домой.

— Совпадение, — повторил Олин тихим голосом, с ноткой сожаления к собеседнику. Протянул старомодный ключ, со-

единенный кольцом с не менее старомодной латунной пластиной. — У вас с сердцем все в порядке, мистер Энслин? С давлением, с нервами?

Майк обнаружил, что ему потребовалось приложить немало усилий, чтобы поднять руку... но стоило заставить ее двигаться, все пошло как по маслу. И когда брал ключ, пальцы его, насколько он мог судить, совершенно не дрожали.

— Претензий нет. — Майк зажал в кулаке латунную пластину. — А кроме того, на мне счастливая гавайская рубашка. Зря, что ли, я ее надевал?

Олин настоял на том, чтобы проводить Майка на четырнадцатый этаж, впрочем, тот особо не возражал. Ему хотелось понаблюдать за трансформацией мистера Олина, когда они покинули бы его уютный кабинет и зашагали по коридору к лифтам, хотелось увидеть, как он вновь превратится в несчастного менеджера отеля, бедолагу, попавшего в писательские когти.

Мужчина в смокинге — Майк догадался, что это управляющий ресторана или метрдотель, — остановил их, протянул Олину несколько листков, что-то прошептал на французском. Олин ответил также шепотом, на том же языке, кивнул, быстро расписался на каждом из листков. В баре пианист играл «Осень в Нью-Йорке». С такого расстояния звук долетал до них эхом, словно музыка, которую слышишь во сне.

Мужчина в смокинге со словами «*Merci bien*»* повернулся и пошел по своим делам. Олин вновь попросил разрешения донести до номера маленький чемоданчик, и Майк опять ответил отказом. В лифте взгляд Майка, как магнитом, притянуло к тройному ряду кнопок. На каждой кнопке — цифры, все, как положено, и надо приглядеться повнимательнее, чтобы заметить, что за кнопкой 12 следует кнопка 14. «Словно, — думал Майк, — они лишили промежуточное число права на существование, убрав его с панели управления лифтом. Глупость... и, однако, правота на стороне Олина. Такое можно увидеть в отелях по всему миру».

— Мистер Олин, — нарушил затянувшуюся паузу Майк, когда кабина пошла вверх. — Мне любопытно. Почему вы не поселили в 1408-м фиктивного постояльца, если уж этот номер

* *Merci bien* — премного благодарен (фр.).

так вас пугает? Или другой вариант, почему вы не записали этот номер на себя?

— Полагаю, боялся, что меня обвинят в мошенничестве если не сотрудники официальных органов и активисты организаций, защищающих гражданские права (поверьте, менеджеры отелей вздрагивают при упоминании о законах, обеспечивающих гражданские права, совсем как ваши читатели, которым ночью слышится звон цепей), то мои боссы, как только до них дошла бы такая информация. Если я не смог убедить вас держаться подальше от номера 1408, сомневаюсь, что мне бы удалось достичь лучших результатов, убеждая совет директоров «Стэнли корпорейшн» в правомерности своего решения никого не селить в этот номер из-за страха перед призраками, из-за которых заезжий коммивояжер выпрыгнул из окна и разбился в лепешку об асфальт Шестьдесят первой улицы.

Майк нашел, что последняя тирада мистера Олина встревожила его больше всего. «Потому что он уже не пытается меня отговаривать, — подумал он. — Убедительность, достойная наилучшего коммивояжера, которой обладали его слова в кабинете, может, благодаря особой ауре, создаваемой персидским ковром, здесь исчезла. Компетентность осталась, да, это чувствовалось в его манере, когда он подписывал бумаги, а вот умение убеждать — нет. Исчезла вместе с личным магнетизмом. Как только они вышли из кабинета. Но он верит, что в 1408-м кто-то или что-то есть. Верит безо всяких сомнений».

Над дверью погасло окошечко с числом 12 и зажглось следующее, с числом 14. Кабина остановилась. Двери разошлись, открыв обычный гостиничный коридор, устланный красно-золотым ковром (само собой, не персидским). Освещался коридор настенными светильниками, стилизованными под газовые фонари девятнадцатого века.

— Приехали, — сказал Олин. — Ваш этаж. Вы уж извините меня, но здесь я с вами расстанусь. 1408-й — по левую руку, в конце коридора. Без крайней на то необходимости я к нему не приближаюсь.

Майк Энслин вышел из кабины. Создалось ощущение, что ноги заметно потяжелели, словно и им не хотелось приближаться к номеру 1408. Повернулся к Олину, невысокому толстячку

в черном, сшитом по фигуре костюме и вязаном бордовом галстуке. Олин сцепил руки за спиной, и Майк увидел, что лицо у толстячка белое как молоко. На высоком, без единой морщины лбу выступили капельки пота.

— В номере, естественно, есть телефон, — выдавил из себя Олин. — Вы можете попробовать позвонить, если что-то случится... но я сомневаюсь, что он будет работать. Если только номер этого не захочет.

Майк попытался ответить шуткой, что ему не придется давать чаевые официанту бюро обслуживания, но язык стал таким же тяжелым, как и ноги.

Одна рука Олина вынырнула из-за спины, и Майк увидел, что она дрожит.

— Мистер Энслин. Майк. Не делайте этого. Ради бога...

Прежде чем он закончил фразу, двери лифта закрылись, отсекая его от собеседника. Майк какое-то время постоял в привычной тишине коридора нью-йоркского отеля на, пусть ни один сотрудник «Дельфина» в этом бы не сознался, тринадцатом этаже, колеблясь, не протянуть ли руку и не нажать кнопку вызова кабины.

Но нажми он кнопку, Олин бы победил. И на месте лучшей главы его новой книги появилась бы зияющая дыра. Читатели об этом бы не узнали, издатель и литературный агент тоже, как и адвокат Робертсон... но он бы знал.

И вместо того чтобы вызвать лифт, Майк поднял руку и коснулся сигареты за ухом, отвлекая себя от тревожных мыслей, а потом шелкнул пальцем по воротнику счастливой гавайской рубашки. И зашагал по коридору к номеру 1408, беззаботно помахивая маленьким чемоданчиком.

2

Самым интересным артефактом, оставшимся от короткого (семьдесят минут) пребывания Майка Энслина в номере 1408, стала одиннадцатиминутная запись, сохранившаяся на мини-диктофоне. Сверху он немного обуглился, но пленка не пост-

радала. Удивительно, но на пленке, если говорить о содержании, практически ничего не записано, а то, что все-таки записалось, более чем странно.

Мини-диктофон ему подарила бывшая жена, они расстались по взаимному согласию, друзьями, пять лет назад. Майк взял его с собой в свою первую экспедицию (на ферму Рилсби в Канзас) в качестве довеска к пяти большим блокнотам и кожаному футляру с остро заточенными карандашами. Но когда он подошел к двери номера 1408 отеля «Дельфин», за его плечами были три книги, поэтому ручка и маленький блокнот лишь дополняли пять чистых девяностоминутных кассет. Шестую он вставил в мини-диктофон перед тем, как выйти из квартиры.

Выяснилось, что магнитофонная запись куда лучше исписанных страниц блокнота: она сохраняла нюансы, которые не могла отразить бумага. К примеру, посвист рассекающих воздух летучих мышей, которые в отличие от призраков атаковали его в замке Гартсби. И его крики, прямо-таки девушки, впервые попавшей в дом с привидениями. Друзья хохотали до упаду, слушая эту запись.

Записывать собственные впечатления на магнитную пленку, а не в блокнот оказалось легче и проще, особенно если ты мерзнешь на кладбище Нью-Брансуика, а в три часа ночи твоя палатка рушится от резкого порыва ветра с дождем. Записывать в таких условиях нельзя, а вот говорить — пожалуйста... что Майк и делал — говорил и говорил, выбиваясь из-под мокрой парусины палатки, ни на мгновение не теряя из виду такой милый сердцу красный огонек мини-диктофона. За годы, проведенные в экспедициях, мини-диктофон «Сони» стал его близким другом. На тоненькую пленку, бегущую между бобинами, ему ни разу не удалось записать свидетельство паранормального события, это относится и к отрывочным комментариям, сделанным им в номере 1408, однако он сроднился с маленьким устройством, которое, можно сказать, стало его неотъемлемой частью. Такое бывает. Дальнобойщики влюбляются в свои восемнадцатиколесные «кенуорты» и «джимми-питы», писатели души не чают в какой-нибудь ручке или старой пишущей машинке, профессиональные уборщицы не желают расставаться со старым пылесосом «Электролюкс». Майку, когда при нем находился мини-диктофон, играющий роль креста или связи

чеснока, ни разу не довелось столкнуться с настоящим призраком или психокинетическим явлением, зато вместе они провели много холодных ночей далеко не в самых приятных местах. Майк был законченным рационалистом, но это не мешало ему оставаться человеком.

Проблемы с 1408-м начались даже до того, как он вошел в номер.

Взглянув на дверь, Майк увидел, что она перекошена.

Перекошена лишь частично, слева. Этот перекос напомнил ему фильмы ужасов, в которых режиссер пытался показать психическое заболевание одного из героев, наклоня камеру в ту или другую сторону. За первой ассоциацией последовала другая: дверь на корабле во время сильной качки. Она наклоняется вперед и назад, вправо и влево, пока голова не начинает идти кругом, а к горлу не подкатывает тошнота. У него таких ощущений вроде бы не было, совсем не было, ну...

Нет, все-таки были. Но чуть-чуть.

И он об этом напишет в книге, хотя бы для того, чтобы отвергнуть инсинуации Олина, утверждавшего, что его рационализм не позволяет объективно писать о призраках и связанном с ними.

Он наклонился (отметил, что головокружение и тошнота моментально пропали, едва перекошенный участок двери исчез из поля зрения), расстегнул молнию, из бокового отделения чемодана достал мини-диктофон. Выпрямляясь, нажал на клавишу «RECORD», увидел зажегшийся красный глазок и уже открыл рот, чтобы сказать: «Дверь номера 1408 встречает меня уникальным образом, частичным перекосом слева».

Произнес первое слово «дверь» и замолчал. Если вы послушаете пленку, то услышите его и щелчок клавиши «STOP». Потому что перекос исчез. Майк видел перед собой четкий прямоугольник. Повернулся, посмотрел на дверь номера 1409 через коридор, потом вновь перевел взгляд на 1408-й. Обе двери выглядели одинаково, белые, с золотыми табличками и ручками. Никаких перекосов — по четыре прямых угла, соединенных прямыми линиями.

Майк опять наклонился, рукой, в которой держал мини-диктофон, подхватил чемоданчик, другую руку с ключом протянул к замку — и замер.

Вновь появился перекося.

На этот раз справа.

— Это нелепо, — пробормотал Майк, но тошнота вернулась. Тошнота, которая уже не напоминала морскую болезнь, а была ею. Два года назад он плавал в Англию на «Королеве Елизавете II», и одну ночь очень сильно штормило. Майк помнил, как лежал на кровати в своей каюте. Его мучило, но вырвать так и не удалось. И это тошнотворное головокружение только усиливалось, если он смотрел на дверь... или стул... или стол... которые так и ходили взад-вперед, вправо-влево...

«Во всем виноват Олин, — подумал Майк. — Именно этого он и добивается. Как следует накрутил. Завел. Как бы он смеялся, если б видел меня сейчас. Как...»

И тут до него дошло, что Олин, возможно, видит его в этот самый момент. Майк оглядел коридор, не заметив, что головокружение и тошнота исчезли, как только взгляд оторвался от двери. У потолка, слева от лифтов, увидел, что ожидал: камеру внутреннего наблюдения. Один из сотрудников службы безопасности отеля наверняка постоянно дежурил у мониторов, и Майк мог поспорить, что Олин сейчас стоит рядом с ним, оба смотрят на него и улыбаются, как обезьяны. «Это отучит его приходить сюда и качать права, да еще и натравливать на нас адвоката», — говорит Олин. «Вы только посмотрите! — восклицает сотрудник службы безопасности, его улыбка становится еще шире. — Бледный, как призрак, а ведь он еще даже не вставил ключ в замок. Вы его уели, босс! Он же дрожит, как лист на ветру».

«Черта с два, — подумал Майк. — Я оставался в доме Рилсби, спал в комнате, где убили двух членов его семьи... именно спал, поверьте вы мне или нет. Я провел ночь рядом с могилой Джеффри Дамера и еще одну неподалеку от могилы Г.П. Лавкрафта. Я чистил зубы рядом с ванной, в которой сэр Дэвид Смайт вроде бы утопил обеих своих жен. Я давно уже перестал бояться историй, которые рассказывают у костра в летнем лагере. Будь я проклят, если вы меня уели!»

Он посмотрел на дверь: четкий, безупречный прямоугольник. Пробурчал что-то неразборчивое, вставил ключ в замочную скважину, повернул. Дверь открылась. Майк вошел. Дверь не захлопнулась за ним, пока он искал на стене выключ-

чатель, не оставила в полной темноте (кроме того, сквозь окно проникал отсвет огней многоквартирного дома, высящегося напротив отеля). Выключатель он нашел. Когда нажал на клавишу, вспыхнули лампы подвешенной под потолком хрустальной люстры. Зажегся и торшер у стола в дальнем углу комнаты.

Окно располагалось над столом, чтобы тот, кто сидел за ним, мог оторваться от работы и взглянуть на Шестьдесят первую улицу... или спрыгнуть на Шестьдесят первую улицу, если вдруг возникнет такое желание. Только...

Майк поставил чемодан на пол у самого порога, закрыл дверь, нажал клавишу «RECORD». Загорелся маленький красный огонек.

— По словам Олина, шесть человек выпрыгнули из окна, в которое я сейчас смотрю, — начал Майк, — но этим вечером я не собираюсь нырять с четырнадцатого, простите меня, с тринадцатого этажа отеля «Дельфин». Окно забрано стальной или железной решеткой. Безопасность лучше еще одних похорон. По моему разумению, 1408-й относится к категории номеров, которые называются полулюкс. В комнате, где я нахожусь, два стула, диван, письменный стол, стойка с дверцами, за которыми скорее всего телевизор и мини-бар. Ковер на полу ничего особенного собой не представляет, можете мне поверить, не чета персидскому в кабинете Олина. На стенах обои. Они... один момент...

В эту секунду раздается очередной шелчок: Майк вновь нажимает на клавишу «STOP». Собственно, вся запись фрагментарна, состоит из отдельных отрывков, чем разительно отличается от более чем ста пятидесяти кассет, ранее надиктованных Майком и хранящихся у его литературного агента. Более того, с каждым новым отрывком меняется голос. Если начинал диктовать человек, занятый важным делом, потом он уступает место другому человеку, совершенно сбито с толку, плохо соображающему, который, того не замечая, уже разговаривает сам с собой. Рваный ритм записи в сочетании со все более бессвязной речью у большинства слушателей вызывает тревогу. Многие просят выключить пленку задолго до того, как запись, очень короткая, подходит к концу. Словами невозможно адекватно передать нарастающую убежденность слушателя, что диктую-

ший эту странную запись если не сходит с ума, то определенно утрачивает связь с окружающей его реальностью. Но даже эти слова дают понять: в номере 1408 что-то происходило.

В тот момент, когда Майк выключил мини-диктофон, он заметил картины на стенах. Их было три: дама в вечернем туалете двадцатых годов, стоящая на лестнице, парусник, летящий по волнам, и натюрморт с преобладанием желтого и оранжевого цветов: яблоки, бананы, апельсины. Все под стеклами и скособооченные. Он хотел упомянуть о них, но подумал: а стоит ли наговаривать на пленку про три скособооченные картины? Ведь и про перекошенную дверь хотел наговорить, да только выяснилось, что дверь совсем и не перекошена, просто в какой-то момент его подвели глаза, ничего больше.

Левый верхний угол картины с дамой на ступенях опустил-ся как минимум на дюйм относительно правого. Точно так же висел и парусник, с борта которого пассажиры наблюдали за летающими рыбами. А вот у желто-оранжевых фруктов, Майку казалось, что они освещены жарким экваториальным солнцем, солнцем пустыни, каким рисовал его Пол Боулс, левый верхний угол поднимался над правым. Взгляда, брошенного на картины, хватило, чтобы вновь появилась тошнота. Его это не удивило. Срабатывал рефлекс на определенную ситуацию. Он столкнулся с этим на «КЕ-2». Тогда Майку объяснили, что со временем человек привыкает к качке и «морская болезнь сходит на нет». Но Майк не провел в море достаточно времени, чтобы адаптироваться к качке, да, пожалуй, и не хотел. Вот и не удивился, когда скособооченные картины в гостиной номера 1408 вызвали у него рецидив морской болезни (в данном конкретном случае ее следовало бы назвать сухопутной).

Стекла картин покрывала пыль. По одному он провел пальцами, какое-то время смотрел на две параллельные полосы. На ощупь пыль казалась жирной, склизкой. «Как шелк перед загниванием», — пришло на ум, но и это сравнение он не собирался оставлять на пленке. Откуда он мог знать, каков на ощупь шелк, который вот-вот сгниет? На такие сравнения способен только пьяный.

Поправив картины, он отступил на шаг и вновь внимательно всмотрелся в каждую: женщина в вечернем туалете у двери,

ведущей в спальню, пароход, бороздящий одно из семи морей, слева от письменного стола, и наконец, отвратительно нарисованные фрукты у стойки с телевизором. Он ждал, что картины вновь скособочатся, а то и упадут на пол, как это случалось в фильмах вроде «Дома на холме призраков» или в некоторых сериях «Сумеречной зоны», но они висели ровно. При этом он признался себе, что не удивился бы, если б картины скособочились. По собственному опыту знал, что повторяемость заложена в природе вещей: люди, которые бросили курить (не отдавая себе отчета, он коснулся сигареты за ухом), хотят взяться за старое, картины, провисевшие скособоченными со времен, когда Никсон был президентом, стремятся вернуться в привычное положение. «И так они провисели долго, двух мнений тут быть не может, — думал Майк. — Если я сниму их со стен, то увижу за ними более темные, не выцветшие участки обоев. Может, ползут и какие-нибудь жучки-червячки, как бывает, если выворачиваешь из земли камень».

Он и сам не знал, откуда взялась эта шокирующая, отвратительная мысль, но перед мысленным взором возникли слепые белые черви, как гной, выползающие сквозь прямоугольники обоев, прикрытых картинами.

Майк поднес мини-диктофон ко рту, включил его на запись, сказал: «Такие мысли появились у меня в голове стараниями Олина. Он изо всех сил пытался напугать меня, сбить с толку, дезориентировать, и ему это удалось. Я не хотел...» Не хотел чего? Об этом можно только догадываться. Потому что на пленке следует короткая пауза, после которой Майк Энслин говорит ясно и отчетливо, чеканит: «Я должен взять себя в руки. Немедленно», — и следует щелчок выключения записи.

Он закрыл глаза, четыре раза глубоко вдохнул, задерживая воздух на пять секунд, прежде чем выдохнуть его. Раньше ничего похожего с ним не случалось: ни в домах, где вроде бы обитали призраки, ни на кладбищах или в замках, славящихся тем же. Какие там призраки, скорее речь могла идти о том, что он обкурился низкокачественной травкой.

«Это проделки Олина. Олин загипнотизировал тебя, но ты вырвался из его чар, — послышался в голове внутренний голос. — Ты должен провести чертову ночь в этом номере, и не только

потому, что в более интересном месте ты еще не бывал (даже без Олина ты близок к написанию лучшей истории десятилетия о призраках). Главное, ты не должен дать Олину выиграть. Ему и его лживой байке о тридцати людях, которые вроде бы здесь умерли, они не должны победить. Ты окажешься на коне — не он. Поэтому глубокий вдох... выдох. Глубокий вдох... выдох».

Он вдыхал и выдыхал порядка девяноста секунд, и когда вновь открыл глаза, почувствовал себя гораздо лучше, практически пришел в норму. Картины на стенах? Висят прямо. Фрукты в вазе? Такие же желто-оранжевые, разве что еще более отвратительные. Безусловно, фрукты из пустыни. Съешь один, и будешь дристать до посинения.

Он нажал клавишу «RECORD». Зажегся красный огонек. «На минуту-другую у меня закружилась голова. — Он двинулся к письменному столу. — Должно быть, похмелье после олинской болтовни. Но я могу поверить, что почувствовал чье-то присутствие. — Ничего такого он, разумеется, не чувствовал, но это был тот самый случай, когда можно диктовать не вздунается. — Воздух спертый. Но плесенью или пылью не пахнет. Олин говорил, что при уборке номер всякий раз проветривается, но прибираются быстро... и воздух спертый».

На письменном столе стояла пепельница, небольшая, из толстого стекла, какие встретишь в любом отеле, в ней лежал спичечный коробок. Разумеется, с отелем «Дельфин» на этикетке. Перед отелем стоял швейцар в давнишней, расшитой золотом униформе с эполетами, в фуражке, какую сейчас можно увидеть в баре для геев, угнездившейся на голове мотоциклиста, остальной наряд которого может состоять лишь из нескольких серебряных браслетов. По улице перед отелем катили автомобили другой эпохи: «паккарды» и «хадсоны», «студебекеры» и забавные «крайслер-ньюйоркеры».

— Спичечный коробок в пепельнице выглядит, словно перенесен сюда из 1955 года. — Майк сунул его в карман гавайской рубашки. — Я сохраню это как сувенир. А теперь пора впустить в номер свежий воздух.

Слышится стук, должно быть, он поставил мини-диктофон на письменный стол. Потом пауза, наполненная какими-то звуками, тяжелым дыханием. Наконец, скрип.

— Победа! — слышится издали, но потом голос приближается, должно быть, Майк берет мини-диктофон в руку. — Победа! Нижняя половина не хотела подниматься, словно ее заклинило, но верхняя опустилась без проблем. Я слышу шум транспортного потока на Пятой авеню, автомобильные гудки успокаивают. Где-то играет саксофон, возможно, перед «Плазмой» на другой стороне Пятой авеню, через два квартала. Эти звуки напоминают мне о брате.

Майк замолчал, глядя на маленький красный глаз. Вроде бы глаз этот в чем-то его обвинял. Брат? Его брат умер, еще один солдат, павший на табачной войне. И тут же Майк расслабился. Что с того? Были и призрачные войны, в которых Майк Энслин всегда выходил победителем. Что же касается Дональда Энслина...

— В действительности моего брата как-то зимой съели волки на Коннектикутской платной автостраде, — сказал он, рассмеялся и остановил запись. На пленке осталось кое-что еще, немного, конечно, но это было последнее связное предложение, смысл которого могли понять слушатели.

Майк развернулся, посмотрел на картины. Они висели ровно, хорошие маленькие картины. Застывшая жизнь... до чего же она отвратительна!

Он включил запись и произнес два слова: «Пылающие апельсины», нажал на клавишу «STOP», направился к двери, ведущей к спальне. Остановился около дамы в вечернем платье, а затем сунулся в темноту, ища на стене выключатель. Ему хватило мгновения, чтобы понять (на ощупь они как кожа, старая мертвая кожа) — с обоями, по которым скользила его ладонь, что-то не так, а потом пальцы нащупали выключатель. Спальню залил желтый свет подвешенной под потолком хрустальной люстры, чуть меньших размеров, чем в гостиной. На двуспальной кровати лежало желто-оранжевое покрывало.

«Зачем говорить прячься?» — спросил Майк в мини-диктофон и опять выключил запись. Переступил порог, зачарованный пылающей пустыней покрывала, холмами выпирающих из-под него подушек. Спать здесь? Ни в коем разе, сэр. Все равно что спать в гребаной застывшей жизни, спать в ужасной жаркой комнате Пола Боулса, которую ты не можешь увидеть, комнате для

сумасшедших, лишенных гражданства англичан, слепых от сифилиса, которым они заразились, трахая своих матерей, киноверсия с участием Лоренса Харви или Джереми Айронса, любого из этих актеров, ассоциирующихся с извращениями...

Майк нажал клавишу «RECORD», увидел загоревшийся красный глазок, сказал: «Орфей на орфейном кругу!» — и выключил запись. Приблизился к кровати. Покрывало желто-оранжево блестело. Обои, возможно, кремовые при дневном свете, впитали в себя желто-оранжевое сияние покрывала. По обе стороны кровати стояли тумбочки. На одной Майк увидел телефонный аппарат, черный, большой, с наборным диском. Отверстия для пальцев на диске напоминали удивленные белые глаза. На другой — блюдо со сливой. Майк включил запись: «Это не настоящая слива. Это пластмассовая слива», — и опять нажал на клавишу «STOP».

На покрывале лежало меню, которое желающие получить завтрак в номер оставляли на ручке двери. Майк присел на край кровати, стараясь не притрагиваться ни к ней, ни к стене, поднял меню. Старался не притрагиваться и к покрывалу, но провел по нему подушечками пальцев и застонал. Прикосновение вызвало у него ужас. Тем не менее он уже держал меню в руке. Увидел, что оно на французском, и хотя прошли годы с тех пор, как он изучал этот язык, понял, что одно из блюд, предлагавшихся на завтрак, — птицы, запеченные в дерьме. «Французы могут есть и такое», — подумал он, и безумный смех сорвался с его губ.

Он закрыл глаза, открыл.

Французский язык сменился русским.

Закрыл глаза, открыл.

Русский сменился итальянским.

Закрыл глаза, открыл.

Меню исчезло. С картинки на Майка смотрел маленький мальчик, с криком оглядывающийся на волка, вцепившегося в его левую ногу чуть повыше колена. Волк не отрывал взгляда от мальчика и напоминал терьера со своей любимой игрушкой.

«Я ничего этого не вижу», — подумал Майк, и, разумеется, не видел. Если он не закрывал глаз, то держал в руке меню с аккуратными английскими строчками, каждая из которых пред-

лагала полакомиться за завтраком тем или иным творением кулинарного искусства. Яйца во всех видах, вафли, свежие ягоды — никаких птиц, запеченных в дерьме. Однако...

Он повернулся, осторожно выскользнул из зазора между стеной и кроватью, который теперь казался узким, как могила. Сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался не только в груди, но и в шее и запястьях. Глаза пульсировали в глазницах. С 1408-м что-то не так, определенно что-то не так. Олин говорил про отравляющий газ, и теперь Майк на себе убедился в его правоте: кто-то заполнил номер этим газом или сжег гашиш, щедро одобренный ядом для насекомых. Все это, разумеется, проделки Олина, которому, конечно же, с радостью помогали сотрудники службы безопасности. Газ закачали через вентиляционные воздуховоды. Он не видел решеток, которые их закрывали, но сие не означало отсутствия в номере таковых.

Широко раскрывшимися испуганными глазами Майк оглядел спальню. С тумбочки, стоявшей слева от кровати, исчезла слива. Вместе с блюдом. Он видел лишь гладкую полированную поверхность. Майк повернулся, направился к двери, остановился. На стене висела картина. Полной уверенности у него не было, в таком состоянии он уже не мог бы твердо назвать и собственное имя, но вроде бы, войдя в спальню, никакой картины не заметил. Опять застывшая жизнь. Одна-единственная слива на оловянной тарелке посреди старого, грубо сколоченного из досок стола. На сливу и тарелку падал будоражащий желто-оранжевый свет.

«Танго-свет, — подумал Майк. — Свет, который заставляет мертвых подниматься из могил и танцевать танго. Свет, который...»

— Я должен выбраться отсюда, — прошептал он и, пошатываясь, вышел в гостиную. Вдруг осознал, что каждый шаг сопровождается чавкающими звуками, а пол становится все мягче.

Картины на стенах скособочились, но на этом изменения не закончились. Дама на лестнице стянула платье вниз, обнажила груди. Приподняла их руками. С сосков свисали капли крови. Смотрела она прямо в глаза Майку и яростно улыбалась, скаля зубы. На паруснике вдоль планширя рядом выстроились бледные мужчины и женщины. Крайний слева мужчина, сто-

ящий у самого носа, в коричневом костюме из шерстяной материи держал в руке шляпу. Расчесанные на прямой пробор волосы липли ко лбу. В лице читались ужас и пустота. Майк узнал его: Кевин О'Молли, первый жилец номера 1408, который выпрыгнул из этого окна в октябре 1910 года. Рядом с О'Молли стояли все те, кто отправился из этого номера в мир иной, выражением лиц они ничем не отличались от О'Молли. Поэтому напоминали родственников, создавали впечатление, будто являются членами большой семьи.

На третьей картине фрукты сменила отрубленная человеческая голова. Желто-оранжевый свет падал на запавшие щеки, запекшиеся губы, уставившиеся вверх, поблескивающие глаза, сигарету, заткнутую за правое ухо.

Майк рванул к двери. Чавканье при каждом шаге усиливалось, ноги даже проваливались в пол-трясину. Дверь, понятное дело, не открылась. Майк не запирал ее ни на замок, ни на цепочку, но она не желала открываться.

Тяжело дыша, Майк отвернулся от нее и побрел через гостиную к письменному столу. Видел, как колышутся занавески от притока воздуха через открытое окно, сам его открывал, но не чувствовал ни малейшего дуновения. Словно комната проглатывала свежий воздух. Слышал автомобильные гудки на Пятой авеню, но доносились они из далекого далека. А саксофон? Если звуки музыки и долетали до окна, комната крала мелодию, оставляя лишь мерное гудение. Так гудел бы ветер в продырявленной шее мертвеца, или в кувшине, наполненном отрубленными пальцами, или...

«Прекрати», — попытался сказать он, да только лишился дара речи. Сердце билось с невероятной частотой, если бы чуть-чуть ускорило бег, непременно разорвалось. Он больше не сжимал в руке мини-диктофон, верный спутник всех походов по «местам боевой славы». Где-то оставил. Если в спальне, то его уже наверняка нет, комната проглотила, чтобы переваренное высрать в одну из картин.

Жадно ловя ртом воздух, как бегун в конце длинной дистанции, Майк прижал руку к груди, чтобы чуть успокоить сердцебиение. И нащупал в левом нагрудном кармане цветастой рубашки «коробок» мини-диктофона. Прикосновение к прочно-

му и знакомому в какой-то степени привело его в чувство. Как выяснилось, он что-то бубнил себе под нос, а комната бубнила в ответ, словно миллионы ртов скрывались под отвратительными на ощупь обоями. До него вдруг дошло, что его сильно мутит и желудок готов вот-вот вывернуться наизнанку. Он чувствовал, что воздух сгущается, заполняя уши, превращаясь в вату.

Но в какой-то мере все-таки пришел в себя, во всяком случае, осознал: надо позвать на помощь, пока еще есть время. Мысль об ухмыляющемся Олине (как умеют ухмыляться менеджеры нью-йоркских отелей), о словах, которые он всенепременно услышит: «Я же вас предупреждал», — более не тревожила его, идея, что Олин вызвал эти странные ощущения, закачивая через вентиляционную систему отравляющий газ, вылетела из головы. Причина, конечно же, была в самом номере. Этом чертовом номере.

Он хотел резко протянуть руку к телефонному аппарату, двойнику того, что стоял в спальне, схватить трубку. В действительности же наблюдал, как рука плавно, будто в замедленной съемке, движется к столу — прямо-таки рука ныряльщика. Его даже удивило, что не видно пузырьков воздуха.

Пальцы сжались на трубке, подняли ее. Другая рука так же медленно двинулась к диску, набрала 0. Поднеся трубку к уху, он услышал серию щелчков: диск возвращался в первоначальное положение. Совсем как в «Колесе фортуны»: вы хотите вращать колесо или назовете слово? Помните, если вы попытаетесь назвать слово и ошибетесь, вас оставят в снегу рядом с Коннектикутской платной автострадой, на съедение волкам.

Гудка он не услышал. Зато в трубке раздался хриплый голос: «Это девять! Девять! Это девять! Девять! Это десять! Десять! Мы убили всех твоих друзей! Все твои друзья уже мертвы! Это шесть! Шесть!»

С нарастающим ужасом Майк вслушивался не в голос, а в заполняющую его пустоту. То был голос не машины, не человека — самого номера. Это неведомое изливалось из стен и пола, говорило с ним по телефону и не имело ничего общего ни с призраками, ни с паранормальными явлениями, о которых ему доводилось читать. Он столкнулся с чем-то совершенно чужим, рожденным не на Земле.

«Нет, его пока еще нет... но это нечто приближается. Оно голодно, а ты — обед».

Телефонная трубка вывалилась из разжавшихся пальцев, и Майк обернулся. Трубка болталась на конце провода, а желудка Майка сжимался и разжимался. Он слышал доносящиеся из трубки хрипы: «Восемнадцать! Уже восемнадцать! Укройся, когда раздастся сирена! Это четыре! Четыре!»

Не отдавая себе отчета, он достал сигарету из-за уха, сжал губами, вытащил из нагрудного кармана цветастой рубашки коробок спичек с золоченым швейцаром на этикетке — после девяти лет воздержания решился-таки закурить.

Комната перед ним начала расплываться.

Прямые углы и линии уступали место не кривым, а мавританским аркам, от взгляда на которые болели глаза. Хрустальная люстра под потолком трансформировалась в большую каплю слюны. Картины стали искривляться, принимая форму ветрового стекла автомобиля. На картине, что висела у двери в спальне, женщина в вечернем платье двадцатых годов, с кровоточащими сосками, скалящая зубы, повернулась и побежала вверх по лестнице, высоко вскидывая колени, — «женщина-вамп» из немого фильма. Телефон продолжал хрипеть, доносящиеся из трубки звуки буравили барабанные перепонки: «Пять! Это пять! Не обращай внимания на сирену! Даже если ты уйдешь из этого номера, ты никогда не покинешь этот номер! Восемь! Это восемь!»

Двери в спальню и в коридор сжались по высоте, расширились посередине, словно предназначались для бочкообразных существ. Свет становился ярче и жестче, наполняя комнату желто-оранжевым сиянием. Теперь Майк видел разрывы в обоях, черные поры, каждая из которых быстро превращалась в рот. Пол прогнулся вниз, Майк уже отчетливо чувствовал, что нечто совсем рядом, обитатель комнаты, существо, живущее в стенах, обладатель хриплого голоса. «Шесть! — орал телефон. — Шесть, это шесть, это гребаные ШЕСТЬ!»

Он посмотрел на коробок спичек в руках, тот самый, что взял с пепельницы на письменном столе. Забавный старый швейцар, забавные старые автомобили с хромированными радиаторными решетками... и слова, бегущие под картинкой, которых он давно уже не видел, потому что теперь абразивная полоска размещалась на оборотной стороне.

«ЗАКРОЙТЕ КОРОБОК ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЧИРКАТЬ СПИЧКОЙ».

Не думая, думать он уже не мог, Майк Энслин взял спичку, одновременно разлепив губы, отчего сигарета упала на пол. Чиркнул спичкой по абразивной полоске и тут же поднес ее к серным головкам остальных. «Ф-ф-ф-р-р» — вспыхнули спички, в голову ударили запахи горячей серы и нюхательной соли, яркий огонь заставил прищуриться. И также не думая, Майк поднял пылающий коробок к своей рубашке. Дешевая, сшитая в Корее, Камбодже или на Борнео, прослужившая ему не один год, рубашка мгновенно вспыхнула. Но прежде чем пламя достигло глаз, отсекло от него комнату, Майк увидел ее ясно и отчетливо, как человек, пробудившийся от кошмара, чтобы обнаружить, что кошмар окружает его со всех сторон.

Голова прочистилась, сильный запах серы и поднимающийся от горячей рубашки жар тому поспособствовали, но в гостиницы по-прежнему присутствовали безумные мавританские мотивы. Конечно, не мавританские, это определение и близко не подходило, но не было другого слова, которое хоть в малой степени описывало происшедшее здесь... по-прежнему происходящее. Он находился в меняющейся на глазах, гниющей пещере, пол, стены и потолок которой были в непрерывном движении, изгибались под немыслимыми углами. Дверь в спальню теперь вела во внутреннюю камеру саркофага. По его левую руку стена, на которой висел натюрморт, наклонялась к нему, шла трещинами, напоминающими большие рты, открывающиеся в мир, из которого приближалось нечто. Майк Энслин слышал его слюнявое, алчное дыхание, в нос бил запах чего-то живого и опасного. Почти такой же запах шел из львиной клетки в...

Языки пламени, начавшие лизать подбородок, оборвали мысль. Жар горячей рубашки вернул его в реальный мир, и, учуяв запах загоревшихся на груди волос, Майк вновь рванулся по ковру к двери в коридор. Стены с жужжанием завибрировали. Желто-оранжевый свет достиг пика яркости, словно чья-то рука до предела повернула невидимый реостат. На этот раз, когда он добрался до цели и повернул ручку, дверь открылась. Словно нечто потеряло всякий интерес к горящему человеку, — возможно, не любило жареного мяса.

3

Популярная песня пятидесятых утверждала, что любовь заставляет мир вращаться, хотя на эту роль куда больше подходит совпадение. Руфус Диаборн, который занимал номер 1414, работал коммивояжером в компании «Швейные машинки «Зингер». В Нью-Йорк приехал из Техаса, чтобы переговорить с руководством компании о переходе на должность управляющего. Так вот и вышло, что спустя девяносто лет после того, как первый жилец номера 1408 выпрыгнул в окно, другой продавец швейных машинок спас жизнь человеку, собиравшемуся написать главу книги о гостиничном номере, в котором обитали призраки. Возможно, это преувеличение. Майк Энслин, наверное, мог выжить, даже если бы в коридоре никого не оказалось, в частности коммивояжера, который возвращался в свой номер с ведерком, полным кубиков льда, выданных ему морозильным автоматом. Однако горящая на теле рубашка — не шутка, и Майк наверняка получил бы более серьезные и глубокие ожоги, если бы не Диаборн, который думал быстро, а действовал еще быстрее.

Надо отметить, Диаборн и сам в точности не помнил, как все произошло. Он придумал достаточно связную историю для газет и телевидения (роль героя ему очень даже приглянулась, опять же она повысила его шансы на высокую должность), и он отчетливо помнил, как в коридор выбежал объятый огнем человек. А вот после этого все ушло в туман. Он пытался восстановить цепочку событий, но получалось плохо. Так бывает, когда утром, с сильного похмелья, стараешься вспомнить, что же ты учудил прошлым вечером.

В одном он, правда, был уверен, но репортерам об этом ничего не сказал, потому что не мог найти логического объяснения. Крик горящего мужчины с каждым мгновением становился все громче, словно он видел перед собой не человека, а стереопроектор и кто-то поворачивал и поворачивал верньер звука. Выскочивший в коридор мужчина орал на одной ноте, но все громче и громче. Как такое могло быть, Диаборн понять не мог.

Но в тот момент он об этом и не думал. Бросился к горящему человеку с ведром, полным кубиков льда. Этот мужчина («У него горела только рубашка, я это сразу понял», — рассказывал Диаборн репортерам) ударился в дверь напротив той, из которой выбежал, его отбросило назад, он покачнулся, упал на колени. В это время к нему и подскочил Диаборн. Уперся ногой в плечо, толчком уложил на ковер. А потом вывалил на него содержимое своего ведерка.

Все это он уже помнил достаточно смутно. Правда, в памяти отложилось, что горящая рубашка излучала слишком уж много света, желто-оранжевого, напомнившего ему о путешествии в Австралию, куда они с братом ездили два года назад. Они взяли напрокат внедорожник и пересекли Великую австралийскую пустыню (некоторые туземцы, как выяснили братья Диаборны, называли ее Великим австралийским гнездом содомитов). Поездка удалась, впечатлений осталось масса, но иной раз было страшно. Особенно у большой горы в центре пустыни, Айерс-Рок*. Они подъехали к ней на закате солнца, и свет на высеченных на ее отвесных склонах мужских лицах... горячий и странный... заставлял думать, что он вовсе и не земной...

Он опустился на колени рядом с уже не горящим, а дымящимся, засыпанным кубиками льда мужчиной, перевернул на живот, чтобы погасить несколько язычков огня, добравшихся до спины. При этом заметил, что левая сторона шеи обгорела сильно, так же как и мочка уха, но в остальном, остальном...

Диаборн поднял голову, и ему показалось... безумие, конечно, но показалось, что комната, из которой выбежал мужчина, заполнена светом австралийского заката, горящим светом пустыни, где могли жить существа, никогда не попадавшие в глаза человеку. Он был ужасен, этот свет (как и низкое гудение, похожее на то, что слышится около линии электропередачи), но зачаровывал. Ему захотелось войти в распахнутую дверь. Посмотреть, что за ней.

* Айерс-Рок — самый большой в мире монолит из песчаника высотой до 348 м, длиной 3,6 км, шириной 2,9 км, общей площадью 486 га. Известная туристическая достопримечательность, меняет цвет в зависимости от освещения в течение суток.

Возможно, Майк тоже спас жизнь Диаборну. Заметил, как Диаборн поднимается, словно потерял к нему, Майку, всякий интерес, а на его лице отражается полыхающий, пульсирующий свет, идущий из номера 1408. Он запомнил это даже лучше самого Диаборна, но, разумеется, Руфусу Диаборну не пришлось поджигать себя, чтобы выжить.

Майк схватил Диаборна за штанину.

— Не ходите туда, — просипел он. — Вы оттуда не выйдете.

Диаборн остановился, посмотрел на красное, в волдырях лицо лежащего на ковре мужчины.

— Там призраки, — добавил Майк, и словно эти слова были заклинанием, дверь в 1408-й захлопнулась, отсекая свет и гуление.

Руфус Диаборн, один из лучших коммивояжеров компании «Швейные машинки «Зингер», побежал к лифтам и нажал кнопку пожарной тревоги.

4

В шестнадцатом номере журнала «Лечение ожоговых больных: диагностический подход» есть любопытная фотография Майка Энслина. Эта публикация появилась через шестнадцать месяцев после короткого пребывания Майка в номере 1408 отеля «Дельфин». На фотографии виден только торс, но это Майк, можно не сомневаться. Доказательство — белый квадрат на левой груди. Кожа вокруг ярко-красная, в некоторых местах волдыри. Белый квадрат аккурат под нагрудным карманом счастливой рубашки, которая была на Майке в тот вечер. В этом самом кармане и лежал мини-диктофон.

Он оплавился по углам, но по-прежнему работает, и пленка осталась в прекрасном состоянии. Чего нельзя сказать о том, что на ней записано. Агент Майка, Сэм Фаррелл, засунул кассету с записью в стенной сейф, отказываясь признавать, что от услышанного у него по коже побежали мурашки. В том сейфе она и лежит. У Фаррелла нет ни малейшего желания доставать ее и прослушивать самому или в компании друзей. Хотя неко-

торые из них сильно донимают его такими просьбами. Нью-Йорк — город маленький. Слухи разносятся быстро.

Ему не нравится голос Майка на пленке, ему не нравятся фразы и слова, которые произносит этот голос («Моего брата как-то зимой съели волки на Коннектикутской платной автострате...» — и что, скажите на милость, сие должно означать?), но больше всего ему не нравится шумовой фон... какое-то чавканье, бульканье, электрическое гудение... иногда что-то похожее на голос.

Майк еще находился в больнице, когда некий мужчина, Олин, подумать только, менеджер этого чертова отеля, пришел к Сэму Фарреллу и попросил разрешения прослушать запись. Фаррелл ответил отказом и посоветовал Олину как можно скорее выметаться из его кабинета и всю дорогу до своего клоповника благодарить Бога, что Майк Энслин решил не подавать в суд ни на Олина, ни на отель за преступную халатность.

— Я пытался убедить его не заходить в этот номер, — спокойно ответил Олин. Он привык выслушивать жалобы постояльцев на что угодно, начиная от вида из окон и заканчивая подбором журналов в газетном киоске, поэтому отповедь Фаррелла не произвела на него впечатления. — Я сделал все, что мог. Если кого и можно обвинять в преступной халатности, так это вашего клиента, мистер Фаррелл. Он слишком уж верил, что там ничего нет. Очень неблагоразумное поведение. Очень небезопасное поведение. Полагаю, теперь он получил хороший урок.

Несмотря на отвращение к записи, Фарреллу хотелось, чтобы Майк прослушал ее, обдумал, возможно, использовал как трамплин для написания новой книги. Книги о том, что случилось с Майком, не просто сорокастраничной главы, одной из десяти, а целой книги. Тираж которой, по мнению Фаррелла, оставит далеко позади тиражи всех трех уже изданных книг, вместе взятых. Разумеется, он не верит заявлению Майка, что писать тот больше не будет, не только книги о призраках, но и вообще. Такое время от времени говорят все писатели. Подобные выходки в духе примадонны и указывают на то, что имеется дело с настоящим писателем.

Что же касается Майка Энслина, то ему, можно сказать, еще повезло. И он это знает. Он мог бы обгореть куда сильнее. Если

бы не мистер Диаборн и его ведро со льдом, ему пришлось бы пройти через двадцать, а то и тридцать операций по пересадке кожи, вместо четырех. На левой стороне шеи пока остались рубцы, но доктора из Бостонского ожогового института заверили Майка, что со временем они сами по себе побелеют. Он также знает, что именно ожоги, при всей своей болезненности, при том, что заживали многие недели и месяцы, спасли ему жизнь. Если бы не спички с надписью «ЗАКРОЙТЕ КОРОБОК ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЧИРКАТЬ СПИЧКОЙ» на этикетке под изображением отеля «Дельфин», он был умер в номере 1408, и конец бы его ждал жуткий. Нет, врач зафиксировал бы инсульт или инфаркт, но в действительности смерть ему выпала бы гораздо более страшная.

Куда как более страшная.

Ему также повезло, что он опубликовал три книги о призраках до того, как сдуру вломился туда, где действительно обитало что-то непознанное... он знает и об этом. Сэм Фаррелл, возможно, не верит, что Майк как писатель кончился, но это не так и важно. Майк знает, и достаточно. Он не может написать почтовую открытку, не почувствовав, как его прошибает холодный пот, а желудок болезненно сжимается. Иногда одного взгляда на ручку (или на магнитофон) хватает, чтобы в голове мелькнула мысль: «Картины скособочились. Я пытался их выровнять». Он не знает, что это означает. Он не может вспомнить картины или что-то еще из интерьера номера 1408, и рад. Это счастье. С давлением в эти дни у него не очень (врач сказал ему, что после заживления ожогов у пациентов часто повышается давление, и назначил медикаментозное лечение), зрение тоже подводит (офтальмолог прописал капли), побаливает спина, увеличилась простата... но с этим можно жить. Майк знает, что он — не первый, который вышел из номера 1408, в действительности не покинув его, Олин пытался ему это сказать, но все не так уж и плохо. По крайней мере он не помнит. Иногда ему снятся кошмары, довольно часто (фактически каждую ночь, каждую гребаную ночь), но он редко помнит их, когда просыпается. Остается лишь ощущение, что все углы закруглялись, оплывали, как закруглились, оплыли от жара углы мини-диктофона. Сейчас он живет на Лонг-Айленде и, если погода хо-

рошая, подолгу гуляет вдоль берега. На одной из таких прогулок ему удалось внятно сформулировать впечатления, оставшиеся от короткого (семьдесят минут) пребывания в номере 1408. «В ней не было ничего человеческого, — срывающимся голосом поведал он набегаящим волнам. — Призраки... они хоть когда-то были людьми. А эта тварь в стене... эта тварь...»

Со временем его состояние улучшится, он, во всяком случае, на это надеется. Время затаит туманом случившееся, как уберет красноту со шрамов на его шее. А пока он спит, не выключая света в спальне, чтобы сразу понять, где находится, когда проснется от кошмара. Он убрал из дома все телефоны, потому что где-то в подсознании засел страх, боязнь, сняв трубку, услышать гудящий, хриплый, нечеловеческий голос: «Это девять! Девять! Мы убили всех твоих друзей! Все твои друзья уже мертвы!»

А когда ясным вечером солнце скатывается к горизонту, он закрывает все жалюзи и шторы. Сидит в темноте, пока часы не подсказывают ему, что день полностью сдал вахту ночи, светлой полоски не осталось даже там, где земля встречается с небом.

Его глаза не выносят закатного света.

Желтого, переходящего в оранжевый, как свет в австралийской пустыне.

«МЯСОРУБКА»

Давилка

Когда мы с братом Дэвидом были маленькие, наша мать работала на гладильном прессе в прачечной «Стратфорд лондри» в Стратфорде, штат Коннектикут. Она нам говорила, что есть такая машина, которую работники называют «мясорубка», и она опасна. Я тогда еще думал: «С таким названием — как ей не быть опасной?»

Мама уработывалась до смерти — и там, и в других прачечных с минимальной зарплатой, — чтобы ее мальчики могли закончить колледж. И первую работу после колледжа я нашел... в прачечной! В основном я занимался простынями из мотелей — суровая специальность, друзья мои! — но «мясорубку» мне приходилось видеть каждый день: конец, где осуществлялась подача белья, был всего в тридцати футах от моей большой автоматической стиралки. Она и вправду была опасной. Подтверждением тому был один из мастеров, Гарри Кросс, у которого вместо рук были крючья. Как-то в субботу во время Второй мировой войны он в нее свалился, как раз когда она работала. Так ему и достались крючья, которые он иногда держал под кранами умывальника в туалете (левый крюк под ГОРЯЧАЯ, правый под ХОЛОДНАЯ), а потом неожиданно прикладывал к спине какой-нибудь работающей на «мясорубке» девчонки. Сейчас такое называется «сексуальным домогательством», а Гарри это называл «подурачиться». Я не принимал ничью сторону; только все ломал голову, как он себе утром галстук завязывает (иногда меня интересовали и другие процессы, но не будем углубляться).

Учитывая мою привычку воображать себе худшее, можно не удивляться, что я представил себе «мясорубку»-вампира. Может

быть, неудивительно и то, что получившийся рассказ стал фильмом. Тоуб Хупер, который его снимал, в каком-то роде гений — «Техасская резня бензопилой» не оставляет в этом сомнений. Но когда гения заносит не туда — спасайся, кто может. Киноверсия «Мясорубки» энергична и красочна, но все-таки это каша, по которой пробирается Роберт (Фредди Крюгер) Инглунд, преследуя цели, которые мне неясны даже и сейчас. Кажется, он был одноглазый и хромым, но тут я могу ошибиться.

Видеоряд фильма сюрреалистичный, декорации — сногшибательные, но где-то в процессе (быть может, из-за огромного количества пара, выпускаемого механической звездой фильма) сама история затерялась. Невероятно жаль, потому что со «Жребием Салема» в его первом мини-сериальном воплощении Хупер сотворил чудо. Когда люди говорят о моих персонажах или сценах, напугавших их с экрана, они обычно вспоминают клоуна Пеннивайза, потом Кэти Бейтс в роли Энни Уилкс, а потом — парящих за окном вампиров из «Жребия».

Таких нестираемых образов в «Мясорубке» нет, но я все равно считаю ее лучшим рассказом из всех вами читанных, в которых гладильная машина так выглаживает сюжет. Ха-ха.

Офицер полиции Хантон добрался до фабрики-прачечной как раз в тот момент, когда от нее отъезжала машина «Скорой» — медленно, без воя sireны и мигалок. Дурной знак. Внутри, в конторе, толпились люди, многие плакали. В самой же прачечной не было ни души, а в самом дальнем конце помещения все еще работали огромные автоматические стиральные машины. Хантону это очень не понравилось. Толпа должна быть на месте происшествия, а не в офисе. Так уж повелось — животное под названием «человек» испытывало врожденное стремление любоваться останками. Стало быть, дела очень плохи. И Хантон почувствовал, как защемило у него в животе; так случалось всегда, когда инцидент бывал серьезным. Очень серьезным. И даже четырнадцать лет службы, связанной с уборкой человеческих останков с мостовых и улиц, а также с тротуаров возле очень высоких зданий, не смогли отучить желудок Хантона от этой скверной привычки. Точно в нем гнезвился какой-то маленький дьяволенок.

Мужчина в белой рубашке увидел Хантона и нерешительно двинулся ему навстречу. Бык, а не парень, с головой, глубоко ушедшей в плечи, с носом и щеками, покрытыми мелкой сетью полопавшихся сосудов — то ли от высокого кровяного давления, то ли от слишком частого общения с бутылкой. Он попытался сформулировать какую-то мысль, но обе попытки оказались неудачными, и Хантон, перебив его, спросил:

— Вы владелец? Мистер Гартли?

— Нет... Нет, я Стэннер, прораб. Господи, это же просто... Хантон достал блокнот.

— Пожалуйста, покажите, где это произошло. И расскажите, как именно.

Казалось, Стэннер побледнел еще больше — красноватые пятна на носу и щеках стали ярче и походили теперь на родимые.

— А я... э-э... должен?

Хантон приподнял брови.

— Боюсь, что да. Мне звонили и сказали, что все очень серьезно.

— Серьезно... — Похоже, Стэннер старался справиться с приступом тошноты — кадык так и заходил вверх и вниз, словно игрушечная обезьянка на палочке. — Погибла миссис Фраули. Господи, какой ужас! И Билла Гартли, как назло, не было...

— А как именно это случилось?

— Пойдемте... покажу, — сказал Стэннер.

И повел Хантона вдоль ряда ручных прессов, аппарата для складывания рубашек, а потом остановился возле стиральной машины. И поднес дрожащую руку ко лбу.

— Дальше сами, офицер. Я не могу... снова смотреть на это. У меня от этого... Просто не могу, и все. Вы уж извините.

Хантон прошел вперед, испытывая легкое чувство презрения к этому человеку. Содержат какую-то фабричку с жалким изношенным оборудованием, увиливают от налогов, пропускают горячий пар по всем этим трубам, работают с вредными химическими веществами без должной защиты, и в результате, рано или поздно, несчастный случай. Кто-нибудь ранен. Или умирает. А они, видите ли, не могут на это смотреть. Не могут...

И тут Хантон увидел.

Машина все еще работала. Никто так и не потрудился выключить ее. При ближайшем рассмотрении она оказалась ему знакома: полуавтомат для сушки и глаженья белья фирмы «Хадли-Уотсон», модель номер шесть. Вот такое длинное и нескладное название. Люди, работающие в этом пару и сырости, придумали ей лучшее имя: «Мясорубка»...

Секунду-другую Хантон смотрел на все это точно замороженный, затем с ним случилось то, чего еще не случалось на протяжении четырнадцати лет безупречной службы в полиции, — он поднес трясушую руку ко рту, и его вырвало.

— Ты почему почти ничего не ел? — спросил Джексон.

Женщины ушли в дом, гремели там тарелками и болтали с детьми, а Джон Хантон и Марк Джексон остались сидеть в саду,

в шезлонгах, возле дымящегося ароматного барбекю. Хантон улыбнулся краешками губ. Он не съел ни крошки.

— День выдался тяжелый, — ответил он. — Хуже еще не бывало.

— Автокатастрофа?

— Нет. Несчастный случай на производстве.

— Много крови?

Хантон ответил не сразу. Лицо его исказила страдальческая гримаса. Он достал пиво из стоявшего рядом дорожного холодильника, открыл бутылку и, не отрываясь, выпил половину.

— Полагаю, у вас в колледже профессора не слишком знакома с фабриками-прачечными?

Джексон хмыкнул:

— Отчего же, лично я очень даже знаком. Как-то студентом ишачил все лето, подрабатывая в прачечной.

— Тогда тебе должна быть известна машина под названием «полуавтомат для скоростного глаженья и сушки»?

Джексон кивнул:

— Конечно. Через нее прогоняют мокрое белье, в основном простыни и скатерти. Большая, длинная такая машина.

— Совершенно верно, — сказал Хантон. — И вот в нее угодила женщина по имени Адель Фраули. В прачечной под названием «Блю риббон»*. Ее туда затянуло.

Джексон побелел.

— Но... этого просто не могло случиться, Джонни. Технически невозможно. Там имеется предохранительное устройство, рычаг безопасности. Если женщина, подающая белье на сушку, вдруг нечаянно сунет туда руку, оно тут же срабатывает и выключает машину. По крайней мере так было на моей памяти.

— На этот счет и закон существует, — кивнул Хантон. — И тем не менее несчастье произошло.

Хантон устало закрыл глаза, и в темноте перед его мысленным взором снова возникла скоростная сушилка «Хадли-Уотсон», модель номер шесть. Длинная, прямоугольной формы коробка размером тридцать на шесть футов. С того конца, где осуществляется подача белья, непрерывной лентой ползет полот-

* «Blue Ribbon» — «Голубая лента».

но, над ним, под небольшим углом, предохранительный рычаг. Полотняная лента конвейера с размещенными на нем сырыми и измятыми простынями приводится в движение шестнадцатью огромными вращающимися цилиндрами, которые и составляют основу машины. Сначала белье проходит над восемью цилиндрами сверху, потом — под восемью снизу, сжимаясь между ними, точно тоненький ломтик ветчины между двумя кусочками разогретого хлеба. Температура пара в цилиндрах может достигать 300 градусов по Фаренгейту — это максимум. Давление на ткань, разложенную на ленте конвейера, составляет около 200 фунтов на каждый квадратный фут белья — таким образом оно не только сушится, но и разглаживается до самой последней мелкой складочки.

И вот неким непонятным образом туда затянуло миссис Фраули. Стальные детали, а также цилиндры с асбестовым покрытием были красными, точно свежескрашенный амбар, а пар, поднимавшийся от машины, тошнотворно пахивал кровью. Обрывки белой блузки и синих джинсов миссис Фраули, даже клочки бюстгалтера и трусиков выбросило из машины на дальнем ее конце, футах в тридцати: более крупные клочки ткани, забрызганные кровью, были с чудовишной аккуратностью разглажены и сложены автоматом. Но даже это еще не самое худшее...

— Машина пыталась сложить и разгладить все, — глухо произнес Хантон, чувствуя во рту горьковатый привкус. — Но ведь человек... это тебе не простынка, Марк. И то, что осталось от нее.... — Подобно Стэннеру, незадачливому прорабу, он никак не мог закончить фразы. — Короче, ее выносили оттуда в корзине... — тихо добавил он.

Джексон присвистнул:

— Ну и кому теперь намылят шею? Хозяину прачечной или государственной инспекционной службе?

— Пока не знаю, — ответил Хантон. Чудовищная картина все еще стояла перед глазами. Машина-«мясорубка», постукивая, шипя и посвистывая, гнала себе ленту конвейера, с бортов, выкрашенных зеленой краской, стекали потоки крови, и еще этот запах, жуткий запах пригорелой плоти... — Все зависит от того, кто дал добро на этот долбаный рычаг безопасности, а также от конкретных обстоятельств происшествия.

— Ну а если виноват управляющий, выпутаться они смогут, ты как считаешь?

Хантон мрачно усмехнулся:

— Женщина умерла, Марк. Если Гартли и Стэннер сэкономили на технике безопасности, на текущем ремонте и поддержании этой гладилки в нормальном состоянии, им светит тюрьма. И не важно, кто из их дружков сидит в городском совете. Все равно не поможет.

— А ты считаешь, они сэкономили?

Хантон вспомнил помещение «Блю риббон» — плохо освещенное, с мокрыми и скользкими полами, старым изношенным оборудованием.

— Полагаю, что да, — тихо ответил он.

Они поднялись и направились к дому.

— Держи меня в курсе дела, Джонни, — сказал Джексон. — Все же любопытно, как будут развиваться события.

Но Хантон заблуждался относительно машины-«мясорубки». Ей, фигурально выражаясь, удалось выйти сухой из воды.

Гладилку-полуавтомат осматривали шесть независимых государственных экспертов, деталь за деталью. И все они сошлись во мнении, что механизм абсолютно исправен. Предварительное следствие вынесло вердикт: смерть в результате несчастного случая.

После слушаний совершенно потрясенный Хантон припер, что называется, к стенке одного из инспекторов, Роджера Мартина. Этот Мартин был та еще штучка. Словно высокий бокал, воды в котором не больше, чем в низеньком, — слишком уж толстое двойное дно. Хантон задавал ему вопросы, а он поигрывал шариковой ручкой.

— Ничего? С этой машиной абсолютно все нормально?

— Абсолютно, — ответил Мартин. — Ну, естественно, вся загвоздка, вся суть, так сказать, дела сводилась к рычагу безопасности. Его проверили самым тщательным образом, и выяснилось, что он находится в прекрасном рабочем состоянии. Вы же сами слышали свидетельские показания миссис Джиллиан. Должно быть, миссис Фраули слишком далеко засунула руку. Правда, этого никто не видел, все были заняты работой. Она

закричала. Ладонь уже исчезла из виду, через секунду машина затянула всю руку до плеча. Женщина пыталась высвободить ее, вместо того чтобы просто отключить машину. Дело ясное, паника. Правда, одна из работниц, миссис Кин, утверждает, что *пыталась* выключить, но, очевидно, от волнения перепутала кнопки и было уже слишком поздно...

— Тогда, выходит, всему причиной этот злосчастный рычаг! Он просто не мог быть исправен, — решительно заявил Хантон. — Ну разве что только в том случае, если она положила руку не под него, а сверху...

— Такого просто быть не может. Над этим самым рычагом заслонка из нержавеющей стали. И сам рычаг был абсолютно исправен. И подключен к мотору. Стоит ему опуститься — и мотор в тот же миг отключается.

— Тогда как же такое могло произойти, скажите на милость?

— Понятия не имею. Мы с коллегами пришли к выводу, что погибнуть миссис Фраули могла только в одном случае. А именно: если бы свалилась на конвейер сверху. Но ведь когда все это произошло, она стояла на полу, причем обеими ногами. И сей факт подтверждает целая дюжина свидетелей.

— Стало быть, вы описываете нечто невероятное, чего никак не могло произойти в действительности, — сказал Хантон.

— Нет, отчего же... Просто мы не совсем понимаем, как это произошло... — Тут Мартин умолк, затем после паузы добавил: — Я вам вот что скажу, Хантон, раз уж вы воспринимаете все это так близко к сердцу. Только никому больше ни слова. Все равно все буду отрицать... Знаете, не понравилась мне эта машина. Она... Короче, мне почему-то показалось, что она над нами смеется. За последние лет пять мне пришлось проверить больше дюжины таких гладилок. Некоторые из них пребывали в столь прискорбном состоянии, что я бы и собаку без поводка к ним не подпустил. Но законы штата смотрят на такие вещи довольно снисходительно... И потом, эти гладилки были всего лишь машинами. Но эта... эта прямо привидение какое-то. Не знаю почему, но ощущение возникло именно такое. И если б удалось придраться хоть к чему-нибудь, найти хотя бы одну мелкую неисправность, я бы тут же приказал закрыть ее. Похоже на безумие, верно?

— Знаете, и я то же самое чувствовал, — сознался Хантон.

— Позвольте рассказать об одном случае в Милтоне, — сказал инспектор Мартин. Снял очки и начал протирать их краешком жилета. — Было это года два тому назад. Какие-то ребята вынесли на задний двор старый холодильник. Потом нам позвонила женщина и сказала, что в него попала ее собачка. Дверца захлопнулась, и животное задохнулось. Мы уведомили о происшествии полицию. Они отправили туда своего человека. Славный, видно, был парень, очень жалел ту собачонку. Погрузил ее в пикап прямо вместе с холодильником и на следующее утро вывез на городскую свалку. А в тот же день, чуть позже, звонит другая женщина, что жила по соседству, и заявляет о пропаже сына.

— О господи... — пробормотал Хантон.

— Холодильник находился на свалке, и в нем нашли ребенка. Мертвого. Такой чудесный был мальчуган. Тихий, послушный, если верить матери. Она утверждала, что сынишка не имел привычки садиться в машину к незнакомым людям или играть в пустых холодильниках. Однако же в этот почему-то залез... И мы списали на несчастный случай. Думаете, этим дело и кончилось?

— Думаю, да, — сказал Хантон.

— Так вот, ничего подобного. На следующий день работник свалки пошел к этому злосчастному холодильнику снять с него дверцу. Так предписывает распоряжение городских властей за номером 58, о порядке содержания предметов на городских свалках. — Мартин бросил на собеседника многозначительный взгляд. — Так вот, работник нашел внутри шесть мертвых птичек. Чайки, воробьи, одна малиновка. И еще сказал, что, когда выгребал их оттуда, дверца вдруг захлопнулась сама по себе и прищемила ему руку. Бедняга так и взвыл от боли. И сдается мне, что машина-«мясорубка» из «Блю риббон» — того же сорта штука. И мне это страшно не нравится, Хантон.

Они стояли и молча смотрели друг на друга в опустевшем вестибюле здания городского суда, в шести кварталах от того места, где гладильная машина-полуавтомат фирмы «Хадли-Уотсон», модель номер шесть, пыхтя парами и постукивая, трудилась над выстиранным бельем.

* * *

Прошла неделя, и несчастный случай в прачечной стал постепенно забываться — его вытеснила из головы Хантона рутинная полицейская работа. И вспомнил он о нем, лишь когда они вместе с женой зашли к Марку Джексону сыграть партию в вист и выпить пива.

Джексон приветствовал его со словами:

— Послушай, Джонни, а тебе никогда не приходило в голову, что в ту машину в прачечной могли вселиться злые духи?

— Что? — растерянно заморгал Хантон.

— Ну та скоростная гладилка из «Блю риббон». Тут явно прослеживается какая-то связь.

— Какая еще связь? — насторожился Хантон.

Джексон протянул ему номер *вечерней газеты* и *ткнул пальцем* в заметку, напечатанную на второй странице. В ней говорилось, что в прачечной «Блю риббон» произошел несчастный случай. Гладильная машина-полуавтомат обварила паром шестерых женщин, работавших на подаче белья. Инцидент произошел в 15.45 и приписывался внезапному подъему давления пара в котельной. Одну из работниц, миссис Аннет Джиллиан, отправили в городскую больницу с ожогами второй степени.

— Странное совпадение... — пробормотал Хантон, и в памяти вдруг всплыли слова инспектора Мартина, столь зловеще прозвучавшие в пустом помещении суда: *не машина, а прямо привидение какое-то*. И тут же вспомнился рассказ о собачке, мальчике и птичках, погибших в старом холодильнике.

В тот вечер он играл в карты из рук вон скверно.

Миссис Джиллиан полулежала, привалившись спиной к подушкам, и читала «Тайны экрана», когда к ней в палату зашел Хантон. Одна рука у женщины была забинтована полностью, часть шеи закрывал марлевый тампон. В палате на четыре койки у нее была всего одна соседка, молоденькая женщина с бледным лицом. Она крепко спала.

Завидев синюю форму, миссис Джиллиан сперва растерялась, затем выдавила робкую улыбку:

— Если вы к миссис Черников, то она сейчас спит, зайдите попозже. Ей только что дали лекарство и...

— Нет, я к вам, миссис Джиллиан. — Улыбка на лице женщины тут же увяла. — Я здесь, так сказать, неофициально. Просто любопытно знать, что произошло с вами в прачечной. — Он протянул руку. — Джон Хантон.

Жест и слова были выбраны безошибочно. Лицо миссис Джиллиан так и расцвело в улыбке, и она робко ответила на рукопожатие необожженной рукой.

— Всегда рада помочь полиции, мистер Хантон. Спрашивайте... О господи, а я уж испугалась, подумала, мой Энди опять чего в школе натворил.

— Расскажите подробно, как все произошло.

— Ну, мы прогоняли через гладилку простыни, и вдруг она как пыхнет паром! Так мне, во всяком случае, показалось. Я уже собиралась домой, думала, вот приду, выгуляю собачек, а тут вдруг «бах!», точно бомба какая взорвалась. И пар кругом, один пар, и такой шипящий звук... просто ужасно. — Уголки губ, растянутые в улыбке, жалобно задрожали. — Такое впечатление, словно эта гладилка дышит... как дракон. — Наша Альберта — ну Альберта Кин — вдруг как закричит: «Взрыв, взрыв!» — и все сразу забегали, закричали, а Джинни Джейсон начала верещать, что ее обварило. И я тоже побежала и вдруг упала. Просто не поняла тогда, что и меня сильно обожгло. Слава богу, еще так обошлось, могло быть куда как хуже. Горячий пар, под триста градусов...

— В газете писали, что была повреждена линия подачи пара. Что это означает?

— Ну, трубы, что проходят над головой, они подают пар в такой гибкий шланг, а уже оттуда он поступает в машину. Джо, то есть мистер Стэннер, сказал, что, должно быть, из котла произошел выброс. Давление поднялось, вот линия и не выдержала.

Хантон не знал, о чем спрашивать дальше. И уже собрался было уходить, как вдруг женщина нехотя добавила:

— Прежде такого с машиной никогда не случалось. Только последнее время. То пар, то этот ужасный, просто жуткий случай с миссис Фраули, Господь, да упокой ее душу. Ну и всякие другие мелкие происшествия. То вдруг платье у Эсси попало в приводную цепь. Тоже могло кончиться плохо, но она молодец, сообразила: тут же скинула его. То вдруг болт какой отва-

лится или еще чего. И Херб Даймент, это наш мастер по ремонту, так он с ней прямо замучился! То вдруг простыня застрянет между цилиндрами. Джордж говорит, это все потому, что в стиральные машины кладут слишком много отбеливателя, но ведь прежде такого никогда не случалось. И теперь наши девочки просто боятся на ней работать. Эсси говорит, что там застряли кусочки Адель Фраули и что работать на ней — просто кошунство, что-то вроде того... Ну, будто бы на этой машине лежит проклятие. С тех самых пор, как Шерри порезала руку о скобу.

— Шерри? — переспросил Хантон.

— Да, Шерри Квелетт. Хорошенькая такая девочка, пришла к нам после школы. И работница старательная, только немного неуклюжая. Ну знаете, как это бывает с совсем молоденькими девушками.

— Так она палец порезала? Что было?

— Да *ничего* особенного. У машины имеются такие скобы, придерживают ленту конвейера. И Шерри как раз возилась с этими скобами, хотела немного ослабить натяжение, потому как мы собирались загрузить плотную толстую ткань. Ну и, наверное, размечталась о каком-нибудь парне. Порезала палец. Глубоко так, прямо все кругом было в крови. — На лице миссис Джиллиан вдруг возникло растерянное выражение. — А потом... как раз после этого случая... и стали выпадать болты. А потом, примерно через неделю... несчастье с Адель. Словно машина попробовала вкус крови и он ей понравился. Вообще-то женщинам вечно лезет в голову разная чепуха, верно, офицер Хинтон?

— Хантон... — рассеянно поправил ее Джон, глядя пустым взором в потолок.

По иронии судьбы он в тот же день повстречался с Марком Джексонсом — в маленькой прачечной-автомате, что находилась неподалеку от их домов, и именно там между полицейским и профессором английской литературы состоялась прелюбопытнейшая беседа.

Они сидели рядом в пластиковых креслах, а их одежда вертелась за стеклами в барабанах стиральных машин, которые приводились в действие брошенной в шель монетой. На коле-

нях у Джексона лежал томик избранных произведений Милтона, но он совершенно забыл о великом поэте и внимал Хантону, который поведал ему о происшествии с миссис Джиллиан.

Наконец Хантон закончил, и Джексон сказал:

— Помнишь, я говорил тебе, а не может так быть, что эта машина-«мясорубка» заколдована? Конечно, то была лишь шутка... но только наполовину. И сейчас мне хочется задать тот же вопрос.

— Да нет, — пробурчал Хантон. — Глупости все это...

Джексон наблюдал за тем, как крутится за стеклянным окошком белье.

— Заколдована — это плохое слово. Не совсем точное. Скорее всего в нее вселились злые духи. На свете существует немало способов вселить демонов куда угодно. И ровно столько же — изгнать их оттуда. Ну, взять хотя бы «Золотой сук» Фрейзера, там описано немало подобных примеров. В сказках о друидах, в ацтекском фольклоре — тоже. Есть и более древние упоминания о подобных случаях, еще со времен Египта. И практически все они объединены хотя бы одним общим и обязательным условием. Для того чтобы вселить демона в неодушевленный предмет, нужна кровь девственницы. — Он покосился на Хантона. — Миссис Джиллиан сказала, все неприятности начались после того, как эта самая Шерри Квелетт поранила руку, верно?

— Да будет тебе, — сказал Хантон.

— Но, согласись, эта девушка вполне отвечает условиям, — улыбнулся Джексон.

— Прямо сейчас все брошу, поеду к ней и спрошу, — сказал Хантон и тоже улыбнулся краешками губ. — Так и вижу эту картину... «Здравствуйте, мисс Квелетт. Офицер полиции Джон Хантон. Я тут провожу одно небольшое расследование, выясняя, не вселились ли в гладильную машину демоны. И хотел бы знать, девственница вы или нет?» Как считаешь, успею я сказать Сандре с детишками «прощайте», перед тем как меня укутут в психушку, а?

— Готов поспорить, ты все равно примерно тем и кончишь, — заметил Джексон, но уже без улыбки. — Я серьезно, Джонни. Эта машина чертовски меня пугает, хоть я ни разу и не видел ее.

— Кстати, — заметил Хантон, — а ты не мог бы рассказать об остальных обязательных условиях?

Джексон пожал плечами.

— Ну, прямо так, с ходу, пожалуй, не смогу. Надо походить за книжками. Взять, к примеру, колдовские зелья. У ангелосаксов их изготавливали из грязи, взятой с могилы, или из глаза жабы. В европейских снадобьях часто фигурирует «рука славы», или, проще говоря, рука мертвеца. Или же один из галлюциногенов, используемых на ведьминских шабашах. Обычно это белладонна или же производное псилоцибина. Могут быть и другие.

— И ты считаешь, что все это могло попасть в гладильный автомат «Блю риббон»? Господи, Марк, да я руку готов дать на отсечение, что здесь, в радиусе пятисот миль, нет ни одного стебелька белладонны! Или же ты думаешь, что кто-то оторвал руку какому-нибудь дядюшке Фредди и сунул ее в эту треклятую гладилку?

— «Если семьсот обезьян засадить на семьсот лет за печатание на пишущей машинке...»

— Знаю, знаю. «Одна из них непременно напишет собрание сочинений Шекспира», — мрачно закончил за него Хантон. — Иди ты к дьяволу, Марк! Нет, лучше дойди до аптеки на той стороне улицы и наменяй там еще двадцатицентовиков для стиральной машины.

Джордж Стэннер потерял в «мясорубке» руку, и этому сопутствовали самые странные обстоятельства.

В понедельник в семь часов утра в прачечной не было никого, если не считать Стэннера и Херба Даймента, мастера по ремонту оборудования. Дважды в год они проводили профилактические работы — смазывали подшипники «мясорубки», перед тем как открыть фабрику-прачечную в обычное время, в 7.30. Даймент находился у дальнего ее конца, смазывал четыре вспомогательных подшипника и размышлял о том, какие неприятные ощущения вызывает у него в последнее время общение с этим механизмом, как вдруг «мясорубка»... ожила.

Он как раз приподнял четыре полотняные ленты на выходе, чтоб добраться до мотора, находившегося под ними, как вдруг ленты дрогнули и поползли у него в руках, сдирая кожу с ладоней и затягивая его внутрь.

За секунду до того, как руки его оказались бы втянутыми в машину, он резким рывком освободился.

— Какого черта! — завопил он. — Вырубите эту гребаную хреновину!

И тут Джордж Стэннер закричал.

Это был жуткий, леденящий душу крик, вернее, даже вой, разом наполнивший все помещение, эхом отдававшийся от металлических ликов стиральных автоматов, от усмехающихся пастей паровых прессов, от пустых глазниц огромных сушилок. Стэннер широко втянул раскрытым ртом воздух и снова закричал:

— *О Господи Иисусе! Меня затащило! ЗАТЯНУЛО...*

Тут из-под барабанов повалил пар. Колесики стучали и вертелись, казалось, что помещение и механизмы вдруг прорвало криком и потайная жизнь, доселе крившаяся в них, вдруг вырвалась наружу.

Даймент опрометью бросился к тому месту, где только что находился Стэннер.

Первый барабан уже зловеще окрасился кровью. Даймент тихо застонал, горло у него перехватило. А «мясорубка» завывала, стучала, шипела.

Непосвященному свидетелю происшествия могло бы показаться, что Стэннер просто стоит над машиной, склонившись под несколько странным углом. Но даже непосвященный свидетель непременно заметил бы затем, что лицо его побелело как мел, глаза выкачаны из орбит, а рот перекошен в протяжном болезненном крике. Рука уже исчезла под рычагом безопасности и первым барабаном, рукав рубашки был оторван полностью, до самого плеча, а верхняя часть руки как-то неестественно искривилась, и из нее хлестала кровь.

— Выключи! — прохрипел Стэннер. И тут хрустнула и сломалась плечевая кость.

Даймент ударил ладонью по кнопке.

«Мясорубка» продолжала стучать, рычать и вертеться.

Не веря своим глазам, Даймент бил и бил по этой кнопке. Безрезультатно... Кожа на руке Стэннера натянулась и стала странно блестящей. Вот сейчас она не выдержит, порвется — ведь барабаны продолжали вертеться. При этом, как ни странно,

Стэннер не терял сознания и продолжал кричать. И Дайменту почему-то вспомнилась сценка из мультфильма, где на человека наезжает паровой каток и раскатывает его в тоненький листик.

— Предохранитель!.. — взывл Стэннер. Голова его клонилась все ниже, машина неумолимо затягивала человека в свою утробу.

Даймент развернулся и кинулся в бойлерную. Крики Стэннера подгоняли его, точно злые духи. В воздухе стоял смешанный запах крови и пара.

Слева на стене находились три тяжелых серых шкафа с пробками от всей электросистемы прачечной. Даймент начал распахивать дверцы — одну за одной — и выдергивать подряд все длинные керамические цилиндры, отбрасывая их через плечо. Сперва вырубился верхний свет, затем — воздушный компрессор. Затем и сам бойлер — с тихим умирающим завыванием.

А «мясорубка» все продолжала вертеться. Крики Стэннера превратились в булькающие, захлебывающиеся стоны.

Тут на глаза Дайменту попал пожарный топорик, висевший на стене в застекленном шкафу. Тихо причитая, он схватил его и выбежал из бойлерной. Руку Стэннера сжевало уже до плеча. Еще секунда — и голова и неуклюже изогнутая шея будут раздавлены.

— Не получается! — пробормотал Даймент, размахивая топориком. — Господи, Джордж, что ж это такое!.. Я не могу, не могу!

Машина несколько уредила прыть. Лента выплюнула остатки рукава, куски мяса, палец Стэннера... Тот снова взывл — дико, протяжно, — и Даймент, взмахнув топориком, почти вслепую ударил им один раз. И еще раз. И еще.

Стэннер отвалился в сторону и медленно осел на пол. Он был без сознания. Лицо синюшное, из обрубка возле самого плеча потоком хлещет кровь... Машина со всхлипом втянула все, что от него осталось, в себя и... заглохла.

Рыдающий в голос Даймент выдернул из брюк ремень и начал сооружать из него «шину».

Хантон говорил по телефону с инспектором Роджером Мартином. Джексон краем глаза наблюдал за ним, терпеливо катая по полу мячик — ради удовольствия трехлетней Пэтти Хантон.

— Он выдернул все пробки?.. — переспросил Хантон. — Но ведь с выдернутыми пробками электричество отключается, разве нет?.. И гладилку отключил?.. Так-так, хорошо. Замечательно. Что?.. Нет, не официально. — Хантон нахмурился, покопался на Джексона. — Все вспоминается тот холодильник, Роджер... Да, я тоже. Ладно, пока! — Он повесил трубку и обернулся к Джексону: — Пришла пора познакомиться с нашей девушкой, Марк.

У нее была собственная квартира. Судя по робости, с какой она держалась, и готовности, с которой впустила их, едва Хантон показал полицейский значок, поселилась девушка здесь недавно. Затем она неловко пристроилась на краешке кресла напротив, в тщательно обставленной гостиной, напоминавшей картинку на открытке.

— Я офицер полиции Хантон, а это мой помощник, мистер Джексон. Я по поводу того случая в прачечной. — Он ощущал некоторую неловкость в присутствии этой хорошенькой и застенчивой темноволосой девушки.

— Ужасно, просто ужасно... — пробормотала Шерри Квелетт. — Вообще-то это первое место, где я пока работала. Мистер Гартли, он доводится мне дядей. И мне нравилась моя работа, потому что я смогла переехать в отдельную квартиру, принимать друзей... Но теперь... мне кажется, это место, «Блю риб-бон»... *нехорошее*.

— Комиссия по технике безопасности закрыла гладилку на то время, пока проводится расследование, — сказал Хантон. — Вы об этом знаете?

— Конечно. — Она беспокойно заерзала в кресле. — Просто ума не приложу, что теперь делать...

— Мисс Квелетт, — перебил ее Джексон, — у вас ведь тоже были проблемы с этой гладильной машиной или я ошибаюсь? Вы вроде бы поранили руку о скобу, верно?

— Да, порезала палец. — Тут вдруг лицо ее помрачнело. — Но это было только начало... — Она подняла на него печальные глаза. — С тех пор мне иногда кажется, что все остальные девушки меня вдруг разлюбили... словно я... в чем-то провинилась.

— Я вынужден задать вам очень трудный вопрос, мисс Квелетт, — медленно начал Джексон. — Вопрос, который вам наверняка не понравится. Он носит очень личный характер, и может показаться, что не имеет отношения к теме, но это не так, уверяю вас. Не бойтесь, можете отвечать смело, мы не записываем нашу беседу.

Теперь лицо ее отражало испуг.

— Я... с-делала что-то не так?..

Джексон улыбнулся и покачал головой, она сразу же расслабилась. *Господи, какое счастье, что я здесь с Марком*, подумал Хантон.

— Я бы еще добавил: ответ на этот вопрос может помочь вам сохранить эту славную квартиру, вернуться на работу и сделать так, что дела на фабрике-прачечной снова пойдут хорошо, как прежде.

— Ради этого я готова ответить на любой ваш вопрос, — сказала она.

— Шерри, вы девственница?

Похоже, она была совершенно потрясена, даже шокирована. Словно священник, к которому пришла на исповедь, вдруг отвесил ей пощечину. Затем подняла голову и обвела глазами комнату с таким видом, словно никак не могла поверить, могли ли они думать иначе.

А затем просто и коротко сказала:

— Я берегу себя для будущего мужа.

Хантон и Джексон молча переглянулись, и в какую-то долю секунды первый вдруг всем сердцем почувствовал, что все правда, что так оно и есть, что дьявол действительно вселился в неодошелушенный металл, во все эти крючки, винтики и скобы «мясорубки» и превратил ее в нечто, живущее своей собственной, отдельной жизнью.

— Спасибо, — тихо сказал Джексон.

— Ну, что теперь? — мрачно осведомился Хантон уже в машине. — Будем искать священника, чтоб изгнать демонов?

Джексон насмешливо фыркнул:

— Даже если и найдешь такого священника, дело кончится тем, что он даст тебе читать кучу разных трактатов, а сам тем

временем будет названивать в психушку. Мы должны справиться своими силами, Джонни.

— А справимся?

— Возможно. Проблема заключается в следующем. Мы знаем, что в машину вселилось нечто. А вот *что* именно — неизвестно... — Тут Хантон отчего-то весь похолодел, словно до него дотронулась бесплотная леденящая рука смерти. — Ведь демонов страшно много. Имеем ли мы дело с Бубастисом* или Паном**? Или же Баалом***? Или с христианским божеством, воплощением адских сил, под именем Сатана?.. Мы не знаем. Если б знать, кто подпустил этого демона и с какой целью, было бы проще. Но, похоже, он попал туда случайно.

Джексон пригладил ладонью волосы.

— Кровь девственницы, да, это понятно... Но сам этот факт еще ни о чем не говорит. Мы должны точно знать, с кем имеем дело.

— Зачем? — тупо спросил Хантон. — Почему бы не собрать разных снадобий и не попробовать изгнать это?

Лицо Джексона словно окаменело.

— Это не игра в грабителей и полицейских. Джонни! Ради бога, даже не думай! Ритуал изгнания дьявола — страшно опасная штука. Все равно что контролировать ядерную реакцию, чтобы тебе было понятнее. Мы можем ошибиться. И тогда погибнем. Пока что демон засел в этой машине. Но дай ему шанс, и он...

— Может вырваться наружу?

— Да он только об этом и мечтает... — мрачно протянул Джексон. — Ему нравится убивать.

Когда на следующий вечер Джексон заехал к нему, Хантон уговорил жену сходить с детьми в кино. Гостиная оказалась в полном их распоряжении, уже это несколько успокаивало. Хантону до сих пор с трудом верилось в то, что он оказался втянутым в такую странную затею.

* Бубастис — одна из ипостасей дьявола.

** Пан — в древнегреческой мифологии божество лесов, стад и полей, козлоног, покрытый шерстью. Раннее христианство причисляло Пана к бесовскому миру.

*** Баал — в древнесемитской мифологии демон засухи.

— Я отменил занятия, — сказал Джексон, — и весь день просидел за разными жуткими книжками. Ты даже вообразить себе не можешь, до чего страшные вещи там описаны. Выписал штук тридцать способов, объясняющих, как вызвать демонов, и ввел их в компьютер. И тот выдал результат — наличие общих обязательных элементов. Их оказалось на удивление мало.

Он показал Хантону список, в котором значились: кровь девственницы, земля с могилы, «рука славы», кровь летучей мыши, мох, собранный ночью, лошадиное копыто, глаз жабы.

Были и другие элементы, но они считались не главными.

— Лошадиное копыто... — задумчиво протянул Хантон. — Странно.

— Очень часто встречается. Вообще-то...

— А возможна ли... э-э... не слишком жесткая трактовка этих формул? — перебил его Хантон.

— К примеру, может ли лишайник, собранный ночью, заменить мох, да?

— Да.

— Что ж, вполне возможно, — ответил Джексон. — Магическая формула зачастую звучит весьма двусмысленно и допускает целый ряд отклонений. Черная магия всегда предоставляла простор для полета творческой мысли.

— Что, если заменить лошадиное копыто клеем марки «Джель-О»? — предположил Хантон. — Очень популярная на производстве штука. Сам видел банку такого клея в тот день, когда погибла эта несчастная миссис Фраули. Стояла под платформой, на которой закреплена гладилка. Ведь желатин делают из лошадиных копыт.

Джексон кивнул.

— Что еще?

— Кровь летучей мыши... Так, помещение там просторное. Множество всяких неосвещенных закоулков и подсобок. А потому вероятность обитания летучих мышей в «Блю риббон» довольно высока, хотя администрация вряд ли признается в этом. Одна из таких тварей могла свободно залететь в «мясорубку».

Джексон откинул голову на спинку кресла и протер покрасневшие от усталости глаза.

— Да, вроде бы сходится... все сходится.

— Правда?

— Да. Ну, «руку славы», как мне кажется, можно благополучно исключить. Никто не подкидывал руку мертвеца в гладиолку вплоть до гибели миссис Фраули, а то, что в наших краях не растет белладонна, так это определено.

— Земля с могилы?

— А ты как думаешь?

— Вообще-то здесь просматривается некая связь, — пробормотал Хантон. — Ближайшее кладбище «Плезант хилл» находится в пяти милях от «Блю риббон».

— О'кей, — кивнул Джексон. — Я попросил девушку, работавшую на компьютере — бедняжка, она была уверена, что я готовлюсь к Хэллоуину, — поделить все эти элементы из списка на первичные и вторичные. Во всех возможных комбинациях. Затем выбросил дюжины две, которые выглядели совершенно абсурдными. А все остальные распределились на вполне четкие категории. И элементы, о которых мы только что толковали, вписываются в одну из комбинаций. Я имею в виду один из способов изгнания.

— И каков же он?

— О, очень прост. В Южной Америке существуют центры, исповедующие различные мистические верования. Имеют подразделения на Карибах. Обряды по виду сходные. В книгах, которые я просмотрел, их божества рассматриваются как некие злые духи, обитающие в лесу, ну, типа тех, которых африканцы называют Саддат, или Оно-Которое-Не-Имеет-Имени. И вот это самое «оно» вылетит у нас из машины пулей, и глазом моргнуть не успеешь.

— Да, но как мы это сделаем?

— Нужна лишь капля святой воды да крошка облатки, которую используют при причастии. Ну и заодно прочитаем им вслух из книги Левита*. Самая настоящая христианская белая магия.

— Может, от этого только хуже станет?

— С чего бы это? Не вижу причин, — задумчиво заметил Джексон. — К тому же, должен сознаться, меня несколько беспокоит отсутствие в нашем списке «руки славы». Это очень мощный элемент черной магии.

* «Левит» — третья книга Ветхого Завета.

— Святой водой не побороть, да?

— Да. Демон, вызванный «рукой славы», способен сожрать на завтрак целую кипу Библий! С ним мы можем нарваться на большие неприятности. Вообще, лучше всего разобрать эту дьявольскую машину на части, и все дела.

— А ты совершенно уверен, что...

— Нет. Не совсем. И однако же, доля уверенности существует. Все вроде бы сходится.

— Когда?

— Чем раньше, тем лучше, — ответил Джексон. — Как мы туда попадем? Выбьем стекло?

Хантон улыбнулся, полез в карман, вытащил оттуда ключик и помахал им перед носом Джексона.

— Где раздобыл? У Гартли?

— Нет, — ответил Хантон. — У инспектора службы технадзора Мартина.

— Он знает, что мы затеяли?

— Кажется, подозревает. Пару недель назад рассказал мне одну любопытную историю.

— О «мясорубке»?

— Нет, — ответил Хантон. — О холодильнике. Ладно, идем.

Адель Фраули была мертва; лежала в гробу, сшитая из кусочков терпеливыми и старательными служащими морга. Но часть ее души могла остаться в машине, и если бы это было действительно так, то сейчас эта душа должна была бы исходить криком. Она должна была знать, должна предупредить их. Миссис Фраули страдала несварением желудка и для того, чтобы избавиться от этого зауядного недуга, принимала весьма зауярдное лекарство — таблетки под названием «Гель Е-Z», коробочку с которыми можно было приобрести в любой аптеке за семьдесят девять центов. Правда, сбоку на коробочке значилось противопоказание: людям, страдающим глаукомой, принимать «Гель Е-Z» нельзя, поскольку содержащиеся в нем активные ингредиенты могли привести к ухудшению состояния. Но, к несчастью, Адель Фраули не обратила внимания на эту надпись. И ей следовало бы помнить, что незадолго до того, как Шерри Квелетт порезала палец, она, Адель, случайно уронила в маши-

ну полный коробок этих таблеток. Теперь же она была мертва и ведать не ведала о том, что активным ингредиентом, снимавшим боли в желудке, являлось химическое производное белладонны, растения, известного во многих европейских странах под названием «рука славы».

Внезапно в полной тишине фабрики-прачечной «Блю риб-бон» раздался зловещий булькающий звук. Летучая мышь, словно безумная, метнулась к своему убежищу — щели между проводами над сушилкой, куда тут же забились и прикрыла мордочку широкими крыльями.

Звук походил на короткий смешок.

И тут вдруг «мясорубка» со скрежетом заработала — лента конвейера побежала в темноту, выступы и зубчики, сцепляясь друг с другом, завертелись, тяжелые цилиндры с форсунками для пара начали вращаться.

Она их ждала.

Хантон въехал на автостоянку в самом начале первого — луна скрылась за чередой медленно ползущих по небу темных туч. Он одновременно выключил фары и ударил по тормозам — так резко, что Джексон едва не стукнулся лбом о ветровое стекло.

Затем выключил зажигание, и тут оба они слышали мерное постукивание.

— Это «мясорубка», — тихо произнес Хантон. — Да, она. Завелась сама по себе и работает посреди ночи.

Какое-то время они сидели молча, чувствуя, как в души их медленно и неумолимо закрадывается страх.

Наконец Хантон сказал:

— Ладно, идем. За дело.

Они выбрались из машины и подошли к зданию — стук «мясорубки» стал громче. Вставляя ключ в замочную скважину, Хантон вдруг подумал, что машина издает звуки, свойственные живому существу. Словно дышит, жадными горячими глотками хватая воздух, словно разговаривает сама с собой свистящим насмешливым полусшепотом.

— А знаешь, мне почему-то вдруг стало приятно, что рядом со мной полицейский, — сказал Джексон. И перевесил корич-

невую сумку с одного плеча на другое. В сумке находилась небольшая баночка из-под джема, наполненная святой водой, и гидеоновская Библия*.

Они вошли внутрь, и Хантон, нажав на выключатель у двери, включил свет. Под потолком замигала и загорелась холодным голубоватым огнем флюоресцентная лампа. В ту же секунду «мясорубка» затихла.

Над цилиндрами висела пелена пара. Она поджидала их, затаившись в зловещем молчании.

— Господи, до чего ж уродливая штуковина, — прошептал Джексон.

— Идем, — сказал Хантон. — Пока она окончательно не распиховалась.

Они приблизились к «мясорубке». Рычаг безопасности был опущен.

Хантон вытянул руку.

— Ближе не стоит, Марк. Давай сюда банку и говори, что делать.

— Но...

— Не спорь!

Джексон протянул ему сумку. Хантон поставил ее на стол для белья перед машиной, затем дал Джексону Библию.

— Я начну читать, — сказал Джексон. — А ты, когда дам знак, побрызгаешь на машину святой водой. И скажешь: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, вон отсюда, ты, нечистая сила». Понял?

— Да.

— А потом, когда дам второй знак, разломишь облатку и снова повторишь заклинание.

— А как мы узнаем, подействовало или нет?

— Узнаем. Тварь, засевшая там, повыбьет все стекла, когда будет выбираться наружу. И если с первого раза не получится, будем повторять еще и еще.

— Знаешь, мне чертовски страшно... — пробормотал Хантон.

— Честно сказать, мне тоже.

* Гидеоновская Библия (Gideon Bible) — Библия, изданная организацией «Гидеонс интернэшнл», бесплатно распространяющей религиозную литературу.

— Если мы ошиблись насчет этой самой «руки славы»...

— Не ошиблись, — сказал Джексон. — Ну, с Богом!

И он начал читать. Голос наполнил пустое помещение и гулким эхом отдавался от стен.

— «Не сотворяйте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться перед ними; ибо Я Господь Бог ваш... — Слова его падали в тишину, словно камни, и Хантону вдруг стало холодно, страшно холодно. «Мясорубка» оставалась нема и неподвижна под мертвенным сиянием флюоресцентной лампы, и ему вдруг показалось, что она ухмыляется. — ...и будете прогонять врагов ваших, и падут они перед вами от меча»*. — Тут Джексон поднял от Библии бледное лицо и кивнул.

Хантон побрызгал святой водой на подающий механизм конвейера.

И тут машина издала пронзительный мучительный крик. Из тех мест, куда попали капли воды, повалил пар и завился в воздухе тонкими красноватыми нитями. «Мясорубка» дрогнула и ожила.

— Получилось! — воскликнул Джексон, стараясь перекрыть нарастающий грохот. — Она завелась!

И он принялся читать снова, громким голосом, перекрывая лязг и шум. Затем опять кивнул Хантону, и тот побрызгал еще. А затем внезапно его пронзил леденящий душу ужас, и он с беспощадной ясностью осознал, вернее, почувствовал, что произошла страшная ошибка, что машина приняла их вызов и что она... сильнее.

Джексон читал все громче и громче, он уже почти кричал.

Из мотора вдруг начали вылетать искры; воздух вокруг наполнился запахом озона, к которому примешивался медный привкус крови. Теперь уже главный мотор дымился. «Мясорубка» вертелась с безумной скоростью — стоило хотя бы кончиком пальца дотронуться до центральной ленты, и все тело в течение доли секунды оказалось бы втянутым в этот бешено мчавшийся конвейер, а еще секунд через пять превратилось бы в сплюснутую окровавленную тряпку. Бетонный пол под ногами дрожал.

* Ветхий Завет, книга третья, глава 26.

Затем вдруг главный подшипник выплюнул волну пурпурного света, в холодном воздухе запахло грозой. Но «мясорубка» продолжала работать, лента мчалась все быстрее и быстрее, винтики и зубчики вращались с такой скоростью, что различить их было уже невозможно и все перед глазами сливалось в сплошной серый поток, который затем начал таять, менять очертания.

Хантон, стоявший словно в гипнозе, вздрогнул и отступил на шаг.

— Бежим отсюда! — крикнул он, перекрывая весь этот оглушительный, невыносимый грохот.

— Но у нас почти получилось! — крикнул в ответ Джексон. — Почему...

Тут вдруг раздался жуткий, совершенно неопиcуемый треск, и в бетонном полу образовалась трещина. И побежала к их ногам, угрожающе расширяясь на ходу. Кругом взлетали и рассыпались в пыль куски старого цемента.

Джексон взглянул на «мясорубку» и вскрикнул.

Машина пыталась оторваться от пола, напоминая при этом динозавра, старающегося отодрать прилипшие к смоляной луже лапы. Вообще-то ее уже нельзя было больше назвать машиной или гладилкой. Она меняла очертания, острые углы исчезали, таяли на глазах. Вот откуда-то сорвался кабель под напряжением 550 вольт и упал, расплескивая голубые искры на крутящиеся валы, которые тут же сжевали его. Секунду на них смотрели два огненных шара — словно гигантские глаза, в которых сквозил неутолимый голод.

С треском лопнул еще один трос. И «мясорубка», освободившись от всех оков и пут, качнулась и двинулась на них, злобно и плотоядно ворча; рычаг безопасности отскочил и завис в воздухе, и Хантон видел перед собой громадную, широко раскрытую и дышащую паром ненасытную пасть.

Они развернулись и бросились прочь, но тут под ногами у них расплзлась еще одна трещина. А за спиной слышался вой и топот, который может издавать только вырвавшийся на волю дикий зверь. Хантон перепрыгнул через трещину, но Джексон споткнулся и упал навзничь.

Хантон остановился и развернулся, собираясь помочь товарищу, но тут на него пала огромная аморфная тень, и все лампы померкли.

Тень стояла над Джексонном, который, лежа на спине, смотрел на нее, и на лице его отражался невыразимый ужас. Ужас жертвы перед закланием. Хантон же успел только заметить нечто черное, невероятной высоты и ширины, нависшее над ними, уставившееся двумя электрическими глазами размером с футбольный мяч каждый. И с разверстой пастью, в которой двигался серый брезентовый язык.

И он побежал. За спиной прозвучал пронзительный крик Джексона и тут же оборвался.

Роджер Мартин, слышав пронзительные звонки в дверь, выбрался наконец из постели, все еще пребывая в полудремотном состоянии. Но когда в прихожую ворвался Хантон, он тут же вернулся к реальности, словно его резко и грубо ударили по лицу.

Вид Хантона был страшен — глаза вылезали из орбит, и он, не находя слов, впился ногтями в халат Мартина. На щеке виднелся кровоточащий порез, все лицо перепачкано какой-то серой пылью.

А волосы... волосы стали совершенно белыми.

— Помогите... ради бога, помогите! — Хоть и с трудом, но он все же обрел дар речи. — Марк погиб. Джексон погиб...

— Присядьте, — сказал Мартин. — Нет, идемте, лучше я отведу вас в гостиную.

Хантон, пошатываясь и подвывая тоненько, словно раненый пес, побрел за ним.

Мартин налил ему унции две «Джима Бима»*, и Хантону пришлось держать стакан обеими руками, чтоб протолкнуть жидкость в горло. Затем стакан упал на ковер, а руки, точно неприкаянные души, снова взметнулись вверх и потянулись к отворотам халата.

— «Мясорубка»... она убила Марка Джексона! Она... она... о боже, может вырваться наружу! Мы не должны ей позволить!

* «Джим Бим» — кентуккский бурбон.

Мы не можем... не должны... о-о-о!.. — И тут он завыл протяжно и дико, словно раненый зверь.

Мартин пытался дать ему выпить еще, но Хантон оттолкнул руку со стаканом.

— Нам надо сжечь эту тварь! — крикнул он. — Спалить, прежде чем она успеет выбраться. О, что будет, если она окажется на воле! О господи, что, если она уже... — Тут глаза его странно расширились, закатились, и он, потеряв сознание, рухнул на ковер, точно мертвый.

Миссис Мартин стояла в дверях, подняв воротник халата и прижимая его к горлу.

— Кто это, Родж? Он что, сошел с ума? Мне показалось... — Она содрогнулась.

— Нет, не думаю, что он сошел с ума. — Только теперь она заметила, что лицо мужа искажает самый неприкрытый страх. — Господи, остается лишь надеяться, что они быстро приедут...

И Мартин бросился к телефону. Схватил трубку и вдруг замер.

С той стороны, откуда прибежал Хантон, на дом надвигался какой-то непонятный шум. Он усиливался, становился все громче и отчетливей, и в нем уже можно было различить лязг и постукивание. Окно в гостиной было полуоткрыто, и в него ворвался порыв ночного ветра. Мартин уловил запах озона... или крови?

Он стоял, опустив руку на бесполезный теперь телефон, а звуки становились все громче, и в них улавливалось шипение и фыркание, словно по улицам города катил гигантский плюющийся паром утюг. И комнату наполнил запах крови.

Рука бессильно выронила телефонную трубку. Аппарат все равно не работал.

НИЗКИЕ ЛЮДИ В ЖЕЛТЫХ ПЛАЩАХ

Сердца в Атлантиде

Если говорить о месте действия, а не о событиях в повести «Низкие люди в желтых плащах», то ее можно назвать автобиографической (я тоже вырос в пригородном Коннектикуте, и мы с мамой и братом жили в многоквартирном доме, очень похожем на тот, что в повести). А вообще это история о мальчике и об осознании им того факта, что взрослые часто ошибаются и иногда бывают невероятно жестоки. Это произведение с содержащимися в нем элементами предвидения, первой любви и дружбы между протагонистом-ребенком и загадочным стариком с верхнего этажа просто кричало, чтобы из него сделали фильм. Он мог бы быть и лучше, особенно в свете отличной игры Энтони Хопкинса, чью роль в картине можно противопоставить Ганнибалу Лектеру.

Но в самой повести были подводные камни, и, экранизируя ее, с ними пришлось столкнуться. Первый из них — тот, что «Низкие люди» — всего лишь первая часть достаточно свободно составленного романа, который до сих пор по-настоящему не окончен («Дом на Бенефит-стрит» — повесть о том, что случилось с Кэррол, подругой детства Бобби, — еще только должен быть написан). Второй — связь «Низких людей» и цикла «Темная Башня». Я знал, что появление Теда Бротигена в «Сердцах» будет относительно кратким, но знал и то, что ему предстоит еще работа в последнем томе саги о Роланде Дискейне.

А не зная причины, почему Тед появился в городе Харвич (о которой я здесь упоминаю не буду, чтобы не оказаться виновником жуткого СПОЙЛЕРА), движущая сила фильма сперва становится неубедительной... а потом и вовсе исчезает. В нем есть много отличных сцен, и сам дух этой картины мне нравится, но цельная история действует лучше, а результат определяется именно тем, что действует. И не верьте, если кто-то скажет иначе.

*Это для Джозефа, и Леноры, и Этана:
Я рассказал вам про все то, чтобы рассказать про это.*

Номер 6: Чего вам надо?

Номер 2: Информации.

Номер 6: На чьей вы стороне?

Номер 2: Сведений не даем. Нам нужна информация.

Номер 6: Не получите!

Номер 2: Так или эдак... мы ее получим.

«Плснный»

Саймон остался, где был, — темная, скрытая листвою фигурка. Он жмурился, но и тогда свиная голова все равно стояла перед ним. Прикрытые глаза заволокло безмерный цинизм взрослой жизни. Они убеждали Саймона, что все омерзительно.

Уильям Голдинг. «Повелитель мух»

«Мы проморгали».

«Умелый наездник»

1960: У них была палка, заостренная с обоих концов

НИЗКИЕ ЛЮДИ В ЖЕЛТЫХ ПЛАЩАХ

I. Мальчик и его мать. День рождения Бобби. Новый жилец. О времени и незнакомых людях

Отец Бобби Гарфилда был одним из тех ребят, которые начинают терять волосы на третьем десятке, а к сорока пяти годам сияют лысиной во всю голову. Этой крайности Рэндолл избежал, умерев от инфаркта в тридцать шесть. Он был агентом по продаже недвижимости и испустил дух на полу чьей-то чужой кухни. Потенциальный покупатель пытался в гостиной вызвать «скорую» по невключенному телефону, когда папа Бобби скончался. Бобби тогда было три года. Он смутно помнил мужчину, который щекотал его, а потом чмокал в щеки и в лоб. Он не сомневался, что это был его папа. «ОСТАВИЛ В ПЕЧАЛИ» — гласила могильная плита Рэндолла Гарфилда, но его мама вовсе не казалась печальной, а что до самого Бобби — какая может быть печаль, если ты его совсем не помнишь?

Через восемь лет после смерти отца Бобби без памяти влюбился в двадцатидюймовый «швинн» в витрине «Харвич вестерн авто». Он по-всякому намекал матери на «швинн» и в конце концов даже показал ей его, когда они шли домой из кино (крутили «Тьму на верхней лестничной площадке»; Бобби ничего не понял, но ему все равно понравилось — особенно то место, когда Дороти Макгайр хлопнулась в кресло и выставила напоказ свои длинные ноги). Поравнявшись с магазином, Бобби небрежно высказал мнение, что велик в окне, конечно, будет замечательным подарком ко дню рождения какому-нибудь счастливчику одиннадцати лет.

— И не мечтай, — сказала она. — На велосипед к моему рождению у меня денег нет. Твой отец, знаешь ли, не оставил нас купаться в деньгах.

Хотя Рэндолл упокоился в могиле тогда, когда президентом был еще Трумэн, а теперь и Эйзенхауэр завершил свой восьмилетний круиз, «твой отец не оставил нас купаться в деньгах», чаще всего отвечала его мать, когда Бобби намекал на что-нибудь, что могло обойтись больше чем в один доллар. Обычно эта фраза сопровождалась взглядом, полным упрека, будто ее муж сбежал, а не умер.

На день рождения он велика не получит, угрюмо размышлял Бобби, пока они шли домой, и удовольствие от непонятного пуганого фильма, который они видели, совсем угасло. Он не стал спорить с матерью, не стал упрашивать ее — это только вызвало бы контратаку, а когда Лиз Гарфилд контратаковала, она пленных не брала, — но он думал и думал о недоступном велике... и недоступном отце. Порой он почти ненавидел отца. Иногда от ненависти его удерживало только ощущение — ни на чем не основанное, но очень сильное, — что именно этого хочет от него мать. Когда они дошли до парка и пошли вдоль него — еще два квартала, и они свернут влево на Брод-стрит, где они жили, — он подавал обычные опасения и задал вопрос о Рэндолле Гарфилде.

— Мам, он что-нибудь оставил? Хоть что-нибудь?

Недели полторы назад он прочел детективную книжку с Нэнси Дру, в которой наследство бедного мальчика было спрятано за старыми часами в заброшенном доме. Бобби всерьез не думал, что его отец где-то запрятал золотые монеты или редкие марки, но если было хоть что-то, они могли бы продать это в Бриджпорте. Например, в лавке закладчика. Бобби не слишком ясно представлял себе, что и как закладывают, но он знал, как узнать такую лавку — над дверью висят три золотых шара. И, конечно, закладчики там будут рады им помочь. Правда, это только детская сказочка, но у Кэрл Гербер, дальше по улице, целый набор кукол, которые ее отец, военный моряк, присылает ей из-за моря. Так если отцы дарят что-то, а они дарят, так почему бы им и не оставлять что-то? Это же ясно!

Когда Бобби задал свой вопрос, они проходили под фонарем (цепочка их тянется вдоль ограды парка), Бобби увидел,

как задвигались губы его матери: они всегда так двигались, если он набирался смелости и спрашивал про своего покойного отца. Глядя на них, он вспоминал ее кошелечек: потянешь за шнурок — и отверстие сузится, почти спрячется в складках.

— Я скажу тебе, что он оставил, — пообещала она, когда они пошли вверх по Брод-стрит, взбиравшейся на холм. Бобби пожалел, что спросил, но, конечно, было уже поздно. Если ее завести, так не остановишь — в этом все дело.

— Он оставил страховой полис, который уже год, как был аннулирован. А я ничего даже не знала, пока он не умер, и все, включая гробовщика, потребовали своей доли того, чего у меня не было. Еще он оставил пачку неоплаченных счетов, с которыми я теперь уже почти разделалась — люди входили в мое положение, а мистер Бидермен особенно, что так, то так.

Все это вместе было старой песней и таким же занудным, как и злобным, но вот тут Бобби услышал что-то новенькое.

— Твой отец, — сказала она, когда они подходили к дому на полпути вверх по Брод-стрит-Хилл, где была их квартира, — на любой неполный стрет клевал.

— Мам, а что такое неполный стрет?

— Не важно. Но одно я тебе скажу, Бобби-бой: смотри, если я узнаю, что ты в карты на деньги играешь! Я этим на всю жизнь по горло сыта.

Бобби хотелось расспросить поподробнее, но благоразумие одержало верх, новый вопрос почти наверное вызвал бы водопад новых слов. Тут он подумал, что кино, которое было про несчастных мужей и жен, могло ее расстроить по причинам, которые ему, всего лишь мальчишке, были непонятны. А про неполный стрет он спросит в понедельник в школе у Джона Салливана, своего лучшего друга. Бобби казалось, что это покер, но уверен он не был.

— В Бриджпорте есть такие места, где мужчины теряют деньги, — сказала она, когда они совсем подошли к дому, где жили. — Туда ходят дураки-мужчины. Дураки-мужчины напакают, а всем женщинам в мире приходится потом убирать за ними. Ну, что же...

Бобби знал, что последует дальше: это было любимое приключение его матери.

— Жизнь несправедлива, — сказала Лиз Гарфилд, доставая ключ и готовясь отпереть дверь дома номер 149 по Броуд-стрит в городке Харвиче, штат Коннектикут. Был апрель 1960 года, вечер дышал весенними ароматами, а рядом с ней стоял худенький мальчик с рисковыми рыжими волосами своего покойного отца. Она никогда не прикасалась к его волосам, а в редких случаях, когда ей хотелось его приласкать, она обычно прикасалась к его плечу или щеке.

— Жизнь несправедлива, — повторила она, открыла дверь, и они вошли.

Правда, что с его матерью обходились не как с принцессой, и, бесспорно, нехорошо, что ее муж испустил дух на линолеуме пола в пустом доме в возрасте тридцати шести лет, но порой Бобби думал, что могло быть и хуже. Например, не один ребенок, а двое детей. Или трое. Черт! Даже четверо.

Или, предположим, ей бы пришлось выполнять по-настоящему тяжелую работу, чтобы прокормить их двоих? Мать Салла работала в пекарне «Тип-Топ» на другом конце города, и в дни, когда она должна была включать печи, Салл-Джон и двое его старших братьев почти ее не видели. Кроме того, Бобби видел, как из ворот компании «Несравненная туфелька» после трехчасового гудка (сам он уходил из дома в половине третьего) толпой валили женщины, все словно бы слишком тощие или слишком толстые, женщины с землистыми лицами и пальцами, окрашенными в жуткий цвет запекшейся крови, женщины с опущенными глазами, несущие свою рабочую обувь и комбинезоны в пластиковых пакетах «Любая бакалея». А прошлой осенью он видел, как мужчины и женщины собирали яблоки за городом, когда ездил на церковную ярмарку с миссис Гербер, и Кэрол, и маленьким Йеном (которого Кэрол называла не иначе как Йен-Соплюшка). Он спросил у миссис Гербер, что это за люди, а она сказала, что это сезонники, ну, вроде перелетных птиц — они все время перебираются с места на место, собирая урожай чего бы то ни было, когда он созревает.

А она была секретаршей мистера Дональда Бидермена в компании по продаже недвижимости «Родной город» — той самой, в которой работал отец Бобби, когда с ним случился

инфаркт. Бобби решил, что работу эту она получила потому, что Дональду Бидермену нравился Рэндолл, и он жалел ее — оставшуюся вдовой с сыном, который только-только вышел из пеленок. — но она хорошо со всем справлялась и работала очень много. Очень часто задерживалась допоздна. Раза два Бобби видел мать и мистера Бидермена вместе — особенно ему запомнился пикник, который устроила компания; но был еще и тот раз, когда Бобби в игре на переменке выбили зуб и мистер Бидермен свозил их к зубному врачу в Бриджпорте, — и они смотрели друг на друга как-то так, по-особенному. Иногда мистер Бидермен звонил ей по вечерам, и в этих разговорах она называла его Доном. Но «Дон» был совсем старый, и Бобби редко о нем думал.

Бобби толком не знал, чем занимается его мама днем (и по вечерам) у себя в агентстве, но он на что хочешь поспорил бы, что это вам не туфли изготавливать и не печи включать в пекарне «Тип-Топ» в половине пятого утра. Бобби на что хотите поспорил бы, что эти работы ее работе и в подметки не годятся. А еще, если уж говорить о его матери, так спрашивать ее о чем-то, значило наверняка нарваться на неприязноти. Если, например, спросить, почему ей по карману три платья от «Сирса» — и одно из них шелковое, а не по карману три месяца вносить по одиннадцать долларов пятьдесят центов за «швинн» в витрине «Вестерн авто» — велик был красно-серебряный и от одного взгляда на него у Бобби начинало щемить под ложечкой. Задай такой вот вопрос и сразу нарвешься.

Бобби его не задавал. Он просто решил сам заработать на велик. Накопит он, сколько нужно, не раньше осени, а то и зимы. Так что, может, к тому времени этот велик исчезнет с витрины «Вестерн авто», но он будет добиваться своего. Надо натирать мозоли и не покладать рук. Жизнь нелегка, и жизнь несправедлива.

Когда одиннадцатый день рождения Бобби прикатил в последний вторник апреля, мама подарила ему плоский пакетик из серебряной бумаги. Внутри оказалась оранжевая библиотечная карточка. **ВЗРОСЛАЯ** библиотечная карточка! Прощайте, Нэнси Дру, Мальчишки Харди и Дон Уинслоу, военный мо-

ряк. Привет всем прочим! Рассказам, полным таинственной мутной страсти, вроде как «Тьма на верхней лестничной площадке». Не говоря уж об окровавленных кинжалах в комнатах наверху башен. (Тайн и комнат наверху башен хватало и в книжках о Нэнси Дрю и братьях Харди, но вот крови в них было всего ничего, а уж страсти так и вовсе никогда.)

— Не забывай только, что миссис Келтон на выдаче моя подруга, — сказала мама своим обычным сухим предупреждающим тоном, но она была рада его радости, заметила ее. — Если попробуешь взять «Пейтон-Плейс» или «Кингз Роу», я об этом узнаю.

Бобби улыбнулся. Он и так это знал.

— А если будет дежурить другая, мисс Придира, и спросит, почему у тебя оранжевая карточка, скажи ей, чтобы посмотрела на обороте. Я вписала разрешение над моей подписью.

— Спасибо, мам, это здорово.

Она улыбнулась, наклонила голову и быстро скользнула сухими губами по его щеке. Раз — и все.

— Я рада, что тебе понравилось. Если вернусь не поздно, пойдем в «Колонию», попробуем жареных мидий и мороженое. А пирога тебе придется подождать до субботы, раньше у меня не будет времени его испечь. А теперь надевай куртку и пошел-веливайся, сынуля. В школу опоздаешь.

Они спустились по лестнице и вместе вышли из двери. У тротуара стояло такси. Мужчина в поплиновой куртке наклонился к заднему окошку, расплачиваясь с водителем. Позади него стояли чемоданы и бумажные пакеты — которые с ручками.

— Наверное, это тот, который снял комнату на третьем этаже, — сказала Лиз, и ее губы собрались складками, будто кто-то потянул шнурок. Она стояла на верхней ступеньке крыльца, оглядывая узкую задницу мужчины (она выпятилась на них, когда он нагнулся к водителю). — Мне не нравятся люди, которые перевозят свои вещи в бумажных пакетах. Для меня от вещей в бумажных пакетах пахнет трушобами.

— Так у него ж и чемоданы есть, — сказал Бобби, но, собственно, его мать могла бы и не намекать, что три чемоданчика нового жильца многого не стоили. Не из комплекта, и у всех такой вид, будто их кто-то в скверном настроении наподдал сюда из Калифорнии.

Бобби и его мама пошли по бетонной дорожке. Такси отъехало. Мужчина в поплиновой куртке обернулся. Для Бобби все люди распадались на три категории: ребята, взрослые и старицы. Старицы — это были взрослые с седыми волосами. Новый жилец был из них. Лицо худое, усталое. Не морщинистое (только вокруг поблекших голубых глаз), но все в глубоких складках. Седые волосы были тоненькими, как у младенца, с большими залысинами надо лбом в желто-коричневых пятнах. Он был высокий и сутулился, совсем как Борис Карлофф в ужастиках, которые по пятницам в 11.30 вечера показывали по WPIX. Под поплиновой курткой был дешевый рабочий костюм, вроде бы великоватый для него. А на ногах — стоптанные ботинки из цветной кожи.

— Привет, соседи, — сказал он и улыбнулся, словно бы с трудом. — Зовусь я Теодор Бротиген. Думаю пожить тут.

Он протянул руку матери Бобби, а она чуть к ней прикоснулась.

— Я — Элизабет Гарфилд. А это мой сын Роберт. Вы извините нас, мистер Бреттиген...

— Бротиген, мэм, но буду счастлив, если вы и ваш сынок станете называть меня Тед.

— Да-да, но Роберт опаздывает в школу, а я опаздываю на работу. Приятно было познакомиться, мистер Бреттиген. Поторопись, Бобби. *Tempus fugit**.

Она зашагала вниз по улице к центру, а Бобби направился вверх по улице (и заметно медленнее) к Харвичской средней школе на Эшер-авеню. Пройдя по этому пути три-четыре шага, он остановился и посмотрел назад. Он чувствовал, что его мама была груба с мистером Бротигеном, что она задавалась. А в маленьком кружке его друзей не было хуже порока. Кэрл не терпела задавак и Салл-Джон тоже. Мистер Бротиген уже, наверное, прошел половину бетонной дорожки, но если нет, то Бобби захотелось ему улыбнуться: пусть знает, что по крайней мере один член семьи Гарфилдов не задается.

Его мама тоже остановилась и тоже оглянулась. Не потому, что ей захотелось еще раз взглянуть на мистера Бротигена, это

* Время бежит (*лат.*).

Бобби и в голову не пришло. Нет. Оглянувшись она на своего сына. Она ведь знала, что он обернется, еще до того, как он решил это сделать. И в эту секунду какая-то тень легла на его обычно солнечную натуру. Она иногда говорила, что скорее в июле снег пойдет, чем Бобби удастся ее провести, и он полагал, что так оно и есть. Да и вообще, сколько вам должно быть лет, прежде чем вы сумеете провести свою мать? Двадцать? Тридцать? Или, может, вам придется подождать, пока она не состарится и у нее немножко помутится в голове?

Мистер Бротиген даже еще не свернул на дорожку. Он стоял у края тротуара — в каждой руке он держал по чемоданчику, третий зажимал под мышкой (три бумажных пакета он уже перенес на траву у дома номер 149 по Броуд-стрит) и сутулился под их тяжестью даже сильнее, чем раньше. Он стоял прямо между ними, будто столб какой-то.

Взгляд Лиз Гарфилд метнулся мимо него на сына. «Иди! — скомандовали ее глаза, — не говори ни слова. Он незнакомый человек, неизвестно откуда, вообще ниоткуда, и половина его вещей в бумажных пакетах. Не говори ни слова, Бобби, просто иди дальше, и все».

А вот и нет! Может, потому, что на день рождения он получил библиотечную карточку, а не велик.

— Рад был познакомиться, мистер Бротиген, — сказал Бобби. — Надеюсь, вам тут понравится. Всего хорошего.

— Удачного дня в школе, сынок, — сказал мистер Бротиген. — Узнай побольше. Твоя мама права — *tempus fugit*.

Бобби посмотрел на мать в надежде, что его маленький бунт прощен благодаря этой равно маленькой лести, но ее губы остались сжатыми. Не сказав больше ни слова, она повернулась и пошла вниз по склону. Бобби зашагал своей дорогой, радуясь, что поговорил с незнакомым мистером Бротигеном, пусть даже потом мама разочтется с ним за это.

Приближаясь к дому Кэрл Гербер, он достал оранжевую библиотечную карточку и посмотрел на нее. Конечно, не двадцатishестидюймовый «швинн», но все равно очень даже хорошо. Целый мир книг, чтобы его исследовать, ну а если он и стоил всего два-три доллара, так что? Есть же поговорка: дорог не подарок...

Ну... так, во всяком случае, говорит его мама.

Он посмотрел на обратную сторону карточки. Там ее властным почерком было написано: «Всем, кого это может касаться: это библиотечная карточка моего сына. Он имеет мое разрешение брать три книги в неделю из взрослого отдела Харвичской публичной библиотеки». И подпись: «Элизабет Пенроуз Гарфилд».

Под ее фамилией, будто постскриптум, она добавила: «Пени за просрочку Роберт будет платить сам».

— С днем рождения! — закричала Кэрл Гербер, выскакивая из-за дерева, где ждала в засаде. Она обхватила его руками за шею и изо всех сил чмокнула в щеку. Бобби покраснел и оглянулся — не видит ли кто? Черт, дружить с девчонкой нелегко и без поцелуев врасплох! Но все обошлось. По Эшер-авеню на вершине холма в сторону школы двигались обычные вереницы школьников, но здесь на склоне они были одни.

Бобби старательно вытер щеку.

— Брось! Тебе же понравилось, — сказала Кэрл со смехом.

— А вот и нет, — сказал Бобби. И соврал.

— Так что тебе подарили на день рождения?

— Библиотечную карточку, — ответил Бобби и показал ей карточку. — ВЗРОСЛУЮ.

— Здорово! — Он увидел в ее глазах... сочувствие? Наверное, нет. А если и да, так что?

— Вот, бери, — и она протянула ему конверт с золотой каемкой и его именем печатными буквами посередине. И еще она наклеила на конверт сердечки и плюшевых медвежат.

Бобби с некоторой опаской распечатал конверт, напоминая себе, что открытку можно засунуть поглубже в задний карман брюк, если она уж чересчур сю-сю.

Вовсе нет. Может, немножечко чуть-чуть детская (мальчишка верхом в широкополой шляпе на голове, а на обороте надпись, будто деревянными буквами: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОВБОЙ!»), но не сю-сю. Вот «С любовью от Кэрл», конечно, не без сю-сю, ну так чего и ждать от девчонки?

— Спасибо.

— Я знаю, открытка для малышей, но другие были еще хуже, — деловито сказала Кэрл.

Чуть дальше вверх по холму их ждал Салл-Джон, всюю упражняясь со своим бо-ло — под правую руку, под левую руку, за спину. А вот между ногами больше ни-ни. Как-то попробовал на школьном дворе и врезал себе по яйцам. Салл завизжал. Бобби и еще несколько ребят ржали до слез. Кэрол и три ее подружки прибежали спросить, что случилось, а ребята все сказали «да ничего» — Салл-Джон сказал то же самое, хотя совсем побелел и чуть не плакал. «Все мальчишки дураки», — сказала Кэрол тогда, но Бобби не верил, что она и вправду так думает. Не то не выскочила бы из-за дерева и не поцеловала бы его! А поцелуй был хороший. По-настоящему клевый. Собственно, получше мамино.

— И вовсе не для малышей, — сказал он.

— Да, но почти, — сказала она. — Я хотела купить тебе взрослую открытку, но они такое сю-сю.

— Я знаю, — сказал Бобби.

— Когда ты станешь взрослым, Бобби, то будешь сю-сю?

— Нет уж, — сказал он. — А ты?

— Ну, нет. Я буду, как Рионда, мамина подруга.

— Так Рионда же толстая, — с сомнением сказал Бобби.

— Угу, но она что надо. Вот и я буду что надо, только не толстой.

— К нам переехал новый жилец. В комнату на третьем этаже. Мама говорит, там настоящее пекло.

— Да? А какой он? — она хихикнула. — Уютюшечка?

— Он старик, — сказал Бобби и на секунду замолчал, прикидывая. — Но у него интересное лицо. Маме он сразу не понравился, потому что привез свои вещи в бумажных пакетах.

К ним подошел Салл-Джон.

— С днем рождения, сукин сын, — сказал он и хлопнул Бобби по спине. «Сукин сын» было на данном этапе любимым выражением Салл-Джона, а Кэрол — «что надо». Бобби на данном этапе обходился без любимого выражения, хотя и думал, что «сверхдерьмово» звучит очень неплохо.

— Если будешь ругаться, я с тобой не пойду, — сказала Кэрол.

— Ладно, — покладисто сказал Салл-Джон.

Кэрол была кудрявой блондиночкой, похожей на близняшек Боббси, только подросток; Джон Салливан был высокий,

черноволосый, зеленоглазый. Вроде Джо Харди. Бобби Гарфилд шагал между ними, забыв про недавнюю грусть. День его рождения, он с друзьями, и жизнь прекрасна. Он спрятал открытку Кэрол в задний карман, а новую библиотечную карточку сунул поглубже в нагрудный карман — оттуда ее никто не украдет, и она не выскользнет.

Кэрол пошла вприпрыжку, Салл-Джон сказал, чтобы она перестала.

— Почему? — спросила Кэрол. — Мне нравится прыгать.

— Мне нравится говорить «сукин сын», но я же не говорю, раз ты меня попросила, — ответил Салл-Джон назидательно.

Кэрол посмотрела на Бобби.

— Прыгать, если не через скакалку, это больше для малышей, Кэрол, — виновато сказал Бобби, а потом пожал плечами, — но прыгай, если тебе хочется, мы не против, верно, Эс-Джей?

— Угу, — ответил Салл-Джон и принялся тренироваться с бо-ло. Назад — вперед, вверх — вниз, хлоп-хлоп-хлоп.

Кэрол не стала прыгать. Она шла между ними и воображала, будто она подружка Бобби Гарфилда, будто у Бобби есть водительские права и «бьюик», и они едут в Бриджпорт на фестиваль рок-н-ролла. Она считала Бобби совсем что надо. А сам он этого не знает, и это уж совсем что надо.

Бобби вернулся домой из школы в три часа. Он вернулся бы раньше, но сбор бутылок, которые можно сдать, входил в его кампанию ЗА ВЕЛИК КО ДНЮ БЛАГОДАРЕНИЯ, и он свернул в кусты за Эшер-авеню поискать их. Нашел три «Рейнгольда» и «Нихай». Немного, но восемь центов, это восемь центов. «Цент доллар бережет» — было еще одно присловие его мамы.

Бобби вымыл руки (парочка бутылок облипла всякой гадо-стью), достал из холодильника поесть, перечел парочку старых комиксов с Суперменом, опять достал поесть из холодильника, а потом начал смотреть «Американскую эстраду». Позвонил Кэрол сказать ей, что в программе Бобби Дейрин — она ведь думала, что Бобби Дейрин самое что надо, особенно когда поет «Королеву вечеринки» и прищелкивает пальцами, — но она уже знала. Она смотрела телик с дурами-подругами — три-

четыре их без передышки хихикали на заднем плане. Бобби вспомнились птички в зоомагазине. На экране в эту минуту Дик Кларк показывал, сколько прыщей способен изничтожить ВСЕГО ОДИН тампон «Стри-Декс».

Мама позвонила в четыре. Мистеру Бидермену она будет нужна до самого вечера. Ей очень жаль, но праздничный ужин в «Колонии» отменяется. В холодильнике есть вчерашнее тушеное мясо — он может поужинать им, а она обязательно вернется в восемь уложить его баиньки. И ради всего святого, Бобби, не забудь выключить газ, когда подогреешь мясо.

Бобби разочарованно вернулся к телевизору, но он, собственно, ничего другого и не ждал. На «Американской эстраде» Дик теперь представлял жюри по оценке пластинок. Бобби подумал, что типчику в середине никакого запаса тампонов «Стри-Декс» не хватит.

Он сунул руку в нагрудный карман и вытащил новую оранжевую библиотечную карточку. На душе у него опять полегчало. Не для того ему сидеть перед теликом со стопкой старых комиксов, если ему не хочется. Можно пойти в библиотеку и предъявить свою новую карточку — свою новую ВЗРОСЛУЮ карточку. На выдаче будет мисс Придира, только по-настоящему она — мисс Харрингтон, и Бобби считал ее очень красивой. Она душилась. Он всегда чувствовал, как от ее кожи и волос чуть веет чем-то благоуханным, будто приятное воспоминание. И хотя Салл-Джон сейчас берет урок игры на тромбоне, на обратном пути можно будет зайти к нему побросать мяч.

«Кроме того, — подумал он, — можно поглядеть к Спайсеру и сдать бутылки, мне же надо заработать за лето на велосипед».

И сразу жизнь переполнилась смыслом.

Мама Салла пригласила Бобби остаться на ужин, но он ответил, нет, спасибо, мне лучше пойти домой. Он, конечно, предпочел бы жаркое миссис Салливан и хрустящую картошку из духовки тому, что ожидало его дома, но он знал, что едва вернувшись с работы, мать тут же заглянет в холодильник проверить, не стоит ли там еще тапперуэр с остатками тушеного мяса. И если увидит его, то спросит Бобби, что же он ел на ужин. Вопрос она задаст спокойно, даже небрежно. Если он скажет,

что поел у Салл-Джона, она кивнет и спросит, что они ели, и был ли десерт, и еще: поблагодарил ли он миссис Салливан; она даже сядет рядом с ним на диван, и они разделят стаканчик мороженого, пока будут смотреть по телику «Шугарфут». И все будет отлично... да только не будет. Рано или поздно, а поплатиться придется. Может, через день, или через два, или даже через неделю, но придется. Бобби знал это твердо, почти не зная, что знает. Без сомнения, ей необходимо было задержаться на работе, однако есть в одиночку вчерашнее тушеное мясо в день рождения было помимо всего еще и карой за то, что он самовольно заговорил с новым жильцом. Если он попытается увернуться от этого наказания, оно только умножится, точно деньги на счету в банке.

От Салл-Джона Бобби вернулся в четверть седьмого, и уже темнело. У него были две нечитанные книжки: про Перри Мейсона, «Дело о бархатных коготках», и научно-фантастический роман Клиффорда Саймака под названием «Кольцо вокруг Солнца». Обе выглядели сверхдерьмово, а мисс Харрингтон ничуть к нему не придиралась. Наоборот, сказала, что книги эти для более старшего возраста и он молодец, что их читает.

По дороге домой от Эс-Джея Бобби сочинил историю, в которой он и мисс Харрингтон плыли на прогулочном теплоходе, а он утонул. Спаслись только они двое, потому что нашли спасательный круг с надписью «т/х ЛУЗИТАНИК»*. Волны вынесли их на островок с пальмами, джунглями и вулканом, и пока они лежали на пляже, мисс Харрингтон вся дрожала и говорила, что ей холодно, очень холодно, так не мог бы он, пожалуйста, обнять ее покрепче и согреть, и он, конечно, мог и сделал так — «с удовольствием, мисс Харрингтон», и тут из джунглей вышли туземцы, вроде бы дружелюбные, но они оказались канибалами, которые жили на склонах вулкана и убивали свои жертвы на поляне, окруженной черепами, так что дело было плохо, но когда его и мисс Харрингтон потащили к кипящему котлу, вулкан заворчал и...

* Составное название: «Лузитания» — английский пассажирский пароход, потопленный немецкой подлодкой в 1915 году; «Титаник» — английский пассажирский пароход, затонувший в 1912 году после столкновения с айсбергом.

— Привет, Роберт.

Бобби поднял глаза, растерявшись даже больше, чем когда Кэрл выскочила из-за дерева, чтобы отпечатать у него на щеке поцелуй с днем рождения. Его окликнул новый жилец. Он сидел на верхней ступеньке крыльца и курил сигарету. Свои старые стоптанные ботинки он сменил на старые стоптанные шлепанцы и снял поплиновую куртку — вечер был теплый. Просто, как у себя дома, подумал Бобби.

— Ой, мистер Бротиген. Привет.

— Я не хотел тебя напугать.

— Так вы и не...

— А по-моему, да. Ты ведь был в тысячах миль отсюда. И, пожалуйста, называй меня Тед.

— Ладно. — Но Бобби не знал, получится ли у него. Называть взрослого (а к тому же старого взрослого) по имени шло вразрез не только с поучениями его матери, но и его собственными склонностями.

— Уроки прошли хорошо? Научился чему-нибудь новому?

— Угу, отлично. — Бобби переступил с ноги на ногу, перекинул библиотечные книги из руки в руку.

— Ты не посидишь со мной минутку?

— Конечно, только долго я не могу. Надо еще кое-что сделать, понимаете?

Главным образом — поужинать: вчерашнее тушеное мясо теперь казалось ему уже очень заманчивым.

— Понимаю. Сделать кое-что, а *tempus fugit*.

Когда Бобби сел возле мистера Бротигена... Теда... на широкой ступеньке, вдыхая аромат его «честерфилдки», ему пришло в голову, что он еще никогда не видел, чтобы человек выглядел таким усталым. Не от переезда же, верно? Насколько можно измучиться, когда вся твоя поклажа уместилась в трех чемоданчиках и трех бумажных пакетах с ручками? Может, попозже приедут грузчики с вещами в фургоне? Но Бобби решил, что вряд ли. Это ведь просто комната — большая, но все-таки одна-единственная комната с кухней с одного бока и всем остальным — с другого. Они с Салл-Джоном поднялись туда и поглядели, после того как старенькая мисс Сидли после инсульта переехала жить к дочери.

— Tempus fugit значит, что время бежит, — сказал Бобби. — Мама часто это говорит. И еще она говорит, что время и приливы никого не ждут и что время залечивает все раны.

— У твоей матери много присловий, верно?

— Угу, — сказал Бобби, и внезапно воспоминание обо всех этих присловиях навалилось на него, как усталость. — Много присловий.

— Бен Джонсон назвал время старым лысым обманщиком, — сказал Тед Бротиген, глубоко затаившись и выпустил две струйки дыма через нос. — А Борис Пастернак сказал, что мы пленники времени, заложники вечности.

Бобби завороченно посмотрел на него, временно забыв о своем пустом желудке. Образ времени как старого лысого обманщика ему страшно понравился — это было абсолютно и безусловно так, хотя он не мог бы сказать, почему... и ведь эта неспособность сказать почему вроде бы добавляла клеветности? Будто что-то внутри яйца или тень за матовым стеклом.

— А кто такой Бен Джонсон?

— Англичанин и уже давно покойник, — сказал мистер Бротиген. — Эгоист и жадный на деньги по общему отзыву, а к тому же склонный к метеоризму. Но...

— А что это такое, метеоризм?

Тед высунул язык между губами и издал коротенькое, но очень реалистическое пуканье. Бобби прижал ладонь ко рту и захихикал в сложенные лодочкой пальцы.

— Дети считают пуканье смешным, — сказал Тед Бротиген, кивая. — Да-да. А вот для человека моего возраста это просто часть все возрастающей странности жизни. Бен Джонсон, кстати, сказал, попукивая, много мудрых вещей. Не так много, как доктор Джонсон — то есть Сэмюэл Джонсон, — но все-таки порядочно.

— А Борис...

— Пастернак. Русский, — сказал мистер Бротиген пренебрежительно. — Пустышка, по-моему. Можно я посмотрю твои книги?

Бобби протянул их. Мистер Бротиген («Тед, — напомнил он себе, — его надо называть Тедом») вернул ему Перри Мейсона, едва взглянув на обложку. Роман Клиффорда Саймака он

подержал подольше — сначала прищурился на обложку сквозь завитки сигаретного дыма, застлавшего ему глаза, затем пролистал. И пролистывая, он кивал.

— Этот я читал, — сказал он. — У меня было много времени для чтения перед тем, как я переехал сюда.

— Да? — Бобби загорелся. — Хороший?

— Один из лучших, — ответил мистер Бротиген... Тед. Он покосился на Бобби — один глаз открыл, а второй все еще сощурился из-за дыма. От этого он выглядел одновременно и мудрым, и таинственным, будто типчик в фильме, которому пальца в рот не клади. — Но ты уверен, что осилишь? Тебе ведь не больше двенадцати.

— Мне одиннадцать, — сказал Бобби. Так здорово, что Тед дал ему двенадцать лет. — Сегодня одиннадцать. Я осилю. Может, пойму не все, но если он хороший, то мне понравится.

— Твой день рождения! — сказал Тед, словно это произвело на него большое впечатление. Он в последний раз затянулся и бросил сигарету. Она упала на бетонную дорожку и рассыпалась искрами. — Поздравляю с днем рождения, Роберт, желаю всякого счастья!

— Спасибо. Только «Бобби» мне нравится больше.

— Ну, так Бобби. Пойдете куда-нибудь отпраздновать?

— Не-а. Мама придет с работы поздно.

— Не хочешь подняться в мою каморку? Много я предложить не могу, но банку открыть сумею. И как будто у меня есть печенье...

— Спасибо, но мама мне кое-чего оставила. На ужин.

— Понимаю. — И чудо из чудес: казалось, он и правда понял. Тед отдал Бобби «Кольцо вокруг Солнца». — В этой книге, — сказал он, — мистер Саймак постулирует идею, что существуют миры, такие же, как наш. Не другие планеты, а другие Земли, параллельные Земли, окружающие Солнце своего рода кольцом. Замечательная мысль.

— Угу, — сказал Бобби. Он знал о параллельных мирах из других книг. И еще из комиксов.

Тед Бротиген теперь смотрел на него задумчиво, будто что-то взвешивая.

— Чего? — спросил Бобби, вдруг почувствовав себя неловко. «Что-то зеленое увидел?» — сказала бы его мать.

Ему было показалось, что Тед не ответит — он как будто следовал какому-то сложному, всепоглощающему ходу мысли. Потом он дернул головой и выпрямил спину.

— Да ничего, — сказал он. — Мне пришла одна мысль. Может, ты хотел бы подработать? Не то, чтобы у меня много денег, но...

— Ага! Черт! Ага! — И чуть было не добавил: «Я на велик коплю», но удержался. «Лишнего не болтай!» — еще одно из маминых присловий. — Я все сделаю, что вам надо!

Тед Бротиген словно бы почти испугался и почти засмеялся. Будто открылась дверь, и стало видно другое лицо, и Бобби увидел, что да, этот старый человек был когда-то молодым человеком. И, может быть, с перчиком.

— Таких вещей, — сказал он, — не следует говорить незнакомым. И хотя мы перешли на «Бобби» и «Теда» — хорошее начало, — мы все-таки еще не знакомы.

— А кто-нибудь из этих Джонсонов что-нибудь говорил про незнакомых?

— Насколько я помню, нет, но вот кое-что на эту тему из Библии: «Ибо я странник у тебя и пришелец. Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться прежде, нежели отойду...» — На мгновение Тед умолк. Смех исчез с его лица, и оно снова стало старым. Потом его голос окреп, и он закончил: «Прежде, нежели отойду, и не будет меня». Псалом. Не помню, который.

— Ну, — сказал Бобби, — я убивать и грабить не стану, не беспокойтесь, но мне очень надо немножко подзаработать.

— Дай мне подумать, — сказал Тед. — Дай мне немножко подумать.

— Да, конечно. Но если надо какую-нибудь работу сделать или еще там чего, то я всегда готов. Я вам прямо говорю.

— Работа? Может быть. Хотя я употребил бы другое слово. — Тед обхватил костлявые колени еще более костлявыми руками и посмотрел через газон на Броуд-стрит. Уже почти совсем стемнело. Наступила та часть вечера, которую Бобби особенно любил. Проезжающие машины зажгли подфарники и фонари сзади, а где-то на Эшер-авеню миссис Сигсби звала своих близняшек, чтобы они шли домой ужинать. В это время суток — и еще на заре, когда он стоял в ванной и мочился в унитаз, а

солнечные лучи падали через окошечко на его слипающиеся глаза — Бобби ощущал себя сном в чьей-то голове.

— А где вы жили, пока не переехали сюда, мистер... Тед?

— В месте, которое не было таким приятным, — ответил он. — Далеко не таким. А вы давно тут живете, Бобби?

— Как себя помню. С тех пор, как папа умер. Мне тогда три было.

— И ты знаешь всех на улице? Во всяком случае, в этом квартале?

— Да, пожалуй, что всех. Ага!

— И сумеешь узнать странников. Пришельцев. Чьих лиц прежде не видел?

Бобби улыбнулся и кивнул.

— Угу. Думается, сумею.

Он выжидающе замолчал — дело становилось все интереснее, но, видимо, на этом все и кончилось. Тед встал, медленно, осторожно. Бобби услышал, как у него в спине пошелкивают косточки: он прижал к ней ладони, потянулся и поморщился.

— Пошли, — сказал он. — Зябко становится. Я войду с тобой. Твой ключ или мой?

— Лучше начните ваш притирать, — улыбнулся Бобби. — Ведь верно?

Тед — становилось все легче называть его Тедом — вытащил из кармана кольцо с ключами. Всего с двумя — от большой входной двери и от его комнаты. Оба были блестящие, новые, цвета сусального золота. Собственные его ключи потускнели, исцарапались. Сколько лет Теду? Он решил, что самое меньшее — шестьдесят. Шестидесятилетний человек всего с двумя ключами в кармане. Что-то тут не так.

Тед открыл дверь, и они вошли в большой темный вестибюль с подставкой для зонтиков и старой картиной, на которой Льюис и Кларк* озирали американский Запад. Бобби повернул к двери Гарфилдов, а Тед направился к лестнице и остановился там, положив руку на перила.

— В книге Саймака, — сказал он, — замечательный сюжет, но вот написана она не так, чтобы очень. Неплохо, конечно, но, поверь мне, есть лучше.

* Руководители экспедиции, исследовавшей в 1804—1806 гг. области к западу от Миссисипи.

Бобби выжидающе молчал.

— И есть книги, написанные замечательно, но сюжеты у них не очень. Иногда читай ради сюжета, Бобби. Не бери примера с книжных снобов, которые так не читают. А иногда читай ради слов, ради стиля. Не бери примера с любителей верняка, которые так не читают. Но когда найдешь книгу и с хорошим сюжетом и хорошим стилем, держись этой книги.

— А таких много, как по-вашему? — спросил Бобби.

— Больше, чем думают снобы и верняки. Гораздо больше. Может быть, я подарю тебе такую. Как запоздалый подарок на день рождения.

— Да вы не беспокойтесь.

— Не стану. Но, может быть, я все-таки подарю. А теперь — счастливого дня рождения.

— Спасибо. Он был замечательный.

Тут Бобби вошел в квартиру, подогрел тушеное мясо (не забыв выключить газ, когда жидкость запузырилась, и не забыл положить сковородку в раковину отмокать) и поужинал в одиночку, читая «Кольцо вокруг Солнца» с телевизором за компанию. Он почти не слышал, как Чет Хантли и Дэвид Бринкли проборматывают вечерние новости. Тед правильно сказал про эту книжку — очень клевая. И слова ему тоже показались в самый раз, но ведь он пока не очень в этом разбирается.

«Вот бы написать такую книжку, — подумал он, когда наконец закрыл роман и плюхнулся на диван смотреть «Шугарфут», — только вот, сумею ли?»

Может быть. Да, может. Кто-то ведь пишет книжки так же, как кто-то чинит трубы, когда они замерзают, или меняет лампочки в парке, когда они перегорают.

Примерно через час, когда Бобби снова принялся читать «Кольцо вокруг Солнца», вошла его мать. У нее чуть стерлась помада в уголке рта, и комбинация немножко выглядывала из-под юбки. Бобби хотел было сказать ей про это, но тут же вспомнил, как она не любит, чтобы ей говорили, что «на юге снег идет». Да и зачем? Ее рабочий день кончился и, как она иногда говорила, тут же нет никого, кроме нас, птичек.

Она проверила холодильник, не стоит ли там вчерашнее тушеное мясо, проверила плиту, погашена ли горелка, провери-

ла раковину, отмокают ли там в мыльной воде сковородка и тапперуэровский пластиковый контейнер. Потом поцеловала его в висок — мазнула губами на ходу — и ушла к себе в спальню снять рабочий костюм и колготки. Она казалась рассеянной, занятой своими мыслями. И не спросила, хорошо ли он провел свой день рождения.

Попозже он показал ей открытку Кэрол. Она поглядела, не видя, сказала «очень мило» и вернула ему открытку. Потом сказала, чтобы он шел мыться, чистить зубы и спать. Бобби послушался, не упомянув про свой интересный разговор с Тедом. В таком своем настроении она рассердилась бы. Лучше всего было оставить ее в покое, не мешать думать о своем, сколько ей надо, дать ей время возвратиться к нему. И все-таки, кончив чистить зубы и забравшись в постель, он почувствовал, что на него снова наваливается тоскливое настроение. Иногда он изнывал без нее, словно от голода, а она даже и не знала.

Бобби свесился с кровати и закрыл дверь, оборвав звуки какого-то старого фильма. И погасил свет. И вот тогда, когда он уже задремывал, она вошла, села на край кровати и сказала, что жалеет, что была неразговорчивой, но работы было очень много и она устала. Она провела пальцем по его лбу, а потом поцеловала в это место — он даже задрожал. Сел на постели и изо всех сил ее обнял. Она было напряглась от его прикосновения. Но потом расслабилась и даже сама его обняла на секунду. Он подумал, что сейчас, пожалуй, самое время рассказать ей про Теда. Во всяком случае, немножко.

— Когда я пришел из библиотеки домой, то поговорил с мистером Бротигеном, — сказал он.

— С кем?

— С новым жильцом на третьем этаже. Он попросил, чтобы я называл его Тедом.

— Ну нет, и думать не смей! Ты же его в первый раз видел.

— Он сказал, что взрослая библиотечная карточка — самый замечательный подарок мальчику.

Тед ничего подобного не говорил, но Бобби прожил со своей матерью достаточно долго, чтобы знать, что сработает, а что нет.

Она немножко расслабилась.

— А он сказал, откуда приехал?

— Не из такого приятного места, как тут. Вроде бы он так сказал.

— Ну, нам это ни о чем не говорит, верно? — Бобби все еще обнимал ее. И мог бы обнимать еще хоть час, вдыхая запах ее шампуня «Уайт рейн» и лака для волос «Аква-Нет», и приятный аромат табака в ее дыхании, но она высвободилась из его рук и опрокинула его на подушку. — Что же, если он станет твоим другом... твоим ВЗРОСЛЫМ другом, мне следует с ним познакомиться.

— Ну...

— Может быть, он мне понравится больше без бумажных пакетов на газоне. — Для Лиз Гарфилд это было прямо-таки извинением, и Бобби обрадовался. День все-таки закончился очень хорошо. — Спокойной ночи, новорожденный.

— Спокойной ночи, мам.

Она вышла и закрыла дверь. Позднее ночью — много позднее — ему показалось, что он слышит, как она плачет, но, может, ему приснилось.

II. Двойное отношение к Теду.

Книги вроде насосов.

Даже не думай об этом. Салл выигрывает приз.

Бобби получает работу.

Признаки низких людей

В последующие недели, пока погода все больше теплела на встречу лету, Тед обычно покуривал на крыльце, когда Лиз возвращалась с работы. Иногда он был один, а иногда с ним рядом сидел Бобби, и они разговаривали о книгах. Иногда Кэрол и Салл-Джон тоже были там — они трое перекидывались мячом на газоне, а Тед курил и смотрел на них. Иногда приходили другие ребята — Денни Риверс с бальсовым планером, тронутый Фрэнсис Аттерсон на самокате, отталкиваясь непомерно большой ногой, Анджела Эвери и Ивонна Лавинг — спросить Кэрол, не пойдет ли она к Ивонне поиграть в куклы или в игру «Медицинская сестра», — но чаще это были только Эс-Джей и

Кэрол, самые-самые друзья Бобби. Все ребята называли мистера Бротигена Тедом, но когда Бобби объяснил, почему будет лучше, если они станут называть Теда мистером Бротигеном в присутствии его мамы, Тед сразу согласился.

А его мама словно не могла выговорить «Бротиген». У нее всегда получалось Бреттиген. Но, может быть, и не нарочно. Теперь Бобби не переставал бояться того, как его мама будет относиться к Теду. Он боялся, что она будет относиться к Теду, как к миссис Эверс, его учительнице во втором классе. Мама невзлюбила миссис Эверс с первого взгляда, СТРАШНО невзлюбила — и совсем без причины, насколько мог судить Бобби, и не нашла для нее ни одного доброго слова за весь учебный год — миссис Эверс одевается, как неряха, миссис Эверс красит волосы, миссис Эверс злоупотребляет макияжем, и пусть Бобби сразу скажет, если миссис Эверс ХОТЬ ПАЛЬЦЕМ до него дотронется, потому что сразу видно, что она из тех женщин, которые не купаются на тычки и шипки. И все это воспоследовало после родительского собрания, на котором миссис Эверс сказала Лиз, что Бобби хорошо успевает по всем предметам. В том году было еще четыре родительских собрания, и мать Бобби нашла предлог не побывать ни на одном из них.

Мнение Лиз о людях затвердевало мгновенно. Когда она подписывала НИКУДА НЕ ГОДИТСЯ под мысленным вашим портретом, она писала это чернилами. Если бы миссис Эверс вытащила шестерых ребят из загоревшегося школьного автобуса, Лиз Гарфилд вполне могла фыркнуть и сказать, что они, наверное, задолжали пучеглазой старой корове за молоко.

Тед старался, как мог, понравиться ей, не подлизываясь (а люди подлизывались к его маме, Бобби знал это — черт, он ведь сам к ней подлизывался), и это сработало... отчасти. Как-то раз Тед и мама Бобби разговаривали почти десять минут о том, как скверно, что «Доджеры» переехали на другой край страны и даже «прошайте» не сказали. Но и то, что оба болели за «Доджеров», не выбило между ними настоящей искры. Другими они никогда не станут. Не то чтобы мама невзлюбила Теда Бротигена, как миссис Эверс, но все-таки что-то было не так. Бобби думал, что знает, в чем дело — он видел это у нее в глазах в то утро, когда они встретились с новым жильцом. Лиз ему не доверяла.

И Кэрол Гербер тоже, как оказалось.

— Иногда мне кажется, он от чего-то прячется, — сказала она однажды вечером, когда они втроем поднимались на холм в сторону Эшер-авеню.

Они перебрасывались мячом около часа, болтая с Тедом, а теперь направлялись к «Придорожному счастью» Муна за мороженым. У Эс-Джея было тридцать центов, и он угощал. Еще с ним был его бо-ло: теперь он его вытащил из заднего кармана и закрутил — вверх, вниз, поперек — хлоп, хлоп, хлоп.

— Прячется? Ты что — шутишь? — Бобби ошеломила такая возможность. Но ведь Кэрол разбиралась в людях, даже его мать это заметила. «Эта девчонка совсем не красавица, но все подмечает», — сказала она как-то вечером.

— Руки вверх, мистер Гэрриджл! — завопил Салл-Джон. Сунул свой бо-ло под мышку, пригнулся и открыл огонь из невидимого автомата, искривив рот вправо, чтобы сопровождать это действие соответствующим звуком «кх-кх-кх» из глубины гор-тани. — Живым ты меня не возьмешь, легавый! Уложи их, Магси! Рико никому пощады не дает! Ох! Ах! Они меня прикончили! — Эс-Джей ухватился за грудь, завертелся и хлопнулся мертвым на газон миссис Конлан.

Эта дама, сварливая старая в рифму с «бука» семидесяти пяти лет или около того, завизжала:

— Мальчик! Эй, ма-а-а-льчик! Убирайся! Ты мне цветы переломашь!

В десяти футах от места, где упал Салл-Джон, не было ни единой клумбы, но он тут же вскочил на ноги.

— Извините, миссис Конлан!

Она махнула на него рукой, молча отменяя его извинение, и сверлила взглядом детей, пока они проходили мимо.

— Ты ведь не всерьез, верно? — спросил Бобби у Кэрол. — Про Теда.

— Нет, — сказала она, — пожалуй что, нет. Но... ты когда-нибудь замечал, как он все время улицу оглядывает?

— Ага. Будто ждет кого-то, верно?

— Или высматривает кого-то, — сказала Кэрол.

Салл-Джон опять закрутил бо-ло, и вскоре красный резиновый мячик снова замелькал туда-сюда, сливаясь в одну не-

ясную полоску. Салл опустил его только, когда они проходили «Эшеровский Ампи́р», где шли два фильма с Брижит Бардо — ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ. ПРЕДЪЯВЛЯТЬ ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА ИЛИ МЕТРИКУ, НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ. Один фильм был новый, второй — навязшей в зубах подменой «И Бог создал женщину», которая вновь и вновь появлялась в «Ампи́ре», будто сыпь. На афишах Брижит была одета только в полотенце и улыбку.

— Мама говорит, что она дрянь, уличный мусор, — сказала Кэрол.

— Если она — мусор, так я бы пошел в мусорщики, — сказал Эс-Джей и зашевелил бровями, будто Граучо Маркс.

— А ты тоже думаешь, что она мусор? — спросил Бобби у Кэрол.

— Я даже не совсем понимаю, что это значит.

Когда они выходили из-под полотняного навеса, из своей стеклянной будки у входа кассирша, миссис Годлоу (ребята называли ее миссис Годзилла), подозрительно следила за ними, Кэрол оглянулась на Брижит Бардо в полотенце. Понять выражение ее лица было трудно. Может, любопытство? Бобби не мог решить.

— Но ведь она хорошенькая, верно?

— Угу.

— И надо быть храброй, чтобы позволить людям смотреть на себя, когда на тебе ничего нет, кроме полотенца. То есть я так считаю.

Салл-Джон потерял всякий интерес к *la femme Brigitte**, чуть только она осталась позади.

— Бобби, а откуда Тед приехал?

— Не знаю. Он никогда про это не говорит.

Салл-Джон кивнул, словно другого ответа и не ждал. Он снова начал упражняться с бо-ло. Вверх и вниз, и поперек — хлоп-хлоп-хлоп.

В мае Бобби начал все чаще думать о летних каникулах. Ведь на свете и правда не было ничего лучше «Большого Кана», как их называл Салл-Джон. Он будет много часов проводить с дру-

* женщина Брижит (фр.).

зьями и на Брод-стрит, и в Стерлинг-Хаусе по ту сторону парка — летом в Стерлинг-Хаусе было чем заняться, включая бейсбол и еженедельные поездки на Патагонский пляж в Уэст-Хейвине, — и все равно у него будет оставаться еще много времени для себя. Ну, конечно, время читать, но больше всего на этот раз он хотел подыскать работу часа на два в день. В банке с надписью «Велофонд» у него лежало чуть больше семи монет, а семь монет все-таки начало, хотя и не то чтобы прекрасное начало. При такой скорости Никсон успеет два года побыть президентом, прежде чем он поедет в школу на велике.

В один из этих почти-почти капикулярных дней Тед вручил ему книгу в бумажной обложке.

— Помнишь, я тебе говорил, что есть книги, в которых сюжет хороший и стиль тоже? — спросил он. — Вот одна такой породы. Запоздалый подарок ко дню рождения от нового друга. То есть я надеюсь, что я твой друг.

— Так и есть. Большое спасибо! — Несмотря на восторженную ноту в голосе, Бобби взял книгу с некоторым сомнением. Он привык к карманным книжкам с яркими кричащими обложками и сексуальными зазывными строчками — «Она свалилась в сточную канаву... и провалилась еще ниже!» А эта была не такая. Обложка была почти вся белая. В одном углу был виден набросок — еле-еле различимый: мальчики, стоящие кольцом. Называлась книжка «Повелитель мух». Над заголовком не было никакой зазывной строчки. Даже вроде «История, которой вам никогда не забыть». В общем и целом выглядела она неприветливо, отпугивающе, словно сообщала, что история под обложкой будет тяжелой. Против тяжелых книг Бобби ничего не имел, при условии, что они входили в список внеклассного чтения. Однако для чтения ради удовольствия, считал он, истории должны быть легкими — автор должен делать все, только не заставлять ваши глаза мегаться туда-сюда. Не то какое удовольствие ее читать?

Он хотел было перевернуть книгу, прочесть то, что написано на задней обложке. Тед ласково положил ладонь на руку Бобби, помешав ему.

— Не надо, — сказал он. — Как личное мне одолжение — не надо.

Бобби непонимающе поглядел на него.

— Книга должна быть, как неисследованные земли. Приступай к ней без карты. Исследуй ее и составь собственную карту.

— А если она мне не понравится?

Тед пожал плечами.

— Тогда не дочитывай ее. Книга — как насос. Он ничего не выдаст, если прежде ты не зарядишь его. Заряжаешь насос собственной водой, качаешь ручку, тратя собственную силу. И поступаешь так, ожидая, что получишь больше, чем отдал... со временем. Понимаешь?

Бобби кивнул.

— Долго ты будешь заряжать насос и качать, если из него ничего не польется?

— Наверное, недолго.

— В этой книге на круг двести страниц. Прочти первые десять процентов — то есть двадцать страниц, я ведь уже знаю, что с математикой у тебя похуже, чем с чтением, — и если она тебе не понравится, если она не будет давать больше, чем забирать, отложи ее.

— Вот если бы и в школе так! — сказал Бобби. Он вспомнил про стихотворение Ралфа Уолдо Эмерсона, которое они должны были выучить наизусть. Оно начиналось: «Где над потоком изогнулся деревянный ветхий мост». Эс-Джей называл поэта Ральф Балда Эмерсуп.

— Школа — другое дело. — Они сидели за кухонным столом Теда, глядя на задний двор, где все цвело. Баузер, пес миссис О'Хара, оглашал мягкий весенний воздух нескончаемым «руф-руф-руф». Тед курил «честерфилдку». — И, кстати, о школе: эту книгу туда с собой не бери. В ней есть вещи, которые твоя учительница наверняка сочтет не подходящим для тебя чтением. И начнется фантасмагория.

— Чего-чего?

— Скандал. А если у тебя будут неприятности в школе, они будут у тебя и дома. А твоя мать... — Рука с сигаретой начертила в воздухе маленький зигзаг, и Бобби сразу его понял: «Твоя мать мне не доверяет».

Бобби вспомнил, как Кэрол сказала, что Тед, может быть, прячется от кого-то, и вспомнил, как его мать сказала, что Кэрол все подмечает.

— А что в ней такого, что у меня могут быть неприятности? — он посмотрел на «Повелителя мух».

— Ничего, из-за чего стоит беситься, — сухо сказал Тед, раздавил сигарету в жестяной пепельнице, пошел к маленькому холодильничку и достал две бутылки шипучки. Там не было ни пива, ни вин — только рутбир, шипучка из корнеплодов и стеклянная бутылка сливок. — Ну, разговоры о том, чтобы загнать копьё в задницу дикой свиньи, — вот самое плохое. Тем не менее есть взрослые, которые видят только деревья, а лес — никогда. Прочти первые двадцать страниц, Бобби, и ты не оставишься, обещаю тебе.

Тед поставил бутылки на стол, дернул крышечки открывалкой, взял свою бутылку и чокнулся с бутылкой Бобби.

— За твоих друзей на острове.

— Каком острове?

Тед Бротиген улыбнулся и выстрелил из смятой пачки последнюю сигарету.

— Скоро узнаешь, — сказал он.

И Бобби узнал, и ему не понадобилось двадцати страниц, чтобы узнать, что «Повелитель мух» — клевая книга, может, самая лучшая из всех, которые он читал. На десятой странице он был заморожен, к двадцатой был полностью покорен. Он жил на острове с Ральфом, Джеком, Хрюшей и малышкой. Он до дрожи боялся Зверя, который оказался разлагающимся трупом летчика, запутавшегося в своем парашюте; он следил сначала с огорчением, а потом с ужасом, как безобидные школьники превращались в свирепых дикарей и под конец устроили охоту на того из них, кто сумел сохранить остатки человечности.

Книгу он дочитал в субботу, за неделю до окончания учебного года. Когда наступил полдень, а Бобби все еще оставался у себя в комнате, вместо того чтобы играть с друзьями, смотреть утренние субботние мультики и даже слушать «Веселые мелодии» с десяти до одиннадцати, мама заглянула к нему и велела, чтобы он перестал утыкаться носом в эту книгу, поскорее встал и пошел бы в парк или куда-нибудь еще.

— Где Салл? — спросила она.

— На Долхаус-сквер. Там концерт школьного оркестра. — Бобби смотрел на свою маму в дверях, на привычные вещи вок-

руг ошеломленным недоумевающим взглядом. Мир книги стал настолько живым, что этот — настоящий — выглядел теперь поддельным и тусклым.

— А твоя девочка? Позови ее с собой в парк.

— Кэрл — не моя девочка, мам.

— Ну, все равно. Господи, Бобби, я же не намекала, что вы с ней собираетесь бежать и пожениться.

— Она и еще девочки ночевали вчера у Анджи. Кэрл говорит, что они, когда ночуют друг у дружки, всю ночь не спят и кудахчут. Наверное, еще спят или завтракают, когда скоро пора обедать.

— Тогда пойди в парк один. Я из-за тебя изнервничалась. Когда телевизор в субботнее утро молчит, мне чудится, будто ты умер.

Она вошла в комнату и забрала книгу из его рук. Бобби словно в трансе смотрел, как она листает страницы, наугад читая абзац-другой. Что, если она наткнется на то место, где мальчики говорят о том, чтобы воткнуть копые в задницу свиньи? (Только они англичане, и вместо «задница» говорили «зад», что для Бобби звучало еще похабнее.) Что она подумает? Он не знал. Всю свою жизнь они жили вместе, почти всегда только вдвоем, и он все-таки не мог предсказать, как она отнесется к тому или этому.

— Это та, которую тебе Бреттиген подарил?

— Угу.

— Как на день рождения?

— Угу.

— О чем она?

— Мальчики попали на необитаемый остров. Их теплоход потопили. По-моему, действие происходит вроде бы после Третьей мировой войны или еще когда-то. Тип, который ее написал, нигде прямо не указывает.

— Значит, это научная фантастика?

— Угу, — сказал Бобби. У него немножко помутилось в голове. Он подумал, что «Повелитель мух» настолько не похож на «Кольцо вокруг Солнца», насколько это вообще возможно, но его мама ненавидела научную фантастику, и если что-то могло помешать ей и дальше угрожающе перелистывать книгу, то именно это.

Она отдала ему книгу и подошла к окну.

— Бобби?

Она не оглянулась на него — во всяком случае, сразу. На ней была старая рубашка и субботные брюки. Яркое полуденное солнце просвечивало рубашку насквозь. Ему были видны ее бока, и он вдруг заметил, до чего она худая. Будто забывает есть или еще почему-то.

— Что, мам?

— Мистер Бреттиген дарил тебе еще что-нибудь?

— Он БРОТИГЕН, мам.

Она нахмурилась на свое отражение в стекле... хотя, наверное, нахмурилась она на его отражение.

— Не поправляй меня, Бобби-бой. Так дарил?

Бобби взвесил. Несколько банок с соком, иногда бутерброд с тунцом или плюшка из пекарни, где работала мама Салла, но это же не подарки?

— Да нет, и с чего бы?

— Не знаю. Но ведь я не знаю, почему человек, с которым ты не успел познакомиться толком, вдруг дарит тебе что-то на день рождения. — Она вздохнула, скрестила руки под своими маленькими торчащими грудями и продолжала глядеть в окно Бобби. — Он сказал мне, что прежде работал в государственном учреждении в Хартфорде, а теперь ушел на покой. Он и тебе это говорил?

— Да, вроде бы. — Правду сказать, Тед никогда о своей прежней жизни ничего не говорил, а Бобби и в голову не пришло его расспрашивать.

— В каком государственном учреждении? Здравоохранение и социальные службы? Транспорт? Ревизорский отдел?

Бобби помотал головой. Ревизорский — это еще что?

— Наверное, что-то по просвещению, — сказала она задумчиво. — Он разговаривает, будто бывший учитель. Верно?

— Угу.

— А чем он интересуется?

— Не знаю.

Ну, конечно, чтение — два из трех бумажных пакетов, так оскорбивших его мать, были набиты книжками в бумажных обложках и почти все не выглядели легонькими.

Тот факт, что Бобби не знал ничего о том, как новый жилец проводит свой досуг, ее, казалось, почему-то успокоил. Она пожала плечами, а когда заговорила, то словно бы не с Бобби, а сама с собой.

— Ерунда. Это всего лишь книга. Да к тому же в мягкой обложке.

— Он сказал, что у него, может, найдется для меня работа. Но пока еще ничего не предложил.

Она молниеносно обернулась.

— Какую бы работу он тебе ни предложил, какое бы поручение ни дал, сначала расскажешь мне. Понял?

— Ну, понял. — Ее настойчивость удивила его и немножко встревожила.

— Обещай!

— Обещаю.

— По-настоящему обещай, Бобби.

Он покорно перекрестил грудь над сердцем и сказал:

— Обещаю моей матери именем Божиим.

Обычно все этим исчерпывалось, но на этот раз ей словно бы было мало.

— А он когда-нибудь... он когда-нибудь... — Тут она умолкла с непривычно растерянным видом. У ребят бывал такой вид, когда миссис Брэмуэлл вызывала их к доске подчеркивать существенные и глаголы, а они не могли.

— Что он когда-нибудь, мам?

— Не важно! — сердито отрезала она. — Убирайся отсюда, Бобби. Отправляйся в парк или в Стерлинг-Хаус, мне надоело смотреть на тебя.

«Так чего же ты пришла? — подумал он, но, конечно, вслух не сказал. — Я же не надоедал тебе, мам. Я тебе не надоедал».

Бобби засунул «Повелителя мух» в задний карман и пошел к двери. Там он обернулся. Она по-прежнему стояла у окна, но теперь опять смотрела на него. В такие секунды он никогда не видел любви в ее глазах. В лучшем случае что-то вроде озабоченного интереса, а порой (но далеко не всегда) почти ласковость.

— Мам, а? — Он было хотел попросить пятьдесят центов. На них он купил бы стакан газировки и пару сосисок в закусочной

«Колония». Ему нравились тамошние сосиски в горячих булочках с чипсами и ломтиками маринованного огурца по краям.

Ее губы собрались как на шнурке, и он понял, что сегодня сосисок ему не есть.

— Не проси, Бобби. Даже и не мечтай («Даже и не мечтай» — одно из ее постоянных присловий). Я на этой неделе получила тонну счетов, не меньше, так что убери из глаз долларовые знаки.

Не получала она тонны счетов, вот в чем было дело. На этой неделе не получала. Бобби видел и счет за электричество, и чек за квартплату в конверте с надписью «мр. Монтелеоне» еще в прошлую среду. И она не могла сослаться на то, что ему скоро понадобится новая одежда — ведь учебный год кончается, а не начнется, а за последнее время он денег не просил — только пять долларов — квартальный взнос в Стерлинг-Хаус, а она и из-за них озлилась, хотя знает, что они покрывают и бассейн, и бейсбол Волков и Львов плюс страховка. Будь это не его мама, он бы подумал, что она жмотничает. Но сказать ей он ничего не мог — заговоришь о деньгах, и она сразу упрется, а на любое возражение, когда речь идет о деньгах, хоть о самых пустяках, она начнет истерически кричать. И становится очень страшной.

— Все в порядке, мам, — улыбнулся Бобби.

Она улыбнулась в ответ, а потом кивнула на банку с «Велофондом».

— А почему бы тебе не занять оттуда чуточку? Побалуй себя. Я тебя не выдам, а ты потом вернешь.

Он удержал улыбку на губах, но с трудом. Как легко она это сказала, даже не подумав, в какую ярость пришла бы, если бы Бобби попробовал занять чуточку из денег за электричество или за телефон, или из тех, которые она откладывает на покупку своих «рабочих костюмов», — для того, чтобы закусить в «Колонии» парой сосисок и, может быть, куском пирога «а ля мод»*. Если бы всесело сказать, что не выдаст ее, а она потом вернет. Да уж, конечно! И получить затрещину.

К тому времени, когда он вошел в парк, обида Бобби почти прошла и словечко «жмотничать» исчезло из его мыслей. День был чудесный, а у него с собой потрясая книга — разве можно таить обиды и злиться, когда тебе так подфартило? Он нашел

* модный (фр.).

скамейку в укромном уголке и открыл «Повелителя мух». Книжку надо дочитать сегодня, надо узнать, как все кончится.

Последние сорок страниц заняли час, и на протяжении этого часа он не замечал ничего вокруг. Когда он наконец закрыл книжку, то увидел, что колени у него усыпаны чем-то вроде белых цветочков. Полно их было и у него в волосах — он даже не заметил, что сидел в метели яблоневых лепестков.

Он смахнул лепестки, глядя на площадку для игр: ребята там балансировали и качались, и били по мячу, привязанному к столбу. Хохотали, гонялись друг за другом, валились на траву. Неужели вот такие ребята способны расхаживать нагишом и молиться разлагающейся свиной голове? До чего соблазнительно было отбросить все это, как выдумки взрослого, который не любит детей (Бобби знал, что таких очень много), но тут он посмотрел на песочницу и увидел, что сидящий в ней малыш рыдает так, будто у него сердце разрывается, а рядом сидит мальчишка постарше и беззаботно играет с самосвальчиком, который вырвал у своего приятеля.

А конец книги — счастливый или нет? Какой бы психованной такая мысль ни показалась ему месяц назад, Бобби не мог решить. Сколько книг он ни прочел за свою жизнь, он всегда знал, хороший у нее конец или плохой, счастливый или грустный. Тед наверняка знает. Он спросит у Теда.

Бобби все еще сидел на скамейке под яблонями, когда через четверть часа в парк влетел Салл и сразу его увидел.

— Вот ты где, старый сукин сын! — воскликнул Салл. — Я зашел к тебе, и твоя мама сказала, что ты либо тут, либо в Стерлинг-Хаусе. Так ты наконец дочитал эту книжку?

— Угу.

— Хорошая?

— Угу.

Эс-Джей мотнул головой.

— Мне еще ни разу не попадалась стоящая книжка, но поверю тебе на слово.

— Как концерт?

Салл пожал плечами.

— Мы дудели, пока все не разошлись, так что прошло вроде бы неплохо — во всяком случае, для нас. И угадай, кто выиграл неделю в лагере «Виннивинья»?

Лагерь «Винни» для мальчиков и девочек, принадлежащий Ассоциации молодых христиан, находился на озере Джордж в лесах к северу от Мэнсфилда. Каждый год ХОК — Харвичский общественный комитет устраивал жеребьевку, и выигравший отправлялся туда на неделю.

Бобби стало завидно.

— Быть не может!

Салл-Джон ухмыльнулся.

— Угу, приятель! Семьдесят фамилий в шляпе, то есть, может, и больше, а старый лысый сукин сын мистер Кафлин вытаскивает Джона Л. Салливана Младшего, Брод-стрит, девяносто три. Мама чуть не обмочилась.

— Когда поедешь?

— Через две недели после начала каникул. Мама попробует взять на тогда же свой недельный отпуск, чтобы съездить поводить бабу с дедом в Висконсине. На Большом Сером Псе.

«Большим Каном» были летние каникулы, «Большим Шоу» был Эд Салливан по телику в воскресенье вечером, а «Большим Серым Псом» был, естественно, междугородний автобус «Грей-хаунд» — серая гончая. Вокзал был чуть дальше по улице за «Эшеровским Ампиrom» и закусочной «Колония».

— А ты бы не хотел поехать с ней в Висконсин? — спросил Бобби, испытывая нехорошее желание чуточку испортить радость друга, которому так повезло.

— Неплохо бы, да только пострелять из лука в лагере интереснее. — Он обнял Бобби за плечи. — Жаль только, что ты со мной не поедешь, сукин ты читальщик.

Теперь Бобби ощутил себя подлюгой. Он покосился на «Повелителя мух» и понял, что очень скоро перечитает его. Может, в начале августа, если все успеет надоесть (к августу так обычно и случалось, как ни трудно было поверить этому в мае). Потом он посмотрел на Салл-Джона, улыбнулся и обнял Эс-Джея за плечи.

— Везучий ты, мышонок!

— Зовите меня просто Микки, — согласился Салл-Джон.

Они немного посидели на скамейке, обнявшись, в вихрах яблоневых лепестков, глядя, как играют малыши. Потом Салл сказал, что идет на дневной сеанс в «Ампире» и надо поторопиться, не то он опоздает к началу.

— Почему бы и тебе не пойти, Бобборино? «Черный скорпион» — куда ни обернешься, монстров не оберешься.

— Не могу. Я на мели, — сказал Бобби. Что было правдой (если, конечно, не считать семи долларов в «Велофонде»), но вообще сегодня ему в кино не хотелось, хотя он слышал, как в школе один парень говорил, что «Черный скорпион» — это класс: убивая людей, скорпионы протыкали их жалами насквозь и, кроме того, стерли Мехико в порошок.

А хотелось Бобби вернуться домой и обсудить с Тедом «Повелителя мух».

— На мели, — грустно повторил Салл. — Печально, Джек. Я бы заплатил за тебя, да только у меня всего-навсего тридцать семь центов.

— Не парься. Э-эй, а где твой бо-ло?

Салл погрузился еще больше.

— Резинка лопнула. Вознесся в Бо-ло Рай, надо полагать. Бобби засмеялся. Бо-ло Рай — клевая идея!

— купишь новый?

— Наверяд ли. Я целюсь на набор для фокусника в «Вулворте». Шестьдесят фокусов, если верить коробке. Знаешь, Бобби, а я бы стал фокусником, когда вырасту. Разъезжать с цирком, ходить в черном фраке и цилиндре. Я бы вытаскивал из цилиндра кроликов и дерьмо.

— Ну, кролики тебе насрут полный цилиндр, — сказал Бобби. Салл ухмыльнулся.

— Уж я буду клевый сукин сын! Эх здорово! Чем ни займись. — Он встал. — Точно не пойдешь? Проскользнешь мимо Годзиллы, и все.

В «Ампир» на субботние сеансы приходили сотни ребят. Программа обычно состояла из художественного фильма, восьми-девяти мультфильмов, рекламы будущих фильмов и еще — киноновостей. Миссис Годлоу с ума сходила, пытаясь выстроить их в очередь и заставить заткнуться, не понимая, что днем в субботу даже дисциплинированных ребят невозможно принудить

вести себя так, будто они в школе. Кроме того, ее терзала маниакальная уверенность, что десятки подростков старше двенадцати лет пытаются купить билеты для детей младшего возраста, и миссис Г., конечно, начала бы требовать метрики на дневных сеансах, как на двух фильмах с Брижит Бардо, если бы ей позволили. Не имея на то власти, она ограничивалась рывканьем «ВКАКОМГОДУРОДИЛСЯ?» на всякого, кто был выше пяти с половиной футов. Пока продолжалась эта заварушка, было очень просто проскользнуть мимо нее, а днем в субботу контролер в дверях не стоял. Однако сегодня гигантские скорпионы Бобби не влекли. Последнюю неделю он провел с монстрами пореалистичнее, причем многие из них, наверное, выглядели совсем как он.

— Не-а, — сказал Бобби, — поболтаюсь пока тут.

— Ладно. — Салл-Джон выковырял несколько лепестков из своих черных волос, потом с торжественной серьезностью посмотрел на Бобби. — Назови меня клевым сукиным сыном, Большой Боб.

— Салл, ты клевый сукин сын!

— Ага! — Салл-Джон взвился в воздух, молотя по нему кулаками. — Ага! Клевый сукин сын сегодня! Большой-пребольшой клевый сукин сын-фокусник завтра! Ого-го-го!

Бобби привалился к спинке скамейки и хохотал, вытянув ноги, поджав пальцы на них. Эс-Джей, когда давал себе волю, мог со смеху уморить.

Салл пошел было к воротам, потом обернулся.

— Знаешь что, приятель? Когда я входил в парк, то видел пару жутких типчиков.

— А что в них было жуткого?

Салл-Джон с недоумением помотал головой.

— Не знаю, — сказал он. — Правда, не знаю, — и зашагал к воротам, напевая «На вечеринке». Одну из своих любимых. Бобби она тоже нравилась. «Денни и Мальчики» еще какие клевые!

Бобби открыл подаренную Тедом книжку (она теперь выглядела сильно замусоленной) и перечел две последние страницы, те, где наконец появляются взрослые. Снова задумался — счастливый или печальный? И Салл-Джон выскочил у него из головы. Позднее ему пришло в голову, что многое могло бы сложиться по-другому, упомяни Эс-Джей, что жуткие типчики, которых он видел, были в желтых плащах.

* * *

— Уильям Голдинг написал интересную вещь про эту книгу и, по-моему, о том, почему тебе так важно узнать про конец... еще шипучки, Бобби?

Бобби мотнул головой и сказал «нет, спасибо». Ему не так уж нравилась шипучка из корнеплодов, и чаще он пил ее из вежливости, когда бывал с Тедом. Они опять сидели за кухонным столом Теда, пес миссис О'Хара все еще лаял — насколько мог судить Бобби, Баузер никогда не умолкал, — а Тед все еще курил свои «честерфилдки». Бобби, когда пришел из парка, заглянул к матери, увидел, что она спит у себя на кровати, и бросился на третий этаж спросить Теда про конец «Повелителя мух».

Тед подошел к холодильнику... и остался стоять там, положив руку на дверцу, глядя в пространство. Позднее Бобби предстояло сообразить, что это был первый раз, когда он ясно увидел, что с Тедом что-то не так, вернее, очень неладно и становится еще неладнее.

— Их сначала замечаешь обратной стороной глаз, — сказал он, будто продолжая разговор. Он говорил четко, Бобби разбирал каждое слово.

— Что замечаешь?

— Их сначала замечаешь обратной стороной глаз. — Все еще глядя в пространство, одной рукой сжимая ручку холодильника. И Бобби стало страшно. Будто в воздухе что-то было. что-то вроде цветочной пылицы — у него зашекотало в носу, зачесались тыльные стороны ладоней.

Потом Тед открыл холодильничек и нагнулся.

— Точно не хочешь? — спросил он. — А то холодненькая, в самый раз.

— Не... нет, не нужно.

Тед вернулся к столу, и Бобби понял, что Тед либо хочет сделать вид, будто ничего не случилось, либо ничего не помнит. И еще он понял, что с Тедом сейчас все в порядке. Для Бобби этого было достаточно. Взрослых не поймешь. Иногда лучше просто не замечать того, что они вытворяют.

— Скажите, что он сказал про конец, мистер Голдинг?

— Насколько помню, что-то вроде: «Мальчиков спасла команда линейного крейсера, но кто спасет команду?» — Тед на-

лил себе стакан шипучки, подождал, чтобы пена осела, и подлил в стакан еще. — Теперь понимаешь?

Бобби прикинул так и эдак, словно решал ребус. Черт, это и был ребус.

— Нет, — сказал он наконец. — Все равно не понимаю. Их не от чего было спасать — я про моряков в шлюпке, — потому что они ведь не были на острове. И еще... — Он подумал о малышках в песочнице: один ревет во весь голос, а другой знает себе играет с отнятым самосвальчиком. — Моряки на крейсере ведь взрослые. А взрослые в спасении не нуждаются.

— Нет?

— Нет.

— Никогда?

Бобби вдруг вспомнил свою мать: какой она бывает из-за денег. Потом вспомнил, как проснулся ночью и вроде бы услышал, как она плачет. Он ничего не ответил.

— Ты поразмысли, — сказал Тед, сильно затянулся и выпустил клуб дыма. — Хорошие книги для того и пишутся, чтобы над ними потом размышляли.

— Ладно.

— «Повелитель мух» ведь не очень похож на «Мальчишек Харди», верно?

Бобби на мгновение увидел очень ясно, как Фрэнк и Джо Харди бегут по джунглям с самодельными копьями, распевая, что убьют дикую свинью и воткнут копьё ей в задницу. Он засмеялся, и когда Тед присоединился к его смеху, он понял, что навсегда покончил с Мальчишками Харди, Томом Свифтом, Риком Брентом и Бомбой — мальчиком из джунглей. «Повелитель мух» уничтожил их, и Бобби лишний раз обрадовался, что у него есть взрослая библиотечная карточка.

— Да уж! — ответил он.

— А хорошие книги не выдают все свои секреты сразу. Запомнишь?

— Да.

— Потрясающе! А теперь скажи мне, хочешь зарабатывать у меня по доллару в неделю?

Перемена темы была настолько внезапной, что на секунду Бобби запутался, но потом расплылся до ушей и сказал:

— Ух, черт! Само собой!

В мозгу у него бешено закружились цифры: Бобби все-таки преуспел в математике настолько, чтобы сосчитать, что доллар в неделю означает по меньшей мере пятнадцать баксов к сентябрю. А добавить их к тому, что уже накоплено, да плюс даже средний урожай бутылок по кустам, да подстричь пару-другую газонов по улице... ух ты! В День Труда* он уже сможет прокатиться на «швинне»!

— А что мне нужно будет делать?

— Тут нам требуется соблюдать осторожность. Большую осторожность. — Тед замолк и о чем-то задумался — так долго, что Бобби испугался, как бы он снова не понес чушь об обратной стороне глаз. Но когда Тед поглядел на него, та странная пустота у него в глазах не появилась. Они были ясными, хотя и немножко виноватыми. — Я бы никогда не попросил моего друга — а особенно юного друга — лгать родителям, но тут я попрошу тебя заняться со мной небольшим отводом глаз. Ты знаешь, что это такое?

— Само собой. — Бобби подумал о Салле и его новом плане путешествовать с цирком, носить черный фрак и вытаскивать кроликов из шляпы. — Ну, как делают фокусники, чтобы дурачить зрителей.

— Если это выразить так, звучит ведь не особенно хорошо, верно?

Бобби покачал головой. Да, если убрать блески и цветное освещение, звучало это совсем-совсем нехорошо.

Тед отхлебнул шипучки и вытер пену с верхней губы.

— Твоя мама, Бобби. Она не то чтобы очень меня недолюбливает — сказать так было бы, по-моему, несправедливо... но я думаю, что она ПОЧТИ меня недолюбливает. Согласен?

— Вроде бы. Когда я ей сказал, что у вас может быть для меня работа, она чуть на стенку не полезла. Сказала, что я должен рассказать ей, что вы хотите, чтобы я делал, а тогда она скажет, можно мне или нет.

Тед Бротиген кивнул.

— По-моему, это все потому, что вы часть вещей привезли в бумажных пакетах. Я знаю, получается глупость какая-то, но

* Празднуется в США в первое воскресенье сентября.

другой причины вроде бы нету. — Он думал, что Тед засмеется, но тот только снова кивнул.

— Может, все только к этому и сводится. В любом случае, Бобби, я не хотел бы, чтобы ты послушался мамы.

Очень даже хорошо, но Бобби Гарфилд не совсем ему поверил: если так, так зачем было говорить про отвод глаз?

— Скажи маме, что у меня глаза очень быстро устают. Это правда. — Словно в доказательство, Тед поднял правую руку и помассировал уголки глаз большим и указательным пальцами. — Скажи ей, что мне хотелось бы, чтобы ты каждый день читал мне статьи из газет, а за это я буду платить тебе доллар в неделю — монету, как выражается твой приятель Салл.

Бобби кивнул... но бакс в неделю за то, чтобы читать про то, как Кеннеди проходит первичные выборы, и победит ли Флойд Паттерсон в июне или нет? Да еще, может, «Блонди» и «Дик Трейси» в придачу. Его мама или, может, мистер Бидермен в агентстве по продаже недвижимости и поверили бы, но только не Бобби.

Тед все еще протирает глаза, и его кисть нависала над узким носом, будто паук.

— А что еще? — спросил Бобби. Голос у него прозвучал странно, плоско, точно голос его мамы, когда он обещал прибрать свою комнату, а она заглядывала туда вечером и видела, что он еще не принимался за уборку. — А настоящая работа какая?

— Я хочу, чтобы ты кое-кого выглядывал, только и всего.

— А кого?

— Низких людей в желтых плащах. — Пальцы Теда все еще терли уголки его глаз. Бобби ждал, когда он перестанет, от этих движущихся пальцев ему становилось не по себе. Тед ощущает что-то по ту сторону глаз и оттого трет их и поглаживает? Что-то, что завладело его вниманием, нарушило обычно разумный и упорядоченный ход его мыслей.

— Лилипутов?

Но почему в желтых плащах? Однако ничего другого ему в голову не пришло.

Тед засмеялся — солнечным, настоящим смехом, и от этого смеха Бобби стало ясно, до чего ему было не по себе.

— Низких мужчин, — сказал Тед. — Слово «низкий» я употребил в диккенсовском смысле, подразумевая субъектов, которые выглядят дураками... и к тому же опасными. Люди того пошиба, что, так сказать, играют в кости в темных закоулках и пускают в круговую бутылку спиртного в бумажном пакете. Того пошиба, что прислоняются к фонарным столбам и свистят вслед женщинам, идущим по тротуару на той стороне, и утирают шею носовыми платками. Которые никогда не бывают чистыми. Люди, которые считают шляпы с перышком на гулье высшим шиком. Люди, которые выглядят так, словно знают все верные ответы на все глупые вопросы, поставленные жизнью. Я говорю не слишком внятно, а? Что-нибудь из этого доходит до тебя? Вызывает отклик?

Угу, вызывает. Похоже на то, как назвать время старым лысым обманщиком. Будто слово или фраза именно такие, какими должны быть, хотя ты и не можешь объяснить, почему. Ему вспомнилось, как мистер Бидермен всегда выглядит небритым, даже когда еще чувствуешь сладкий запах лосьона после бритья, высыхающего на его щеках; как почему-то твердо знаешь, что мистер Бидермен ковыряет в носу, когда остается в машине один, или сует пальцы в приемнички возврата монет во всех телефонах-автоматах, мимо которых проходит и сам того не замечает.

— Я понял, — сказал он.

— Отлично. Я и за тысячу тысяч жизней не попросил бы тебя заговорить с такими людьми или даже подойти к ним поближе. Но я прошу тебя нести дозор, раз в день обходить квартал — Бруд-стрит, Коммонвелф-стрит, Колония-стрит, Эшер-авеню, а потом вернуться сюда в дом сто сорок девять. Просто поглядывать, что и как.

Все это начинало укладываться у Бобби в голове. В день его рождения — который также был днем переезда Теда в дом номер сто сорок девять — Тед спросил его, сумеет ли он распознать странников, пришельцев — тех, чьи лица ему не знакомы, если они тут появятся. И меньше чем через три недели Кэрол Гербер сказала, что иногда ей кажется, будто Тед от чего-то прячется.

— А сколько этих типчиков? — спросил он.

— Трос, пятеро, теперь, может быть, и больше. — Тэд пожал плечами. — Ты их узнаешь по длинным желтым плащам и смуглой коже... хотя эта темная кожа всего лишь маскировка.

— Что... вроде как «Ман-Тан» или что-то такое?

— Пожалуй, да. А если они приедут на машинах, ты их узнаешь по этим машинам.

— А какие они? Какие модели? — Бобби почувствовал себя Даррено Макгейвином в «Майке Хаммере» и посоветовал себе не увлекаться. Это же не сериал. И все-таки очень увлекательно.

Тэд покачал головой.

— Понятия не имею. Но ты все равно их распознаешь, потому что машины у них будут такие же, как их желтые плащи и остроносые туфли, и ароматизированный жир, которым они намаживают волосы — броские и вульгарные.

— Низкие, — сказал Бобби.

— Низкие, — повторил Тэд и энергично кивнул. Отхлебнул шипучки, оглянулся на лай неумолчного Баузера... и несколько секунд сохранял эту позу, будто у игрушки сломалась пружинка или у машины кончился бензин. — Они меня чувят, — сказал он, — а я чувю их. Что за мир!

— Что им нужно?

Тэд обернулся к нему, словно застигнутый врасплох. Слово он забыл, что Бобби у него в кухне. Потом улыбнулся и положил ладонь на руку Бобби. Ладонь была большая, теплая и надежная — мужская ладонь. От этого прикосновения уже не слишком глубокие сомнения Бобби рассеялись.

— То, что у меня есть, — сказал Тэд. — И остановимся на этом.

— А они не полицейские? Не секретные агенты? Или...

— Ты хочешь спросить, не вхожу ли я в «Десятку важнейших преступников», разыскиваемых ФБР? Или я коммунистический шпион, как в «Я вел тройную жизнь»? Злодей?

— Я знаю, что вы не злодей, — сказал Бобби, но краска, разлившаяся по его щекам, намекала на обратное. Хотя, что бы он ни думал, это мало что меняло. Злодей ведь может нравиться, его даже можно любить. Даже у Гитлера была мать, как любит повторять его собственная мама.

— Я не злодей. Не ограбил ни одного банка, не украл ни одной военной тайны. Я слишком большую часть своей жизни

тратил на чтение книг и старался не платить штрафы — существующая библиотечная полиция, боюсь, она охотилась бы за мной. Но я не злодей вроде тех, которых ты видишь по телевизору.

— А вот типчики в желтых плащах, так да.

— До мозга костей, — кивнул Тед. — И, как я уже говорил, — опасные.

— Вы их видели?

— Много раз, но не здесь, и девяносто девять шансов против одного, что ты их не увидишь. Все, чего я прошу: поглядывай, не появятся ли они. Это ты можешь сделать?

— Да.

— Бобби? Что-то не так?

— Да нет. — И все же секунду что-то такое было — не нечто определенное, а лишь мелькнувшее ощущение нащупывания.

— Ты уверен?

— Угу.

— Ну, хорошо. Ну а теперь вопрос: можешь ты с чистой совестью — или хотя бы со спокойной совестью не сказать об этой части своих обязанностей матери?

— Да, — ответил Бобби без запинки, хотя и понимал, что это означает большое изменение в его жизни... и очень рискованное. Он боялся своей мамы — очень боялся, и страх этот лишь отчасти был связан с тем, как сильно она могла рассердиться и как долго заставлять его расплачиваться. Главное же заключалось в горьком ощущении, что любят его самую чуточку, и хотя бы такую любовь надо оберегать. Но ему нравился Тед... и было так приятно чувствовать на своей руке ладонь Теда — ее теплую шероховатость, прикосновение пальцев, почти узловатых в суставах. И ведь это не значит врать, а только сказать не все.

— Ты по-настоящему уверен?

«Если хочешь научиться врать, Бобби-бой, так начать умалчивать — самое неплохое начало», — зашептал внутренний голос. Бобби не стал его слушать.

— Да, — сказал он. — По-настоящему уверен. Тед... а эти типчики опасны только вам или всем? — Думал он о своей маме, но и о себе тоже.

— Мне они могут быть очень опасны. Очень. Для других людей... подавляющего большинства других людей, вероятно,

нет. Хочешь узнать одну странность? Люди, в большинстве, их попросту не видят. Разве что они окажутся совсем уж близко. Прямо-таки кажется, что они умеют затемнять человеческое сознание. Ну, как Тень в старом радиосериале.

— Значит, они... ну... — Он полагал, что тут подходит слово «сверхъестественные», но не был уверен, что сумеет его выговорить.

— Нет-нет, вовсе нет! — Тед отмахнулся от вопроса прежде, чем вопрос был толком задан. (Вечером, когда Бобби не засыпал дольше обычного, он подумал, что Тед словно бы боялся произнести это слово вслух.) — Есть много людей, самых обыкновенных, которых мы не видим. Официантку, которая возвращается домой, опустив голову, держа бумажный пакет со своими ресторанными туфлями. Стариков, вышедших днем в парк прогуляться. Девочек-подростков с бигуди в волосах и в наушниках, настроивших свои транзисторы на «Отсчет времени» Питера Триппа. Но дети их видят. Дети видят всех. А ты, Бобби, ты все еще ребенок.

— Да вроде таких типчиков трудно не заметить.

— Ты думаешь о куртках. Туфлях. Аляповатых автомобилях. Но именно это заставляет некоторых людей — вернее очень многих людей — отворачиваться. Ставит маленькие шлагбаумы между глазами и мозгом. В любом случае я не позволю тебе рисковать. Если увидишь людей в желтых плащах, НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ К НИМ. Не разговаривай с ними, даже если они заговорят с тобой. Не представляю, что так случится. Думаю, они тебя попросту не увидят — точно так же, как большинство людей не видит их. Но есть много такого, чего я о них не знаю. А теперь скажи, о чем я сейчас говорил. Повтори. Это важно.

— Не подходить к ним и не разговаривать с ними.

— Даже если они заговорят с тобой. (Это было сказано нетерпеливо.)

— Даже, если они заговорят со мной. Ну да. Но что мне тогда делать?

— Сразу вернуться сюда и сообщить мне, что они поблизости и где именно ты их видел. Иди, не торопясь, пока не убедишься, что им тебя не видно, а тогда беги. Беги как ветер. Беги, будто за тобой весь ад гонится.

— И что вы тогда сделаете? — спросил Бобби, но, конечно, он и сам знал. Пусть он не так все подмечает, как Кэрл, но он ведь и не круглый дурак. — Вы уедете, верно?

Тед Бротиген пожал плечами и допил шипучку, избегая глаз Бобби.

— Решу, когда придет время. Если оно придет. Если мне повезет, то чувство, возникшее у меня в последние дни — мое ощущение этих людей, — исчезнет.

— А так уже бывало?

— О да! Ну а теперь почему бы нам не поговорить о более приятных вещах?

Следующие полчаса они обсуждали бейсбол, потом музыку (Бобби изумился, выяснив, что Тед не только знал произведения Элвиса Пресли, но некоторые ему даже нравились), а потом надежды и страхи Бобби, связанные с переходом в следующий класс в сентябре. Все это было интересно, но за каждой темой Бобби ощущал незримое присутствие низких людей. Низкие люди таились тут, в комнате Теда на третьем этаже, точно зыбкие тени, которые невозможно четко разглядеть.

Но когда Бобби собрался уходить, Тед снова к ним вернулся.

— Смотри внимательнее по сторонам, — сказал он. — Не увидишь ли признаков, что мои... мои старые друзья где-то здесь.

— Каких признаков?

— Гуляя по городу, высматривай объявления о пропавших собаках и кошках на стенах, в витринах, на столбах фонарей. «Пропала серая кошечка с черными ушками, белой грудкой и кривым хвостиком. Позвоните ИРокез семь-семьдесят шесть-шестьдесят один». «Пропала маленькая дворняжка, помесь с биглем, откликается на кличку Трикси, любит детей, наши хотят, чтобы она вернулась домой. Позвоните ИРокез семь-ноль девять-восемьдесят четыре. Или принесите. Дом семьдесят семь по Пибоди-стрит» Вот в таком духе.

— О чем вы говорите? Черт! Они что — убивают чужих собак и кошек? По-вашему...

— По-моему, большинство этих животных вообще не существует, — сказал Тед. Голос у него был усталый и грустный. — Даже когда приклеена маленькая нечеткая фотография, я счи-

таю, что это чистая фикция. По-моему, такие объявления — это форма передачи сведений, хотя не знаю, почему бы людям, которые их развешивают, просто не пойти в «Колонию» и не обменяться ими за жарким с картофельным пюре. А куда твоя мама ходит за покупками, Бобби?

— В «Любую бакалею». Она совсем рядом с агентством мистера Бидермена.

— А ты с ней туда ходишь?

— Иногда. — Когда он был маленьким, то встречал ее там каждую пятницу. Читал телевизионную программу у стойки с журналами, пока она не приходила. Он любил конец пятницы, потому что с него начинались выходные, потому что мама позволяла ему толкать тележку, а он играл, что это гоночный автомобиль, и потому что он ее любил. Но Теду он ничего этого не сказал. Черт! Ему же было всего восемь!

— Поглядывай на доску объявлений, которые в каждом супермаркете перед кассами, — сказал Тед. — На ней ты увидишь несколько напечатанных от руки карточек с объявлениями вроде: «ВЛАДЕЛЕЦ ПРОДАЕТ АВТОМОБИЛЬ». Высматривай объявления такого рода, которые приклеены к доске вверх ногами. Есть в городе еще супермаркеты?

— Около железнодорожного моста. Мама туда не ходит. Говорит, что мясник на нее пялится.

— А ты сможешь проверять объявления и там?

— Ага.

— Пока все хорошо, очень хорошо. А теперь... Ты знаешь квадраты для «классиков», которые дети всегда рисуют на тротуарах?

Бобби кивнул.

— Высматривай такие, рядом с которыми нарисованы звезды или луна, или же они вместе. Обычно разноцветными мелками. Высматривай хвосты воздушных змеев на проводах. Не змеев, только хвосты. И...

Тед умолк и, хмурясь, задумался. Когда он достал «честерфилдку» из пачки на столе и закурил, Бобби подумал вполне логично: «А ведь он псих. Совсем чокнутый».

Да, конечно, какие могут быть сомнения? Он только надеялся, что при этом Тед все-таки осторожен. Если его мама ус-

лышит, как Тед несет такое, она не позволит Бобби и близко к нему подойти. И наверняка пошлет за белыми халатами... или попросит старину Дона Бидермена сделать это за нее.

— Знаешь часы на площади, Бобби?

— Само собой.

— Они могут отбивать не тот час или будут бить в промежутках. И еще, ищи в газетах заметки о мелком вандализме в церквях. Мои друзья не любят церкви, но никогда не позволяют себе лишнего. Они стараются пригнуться пониже — прошу прощения за каламбур. Есть и другие признаки их присутствия. Но я не хочу тебя перегружать. Лично я считаю, что наиболее верный из них — объявления.

— «Если увидите Рыжуйку, пожалуйста, верните ее домой».

— Вот имен...

— Бобби? — Это был голос его матери, а затем вверх по ступенькам зашуршали ее субботные тапочки. — Бобби, ты наверху?

III. Власть матери. Бобби приступает к работе.

«Он тебя трогает?»

Последний школьный день

Бобби и Тед виновато переглянулись. Оба выпрямились, как будто не просто вели чокнутый разговор, а и занимались чем-то чокнутым.

«Она заметит, что мы что-то затеяли, — в отчаянии подумал Бобби. — Это же у меня на лице написано».

— Нет, — успокоил его Тед. — Совсем нет. Ее власть над тобой в том, что ты этому веришь. Такова власть матери.

Бобби ошеломленно уставился на него. «Вы читали мои мысли? Вот сейчас?»

Но его мама уже почти поднялась на площадку третьего этажа, и у Теда не было времени на ответ, даже если бы он захотел ответить. Но в его лице ничто не показывало, что он ответил бы, будь на это время. И Бобби тут же засомневался, а слышал ли он то, что вроде бы услышал?

Тут в открытой двери появилась его мать, переводя взгляд с сына на Теда и снова на сына — оценивающий взгляд.

— Так вот ты все-таки где, — сказала она. — Господи, Бобби, ты что — не слышал, как я тебя звала?

— Так, мам, ты же вошла прежде, чем я рот успел открыть.

Она хмыкнула. Ее губы сложились в ничего не значащую улыбочку — обычную ее машинально-вежливую улыбочку. Ее взгляд продолжал метаться между ними, высматривая что-то неуместное, что-то ей не нравящееся, что-то плохое.

— Я не слышала, как ты пришел с улицы.

— Ты спала у себя в кровати.

— Как вы сегодня, миссис Гарфилд? — спросил Тед.

— Как огурчик.

А ее взгляд все переходил и переходил с одного на другого. Бобби понятия не имел, чего она доискивается, но виноватое выражение, наверное, исчезло с его лица. Если бы она увидела, он бы знал, знал бы, что она знает.

— Не хотите шипучки? — спросил Тед. — У меня есть рутбир. Не лучший напиток, но, во всяком случае, холодный.

— С удовольствием, — сказала Лиз. — Спасибо. — Она прошла от двери к столу и села рядом с Бобби. Глядя, как Тед идет к холодильнику и достает бутылку, она рассеянно погладила Бобби по колену. — Наверху тут пока еще не жарко, но через месяц будет, гарантирую. Вам понадобится вентилятор.

— Это мысль! — Тед налил рутбир в чистый стакан, потом, стоя у холодильника, поднял стакан к свету и подождал, чтобы пена улеглась. Бобби он показался ученым с рекламного ролика, одним из типчиков, помешанных на качествах продукта «Икс» и продукта «Игрек» и на том, что таблетки «ролэйдс» поглощают желудочную кислоту в количестве, в пятьдесят семь раз превышающем их собственный вес — поразительно, но чистейшая правда.

— Не дополна. Спасибо, этого достаточно, — сказала она с легким нетерпением. Тед принес ей стакан, и она приветственно его приподняла. — Ну, вот! — отхлебнула и сморщилась, будто это было чистое виски, а не рутбир. Поверх стакана она следила за тем, как Тед сел, сбросил пепел с сигареты и сунул окурочек назад в уголок рта.

— Вас теперь водой не разольешь, — заметила она. — Посиживаете на кухне, попиваете рутбир — уютненько, если хотите знать мое мнение! И о чем же вы беседовали сегодня?

— О книге, которую мне подарил мистер Бротиген, — сказал Бобби. Его голос прозвучал естественно и спокойно, голос, который ничего не скрывает. — «Повелитель мух». Я не разобрался, счастливый конец или грустный. Ну, и решил спросить у него.

— О! И что же он сказал?

— Что конец и такой, и такой. А потом посоветовал мне поразмыслить.

Лиз засмеялась, но не очень весело.

— Я читаю триллеры, мистер Бреттиген, а размышления приберегаю для жизни. Ну да конечно, я не на пенсии.

— Да, — сказал Тед. — Вы в самом расцвете жизни, это сразу видно.

Она бросила на него взгляд, хорошо знакомый Бобби: «Лесть тебе не поможет».

— И еще я предложил Бобби небольшую работу, — сказал Тед. — Он согласен... с вашего разрешения, конечно.

При упоминании о работе, кожа у нее на лбу собралась складками, но разгладилась при упоминании о ее разрешении. Она протянула руку и чуть прикоснулась к рыжим волосам Бобби — жест такой необычный, что глаза у Бобби чуть округлились. А ее глаза так и остались прикованными к лицу Теда. И Бобби понял, что она не только не доверяет этому человеку, но никогда-никогда доверять не будет.

— И какая это работа?

— Он хочет, чтобы я...

— Ш-ш-ш, — сказала она, а ее глаза над краем стакана все так же впивались в Теда.

— Мне бы хотелось, чтобы он читал мне газеты, скажем, во второй половине дня, — сказал Тед, а потом объяснил, что глаза у него уже не те, что были раньше, и как ему с каждым днем все труднее разбирать мелкую печать. — Но он любит следить за новостями — такие интересные времена, не правда ли, миссис Гарфилд? Ну и за колонками тоже — Стюарта Аслора, Уолтера Уинчелла и прочих. Уинчелл, конечно, сплетник, но очень интересный сплетник, вы не находите, миссис Гарфилд?

Бобби слушал, все больше напрягаясь, хотя и видел по лицу и позе своей матери — даже по тому, как она прихлебывала свой рутбир, — что она верит словам Теда. С этим-то все было в порядке, но что, если Тед снова обалдеет? Обалдеет и начнет бормотать про низких людей в желтых плащах или о хвостах воздушных змеев на проводах — только без змеев, — все время глядя в никуда?

Но ничего подобного не случилось. Тед напоследок сказал, что ему хотелось бы узнать, как дела у «Доджеров» — а особенно у Морри Уиллса, пусть они и перебрались в Лос-Анджелес. Сказал он с видом человека, решившего сказать правду, хотя и немножко ее стыдясь. Бобби решил, что это отличный ход.

— Ну, пожалуй, это будет неплохо, — сказала его мать (словно бы с неохотой, подумал Бобби). — Работа ведь не бей лежачего. Хотелось бы, чтобы и моя работа была такой!

— Готов поспорить, что свою работу, миссис Гарфилд, вы делаете блестяще.

Она снова метнула в него свой сухой взгляд «Лестью меня не проймешь».

— За решение кроссвордов вам придется ему приплачивать, — сказала она, вставая, и, хотя Бобби не понял ее слов, он был поражен жесткостью, которую почувствовал в них — как осколок стекла в мармеладе. Словно ей хотелось высмеять слабеющее зрение Теда, а заодно и его ум, словно ей хотелось уязвить его за доброту к ее сыну. Бобби все еще было стыдно, что он обманул ее, и страшно, что она об этом узнает, но теперь он был рад... почти злобно рад. Так ей и надо!

— Он хорошо решает кроссворды, мой Бобби.

Тед улыбнулся.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Отправляйся вниз. Боб. Пора дать мистеру Бреттигену отдых.

— Но...

— Мне бы хотелось снова прилечь, Бобби. У меня немножко болит голова. Я рада, что тебе понравился «Повелитель мух». Работать можешь начать завтра, если хочешь, со статей в воскресном номере. Предупреждаю, это, наверное, будет испытание огнем.

— Ладно.

Лиз вышла на маленькую площадку перед дверью Теда. Бобби шел за ней. Тут она обернулась и посмотрела на Теда через голову Бобби.

— А почему бы не на крыльце? — спросила она. — Свежий воздух будет полезен вам обоим. Лучше, чем сидеть в этой душной комнатухе. Да и я смогу послушать, если буду в гостинной.

Бобби показалось, что они обмениваются мыслями. Ну, не с помощью телепатии, конечно... хотя по-своему это была телепатия. Непонятная, какой пользуются взрослые.

— Чудесная идея, — сказал Тед. — На крыльце будет прекрасно. Всего хорошего, Бобби. Всего хорошего, миссис Гарфилд.

Бобби чуть было не ляпнул «покедова, Тед», но в последний миг заменил это прощание на «пока, мистер Бротиген». Он направился к лестнице, растерянно улыбаясь, как, обливаясь холодным потом, улыбается человек, чудом не ставший жертвой несчастного случая. Его мама задержалась на верхней ступеньке.

— Вы давно на пенсии, мистер Бреттиген? Или вам неприятно, что я спрашиваю?

До этого Бобби почти решил, что фамилию Теда она искажает не нарочно, но теперь он сразу переменял мнение. Нет, нарочно. Нарочно!

— Три года. — Он раздавил окурочек о дно переполненной жестянки и тут же закурил новую сигарету.

— Значит, вам... шестьдесят восемь?

— Точнее, шестьдесят шесть. — Голос у него по-прежнему был мягким и откровенным, но Бобби показалось, что эти вопросы ему не особенно нравятся. — Меня отправили на полную пенсию на два года раньше. По медицинским соображениям.

«Мам, только не спрашивай, что с ним, — мысленно простонал Бобби. — Не смей!»

Она не спросила, а вместо того осведомилась, чем он занимался в Хардфорде.

— Бухгалтерией. Работал в Управлении контролера денежного обращения.

— А мы с Бобби думали, что вы занимались педагогической деятельностью. Бухгалтерия! Звучит очень ответственно.

Тед улыбнулся. Бобби почудилось, что было во всем этом что-то ужасное.

— За двадцать лет я износил три калькулятора. Если это ответственное дело, миссис Гарфилд, то да — я занимался очень ответственным делом. Одер трусит на негнувшихся ногах, машинистка ставит пластинку на граммофон с автоматическим звукоснимателем.

— Я не понимаю.

— Я просто имею в виду, что много лет было потрачено на работу, которая никогда много не значила.

— Она бы много значила, если бы вам надо было кормить, одевать, обувать и растить ребенка. — Она посмотрела на него, слегка вздернув подбородок, словно говоря, что если Тед хочет обсуждать эту тему, то она готова.

Тед, с облегчением заметил Бобби, не хотел выходить на ковер или даже подойти к нему.

— Полагаю, вы правы, миссис Гарфилд. Абсолютно.

Она секунду-другую выставляла на него подбородок, во-прошая, уверен ли он, давая ему время передумать. Но Тед молчал, и она улыбнулась. Это была ее победоносная улыбка. Бобби любил маму, но внезапно ощутил, что, кроме того, устал от нее. Устал понимать выражения ее лица, устал от ее присловий, от чугунного склада ее ума.

— Благодарю вас за рутбир, мистер Бреттиген. Было очень вкусно. — И она повела своего сына вниз. На площадке она отпустила его руку и дальше шла впереди.

Бобби думал, что за ужином они будут говорить о его новой работе, но ошибся. Мама была словно где-то далеко, ее глаза смотрели поверх него. Ему пришлось два раза попросить у нее еще кусок мясного рулета, а когда позже вечером зазвонил телефон, она вскочила с дивана, на котором они смотрели телик. Прыгнула к телефону, точно Рики Нельсон, когда телефон звонит в программе «Оззи и Харриет». Она послушала, сказала что-то, потом вернулась к дивану и села.

— Кто звонил? — спросил Бобби.

— Не туда попали, — сказала Лиз.

* * *

На этом году своей жизни Бобби Гарфилд все еще ожидал сна с детской радостью: на спине, раскинув пятки по углам кровати, засунув ладони в прохладу под подушкой, выставив локти. Ночью, после того как Тед рассказал о низких мужчинах в длинных желтых плащах («И не забудь про их машины, — подумал он, — их большие машины, ярко размалеванные»), Бобби лежал в этой позе, наполовину выбравшись из-под одеяла. Лунный свет падал на его узкую детскую грудь, разделенную начетверо тенью оконной рамы.

Если бы он думал об этом (но он не думал), то не сомневался бы, что низкие мужчины Теда станут реальнее, едва он останется один в темноте, которую нарушают только тиканье его «Биг-Бена» с механическим заводом и голос диктора, сообщающего последние известия с телевизионного экрана. Прежде так бывало с ним всегда: конечно, легко смеяться, когда «Франкенштейна» показывают в «Театре ужасов», хлопаться в приливный обморок с воплем «Ах, Франки!», когда появляется монстр — особенно если Салл-Джон оставался ночевать. Но в темноте, после того как Эс-Джей начинал храпеть (или, хуже того, если Бобби был один), создание доктора Франкенштейна казалось куда более... нет, не реальным, то есть не по-настоящему, не совсем... но все-таки ВОЗМОЖНЫМ.

Однако ощущения возможности низкие мужчины Теда не пробудили. Скорее наоборот, мысль, будто какие ни на есть люди станут посылать сообщения с помощью объявлений о пропавших собаках и кошках, показалась ему в темноте совсем сумасшедшей. Но не опасно сумасшедшей. В любом случае Бобби не верил, что Тед мог быть по-настоящему, насквозь сумасшедшим — просто слишком уж умничал себе же во вред, особенно потому, что ему почти нечем было занять время. Тед немножко... ну... черт! Немножко — что? У Бобби не было для этого слов. Приди ему в голову слово «эксцентричен», он ухватился бы за него с радостью и облегчением.

«Но... он словно бы прочел мои мысли. Это как?»

А, он просто ошибся! Не расслышал толком. Или, может, Тед и правда прочел его мысли — прочел с помощью совсем неинтересной взрослой телепатии, снимая виноватость с его

лица, будто переводную картинку со стекла. Вот ведь и его мама всегда умела их читать... во всяком случае, до этого дня.

— Но...

Никаких «но». Тед отличный человек и много знает про книги, но он не чтец мыслей. Не больше, чем Салл-Джон фокусник или когда-нибудь им станет.

— Все это для отвода глаз, — пробормотал Бобби вслух, вытащил руки из-под подушки, скрестил их в запястьях, помотал кистями. По лунному пятну у него на груди пролестела голубка.

Бобби улыбнулся, закрыл глаза и уснул.

На следующее утро он сидел на крыльце и читал вслух из харвичской воскресной «Джорнел». Тед, примостившись рядом на диване-качалке, тихо слушал и курил «честерфилдки». Слева позади него хлопала занавеска в открытом окне гостиной Гарфилдов. Бобби рисовал в уме, как его мама сидит в кресле поближе к свету, поставив рядом рабочую корзинку, слушает и перешивает юбки (юбки опять носят длиннее, сказала она ему недели две назад; укоротишь в этом году, а следующей весной — пожалуйста распускай швы и снова обметывать подол, и все потому, что кучка гомиков в Нью-Йорке и Лондоне так постановила, и зачем она затрудняется, сама не знает). Бобби понятия не имел, действительно ли она сидит там или нет — открытое окно и хлопающая занавеска сами по себе ни о чем не говорили, однако он все равно рисовал себе эту картину. Когда он станет постарше, ему вдруг станет ясно, что он всегда воображал ее где-то рядом — за дверями, в том ряду на трибуне, где тени были такими густыми, что рассмотреть, кто там сидит, было трудно, в темноте на верхней площадке, — в его воображении она всегда была там.

Читать спортивные заметки было интересно (Мори Уиллс давал жару), статьи — не так, а персональные колонки совсем занудно — длинные, скучные, полные выражений вроде «фискальная ответственность» и «экономические индикаторы рецессионного характера». И все-таки Бобби был готов их читать. В конце-то концов он выполняет свою работу, зарабатывает наличные, а любая работа по большей части занудна — хотя бы часть времени. «Приходится работать за твои хлопья к завтра-

ку». — иногда говорила мама, когда мистер Бидермен задерживал ее допоздна. Бобби гордился, что способен произнести без запинки фразы вроде «экономические индикаторы рецессионного характера». К тому же другую работу — тайную работу — он получил из-за чокнутой уверенности Теда, что за ним охотятся какие-то люди, и Бобби было бы не по себе брать деньги только за нее: он бы чувствовал, будто надувает Теда, хотя Тед сам все придумал.

Но все равно, чокнутая или нет, а это была его работа, и он начал выполнять ее по воскресеньям днем. Бобби обходил квартал, когда его мама ложилась вздремнуть, высматривая низких людей в желтых плащах или их признаки. Он видел много интересного: на Колония-стрит женщина из-за чего-то скандалила с мужем — они стояли нос к носу, будто Красавчик Джордж и Сноп Колхаун перед началом схватки; малыш бил по пистонам закоптившимся камнем; на углу Коммонвелф и Броуд перед «Любой бакалеей» Спайсера мальчишка с девчонкой впились друг другу в губы; и еще фургончик с заманчивой надписью «НЯМ-НЯМ ВАМ И ВАМ». Но он не видел ни желтых плащей, ни объявлений на столбах о пропавших кошках и собаках, и ни единого хвоста от воздушного змея не свисало ни с единого провода.

Он зашел к Спайсеру купить жвачку за цент и зыркнул глазом по доске объявлений, добрую половину которой занимали фото кандидаток на мисс Рейнголд этого года. Он увидел две карточки о продаже машин, но обе были приклеены нормально. Еще одна с «ПРОДАЮ МОЙ БАССЕЙН ПРИ ДОМЕ, В ХОРОШЕМ СОСТОЯНИИ, В САМЫЙ РАЗ ДЛЯ ВАШИХ РЕБЯТИШЕК» была приклеена криво, но Бобби решил, что криво не в счет.

На Эшер-авеню он увидел тот еще «бьюик», припаркованный у пожарного крана, но цвет был бутылочно-зеленый, и Бобби не считал его броским и аляповатым, несмотря на иллюминаторчики по сторонам капота и решетку радиатора, смахивавшую на насмешливо ошеренный рот хромовой зубатки.

В понедельник он продолжал высматривать низких людей по дороге в школу и из школы. Он ничего не увидел... но Карол Гербер, которая шла с ним и с Эс-Джесом, увидела, как он по-

глядывает по сторонам. Его мать была права: Кэрол все замечала.

— Коммунистические агенты охотятся за планами? — спросила она.

— А?

— Ты все время смотришь то вправо, то влево и оглядываешься.

Бобби взвесил, не рассказать ли им, для чего его нанял Тед, потом решил, что не стоит. Стоило бы, если бы он верил, что действительно можно что-то увидеть — три пары глаз надежней одной, а уж зоркие гляделки Кэрол тем более, — но он не верил. Кэрол и Салл-Джон знали, что он нанялся читать Теду каждый день, и тут ничего такого не было. Вот и хватит. Если рассказать им о низких мужчинах, получится, что он смеется над Тедом, а это уже предательство.

— Коммунистические агенты? — спросил Салл, оглядываясь, и опять испустил «кхе-кхе-кхе» (любимый свой звук). Потом зашатался, выронил невидимый автомат и ухватился за грудь. — Они меня уложили! Навылет! Бегите без меня! Передайте мой привет Розе!

— Передам толстой заднице моей тетки, — сказала Кэрол и ткнула его локтем.

— Гляжу, нет ли где ребят из Габа, только и всего, — сказал Бобби.

Звучало правдоподобно. Ребята из школы Сент-Габриеля всегда цеплялись к ребятам их школы по дороге туда — проносились мимо на своих великах, вопили, что ребята у них слюнтят, а девочки «дают»... а это, Бобби был почти уверен, значило целоваться с языком и позволять ребятам трогать их за сиськи.

— Да нет, для этих шибздигов еще рано, — сказал Салл-Джон. — Сейчас они еще дома, надевают свои крестики и зачесывают лохмы назад на манер Бобби Райдела.

— Не ругайся, — сказала Кэрол и снова ткнула его локтем. Салл-Джон оскорбился.

— Кто ругается? Я не ругался.

— Ругался.

— Нет же, Кэрол.

— Да.

— Нет, сэр!

— Да, сэр! Ты сказал шибздики.

— Это не ругательство. Шибздики — это такие хомячки! — Эс-Джей посмотрел на Бобби в поисках помощи, но Бобби смотрел на «кадиллак», который медленно ехал по Эшер-авеню. Он был большой и вроде бы немножко броский. Так ведь «кадиллаки» же все броские! А у этого солидный светло-коричневый цвет, и он не казался ему низким. Да и за рулем сидела женщина.

— Ах так? Покажи мне картинку шибздика в энциклопедии, и, может, я тебе поверю.

— Надо бы дать тебе в глаз, — ласково сказал Салл. — Показать тебе, кто главный. Мой — Тарзан, твой — Джейн.

— Мой — Кэрол, твой — балбес. Держи. — Кэрол сунула в руки Эс-Джею три книги — «Арифметику», «Приключения в правописании» и «Домик в прерии». — Понесешь мои книги, потому что выругался.

Салл-Джон оскорбился еще больше.

— А почему я должен таскать твои дурацкие книги, хоть бы я и выругался? И чего не было, того не было.

— А это тебе эпитет, — сказала Кэрол.

— Чего-чего?

— Наказание за нехороший поступок. Если ты выругаешься или соврешь, на тебя накладывают эпитет. Мне сказал мальчик из Габа. Его зовут Уилли.

— Держись от них подальше, — сказал Бобби. — Они все подлюги.

В этом он убедился на опыте.

Сразу, как кончились Рождественские каникулы, трое габцев погнались за ним по Броуд-стрит, грозя его отколошматить, потому что он «не так на них посмотрел». И отколошматили бы, Бобби не сомневался, но только тот, который был впереди, поскользнулся и упал на колени, а остальные двое споткнулись об него, так что у Бобби как раз хватило времени проскочить в большую входную дверь № 149 и запереть ее за собой. Габцы еще некоторое время покрутились там, а потом ушли, обещав Бобби «поговорить с ним попозже».

— Они не все хулиганы, некоторые вполне ничего, — сказала Кэрол, посмотрела на Салл-Джона, который нес ее книги, и спрятала улыбку в ладошке. Эс-Джея можно заставить сделать что угодно: надо только говорить быстро и уверенно. Было бы приятней заставить Бобби нести ее книги. Только ничего не вышло бы, если бы он сам не вызвался. Может, он так и сделает. Она была оптимисткой. А пока было приятно идти между ними в утреннем солнечном свете. Она покосилась на Бобби, но он смотрел на «классики», начерченные на тротуаре. Он такой милый, и сам этого не знает. Пожалуй, это-то и было самым милым.

Последняя неделя занятий, как всегда, ползла еле-еле, просто свихнуться можно. В эти первые дни июня Бобби казалось, что в библиотеке клейстером воняет так, что и червяка наизнанку вывернет, а география тянулась десять тысяч лет. Да кому какое дело до запасов олова в Парагвае?

На переменке Кэрол говорила, как в июле проведет неделю на ферме у тети Кору и дяди Рея в Пенсильвании. Эс-Джей без конца распространялся про неделю в лагере, которую выиграл: как он будет стрелять из лука и кататься на каноэ каждый-каждый день. Бобби, в свою очередь, рассказал им про великого Мори Уиллса, который вот-вот поставит в бейсболе рекорд, который продержится до самой их смерти.

Его мама все больше уходила в свои мысли, подсказывала всякий раз, когда звонил телефон, а потом бежала схватить трубку, засиживалась до конца вечерних новостей (а иногда, казалось Бобби, и до конца фильма для полуночников) и ничего не ела, только ковыряла в тарелке. Иногда она вела долгие напряженные разговоры по телефону, повернувшись спиной и понизив голос (как будто Бобби стал бы подслушивать ее разговоры!). А иногда подходила к телефону, начинала набирать номер, потом бросала трубку на рычаг и возвращалась на диван.

Как-то раз Бобби спросил ее, может, она забыла номер, который набирала. «Похоже, я много чего забыла, — пробормотала она, а потом добавила: — Держи свой нос при себе, Бобби-бой».

Он бы мог заметить побольше и встревожиться еще сильнее — она совсем исхудала и опять принялась курить после двух-

летнего перерыва, — если бы его время и мысли не были заняты всяким другим. Лучше всего была взрослая библиотечная карточка, которая каждый раз, когда он ею пользовался, казалась ему все более замечательным подарком, просто вдохновенным подарком. Бобби чувствовал, что во взрослом отделе одних только научно-фантастических романов, которые он хотел бы прочесть, был целый миллиард. Взять хоть Айзека Азимова. Под именем Пола Френча мистер Азимов писал научно-фантастические романы для ребят про космолетчика Лаки Старра, очень даже хорошие. Но под собственной фамилией он писал другие романы еще лучше. По меньшей мере три из них были про роботов. Бобби любил роботов, и по его мнению Робби, робот в «Запретной планете», был, может, самым замечательным из киногороев всех времен, ну, просто супердерьмовый. А роботы мистера Азимова уступали ему совсем мало. Бобби думал, что наступающее лето будет проводить с ними. (Салл называл этого великого писателя Айзек-Шибздик, ну да конечно, Салл в книгах почти ни бум-бум.)

По дороге в школу и из школы он высматривал людей в желтых плащах или их признаки и делал то же самое по дороге в библиотеку после школы. Школа и библиотека были в разных направлениях, и Бобби чувствовал, что осматривает заметную часть Харвича. Конечно, он не думал, что действительно может повстречать низких людей. После ужина в долго не гаснущем вечернем свете он читал Теду газету — либо на крыльце, либо у Теда на кухне. Тед последовал совету Лиз Гарфилд и обзавелся вентилятором, а маме Бобби словно бы больше не требовалось, чтобы Бобби читал мистеру «Бреттигену» обязательно на крыльце. Отчасти потому, что ее мысли все больше были поглощены собственными взрослыми делами, чувствовал Бобби, но, может, она, кроме того, научилась немножко доверять Теду. Не то чтобы «доверять» значило бы, что он начал ей нравиться. Но такое доверие далось нелегко.

Как-то вечером они на диване смотрели «Уайэтта Эрпа», и мать обернулась к Бобби почти злобно и спросила:

— Он к тебе прикасается?

Бобби понял, о чем она спрашивает, но не понял, почему она вся напряглась.

— Да, конечно, — сказал он. — Иногда похлопывает по спине, а один раз, когда я читал ему газету и три раза подряд переврал длиннющее слово, он меня шелкнул по лбу, но он меня не треплет, ничего такого. По-моему, у него сил не хватит. А что?

— Не важно, — сказала она. — Он, пожалуй, ничего. Витает, конечно, в облаках, но вроде бы не... — Она умолкла, глядя, как дым ее сигареты завивается в воздухе гостинной. Он поднимался от тлеющего кончика светло-серой ленточкой и рассеивался, и Бобби вспомнилось, как персонажи в «Кольце вокруг Солнца» мистера Саймака следовали с вертящимся волчком в другие миры.

Наконец она снова обернулась к нему и сказала:

— Если он дотронется до тебя так, что тебе будет неприятно, ты мне сразу скажешь. Понял? Сразу!

— Ясно, мам.

В лице у нее было что-то такое, отчего ему припомнилось, как он один раз спросил у нее, откуда женщина знает, что у нее будет ребенок. «Она каждый месяц кровит, — сказала его мама. — Если крови нет, она понимает, что эта кровь идет в ребенка». Бобби хотелось спросить, откуда течет кровь, когда ребенка нет (он помнил тот раз, когда у мамы пошла кровь носом, но это был единственный случай, когда он видел, как она кровит). Однако выражение ее лица заставило его оставить эту тему. И теперь на ее лице было то самое выражение.

Правду сказать, Тед прикоснулся к нему и по-другому: легонько проводил большой ладонью по ежику Бобби, будто приглаживая его щетину. Иногда, если Бобби неправильно произносил слово, он легонько ущемлял его нос между костяшками пальцев и говорил нараспев: «Ну-ка скажи правильно!» А если они заговаривали разом, он зацеплял мизинцем мизинец Бобби и говорил: «Ничего не значит! Счастья и удачи!» Вскоре Бобби уже повторял это вместе с ним. Их мизинцы оставались сцепленными, а голоса звучали буднично — как говорят люди, когда просят передать соль или здороваются.

Только один раз Бобби стало не по себе, когда Тед к нему прикоснулся. Он как раз дочел последнюю статью, которую Тед хотел послушать, — какой-то журналист вякал, что нет на Кубе никаких бед, которые не могло бы исправить старое доброе аме-

риканское предпринимательство. Небо начинало меркнуть. За домом на Колония-стрит Баузер, пес миссис О'Хары, продолжал лаять — руф-руф-руф. Тоскливый звук и словно бы во сне, будто вспоминаешь, а не слышишь сейчас.

— Ну, — сказал Бобби, складывая газету и вставая, — пожалуй, я прошвырнусь по кварталу, погляжу, не увижу ли чего-нибудь.

Говорить об этом прямо он не хотел, но ему было важно дать понять Теду, что он по-прежнему высматривает низких людей в желтых плащах.

Тед тоже встал и подошел к нему. Бобби расстроился, заметив страх на лице Теда. Ему не хотелось, чтобы Тед слишком уж верил в низких людей, не хотелось, чтобы Тед чокнулся еще больше.

— Вернись до того, как стемнеет, Бобби. Я себе никогда не прощу, если с тобой что-нибудь случится.

— Я поостерегусь. И вернуться за год до того, как стемнеет.

Тед опустил на одно колено (он был слишком стар, чтобы низко нагибаться, решил Бобби), взял Бобби за плечи и притянул к себе так, что они чуть не стукнулись лбами. Бобби чувствовал запах сигарет в дыхании Теда и мази на его коже — он растирал суставы «Мустеролем», потому что они болели. «Теперь они и в теплую погоду болят», — объяснил он.

Стоять так близко к Теду было не страшно и все равно как-то жутко. Можно было увидеть, что Тед, пусть пока еще не до конца старый, скоро совсем состарится. И еще он, наверное, болен. Глаза у него какие-то водянистые. Уголки рта дергаются. Плохо, что он совсем один здесь, на третьем этаже, подумал Бобби. Будь у него жена или, там, дети, он бы не чокнулся на низких людях. Конечно, будь у него жена, Бобби, возможно, никогда бы не пришлось прочесть «Повелителя мух». Конечно, так думать эгоистично, но он ничего не мог с этим поделать.

— Никаких их признаков, Бобби?

Бобби покачал головой.

— И ты ничего не чувствуешь? Вот тут? — Он снял левую руку с плеча Бобби и постучал себя по виску, где, чуть пульсируя, угнездились две голубые жилки. Бобби покачал головой. — Или

тут? — Тед прикоснулся к животу. Бобби в третий раз помотал головой.

— Ну и хорошо, — сказал Тед и улыбнулся. Он скользнул левой рукой на шею Бобби, а потом и правой. Он очень серьезно поглядел Бобби в глаза, а Бобби очень серьезно поглядел в глаза ему.

— Ты бы сказал мне, если бы увидел? Ты ведь не станешь... ну, шадить меня?

— Нет, — сказал Бобби. Ему нравились руки Теда на его шее — и не нравились. Именно туда мог положить руки типчик в фильме, перед тем как поцеловать девушку. — Нет! Я бы сказал. Это же моя работа!

Тед кивнул. Он разжал руки и медленно их опустил, встал, опираясь на стол, и поморщился, когда одно колено громко шелкнуло.

— Да, ты бы мне сказал. Ты отличный паренек. Ну, иди прогуляй. Но с тротуара не сходи, Бобби, и вернись до темноты. В наши дни нужна осторожность.

— Я поостерегусь. — Он пошел к лестнице.

— А если увидишь их...

— Убегу.

— Ага. — В угасающем свете лицо Теда выглядело угрюмым. — Беги так, словно за тобой весь ад гонится!

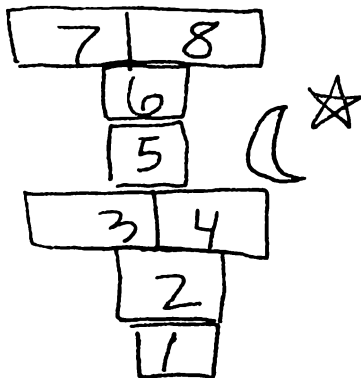
Значит, прикосновения были, и, может быть, опасения его матери по-своему оправданны — может, прикосновений было много и некоторые — не такие, как следует. То есть, может, вообще-то она имела в виду что-нибудь другое... И все-таки не такие. Все-таки опасные.

В среду перед тем, как учеников распустили на каникулы, Бобби увидел, что с чьей-то антенны на Колония-стрит свисает длинный красный лоскут. Наверняка он сказать не мог, но лоскут был удивительно похож на хвост змея. Ноги Бобби остановились сами, и тут же его сердце заколотилось так, будто он бежал домой наперегонки с Салл-Джоном.

«Даже если и хвост, так все равно совпадение, — сказал он себе. — Дурацкое совпадение. Ты же знаешь, что так, верно?»

Может быть. Может быть и так. И он почти убедил себя в этом к пятнице — последнему дню занятий. Домой он шел один:

Салл-Джон вызвался помочь убрать учебники на склад, а Кэрол пошла к Тейни Либел на день рождения. Он уже собрался перейти Эшер-авеню и пойти вниз по Брод-стрит, как вдруг увидел начерченные на тротуаре лиловым мелком «классики». Вот такие:

— О Господи, нет, — прошептал Бобби. — Шутка какая-то.

Он упал на одно колено, будто кавалерийский разведчик в вестерне, не замечая ребят, возвращающихся из школы домой — кто пешком, кто на великах, двое-трое на роликах, кривозубый Фрэнсис Аттерсон на своем ржавом красном самокате, хохоча в небо при каждом толчке. И они его тоже не замечали — начались каникулы, и большинство ошалело от бесчисленных возможностей.

— Нет и нет, и нет. Не может быть! Шутка какая-то! — Он протянул руку к звезде и полумесяцу — нарисованным желтым, а не лиловым мелком — и почти коснулся линии, но отдернул руку. Кусок красной ленты на телевизионной антенне, конечно, мог ничего не означать. Но если добавить вот это, тоже совпадение? Бобби не знал. Ему ведь было всего одиннадцать, и не знал он ситильоны всяких вещей. Но он боялся... боялся, что...

Бобби поднялся на ноги и огляделся, почти ожидая увидеть вереницу длинных, режущих глаза своей яркостью машин, медленно движущихся по Эшер-авеню, словно следуя за катафалком на кладбище, и фары их горят среди бела дня. Почти ожидая увидеть, что под навесом «Эшеровского Ампира» или перед «Таверной саки» толпятся люди в желтых плащах, покуривают «кэмел» и следят за ним.

Никаких машин. Никаких желтых плащей. Только ребята идут домой из школы. Среди них показались первые габцы, очень заметные в зеленых форменных брюках и рубашках.

Бобби повернулся и прошел назад три квартала по Эшер-авеню, слишком встревоженный лиловым чертежом на тротуаре, чтобы думать о свирепых габцах. На столбах не было ничего, кроме афиш, приглашающих на «Вечер бинго» в клубе прихода Сент-Габриэля, и еще одной на углу Эшер и Такомы, которая оповещала о выступлении группы рок-н-ролла в Хартфорде с Клайдом Макфаттером и Дуэйном Эди, «Человеком с Бренчащей Гитарой».

К тому времени, когда Бобби поравнялся с «Эшер-авеню ньюс», то есть почти дошел назад до школы, он начал надеяться, что напрасно спаниковал. И все-таки зашел туда поглядеть на их доску объявлений, а потом прошел по всей Брод-стрит до «Любой бакалеи» Спайсера, где купил еще жвачку и проверил доску объявлений и там. Опять ничего подозрительного. Правда, карточки о продаже бассейна уже не было, так что? Наверняка хозяин его уже продал. А то для чего ему было карточку приклеивать?

Бобби вышел и остановился на углу, жуя жвачку и решая, что делать дальше.

Взросление — процесс накопительный, движущийся неровными толчками с повторениями и наложениями. Бобби Гарфилд принял первое в жизни взрослое решение в тот день, когда кончил шестой класс, придя к выводу, что было бы ошибкой рассказать Теду про то, что он видел... во всяком случае — пока.

Его уверенность, что низких людей не существует, была порвана. Но Бобби еще не был готов сдаться. Пока все ограничивается только вот такими доказательствами. Если он расскажет Теду о том, что видел, Тед разволнуется. Может, настоль-

ко, что побросает свои вещи в чемоданчики (и в бумажные пакеты с ручками, которые хранятся сложенные за холодильником) и уедет. Если б за ним, правда, гнались злодеи, такое бегство имело бы смысл, но Бобби не хотел терять своего единственного взрослого друга из-за ложной тревоги. А потому он решил выждать и посмотреть, что еще случится — если случится.

В эту ночь Бобби познакомился с еще одним аспектом взрослости: он лежал без сна очень долго после того, как его будильник «Биг-Бен» сообщил, что время — два часа ночи. Он смотрел в потолок и не мог решить, правильно ли поступил.

IV. Тед смотрит в никуда. Бобби отправляется на пляж. Маккуон. Стукнуло

На следующий день после конца занятий мама Кэрол Гербер набила детьми свой «форд эстейт» и увезла их в Сейвин-Рок, в парк с аттракционами на морском берегу в двадцати милях от Харвича. Анита Гербер отправилась с детьми туда в третий раз за три года, а поездка эта уже успела стать старинной традицией для Бобби, Эс-Джея, Кэрол, ее младшего брата и подружек Кэрол — Ивонны, Анджи и Тейны. Ни Салл-Джон, ни Бобби никуда бы не отправились с тремя девочками по отдельности, но раз они вместе, то полный порядок. Да и противостоять чарам Сейвин-Рока было бы невозможно. Вода в океане оставалась еще слишком холодной, и можно было только побродить у берега, но весь пляж был в их распоряжении, и все аттракционы уже работали, в том числе и с шарами. В прошлом году Салл-Джон разбил три пирамиды деревянных бутылок всего тремя шарами и выиграл для своей матери большого розового мишку, который все еще занимал почетное место на салливановском телике. А теперь Эс-Джей намеревался выиграть для него подружку.

Для Бобби просто вырваться ненадолго из Харвича уже было удовольствием. После звезды и месяца, нарисованных возле «классиков», он больше ничего подозрительного не замечал, но

Тед страшно его напугал, когда Бобби читал ему воскресную газету. И почти сразу потом — безобразный спор с матерью.

С Тедом это произошло, пока Бобби читал полемическую статью, презрительно отвергавшую возможность того, что Мики Мантл когда-нибудь побьет рекорд Малыша Рута. У него на это не хватит ни силенок, ни настойчивости, утверждал автор. «Важнее всего то, что у него не тот характер, — читал Бобби. — Так называемый Мик предпочитает шляться по ночным клубам, чем...»

Тед снова куда-то провалился. Бобби понял это, каким-то образом почувствовал даже прежде, чем поднял глаза от газеты. Тед смотрел пустым взглядом в окно, обращенное к Колония-стрит и хриплому монотонному лаю пса миссис О'Хары. Второй раз за утро. Но первый провал длился несколько секунд (Тед нагнулся к открытому холодильничку, глаза его расширились в матовом свете, он замер... но тут же дернулся, слегка встряхнулся и протянул руку за апельсиновым соком). На этот раз он полностью провалился в никуда. Бобби зашелестел газетой — не очнется ли он? Без толку.

— Тед, ты... вы в по... — начал Бобби и с ужасом понял, что со зрачками Теда творится что-то неладное. Они то расширялись, то сжимались. Будто Тед молниеносно нырял в какую-то черноту и тут же выныривал... и при этом он просто сидел, освещенный солнцем.

— Тед?

В пепельнице дотлевала сигарета. Теперь от нее остался только малюсенький окурочек и пепел. Глядя на нее, Бобби сообразил, что Тед провалился в самом начале статьи о Мантле. И что, что с его глазами? Зрачки расширяются и сжимаются, расширяются и сжимаются...

«У него припадок эпилепсии или чего-то вроде. Господи! Они ведь иногда проглатывают свои языки?»

Язык Теда как будто оставался там, где ему полагалось быть, но его глаза... его ГЛАЗА...

— Тед! Тед, очнись!

Бобби оказался рядом с Тедом, даже не заметив, как обжег стол. Он схватил Теда за плечи и встряхнул его. Будто доску, вырезанную в форме человеческой фигуры. Под бумажным

пуловером плечи Теда были жесткими, тощими, не поддающимися.

— Очнись! ОЧНИСЬ ЖЕ!

— Они теперь прочесывают запад. — Тед продолжал смотреть в окно глазами, зрачки которых расширились и сжимались, расширились и сжимались...

— Это хорошо. Но они могут повернуть назад. Они...

Бобби стоял, держа плечи Теда, — перепуганный, потрясенный. Зрачки Теда расширились и сжимались, будто вы видели быющее сердце.

— Тед, что с тобой?

— Я должен застыть без движения. Я должен быть зайцем в кустах. Они могут пройти мимо. Если на то воля Божья, будет вода, и они могут пройти мимо. Все сущее служит...

— Чему служит? — Бобби почти шептал. — Чему служит, Тед?

— Все сущее служит Лучу, — сказал Тед, и внезапно его ладони легли на руки Бобби. Они были очень холодными, эти ладони, и на миг Бобби обуял кошмарный, парализующий ужас. Будто его схватил труп, способный двигать только руками и зрачками своих мертвых глаз.

И тут Тед посмотрел на него — глаза у него были испуганными, но снова почти нормальными. И вовсе не мертвыми.

— Бобби?

Бобби высвободил руку и обнял Теда за шею. Он прижал его к себе и вдруг почувствовал, что у него в голове звонит колокол — всего мгновение, но очень четко. Бобби даже уловил, как изменился звук колокола — точно гудок поезда, когда поезд едет очень быстро. Будто у него в голове что-то мчалось с большой быстротой. Он услышал стук копыт по какой-то твердой поверхности. Дерево? Нет, металл. Он ощутил в носу запах пыли — сухой и грохочущий. И тут же глаза у него зачесались, словно изнутри.

— Ш-ш-ш. — Дыхание Теда в его ухе было таким же сухим, как запах этой пыли, и в чем-то по-особому близким. Ладони Теда подпирали его лопатки, не позволяли шевельнуться. — Ни слова. Ни мысли. Кроме как... о бейсболе! Да, о бейсболе, если хочешь.

Бобби подумал о Мори Уиллсе: он отмеряет шаги — три... четыре... потом сгибается в пояс, руки у него свободно свисают, пятки чуть приподняты над землей — он готов метнуться в любую сторону в зависимости от того, как поступит подающий... и вот Уиллс бросается вперед, взорвавшись скоростью, взметнув пыль, и...

Прошло. Все прошло. Ни звонящего колокола в голове, ни стука копыт, ни запаха пыли. И за глазами не чешется. Да и чесалось ли? Или ему почудилось, потому что его пугали глаза Теда?

— Бобби, — сказал Тед и снова прямо ему в ухо. Губы Теда задвигали его кожу, и он вздрогнул. И вдруг: — Боже Великий, что я делаю?

Он оттолкнул Бобби, легонько, но бесповоротно. Лицо у него было растерянное, слишком бледное, но глаза стали нормальными, зрачки не меняли ширины. В эту секунду ничто другое Бобби не заботило. Хотя он чувствовал себя странно — одурение в голове, будто он только что очнулся от тяжелой дремоты. И в то же время мир выглядел поразительно ярким, а каждая линия, каждый абрис — неизменно четкими.

— Уф, — сказал Бобби и неуверенно засмеялся. — Что случилось?

— Ничего, что касалось бы тебя. — Тед потянулся за сигаретой и словно бы удивился, увидев самый хвостик в выемке, куда он ее положил. Костяшкой пальца он смел его на дно пепельницы. — Я опять отключился?

— Да уж! Я перепугался. Подумал, что у вас припадок — эпилепсии или чего-то еще. Глаза у вас...

— Это не эпилепсия, — сказал Тед. — И не опасно. Но если снова случится, лучше не трогай меня.

— Почему?

Тед закурил новую сигарету.

— А потому. Обещаешь?

— Ладно. А что такое Луч?

Тед впился в него глазами.

— Я говорил про Луч?

— Вы сказали: «Все сущее служит Лучу». Вроде бы так.

— Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе, но не сегодня. Сегодня ты ведь едешь на пляж, верно?

Бобби даже подпрыгнул. Он взглянул на часы Теда и увидел, что уже почти девять.

— Угу, — сказал он. — Пожалуй, мне пора собираться. Газету я дочитаю вам, когда вернусь.

— Да, хорошо. Отличная мысль. А мне надо написать несколько писем.

«Нет, не надо. Ты хочешь избавиться от меня, чтобы я не задавал еще вопросы, на которые ты не хочешь отвечать».

Но если Тед этого добивался, то и ладно. Как часто говорила Лиз Гарфилд, у Бобби было свое на уме. И все же, когда он дошел до двери комнаты Теда, мысль о красном лоскуте на телеантенне и месяце со звездой рядом с «классиками» заставила его неохотно обернуться.

— Тед, вот что...

— Низкие люди, да, я знаю. — Тед улыбнулся. — Пока не беспокойся из-за них, Бобби. Пока все хорошо. Они не движутся в эту сторону, даже не смотрят в этом направлении.

— Они прочесывают запад, — сказал Бобби.

Тед поглядел на него сквозь завитки вздымающегося дыма спокойными голубыми глазами.

— Да, — сказал он. — И если повезет, они останутся на западе. Сиэтл меня вполне устроит. Повеселись на пляже, Бобби.

— Но я видел...

— Может быть, ты видел только тени. В любом случае сейчас не время для разговоров. Просто запомни, что я сказал: если я опять вот так провалюсь, просто посиди и подожди, пока не пройдет. Если я протяну к тебе руку, отойди. Если я встану, вели мне сесть. В этом состоянии я сделаю все, что ты скажешь. Это действует, словно гипноз.

— Почему вы...

— Хватит вопросов, Бобби. Прошу тебя.

— Но с вами все в порядке? Правда?

— Лучше не бывает. А теперь иди. И повеселись хорошенько.

Бобби побежал вниз, снова поражаясь тому, каким четким все выглядит: ослепительный луч, косо падающий из окна на площадку второго этажа, жучок, ползущий по краю горлышка пустой бутылки из-под молока перед дверью Проскисов, приятное жужжание у него в ушах, будто голос этого дня — первой субботы летних каникул.

* * *

Вернувшись домой, Бобби вытащил свои игрушечные легковушки и фургоны из тайников под кроватью и у задней стенки своего шкафа. Парочка — «форд» и голубой металлический самосвал, который мистер Бидермен прислал ему с мамой через несколько дней после дня его рождения — были ничего себе, но не шли ни в какое сравнение с бензовозом Салла или желтым бульдозером. Бульдозер особенно годился для игр в песке. Бобби предвкушал по меньшей мере час дорожного строительства, пока рядом разбивались бы волны, а его кожа все больше розовела бы в ярком солнечном свете у моря. Он вдруг подумал, что не вытаскивал свои машины с прошлой зимы, с той счастливой субботы, когда после метели они с Эс-Джеем полдня прокладывали сеть дорог по свежему снегу в парке. Теперь он вырос — ему одиннадцать! — стал слишком большим для таких игр. В этой мысли было что-то грустное, но ему сейчас не из-за чего грустить, если он сам не захочет. Пусть его дни возни с игрушечными машинами быстро приближаются к своему концу, но сегодня конец еще не наступил. Нет, только не сегодня.

Мать сделала ему бутерброды, но не дала денег, когда он попросил, — даже пяти центов на отдельную раздевалку, которые тянулись рядами между главной аллеей и океаном. И Бобби даже еще не сообразил, что происходит, а между ними началось то, чего он больше всего боялся, — ссора из-за денег.

— Пятидесяти центов с головой хватит, — сказал Бобби. Он услышал в своем голосе просительное нытье, ему стало противно, но он ничего не мог поделать. — Только полкамешка. Ну-у, мам, а? Будь человеком.

Она закурила сигарету, так сильно чиркнув спичкой, что раздался треск, и посмотрела на него сквозь дым, сощулив глаза.

— Ты теперь сам зарабатываешь, Боб. Люди платят по три цента за газету, а тебе платят за то, что ты их читаешь. Доллар в неделю! Господи! Да когда я была девочкой...

— Мам, эти деньги на велик! Ты же знаешь!

Она смотрелась в зеркало, хмурясь, расправляя плечики своей блузки — мистер Бидермен попросил ее поработать несколько часов, хотя была суббота. Теперь она обернулась к нему, не выпуская сигареты изо рта, и нахмурилась на него.

— Ты все еще кланчишь, чтобы я купила тебе этот велосипед, так? ВСЕ ЕЩЕ. Я же сказала тебе, что он мне не по карману, а ты все еще кланчишь.

— Нет! Ничего я не кланчу! — Глаза Бобби раскрылись шире от гнева и обиды. — Всего только паршивые полкамешка для...

— Полбакса сюда, двадцать центов туда — а сумма-то общая, знаешь ли. Ты хочешь, чтобы я оплатила твой велосипед, давая тебе деньги на все остальное. Так, чтобы тебе не пришлось отказываться ни от чего, о чем ты возмечтаешь.

— Это несправедливо!

Он знал, что она скажет, прежде чем она это сказала, и даже успел подумать, что сам нарвался на это присловие.

— Жизнь несправедлива, Бобби-бой. — И повернулась к зеркалу, чтобы в последний раз поправить призрачную бретельку под правым плечиком блузки.

— Пять центов на раздевалку, — попросил Бобби. — Не могла бы ты хоть...

— Да, вероятно, могу вообразить, — сказала она, отчеканивая каждое слово. Обычно, перед тем как идти на работу, она румянилась, но в это утро не вся краска на ее лице была из косметички, и Бобби, как ни был он рассержен, понимал, что ему лучше держать ухо востро. Если он выйдет из себя, как это умеет она, то просидит тут в душной пустой квартире весь день — чтобы не смел шагу ступить, даже в вестибюль.

Мать схватила сумочку со стола, раздавила сигарету так, что фильтр лопнул, потом обернулась и посмотрела на него.

— Скажи я тебе: «А на этой неделе мы вовсе не будем есть, потому что я увидела такую пару туфель, что не могла их не купить!» — что бы ты подумал?

«Я бы подумал, что ты врунья, — подумал Бобби. — И я бы сказал, мам, раз ты на такой мели, как насчет каталога «Сирса» на верхней полке твоего шкафа? Того, в котором к рекламе белья посередке приклеены скотчем долларовые бумажки и пятидолларовые бумажки — и даже десяти, а то и двадцати? А как насчет голубого кувшинчика в посудном шкафчике на кухне, того, который задвинут в самый дальний угол позади треснутого соусника? Голубого кувшинчика, в который ты складываешь четвертаки, куда ты их складывала с тех пор, как умер мой

отец? А когда кувшинчик наполняется, ты высыпашь монеты, идешь с ними в банк и обмениваешь на бумажки, а бумажки отправляются в каталог, верно? Приклеиваются к странице нижнего белья в книжке, чего твоя душа пожелает».

Но он ничего этого не сказал, только потупил на кеды глаза, которые жгло.

— Мне приходится выбирать, — сказала она. — И если ты такой большой, что уже можешь работать, сыночек мой, то и ты должен выбирать. Ты думаешь, мне нравится говорить тебе это?

«Не то чтобы, — думал Бобби, глядя на свои кеды и закусывая губу, которая норовила оттопыриться и начать всхлипывать по-ребячьи. — Не то чтобы, но не думаю, что тебе так уж неприятно».

— Будь мы Толстосумы, я бы дала тебе пять долларов протранжирить на пляже. Черт! И десять дала бы. Тебе не пришлось бы позаимствовать из своей «велосипедной» банки, если бы тебе захотелось повертеть свою миленькую девочку в Мертвой Петле...

«Она не моя девочка! — закричал Бобби на мать внутри себя. — ОНА НЕ МОЯ МИЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА!»

— ...или покатать ее по «русским горкам». Но, конечно, будь мы Толстосумы, тебе не пришлось бы копить на велосипед, верно? — Ее голос становился все пронзительнее, пронзительнее. Что бы ни грызло ее последние месяцы, теперь грозило вырваться наружу, брызжа пеной, будто шипучка, разъедаая, будто кислота. — Не знаю, заметил ли ты это, но твой отец не то чтобы нас очень обеспечил, и я делаю, что могу. Я кормлю тебя, одеваю, я заплатила за тебя в Стерлинг-Хаус, чтобы ты мог играть в бейсбол, пока я копаюсь среди бумаг в душной конторе. Тебя пригласили поехать на пляж вместе с другими детьми, и я очень счастлива за тебя, но как ты профинансируешь этот свой день отдыха — твое дело. Если хочешь кататься на аттракционах, возьми деньги из своей банки и прокатай их. Если не хочешь, так просто играй на пляже или оставайся дома. Мне все равно. Я просто хочу, чтобы ты перестал клянчить. Не выношу, когда ты клянчишь и хнычешь. Совсем как... — Она умолкла, вздохнула, открыла сумочку, вынула сигареты. — Не выношу, когда ты клянчишь и хнычешь, — повторила она.

«Совсем как твой отец», — вот чего она не договорила.

— Так в чем дело, розан белый? — спросила она. — Ты все сказал?

Бобби молчал, ему жгло щеки, жгло глаза, он смотрел на свои кеды и напрягал всю силу воли, чтобы не разнюниться. В эту минуту стоило ему всхлипнуть совсем чуть-чуть — и почти наверняка ему пришлось бы до ночи сидеть взаперти: она по-настоящему взбесилась и только ждала, к чему бы прицепиться. Но если бы надо было удерживать только всхлипы! Ему хотелось заорать на нее, что лучше он будет похож на отца, чем на нее, старую сквалыжницу и жмотиху, которая на жалкий пятицентовик не расщедрится. Ну и что, если покойный не такой уж замечательный Рэндолл Гарфилд их не обеспечил? Почему она всегда говорит так, будто это его вина? Кто вышел за него замуж?

— Ты уверен, Бобби-бой? Больше ты не намерен нахально огрызаться? — В ее голосе зазвучала самая опасная нота, своего рода хрупкая веселость. Если не знать ее, можно было бы подумать, что она в добром настроении.

Бобби устался на свои кеды и больше ничего не сказал. Запер все всхлипы, все гневные слова у себя в горле и ничего не сказал. Между ними колыхалось молчание. Он чувствовал запах ее сигареты — и всех вчерашних сигарет, и тех, которые были выкурены в другие вечера, когда она не столько смотрела на экран телевизора, сколько сквозь него, ожидая, чтобы зазвонил телефон.

— Ладно, думается, мы все выяснили, — сказала она, дав ему секунд пятнадцать на то, чтобы открыть рот и вякнуть что-нибудь такое. — Приятно провести день, Бобби. — Она вышла, не поцеловав его.

Бобби подошел к открытому окну (по его лицу теперь текли слезы, но он их словно не замечал), отдернул занавеску и смотрел, как она, стуча каблучками, идет к Коммонвелф-стрит. Он сделал пару глубоких влажных вздохов и пошел на кухню. Поглядел в угол на шкафчик, где за соусником прятался голубой кувшинчик. Можно было бы взять пару монет — точного счета она не вела и не заметила бы пропажи трех-четырех четвертаков, но он не захотел. Тратить их было бы неприятно. Он не очень понимал, откуда он это знает, но знал твердо. Знал даже в девять лет, когда обнаружил спрятанный в шкафчике

кувшинчик с мелочью. Поэтому, испытывая скорее сожаление, чем праведную гордость, он пошел к себе в комнату и вместо этого посмотрел на «велобанку».

Ему пришло в голову, что она была права — он может взять чуточку из скопленных денег, чтобы потратить в Сейвин-Роке. Возможно, из-за этого ему потребуется лишний месяц, чтобы собрать нужную сумму, но, во всяком случае, тратить эти деньги будет приятно. И еще кое-что. Если он не возьмет денег из банки, а будет только копить и экономить, значит, он такой же, как она.

Это решило дело. Бобби выудил из банки пять десятицентовиков, положил их в карман, а сверху накрыл бумажным носовым платком, чтобы они не выкатились, если он побежит, а потом кончил собирать вещи для пляжа. Вскоре он уже насвистывал, и Тед спустился посмотреть, чего это он.

— Отчаливаете, капитан Гарфилд?

Бобби кивнул.

— Сейвин-Рок — клевое местечко. Атракционы, понимаете? И вообще.

— Понимаю. Повеселись, Бобби, но только смотри, не свались откуда-нибудь.

Бобби пошел к двери, потом оглянулся на Теда, который стоял в шлепанцах на нижней ступеньке лестницы.

— А почему бы вам не посидеть на крыльце? — спросил Бобби. — В доме жарюща будет страшная, спросим?

— Может быть. — Тед улыбнулся. — Но, думается, я посижу у себя.

— Вы ничего себя чувствуете?

— Отлично, Бобби. Лучше некуда.

Переходя на герберовскую сторону Брод-стрит, Бобби вдруг понял, что жалеет Теда, который прячется в своей душевной комнатке без всякой причины. Ведь без причины же, верно? Это ясно. Даже если и существуют низкие люди, разъезжающие где-то («На западе, — подумал он, — они прочесывают запад»), так на кой им старый пенсионер вроде Теда?

Вначале ссора с матерью его немножко угнетала (Рионда Хьюсон, толстая красивая подруга миссис Гербер, обвинила его в том, что он «нос на квинту повесил» — что бы это там ни оз-

начало — а потом принялась шекотать ему бока и под мышками, пока Бобби не засмеялся из чистой самозащиты), но на пляже он почувствовал себя лучше — снова самим собой.

Хотя сезон еще только начинался, Сейвин-Рок уже мчался вперед на всех парах — карусель вертелась, Бешеная Мышь редела, малышня визжала, из динамиков перед павильоном жестяно вырывался рок-н-ролл, из киосков вопили зазывалы. Салл-Джон не выиграл мишку, которого хотел, выбив только две из оставшихся трех деревянных бутылок (Рионда заявила, что в некоторых ко дну присобачены грузила, чтобы они опрокидывались только, если шар попадал в самый центр), но тип, распоряжавшийся там, все равно вручил ему очень даже клевый приз — смешного муравьеда из желтого плюша. Эс-Джей тут же подарил его маме Кэрол. Анита засмеялась, потискала его и сказала, что он самый лучший мальчик на свете, и будь он на пятнадцать лет постарше, она бы тут же вышла за него замуж и стала двоемужницей. Салл-Джон покраснел так, что стал совсем лиловым.

Бобби попробовал набрасывать кольца и промазал все три раза. В тире ему повезло больше: он разбил две тарелочки и получил маленького плюшевого медвежонка. Он отдал его Йену-Соплюшке, который против обыкновения вел себя хорошо — не ревел, не мочил штанишки и не пытался дать Саллу или Бобби по яйцам. Йен прижал медвежонка к животу и посмотрел на Бобби так, будто Бобби был Богом.

— Чудесный мишка, и Йен в него просто влюбился, — сказала Анита. — Но разве ты не хочешь подарить его своей маме?

— Не-а, она игрушки не любит. Я бы выиграл для нее духи.

Он и Салл-Джон стали подначивать друг друга прокатиться на Бешеной Мыши и в конце концов решились оба, и, когда их вагонетка слетала с очередного спуска, оба упоенно завывали в твердой и одновременной уверенности, что будут жить вечно и вот сейчас умрут. Потом они покатались в Чайных Чашках, покружились в Мертвых Петлях, а когда у Бобби остались последние пятнадцать центов, он оказался в кабинке Колеса Обозрения вместе с Кэрол. Их кабинка остановилась в самой верхней точке, чуть покачиваясь, и ему стало немножко нехорошо в животе. Слева от него Атлантика накатывалась на берег

рядами белогривых волн. пляж был таким же белым, океан немислимо синим. По его поверхности шелком расстился солнечный свет. Прямо под ними тянулась главная аллея. Из динамиков ввысь возносился голос Фрэдди Кэннона: «Она из Таласси, у нее мировые шасси».

— Все там внизу такое маленькое, — сказала Кэрол. Каким-то тоже маленьким голосом, необычным для нее.

— Не бойся, это самый безопасный аттракцион. На нем малышку крутили бы, не будь он таким высоким.

Во многих отношениях Кэрол была самой старшей из них троих — твердой, уверенной в себе, — ну, как в тот день, когда она заставила Эс-Джея нести ее книги за то, что он ругался, — но теперь лицо у нее стало совсем как у младенца: круглым, чуть бледноватым, с парой голубых испуганных глаз, занимающих чуть не половину его. Сам не зная как, Бобби наклонился, прижал рот к ее рту и поцеловал ее. Когда он выпрямился, глаза у нее стали еще больше.

— Самый безопасный аттракцион, — сказал он и ухмыльнулся.

— Еще раз! — Это же был ее первый настоящий поцелуй! Она его получила в Сейвин-Рок в первую субботу летних каникул и даже не успела ничего сообразить. Вот что она думала, вот почему хотела, чтобы он еще раз...

— Да ну... — сказал Бобби. Хотя... здесь, на верхопуре, кто мог увидеть их и обозвать его девчоночником?

— На слабо?

— А ты не скажешь?

— Нет, ей-богу! Ну, давай же! Скорее, пока мы не спустились.

И он поцеловал ее еще раз. Губы у нее были гладенькие и крепко сжатые, горячие от солнца. Тут колесо снова завертелось, и он оторвался от них. На секунду Кэрол положила голову ему на грудь.

— Спасибо, Бобби, — сказала она. — До чего хорошо было. Лучше не бывает.

— Я тоже так подумал.

Они немножко отодвинулись друг от друга, а когда их кабинка остановилась и татуированный служитель отодвинул за-

шелку, Бобби вылез и, не оглядываясь, побежал туда, где стоял Эс-Джей. И все-таки он уже знал, что самым лучшим в этот день будет то, как он поцеловал Кэрл на самом вершине Колеса Обозрения. Это был и его первый настоящий поцелуй, и Бобби навсегда запомнил ощущение ее губ, прижатых к его губам, — сухих и гладеньких, нагретых солнцем. Это был поцелуй, по которому будут взвешены все остальные поцелуи в его жизни — и найдены очень легкими.

Около трех часов миссис Гербер сказала, чтобы они начали собираться — пора домой. Кэрл символически запротестовала — «Да ну, мам!» — и начала подбирать валяющиеся игрушки и другие вещи. Подружки помогали ей, и даже Йен немножко помог (отказываясь выпустить из рук облепленного песком медвежонка, даже когда поднимал и носил). Бобби полуожидая, что Кэрл будет липнуть к нему до конца дня, и не сомневался, что она расскажет подружкам про поцелуй на Колесе Обозрения (он ведь сразу поймет, когда увидит, как они собрались в кружок, хихикают в ладошки и бросают на него ехидные многочисленные взгляды), но не произошло ни того, ни другого. Хотя несколько раз он ловил ее на том, что она смотрит на него, и несколько раз ловил себя на том, что исподтишка поглядывает на нее. Ему все время вспоминалось, какими были ее глаза там, наверху. Какими большими и испуганными. А он взял и поцеловал ее. Здорово!

Бобби и Салл взяли большую часть пляжных сумок.

— Молодцы мулы! Но-о-о! — со смехом закричала Рионда, когда они поднимались по ступенькам с пляжа на набережную. Под слоем кольдкрема, которым были намазаны ее лицо и плечи, она была красная, как вареный рак, и со стонами жаловалась Аните Гербер, что ночью глаз не сомкнет: если не солнечный ожог, так пляжные деликатесы не дадут ей уснуть.

— Так кто же тебя заставлял съесть четыре немецкие сосиски и два пончика? — сказала миссис Гербер с раздражением в голосе, какого Бобби прежде у нее не замечал. Она устала, решил он. Да и сам он немножко обалдел от солнца. Спина горела, в носки набился песок. Пляжные сумки, которыми он обвешивался, болтались и стукались друг о друга.

— Но еда тут такая вкуууусная, — грустно возразила Рионда. Бобби засмеялся. Он ничего не мог с собой поделать.

Они медленно шли по главной аллее к незаасфальтированной стоянке машин, не обращая больше никакого внимания на аттракционы. Зазывалы бросали на них взгляд-другой, а потом смотрели мимо в поисках свежей крови. Тратить время на компании, нагруженные сумками и бредущие к автостоянке, не имело никакого смысла.

В самом конце аллеи слева стоял тощий человек в широких голубых бермудских шортах, перепоясанной рубашке и котелке. Котелок был старый, порыжелый, но лихо заломлен. А за ленту был засунут пластмассовый подсолнух. Он был очень смешным, и девочкам наконец выпал случай прикрыть рты ладошками и захихикать.

Он посмотрел на них с видом человека, которого еще и не так обхихикивали, и улыбнулся в ответ. От этого Кэрл и ее подруги захихикали еще сильнее. Человек в котелке, все еще улыбаясь, развел руками над импровизированным столиком, за которым стоял лист фибергласа на двух ярко-оранжевых козлах. На фибергласе лежали три карты, красными рубашками вверх. Он перевернул их быстрым изящным движением. Пальцы у него были длинные и абсолютно белые, заметил Бобби. Ни загара, ни красноты.

В середине лежала дама червей. Человек в котелке поднял ее, показал им, ловко крутя ее в пальцах.

— Найдите даму в красном, *cherchez la femme rouge* — вот что вам надо сделать, только это и ничего больше, — сказал он, — легче легкого, проще простого, легче, чем котенку связать попону. — Он поманил Ивонну Лавинг. — Ну-ка, куколка, походи, покажи им, как это делается.

Ивонна, все еще хихикая и краснея до корней черных волос, попятилась к Рионде и пробормотала, что у нее не осталось денег на игры — она все истратила.

— Нет проблем, — сказал человек в котелке. — Это просто показ, куколка, я хочу, чтобы твоя мамочка и ее подруга увидели, как все просто.

— Тут моей мамочки нет, — сказала Ивонна, однако шагнула вперед.

— Нам правда надо ехать, Ивви, не то мы обязательно попадем в затор, — сказала миссис Гербер.

— Нет, погоди минуточку, это ведь забавно, — сказала Риннда. — Рулетка из трех карт. Выглядит просто, как он и говорит, но если не поостережешься, начнешь огигрываться и отправишься домой без гроша.

Человек в котелке посмотрел на нее с упреком, сменившись на ухмылку до ушей. Ухмылка низкого человека, внезапно подумал Бобби. Не из тех, кого боится Тед, но все равно низкого.

— Мне совершенно ясно, — сказал человек в котелке, — что в прошлом вы оказались жертвой мошенника. Хотя как у кого-то могло хватить жестокости обмануть такую классную красавицу, я просто вообразить не могу.

Классная красавица — семь на восемь или около того, двести фунтов или около того, плечи и лицо намазаны толстым слоем «Пондса» — радостно засмеялась.

— Хватит трепать, покажи девочке, как это делается. И ты что — всерьез меня уверяешь, что это законно?

Человек за столиком откинул голову и тоже засмеялся.

— В конце главной аллеи все законно, пока тебя не сцапали и не вышвырнули вон... как вам, думается мне, хорошо известно. Ну-ка, куколка, как тебя зовут?

— Ивонна, — сказала она голосом, который Бобби едва слышал. Салл-Джон рядом с ним с интересом следил за происходящим. — Иногда меня называют Ивви.

— Вот и хорошо, Ивви. Погляди сюда, красотулечка. Что ты видишь? Назови их, я же знаю, ты это можешь, такая умница, как ты. А называя, показывай. И трогай, не бойся. Тут никакого обмана нет.

— Вот эта с края — валет, а с того края — король, а вот эта — дама. Она в середке.

— Правильно, куколка. В картах, как и в жизни, женщина часто оказывается между двумя мужчинами. В этом ее сила, как ты сама убедишься лет через пять-шесть. — Голос его постепенно стал тихим и почти гипнотически напевным. — А теперь смотри внимательно и ни на секунду не отводи глаз от карт. — Он перевернул их рубашками вверх. — Ну-ка, куколка, где дама?

Ивонна Лавинг указала на красный прямоугольник в середине.

— Она верно угадала? — спросил человек в котелке у маленькой компании, сгрудившейся у стола.

— Пока да, — сказала Рионда и рассмеялась так бурно, что ее ничем не придерживаемый живот заколыхался под легким платьем.

Улыбнувшись в ответ на ее смех, низкий человек в котелке приподнял уголок средней карты и показал красную даму.

— Верно на сто процентов, лапочка, пока все отлично. А теперь следи! Следи внимательно! Это состязание между твоими глазами и моей рукой! Так за чем останется победа? Вот в чем вопрос на этот день!

Он начал торопливо передвигать карты по крышке самодельного стола, приговаривая нараспев:

— Вверх и вниз, понеслись, туда-сюда, смотри, куда, все по мерке для проверки, а теперь они опять выстроились рядком бок-о-бок, так скажи мне, куколка, где прячется дама?

Пока Ивонна рассматривала три карты, которые действительно вернулись в прежнее положение, Салл нагнулся к уху Бобби и сказал:

— Вообще-то можно и не смотреть, как он их мешает. У дамы уголок надломлен. Вон, видишь?

Бобби кивнул и подумал «умница», когда Ивонна робко показала на карту слева — с надломленным уголком. Человек в котелке перевернул ее, открыв даму червей.

— Отличная работа! — сказал он. — У тебя острый взгляд, куколка. Очень острый.

— Спасибо, — сказала Ивонна, краснея, и вид у нее был почти таким же счастливым, как у Кэрол, когда ее поцеловал Бобби.

— Поставь ты на кон десять центов перед этой перетасовкой, я бы заплатил тебе сейчас двадцать центов выигрыша, — сказал человек в котелке. — Спросите почему? А потому что нынче суббота, а я называю субботу вдвойнеботой. А как вы, дамочки? Не хотите рискнуть десятью центами в состязании между вашими молодыми глазками и моими усталыми старыми руками? Сможете сказать вашим муженькам — вот уж ве-

зунчики, подцепили таких женушек! — что мистер Херб Маккуон, карточный маг, оплатил вашу стоянку в Сейвин-Роке. А почему бы и не четвертачок? Укажите даму червей, и я дам вам пятьдесят центов.

— Полкамушка, ага! — сказал Салл-Джон. — У меня есть четвертачок, мистер! Ставлю!

— Джонни, это азартная игра, — с сомнением сказала мать Кэрол. — Не знаю, могу ли я позволить...

— Да ладно, — сказала Рионда. — Пусть малыш получит полезный урок. К тому же этот тип может и даст ему выиграть, чтобы втянуть нас всех.

Она даже не попыталась говорить тише, но человек в котелке — мистер Маккуон — только взглянул на нее и улыбнулся. Потом занялся Эс-Джеем.

— Покажи свой четвертак, малыш. Давай, давай, деньги на бочку!

Салл-Джон протянул ему монету. Маккуон на секунду подставил ее косому солнечному лучу и прищурился.

— Угу! На мой взгляд не фальшивая, — сказал он и положил монету слева от карточного ряда. Поглядел налево и направо — может, высматривая полицейских, — потом подмигнул саркастически улыбающейся Рионде, а потом опять занялся Салл-Джоном. — Как тебя кличут, друг?

— Джон Салливан.

Маккуон выпучил глаза и сдвинул котелок на другое ухо, так что пластмассовый подсолнух комично затрясся и закивал.

— Знаменитое имечко! Понимаешь, о ком я?

— Само собой. Может, и я стану боксером, — сказал Эс-Джей, встал в стойку и сделал хук правой, потом левой над столом мистера Маккуона. — Раз-два!

— И раз, и два, — согласился Маккуон. — А как у вас с глазами, мистер Салливан?

— Не жалуюсь.

— Ну, так раскройте их пошире, состязание начинается. Сей момент! Ваши глаза против моих рук! Вверх-вниз, понеслись! Куда же она скрылась, скажите на милость? — Карты, которые на этот раз менялись местами гораздо быстрее, опять легли рядом.

Салл поднял было руку, но тут же отдернул ее и нахмурился. Теперь ДВЕ карты были помечены надломленными уголками. Салл поднял глаза на мистера Маккуона, скрестившего руки на грязноватой рубашке. Мистер Маккуон улыбался.

— Не торопись, сынок, — сказал он. — Утро крутилось колесом, а сейчас дело к вечеру, торопиться нечего.

«Люди, которые считают шляпы с перышком на тулье высоким шиком», вспомнились Бобби слова Теда. «Люди того пошиба, что играют в кости в темных закоулках и пускают вкруговую бутылку спиртного в бумажном пакете». У мистера Маккуона на шляпе вместо перышка был смешной пластмассовый цветок, и бутылки со спиртным видно нигде не было... она пряталась у него в кармане. Маленькая. Бобби в этом не сомневался. И к концу дня, когда желающих попытать счастье почти не останется и абсолютная скоординированность глаз и рук станет для него не такой уж важной, Маккуон начнет к ней прикладываться все чаще и чаще.

Салли указал на карту справа. «Нет, Эс-Джей!» — подумал Бобби, и, когда Маккуон ее перевернул, они увидели короля пик. Маккуон перевернул левую карту и показал им валета. Дама опять была в середине.

— Сожалею, сынок, чуть-чуть не уследил, так тут стыдиться нечего. Хочешь еще попробовать, когда ты разогрелся?

— Э... ну... это была последняя. — Лицо Салл-Джона наполнилось уныния.

— Тем лучше для тебя, малыш, — сказала Рионда. — Он бы забрал у тебя все, оставил бы стоять в одних шортиках. — Тут двочки захихикали вовсю, а Эс-Джей покраснел. Рионда не обратила внимания ни на них, ни на него. — Когда я жила в Массачусетсе, — сказала она, — то подрабатывала на пляже Ревира. Я вам покажу, ребятки, как это делается. Хочешь пойти на бакс, приятель? Или для тебя это уж слишком сладко?

— В вашем присутствии все сладко, — сентиментально вздохнул Маккуон и выхватил у нее доллар, едва она достала бумажку из сумочки. Он поднял доллар к свету, исследовал его холодным взглядом, потом положил слева от карт. — Похоже, настоящий, — сказал он. — Ну, давайте поиграем, радость моя. Как вас зовут?

— Пэддентейн, — сказала Рионда. — Спросишь еще раз, улышишь то же.

— Ри, не кажется ли тебе... — начала Анита Гербер.

— Я же сказала тебе, что знаю все эти штучки. Мешай их, приятель.

— Сей момент, — согласился Маккуон, и его руки привели три красные карты в стремительное движение (вверх и вниз, понеслись, туда — сюда, смотри, куда), а затем снова уложили в один ряд. Тут Бобби с изумлением обнаружил, что уголки надломлены у всех трех.

Улыбочка Рионды исчезла. Она перевела взгляд с короткого ряда карт на Маккуона, снова посмотрела на карты, а потом на свой доллар, который слева от них чуть трепыхался от поднявшегося легкого бриза. В заключение она снова посмотрела на Маккуона.

— Наколел меня, дружочек? — сказала она. — Разве не так?

— Нет, — сказал Маккуон, — я с вами состязался. Ну так... что скажете?

— Думается скажу, что это был хороший доллар, никаких хлопот не доставлял и мне жаль с ним расставаться, — ответила Рионда, указывая на среднюю карту.

Маккуон перевернул ее, показал короля и отправил доллар Рионды себе в карман. На этот раз дама лежала слева. Маккуон, разбогатев на доллар с четвертью, улыбнулся компании из Харвича. Пластмассовый цветок, заткнутый за ленту его шляпы, кивал и кивал в пахнущем солью воздухе.

— Кто следующий? — спросил он. — Кто хочет посостязаться глазами с моей рукой?

— Мне кажется, мы уже просостязались, — сказала миссис Гербер. Она улыбнулась человеку за столом узкой улыбкой, потом положила ладонь на плечо дочери, другую на плечо засыпающего сына, поворачивая их к стоянке.

— Миссис Гербер? — вопросительно сказал Бобби. На секунду он задумался над тем, что сказала бы его мать, когда-то бывшая замужем за человеком, который всегда клевал на неполный стрет, если бы увидела, как ее сын стоит у самодельного стола мистера Маккуона, а его рыжие рискованные волосы Рэнди Гарфилда горят на солнце. Эта мысль заставила его чуть

улыбнуться. Теперь Бобби знал, что такое неполный стрет и флэши, и масть. Он навел справки.

— Можно мне попробовать?

— Ах, Бобби, я действительно думаю, что с нас довольно, ведь так?

Бобби засунул руку под бумажный носовой платок и достал свои последние три пятицентовика.

— Это все, что у меня есть, — сказал он, сперва показав их миссис Гербер, а потом мистеру Маккуону. — Этого хватит?

— Сынок, — сказал мистер Маккуон, — я играл в эту игру по одному центу и получал удовольствие.

Миссис Гербер посмотрела на Рионду.

— Ах, черт! — сказала Рионда и ушипнула Бобби за щеку. — Это ведь цена одной стрижки! Пусть просадит их, и мы поедем домой.

— Хорошо, Бобби, — сказала миссис Гербер и вздохнула. — Раз тебе так сильно хочется.

— Положи монетки вот сюда, Боб, где они будут видны нам всем, — сказал Маккуон. — Они, по-моему, без подделки, да-да. Ты готов?

— Кажется.

— Ну, так начинаем. Два мальчика и девочка играют в прятки. Мальчики не стоят ничего. Найди девочку и удвой свои деньги.

Бледные ловкие пальцы перевернули карты. Маккуон приговаривал, карты сливались в единое пятно. Бобби смотрел, как они скользят по столу, но даже не пытался следить за дамой. Этого не требовалось.

— Теперь они тормозят, теперь вернулись назад. — Три красных прямоугольничка вновь лежали бок о бок. — Скажи-ка, Бобби, где она прячется?

— Тут, — ответил Бобби, указав на левую карту.

Салл испустил стон.

— Средняя карта, олух. На этот раз я ее точно проследил.

Маккуон даже не взглянул на Салла. Он смотрел на Бобби. Бобби смотрел на него. Секунду спустя Маккуон протянул руку и перевернул карту, на которую указал Бобби. Дама червей.

— Какого черта?! — вскрикнул Салл.

Кэрол захлопала в ладоши и запрыгала. Рионда Хьюсон взвизгнула и похлопала его по спине.

— Ты его проучил, Бобби! Молодчина!

Маккуон улыбнулся Бобби странной задумчивой улыбкой, затем сунул руку в карман и извлек горсть мелочи.

— Неплохо, сынок. Мой первый проигрыш за день. То есть когда я не позволил себя побить. — Он взял четвертак и пятицентовик и положил их рядом с пятицентовиками Бобби. — Дашь им ходу? — Он заметил, что Бобби его не понял. — Хочешь сыграть еще раз?

— Можно? — спросил Бобби у Аниты Гербер.

— Разве ты не хочешь кончить, пока ты в выигрыше? — спросила она, но глаза у нее блеснули, и она как будто совсем забыла про заторы на шоссе.

— Я и кончу, когда буду в выигрыше, — заверил он ее.

Маккуон засмеялся.

— А малый-то хвастунишка. Еще пять лет ему ждать, чтобы усы пробились, а уже бахвалится. Ну ладно, Бобби-Бахвал, что скажешь? Сыграем?

— А как же! — сказал Бобби. Если бы в хвастовстве его обвинили Кэрл с Салл-Джоном, он бы возмутился — все его герои, начиная от Джона Уэйна и до Лаки Старра из «Космического патруля», все были очень скромными — из тех, кто говорит «плевое дело», спасая планету или фургон с переселенцами. Но он не считал нужным оправдываться перед мистером Маккуоном, который был низким человеком в голубых шортах, а может и карточным шулером. Бобби меньше всего думал хвастать. И не думал, что эта игра похожа на неполные стреты его отца. Неполные стреты были только надеждой на авось — «покер для дураков», если верить Чарли Йермену, школьному сторожу, который был просто счастлив рассказать Бобби про покер все, чего не знали Салл-Джон и Денни Риверс, — а тут никаких догадок не требовалось.

Мистер Маккуон еще некоторое время смотрел на него — невозмутимость Бобби, казалось, его тревожила. Затем он поднял руку, поправил котелок, потянулся и пошевелил пальцами, совсем как Кролик Багз, когда он садился за рояль в Карнеги-Холле в «Веселых мелодиях».

— Держи ухо остро, хвастунишка. На этот раз я тебе выдам все меню, от супа до орехов.

Карты слились в розовый туман. Бобби услышал, как у него за спиной Салл-Джон пробормотал «ух ты!». Подружка Кэрол, Тейна, сказала «слишком быстро!» смешным тоном чопорного негодования. Бобби опять следил за движением карт, но потому лишь, что от него этого ждали. Мистер Маккуон на этот раз молчал, что было большим облегчением.

Карты легли на свои места. Мистер Маккуон смотрел на Бобби, подняв брови. На его губах играла легкая улыбка, но он тяжело дышал, а его верхнюю губу усыпали бисеринки пота.

Бобби сразу же указал на правую карту.

— Вот она.

— Откуда ты знаешь? — спросил мистер Маккуон, и его улыбка угасла. — Откуда, черт побери, ты знаешь?

— Знаю, и все, — сказал Бобби.

Вместо того чтобы перевернуть карту, Маккуон чуть повернул голову и оглядел аллею. Улыбка сменилась раздраженным выражением — уголки губ поехали вниз, между бровями залегла складка. Даже пластмассовый цветок на его шляпе выглядел недовольным: его кивки теперь казались сварливыми, а не бодрыми.

— Эту тасовку никто не бьет, — сказал он. — Никто ни разу не побил эту тасовку.

Рионда протянула руку через плечо Бобби и перевернула карту, на которую он указал. Дама червей. Тут уж захлопали и все девочки, и Эс-Джей. От их хлопков складка между бровями мистера Маккуона стала глубже.

— По моим подсчетам ты должен старине Бобби-Бахвалу девяносто центов. Будешь платить?

— А если нет? — спросил мистер Маккуон, хмурясь теперь на Рионду. — Что вы сделаете? Побегите за полицейским?

— Может, нам следует просто уйти? — сказала Анита Гербер нервно.

— За полицейским? Ну, нет, — сказала Рионда, пропустив слова Аниты мимо ушей. Она не отрывала глаз от Маккуона. — Паршивые девяносто центов из твоего кармана, и ты скроил рожу, как малыш, наложивший в штаны. Да уж!

Но только Бобби знал, что дело было не в деньгах. Иногда мистер Маккуон проигрывал и куда больше. Иногда из-за промашки, иногда выходил в аут. Злился он из-за тасовки. Мистеру Маккуону пришлось не по душе, что мальчишка побил его тасовку.

— А сделаю я вот что, — продолжала Рионда, — расскажу на аллее всем, кто будет слушать, что ты жила. Маккуон Девяносто Центов — вот как я тебя обзову. Думасшь, от играющих у тебя после этого отбоя не будет?

— Я бы показал тебе отбой, — пробурчал Маккуон, но сунул руку в карман и снова выгреб горсть мелочи — на этот раз побольше, — и отсчитал Бобби его выигрыш. — Вот, — сказал он. — Девяносто центов. Пойди купи себе мартини.

— Я же правда наугад ткнул, — сказал Бобби, зажав монеты в кулаке и опустив их в карман, который они оттянули, будто гиря. Утренний спор с матерью теперь казался совсем дурацким. Денег, когда он вернется домой, у него будет больше, чем когда он уходил, и это ничего не значило. Ровным счетом ничего. — Я хорошо отгадываю.

Мистер Маккуон смягчился. Он вообще на них не набросился бы. Пусть он и низкий человек, но не из тех, кто набрасывается на других людей. Он ни за что не унизил бы эти умные руки с длинными ловкими пальцами, сжав их в кулаки, — но Бобби не хотелось оставлять его огорчаться, он хотел, как выразился бы сам мистер Маккуон, выйти в аут.

— Угу, — сказал Маккуон. — Отгадываешь ты хорошо. Хочешь попробовать в третий раз, Бобби? Как следует разбогатеть?

— Нет, нам правда пора, — торопливо сказала миссис Гербер.

— А если я попробую еще раз, так проиграю, — сказал Бобби. — Спасибо, мистер Маккуон. Очень интересная была игра.

— Угу, угу. Чеши отсюда, малыш. — Мистер Маккуон теперь смотрел вперед, а не назад. Выглядывал новые жертвы.

Пока они ехали домой, Кэрол и ее подруги поглядывали на него с благоговением, а Салл-Джон — с недоуменным уважением. Бобби из-за этого стало не по себе. Потом вдруг Рионда повернулась и уставилась на него.

— Ты не просто наугад тыкал, — сказала она.

Бобби посмотрел на нее настороженно и промолчал.

— Тебя стукнуло.

— Как это?

— Мой отец не был слишком азартным. Но иногда он предчувствовал номера. Говорил, что его вдруг стукнуло. И вот тогда делал ставку. И один раз выиграл пятьдесят долларов. Купил нам припасов на месяц. Так и с тобой было, а?

— Наверное, — сказал Бобби. — Может, меня и стукнуло.

Когда он вернулся, его мама сидела, поджав ноги, на качелях у входной двери. Она переоделась в субботние брючки и мрачно смотрела на улицу. Чуть-чуть помахала маме Кэрол, когда та тронула машину, проследила, как они свернули к своему дому и как Бобби шагает по дорожке. Он знал, о чем думает его мама: муж миссис Гербер служит во флоте, но все-таки у нее есть муж, сверх того Анита Гербер водит «универсал». А Лиз разъезжает на своих двоих или на автобусе, если путь неблизкий, или на такси, если ей надо добраться до Бриджпорта.

Но Бобби решил, что на него она больше не сердится, и это было здорово.

— Приятно провел время в Сейвине, Бобби?

— На большой палец, — сказал он и подумал: «В чем дело, мама? Тебе же все равно, как я провел время на пляже. Что ты задумала?» Но этого он не знал.

— Вот и хорошо. Послушай, малыш... Извини, что мы утром повздорили. Я НЕНАВИЖУ работать по субботам. — Последние слова у нее вырвались, будто плевков.

— Да ладно, мам.

Она притронулась к его щеке и покачала головой.

— Эта твоя светлая кожа! Ты не способен загореть, Бобби-бой. Загар не про тебя. Пошли, я смажу ожог детским кремом.

Он вошел следом за ней в дом, снял рубашку и встал перед ней у дивана. И она намазала душистым детским кремом его спину и руки до плеч, и шею — даже щеки. Ощущение было приятное, и он снова подумал о том, как любит ее, как ему нравится, когда она вот так его гладит. А потом прикинул, что бы она сказала, если бы узнала, что он поцеловал Кэрол на Колесе Обозрения. Улыбнулась бы? Да нет, пожалуй. А если бы узнала про мистера Маккуона и карты...

— Твоего верхнего приятеля я не видела, — сказала она. — Знаю, что он у себя, потому что слышу, как орет его радио — «Янки» играют. Но почему он не вышел на крыльцо, где попрохладнее?

— Не захотел, наверное, — сказал Бобби. — Мам, а ты хорошо себя чувствуешь?

Она растерянно посмотрела на него.

— Просто отлично, Бобби. — Она улыбнулась, и Бобби улыбнулся в ответ. На это потребовалось усилие: он не был уверен, что его мать чувствует себя отлично. Наоборот, он был почти уверен в обратном.

Его снова только что стукнуло.

Вечером в постели Бобби лежал на спине, раскинув пятки по углам матраса, и смотрел в потолок широко открытыми глазами. Окно у него тоже было открыто, и под дыханием ветерка занавеска колебалась туда-сюда, туда-сюда, а из чьего-то еще открытого окна вырывались голоса «Плэттеров»: «В золотом угасании дня, в синей тьме ты встречаешь меня». А где-то дальше жужжал самолет и сигнажила машина.

Отец Рионды говорил, что его стукнуло: и один раз он выиграл в лотерею пятьдесят долларов. Бобби согласился: «стукнуло, конечно, меня стукнуло», но лотерейного номера он не отгадал бы даже для спасения своей жизни. Дело было в том...

«Дело было в том, что мистер Маккуон каждый раз знал, где дама, а потому и я знал».

Едва Бобби сообразил это, как все встало на свои места. Лежит на поверхности, но ему было так весело и... ну... ведь если ты что-то знаешь, то просто знаешь и конец, верно? Ты можешь задуматься, если тебя стукнет, — ну, почувствуешь что-то ни с того ни с сего, но если знаешь что-то, то знаешь, и все тут.

Только откуда ему было знать, что его мать подклеивает купюры в каталоге между страницами, рекламирующими белье? Откуда ему было знать, что каталог вообще лежит там? Она ему ничего про каталог не говорила. И никогда ничего не говорила про голубой кувшинчик, куда она складывала монетки, хотя, конечно, он много лет знает про кувшинчик, он же не слепой, хотя иногда ему и кажется, будто он давно ослеп. Но каталог? Монеты высыпаются, обмениваются на бумажки, а бумажки

подклеиваются в каталог? Знать всего этого он никак не мог, но, лежа в постели, он к тому времени, когда «Земной ангел» сменил «Время сумерек», уже знал, что каталог лежит там. Он знал, потому что знала она и вдруг подумала о каталоге. И в кабинке Колеса Обозрения он знал, что Кэрол хочет, чтобы он поцеловал ее еще раз, потому что это же был первый ее настоящий поцелуй с мальчиком, а она толком ничего не разобрала. Но просто знать еще не значит знать будущее.

— Нет, это просто чтение мыслей, — прошептал он, и его начала бить дрожь, будто солнечные ожоги обратились в лед.

«Поберегись, Бобби-бой! Не побережешься, так свихнешься, вот как Тед с его низкими людьми».

Вдали над городской площадью куранты начали вызывать десять часов. Бобби повернул голову и взглянул на будильник на письменном столе. «Биг-Бен» объявил, что пока еще девять часов пятьдесят две минуты.

«Ну ладно, значит, городские часы чуть спешат или мои чуть отстают. Делов-то, Макнил. Давай спи».

Он не думал, что сумеет уснуть, — во всяком случае, вот так сразу, но позади был тот еще день: ссора с матерью, деньги, выигранные у пляжного мошенника, поцелуй на самом верху Колеса Обозрения... и он начал проваливаться в приятный сон.

«Может, она моя девочка, — подумал Бобби. — Может, она все-таки моя девочка».

Под последний преждевременный замирающий вдали удар городских курантов Бобби уснул.

V. Бобби читает газету.

Каштановый с белым нагрудничком. Великая перемена для Лиз. Лагерь Брод-стрит.
Тревожная неделя. Отъезд в Провиденс

В понедельник, когда мама ушла на работу, Бобби поднялся наверх к Теду почитать ему газету (хотя с его глазами ничего такого не было и он мог бы читать и сам, Тед говорил, что ему нравится слушать голос Бобби, а если тебе читают, когда ты бре-

ешься, это и вообще роскошь). Тед стоял в своей крохотной ванной перед открытой дверью и соскребал пену с лица, пока Бобби проверял его на разные заголовки на разных страницах.

«БОИ ВО ВЬЕТНАМЕ УСИЛИВАЮТСЯ»?

— До завтрака? Спасибо, нет.

— «УГОН ТЕЛЕЖЕК. АРЕСТ МЕСТНОГО ЖИТЕЛЯ»?

— Первый абзац, Бобби.

— «Когда вчера ближе к вечеру полиция явилась в его дом в Понд-Лейне, Джон Т. Андерсон из Харвича подробно рассказал им о своем увлечении — он коллекционирует тележки для супермаркетов. «Он очень интересно говорил на эту тему, — сказал полицейский Кэрби Моллой из харвичской полиции, — но мы не были окончательно убеждены, что все его тележки приобретены честным путем». Оказалось, что Моллой попал в точку. Из пятидесяти с лишним тележек на заднем дворе мистера Андерсона по меньшей мере двадцать были украдены из харвичских «Любой бакалеи» и супермаркета. Обнаружено было даже несколько тележек из супермаркета в Стансбери».

— Достаточно, — сказал Тед, ополаскивая бритву в горячей воде и поднося к намыленной шес. — Тяжеловесные провинциальные прохаживания по поводу мелкого маниакального воровства.

— Я не понимаю.

— Судя по всему, мистер Андерсон страдает неврозом — иными словами, душевным расстройством. По-твоему, душевные расстройства смешны?

— Да нет. Людей, у которых винтиков не хватает, мне жалко.

— Рад слышать. Я знал людей, у которых винтиков вовсе не было. Очень много таких людей, если на то пошло. Они часто кажутся жалкими, иногда вызывают благоговение, иногда внушают ужас, но они не смешны. «УГОН ТЕЛЕЖЕК!» — надо же. А что еще там есть?

— «ВОСХОДЯЩАЯ КИНОЗВЕЗДА ПОГИБЛА В АВТОКАТАСТРОФЕ В ЕВРОПЕ».

— Фу! Не надо.

— «ЯНКИ» ПРИОБРЕЛИ ИГРОКА У «СЕНАТОРОВ»?

— Что бы там «Янки» ни делали с «Сенаторами», меня не интересует.

— «АЛЬБИНИ ПРИМЕРИВАЕТ РОЛЬ ПОБЕЖДЕННОГО»?

— Да, эту, пожалуйста, прочти.

Тед внимательно слушал, тщательно брея горло. Самого Бобби статья не слишком увлекла — она же все-таки была не про Флойда Паттерсона или Ингемара Йоханссона (Салл прозвал шведского боксера Инге-Детка), но тем не менее читал он старательно. Бой из двенадцати раундов между Томми «Ураганом» Хейвудом и Эдди Альбини должен был состояться вечером в следующую среду в Мэдисон-сквер-гарден. Оба противника отлично показали себя в прошлом, но важным, если не решающим, фактором считался возраст — двадцатитрехлетний Хейвуд против тридцатишестилетнего Эдди Альбини, и признанный фаворит. Победителю открывалась возможность осесть встретиться с чемпионом в тяжелом весе, оспаривая его титул, — примерно тогда, когда Ричард Никсон станет президентом (мать Бобби не сомневалась в его победе: даже не важно, что Кеннеди — католик, просто он слишком молод и по горючости способен наломать много дров).

В статье Альбини сказал, что понимает, почему на нем ставят крест — он уже не так молод, и кое-кто думает, он выходит в тираж, потому что проиграл нокаутом Сахарному Мальчику Мастерсу. И, конечно, он знает, что руки у Хейвуда длиннее и он для своих лет слышет нелегким противником. Но он всю тренируется, сказал Альбини, скачет через веревочку, а в спарринг-партнеры подобрал парня, у которого движения и удары похожи на хейвудские. В статье полно было слов вроде «несгибаемый» и «полный решимости», а про Альбини было сказано, что он «полон задора». Бобби сообразил, что, по мнению автора, от Альбини мокрого места не останется и он его жалеет. «Ураган» Хейвуд интервью не дал, но его менеджер, типчик по имени И. Клайндинст (Тед объяснил Бобби, как правильно произносить эту фамилию), сказал, что это скорее всего будет последний бой Альбини. «В свое время он был на коне, но его время прошло, — сказал Клайндинст. — Если Эдди продержится шесть раундов, я отправлю моего мальчика спать без ужина».

— Ирвинг Клайндинст ка-май, — сказал Тед.

— Чего-чего?

— Дурак. — Тед смотрел в окно, в ту сторону, откуда доносился лай пса миссис О'Хары. Не совсем невидящими глазами, как иногда случалось, но как-то отдалившись.

— Вы его знаете? — спросил Бобби.
— Нет-нет, — сказал Тед. Вопрос словно бы сначала его немало напугал, а потом позабыл. — Я знаю о нем.
— По-моему, этому типу Альбини туго придется.
— Заранее ничего сказать нельзя. Потому-то это и интересно.
— Вы о чем?
— Ни о чем. Переходи к комиксам, Бобби. Флэш Гордон, вот что мне требуется. И непременно скажи мне, как одета Дейл Арден.
— Почему?
— Потому что она, по-моему, настоящий пупсик, — сказал Тед, и Бобби приснул со смеху. Ничего не мог с собой поделаться. Тед иногда такое говорил!

На следующий день, возвращаясь из Стерлинг-Хауса, где он заполнял все анкеты на летний бейсбол, Бобби наткнулся в Коммонвелф-парке на прикрепленное к дереву аккуратно напечатанное объявление:

ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ НАМ НАЙТИ ФИЛА!

ФИЛ — наш ВЕЛЬШ-КОРГИ!

ФИЛУ 7 ЛЕТ!

ФИЛ — КОРИЧНЕВЫЙ с БЕЛЫМ НАГРУДНИЧКОМ!

ГЛАЗА у него ЯСНЫЕ и ОЧЕНЬ УМНЫЕ!

КОНЧИКИ УШЕЙ — ЧЕРНЫЕ!

Принесет вам мячик, если вы скажете:

«ДАВАЙ, ФИЛ!»

ПОЗВОНИТЕ Хоуситоник 5-8337!

(или)

ПРИНЕСИТЕ дом 745 Хайгейт-авеню!

СЕМЬЯ САГАМОР!

Фотографии Фила не было.

Бобби довольно долго простоял у объявления. Часть его рвалась побежать домой и рассказать Теду — и не только об этом, но и о полумесяце со звездой, нарисованных рядом с «классиками». А другая часть твердила, что в парке полно всяких объявлений — вон на соседнем вязе прилеплена афишка концерта на площади, — и он будет последний псих, если расстроит Теда

по такому поводу. Эти две мысли боролись друг с другом, пока не превратились в две трущиеся деревяшки, так что его мозг мог вот-вот загореться.

«Не буду об этом думать», — сказал он себе, отступая от объявления. И когда голос из глубины его сознания — угрожающе ВЗРОСЛЫЙ голос — напомнил, что ему ПЛАТЯТ за то, чтобы он думал обо всем таком, чтобы он РАССКАЗЫВАЛ обо всем таком, Бобби сказал голосу, чтобы он заткнулся. И голос заткнулся.

Подходя к дому, он увидел, что его мать снова сидит на качелях, на этот раз штопая рукав халата. Она подняла глаза — они опухли, веки покраснели. В одной руке она сжимала бу-мажную салфеточку.

— Мам?..

«Что не так?» — мысленно dokonчил он, но договорить вслух было бы неразумно. Напросился бы на неприятности. Нет, его не стукнуло, как тогда в Сейвин-Роке, но он ведь хорошо ее знал, как она смотрела на него, когда была расстроена, то, как сжималась в кулак рука с салфеточкой. Она глубоко вздохнула и выпрямилась, готовая дать бой, если ей станут перечить.

— Что? — спросила она его. — У тебя что-то на уме, кроме твоих волосьев?

— Нет, — сказал он, и собственный голос показался ему не-ловким и странно робким. — Я был в Стерлинг-Хаусе. Списки бейсбольных команд вывешены. Я в это лето опять Волк.

Она кивнула и немного расслабилась.

— Думаю, на будущий год ты выбьешься во Львы. — Она сняла рабочую корзинку с качелей, поставила ее на пол и похлопала ладонью по освобожденному месту. — Посиди рядышком со мною, Бобби. Мне надо тебе кое-что сказать.

Бобби сел с самыми дурными предчувствиями — как-никак она плакала, и голос у нее был очень серьезный, — но все оказалось срундой, во всяком случае, насколько он мог судить.

— Мистер Бидермен... Дон... пригласил меня поехать с ним и мистером Кушманом, и мистером Дином на семинар в Провиденсе. Для меня это замечательный шанс.

— А что такое семинар?

— Ну, вроде конференции — люди собираются вместе, чтобы узнать побольше о чем-нибудь и обсудить, что и как. Этот о

«Недвижимости в шестидесятых годах». Я очень удивилась, когда Дон меня пригласил. Я, конечно, знала, что Билл Кушман и Кертис Дин поедут — они же агенты. Но чтобы Дон пригласил меня... — Она вдруг замолчала, повернулась к Бобби и улыбнулась. Он решил, что улыбка настоящая, но она не сочеталась с ее красными веками. — Я уж не знаю, сколько времени мечтаю стать агентом, и теперь вдруг ни с того ни с сего... Для меня это замечательный шанс, Бобби. Для нас обоих.

Бобби знал, что его мать хотела продавать недвижимость. У нее были книги про это, и почти каждый вечер она понемножку их читала и часто подчеркивала строчки. Но если это такой замечательный шанс, почему она плакала?

— Клево! — сказал он. — В самую точку! Ты там, конечно, очень многому научишься. А когда это?

— На следующей неделе. Мы вчетвером уезжаем рано утром во вторник, а вернемся в четверг поздно вечером. Все заседания будут в отеле «Уоррик», и там же Дон заказал нам номера. Я уже двенадцать лет в отелях не останавливалась, а то и больше. Мне даже немножко не по себе.

А если не по себе, то плачут? Может, и так, подумал Бобби, если ты взрослый... и уж тем более взрослая.

— Я хочу, чтобы ты узнал у Эс-Джея, можно ли тебе будет переночевать у них во вторник и в среду. Я знаю, миссис Салливан...

Бобби помотал головой.

— Ничего не получится.

— Это почему же? — Лиз бросила на него яростный взгляд. — Миссис Салливан всегда тебя прежде приглашала. Или ты что-нибудь такое натворил?

— Да нет, мам. Просто Эс-Джей выиграл неделю в лагере «Винни».

От этих «инни» губы у него раздвинулись, будто в улыбке, но он постарался ее согнать. Мама все еще смотрела на него с яростью... а может, с паникой? С паникой или чем-то еще?

— Что еще за лагерь «Винни»? О чем ты говоришь?

Бобби объяснил, как Эс-Джей выиграл бесплатную неделю в лагере «Виннивинния», а миссис Салливан поедет навес-

тить родителей в Висконсине — планы, которые теперь сбудутся: Большой Серый Пес и все остальное.

— Вот черт! Всегдашнее мое везение. — Она почти никогда не ругалась, говорила, что чертыхание и то, что она называла «грязными словечками», это язык некультурных людей. А теперь она сжала кулак, стукнула по ручке качелей. — Черт! Черт! Черт!

Минуто-другую она сидела, раздумывая. Бобби тоже думал. На улице он дружил еще только с Кэрол, но сомневался, что его мама позвонит Аните Гербер, чтобы спросить, нельзя ли ему будет переночевать у них. Кэрол ведь девочка, и почему-то это было важно, когда речь шла о том, чтобы переночевать у нее дома. Кто-нибудь, с кем дружит его мама? Но ведь у нее нет настоящих... кроме Дона Бидермена (и, может, тех двоих, которые тоже едут на семинар в Провиденс). Много знакомых, чтобы здороваться, когда они возвращаются из супермаркета или идут в пятницу на вечерний киносеанс, но никого, кому она могла бы позвонить и попросить приютить на две ночи ее одиннадцатилетнего сына. И никаких родственников... то есть насколько было известно Бобби.

Будто люди, которые идут по сближающимся дорогам, Бобби и его мать, постепенно сошлись в одной точке: Бобби опередил ее на пару секунд.

— А Тед? — спросил он и чуть было не зажал себе рот рукой — она даже уже приподнялась немножко.

Его мать смотрела, как его рука легла назад на колено, с той же ядовитой полуулыбкой, которая появлялась у нее на губах, когда она сыпала присловьями вроде: «До того, как умереть, успеешь глотнуть грязи» и «Два человека смотрели сквозь прутья тюремной решетки: один видел грязь, а другой — звезды», и, конечно, ее любимое: «Жизнь несправедлива».

— Думаешь, я не знаю, что ты называешь его Тедом, когда вы вдвоем? — спросила она. — Не иначе ты вообразил, что я глотаю дурящие таблетки, Бобби-бой. — Она откинулась на спинку и поглядела в сторону улицы. Мимо медленно проплывал «крайслер нью-йоркер» — смешной, с бамперами, будто юбочки, и весь сверкающий хромом. Бобби вгляделся. За рулем сидел седой старик в голубом пиджаке. Бобби подумал, что он, наверное, в норме. Старый, но не низкий.

— Может, что-то и выйдет, — наконец сказала Лиз. Она сказала это задумчиво, больше себе, чем сыну. — Пойдем поговорим с Бротигеном и поглядим.

Поднимаясь следом за ней на третий этаж, Бобби прикидывал, как давно она научилась правильно произносить фамилию Теда. Неделю назад? Месяц?

«Умела с самого начала, дубина, — подумал он. — С самого начала».

Бобби думал, что Тед останется в своей комнате на третьем этаже, а он у себя на первом. Будут держать двери открытыми и в случае чего звать друг друга.

— Не думаю, что Килголлensen или Протски обрадуются, когда ты в три часа ночи завопишь мистеру Бротигену, что тебе померещился кошмар, — сказала Лиз ехидно. Килголлensen и Протски жили в квартирках на втором этаже. Лиз и Бобби не поддерживали никаких отношений ни с теми, ни с другими.

— Не будет у меня никаких кошмаров, — сказал Бобби, грубо оскорбленный, что с ним говорят, будто с маленьким. — То есть чтобы орать.

— Помалкивай, — сказала его мама ехидно. Они сидели за кухонным столом Теда, и оба взрослых курили, а перед Бобби стоял стакан с шипучкой.

— Не очень удачная мысль, — сказал ему Тед. — Ты отличный паренек, Бобби, ответственный, рассудительный, но одиннадцатилетний мальчик, по-моему, все-таки еще слишком мал, чтобы жить самостоятельно.

Бобби легче было услышать, что он еще слишком мал, от своего друга, чем от матери. Ну, и он должен был согласиться, что было бы жутко проснуться посреди ночи и пойти в ванную, помня, что он в квартире совсем один. Конечно, он выдержал бы, это он знал точно, но жутко было бы.

— А как насчет дивана? — спросил он. — Его ведь можно разложить в кровать, верно? — Они диван никогда не раскладывали, но Бобби твердо помнил, что она как-то раз сказала ему, что диван можно разложить в кровать. Он не ошибся, и это решило проблему. Наверное, она не хотела, чтобы Бобби спал в ее кровати (а «Бреттиген» — и подавно), и она действи-

тельно не хотела, чтобы Бобби спал здесь в душной комнатухе на третьем этаже — в этом он был уверен. Он решил, что она так лихорадочно искала выход из затруднения, что проглядела самый простой.

И было решено, что на следующей неделе Тед во вторник и в среду переночует на разложенном диване в гостиной Гарфилдов. Бобби про себя ликовал: у него будет целых два самостоятельных дня — даже три, если присчитать четверг, а ночью, когда может стать жутко, рядом будет Тед. Не приходящая нянька, а взрослый друг. Конечно, не совсем неделя в лагере «Винни», как у Салл-Джона, но все-таки похоже. «Лагерь Брод-стрит», — подумал Бобби и чуть не засмеялся вслух.

— Мы весело проведем время, — сказал Тед. — Я состряпаю свое коронное блюдо: фасоль с сосисками. — Он наклонился и взьерошил ежик Бобби.

— Ну, если фасоль с сосисками, так, может, лучше захватить к нам вниз и это? — сказала его мама и пальцами с сигаретой указала на вентилятор Теда.

Тед с Бобби засмеялись. Лиз Гарфилд улыбнулась своей ядовитой полуулыбкой, докурила сигарету и погасила ее в пепельнице Теда. И тут Бобби снова заметил припухлость ее век.

Когда Бобби с мамой спускался по лестнице, он вспомнил объявление в парке — пропавший вельш-корги, который принесет вам МЯЧИК, если вы скажете: «ДАВАЙ, ФИЛ!» Он должен рассказать Теду про это объявление. Он должен рассказать Теду про все. Но если он расскажет и Тед уедет из сто сорок девятого, кто останется с ним на будущую неделю? Что будет с «Лагерем Брод-стрит», с двумя приятелями, ужинающими знаменитой фасолью с сосисками Теда (может быть, даже перед телевизором, чего мама обычно не позволяла), а потом ложающимися спать так поздно, как им захочется?

Бобби дал себе обещание: он все расскажет Теду в следующую пятницу, когда его мама вернется со своего семинара или конференции, или что там еще.

Это решение удивительно очистило совесть Бобби, и когда он два дня спустя увидел перевернутую карточку «ПРОДАЕТСЯ» на доске объявлений в «Любой бакалее» — про стиральную машину с сушкой, — он позабыл про эту карточку почти сразу же.

* * *

Тем не менее неделя эта была тревожной для Бобби Гарфилда, очень тревожной. Он увидел еще два объявления о пропаже четвероногих друзей — одно в центре города, а другое на Эшер-авеню в полумиле за «Эшеровским Ампиром». (Квартала, в котором он жил, было теперь уже мало, и в своих ежедневных обходах он забирался все дальше и дальше.) А у Теда все чаще начали случаться эти жуткие провалы в никуда и длились они дольше. Иногда он что-то говорил — и не всегда по-английски. А когда он говорил по-английски, то иногда какую-то бессмыслицу. По большей части Бобби считал Теда чуть ли не самым разумным, понимающим, совсем своим из всех, кого он знал. Но когда он проваливался, было жутко. Ну, хотя бы его мама не знала. Вряд ли она, думал Бобби, сочла бы таким уж клевым оставить его на попечение человека, который иногда отключается и начинает нести чепуху по-английски или бормотать на неизвестном языке.

После одного из таких провалов, когда Тед почти полторы минуты неподвижно смотрел в никуда и никак не отзывался на все более и более испуганные вопросы Бобби, тому пришлось в голову, что, может, Тед сейчас не у себя в голове, а в каком-то другом мире — что он покинул Землю, вот как герои «Кольца вокруг Солнца», когда они открыли, что могут по спирали на детском волчке отправляться, куда только захотят.

Тед, когда провалился, зажимал в пальцах «честерфилдку». Колбаска пепла все удлинялась, а потом упала на стол. Когда тлеющий кончик почти добрался до узловатых суставов Теда, Бобби осторожно выдернул сигарету и уже держал ее над переполненной пепельницей, как вдруг Тед очнулся.

— Куришь? — спросил он, нахмурясь. — Черт, Бобби, тебе еще рановато курить.

— Да я просто хотел погасить за вас. Я подумал... — Бобби пожал плечами, внезапно застеснявшись.

Тед посмотрел на указательный и средний пальцы своей правой руки, помеченные несмываемым желтым никотиновым пятном, и засмеялся — коротким, лающим, совсем невеселым смехом.

— Подумал, что я обожгусь, а?

Бобби кивнул.

— О чем вы думаете, когда вот так отключаетесь? Куда вы исчезаете?

— Трудно объяснить, — ответил Тед, а потом попросил Бобби почитать ему его гороскоп.

Мысли о провалах Теда очень мешали жить. А умалчивать про то, за что Тед платил ему, мешало еще больше. В результате Бобби — обычно подававший очень хорошо — четыре раза промазал, когда Волки играли в Стерлинг-Хаусе. И четыре раза проиграл в «морской бой» Саллу у него в пятницу, когда шел дождь.

— Чего это с тобой? — спросил Салл. — Ты в третий раз называешь квадраты, которые уже называл. И я просто орал тебе в ухо, прежде чем ты отвечал. Что случилось?

— Ничего, — сказал он. «Все» — вот, что он чувствовал.

Кэрол тоже раза два спрашивала Бобби на этой неделе, не заболел ли он, а миссис Гербер спросила, «хорошо ли он ест», а Ивонна Лавинг поинтересовалась, все ли у него дома и хихикала, пока чуть не лопнула.

И только его мама не замечала странностей в поведении Бобби. Лиз Гарфилд была поглощена предстоящей поездкой в Провиденс. По вечерам разговаривала по телефону с мистером Бидерменом или с одним из двух других, кто туда ехал (один был Билл Кушман, а как звали второго, Бобби позабыл); складывала одежду на кровати так, что покрывала совсем видно не было, потом мотала головой и сердито убирала все в шкаф; договаривалась по телефону, когда сделать прическу, а затем снова звонила туда и спрашивала, нельзя ли еще и маникюр. Бобби толком не знал, что такое маникюр. Ему пришлось спросить у Теда.

Приготовления эти ее вроде бы увлекали, но в ней крылась и какая-то угрюмость. Она была, как десантник перед штурмом береговых вражеских укреплений или парашютист, готовящийся к прыжку за линией фронта. Один вечерний телефонный разговор перешел в спор шепотом — Бобби думал, что говорила она с мистером Бидерменом, но уверен не был. В субботу Бобби вошел к ней в спальню и увидел, что она рассматривает два новых платья — «выходные платья», — одно с узенькими бретельками, а другое и новсе без бретелек, только верх, как у

купальника. Коробки из-под них валялись на полу, из них пелой выбивалась папиросная бумага. Его мама стояла над платьями и глядела на них с выражением, какого Бобби еще никогда у нее не видел: огромные глаза, сдвинутые брови, напряженные белые щеки, на которых горели алые пятна румян. Одну руку она прижимала ко рту, и он расслышал костяное пощелкивание — она грызла ногти. В пепельнице на бюро дымилась сигарета, видимо, забытая. Ее огромные глаза метались от платья к платью.

— Мам? — спросил Бобби, и она подпрыгнула — по-настоящему подпрыгнула. Затем молниеносно обернулась к нему, и ее губы сложились в гримасу.

— Ох, черт! — почти зарычала она. — Ты что — НЕ ПОСТУЧАЛ?!

— Извини, — сказал он и начал пятиться к двери. Его мать никогда прежде не говорила, чтобы он стучал. — Мам, тебе плохо?

— Очень даже хорошо! — она увидела сигарету, схватила ее и отчаянно запыхтела. Бобби казалось, что вот-вот дым пойдет у нее из ушей, а не только из носа и рта. — Хотя мне было бы лучше, если бы нашлось платье для приема, в котором я не выглядела бы Коровай Эльзи. Когда-то я носила шестой размер, тебе это известно? До того, как вышла за твоего отца, мой размер был шестой. А теперь погляди на меня! Корова Эльзи! Моби-чертов-Дик!

— Мам, ты вовсе не толстая. Наоборот, последнее время...

— Убирайся, Бобби. Пожалуйста, не приставай к маме. У меня болит голова.

Ночью он опять слышал, как она плачет. А утром увидел, как она аккуратно укладывает в чемодан одно платье — то, с бретельками. А второе отправилось в магазинную коробку — на крышке красивыми оранжевыми буквами было написано: «ПЛАТЬЯ ОТ ЛЮСИ, БРИДЖПОРТ».

Вечером в понедельник Лиз пригласила Теда Бротигена поужинать с ними. Бобби любил мясные рулеты своей матери и обычно просил добавки. Но на этот раз с трудом справлялся с одним ломтем. Он до смерти боялся, что Тед провалится, а его мать из-за этого устроит истерику.

Но боялся он зря. Тед интересно рассказывал о своем детстве в Нью-Джерси, в ответ на вопрос его мамы рассказал и о своей работе в Хартфорде. Бобби показалось, что про бухгалтерию он говорит не так охотно, как о катании на санках со снежных горок, но его мама вроде бы ничего не заметила. И вот Тед добавки попросил.

Когда со стола было убрано, Лиз дала Теду список телефонных номеров — в том числе доктора Гордона, администрации Стерлинг-Хауса и отеля «Уоррик».

— Если что-то будет не так, позвоните мне. Договорились?

Тед кивнул.

— Обязательно.

— Бобби? Все нормально? — Она на секунду положила ладонь ему на лоб, как делала, когда он жаловался, что его лихорадит.

— И еще как! Мы здорово проведем время. Правда, мистер Бротиген?

— Да называй его Тедом! — почти прикрикнула Лиз. — Раз он будет ночевать у нас в гостиной, так и мне лучше называть его Тедом. Можно?

— Ну конечно. И пусть будет «Тед» с этой самой минуты.

Он улыбнулся, и Бобби подумал, какая это хорошая улыбка — дружеская, искренняя. Он не понимал, как можно устоять против нее. Но его мать устояла. Даже теперь, когда она отвечала Теду, ее рука с бумажной салфеточкой сжималась и разжималась в знакомом тревожном движении неудовольствия. И Бобби вспомнилось одно из самых любимых ее присловий: «Я ему (или ей) настолько доверяю, насколько поднимаю рояль одной рукой».

— И с этой минуты я — Лиз. — Она протянула руку через стол, и они обменялись рукопожатием, будто только-только познакомились... но вот Бобби знал, что его мама уже составила твердое мнение о Тедке Бротигене. Если бы ее не загнали в угол, она бы не доверила ему Бобби. Даже и через миллион лет.

Она открыла сумочку и вынула белый конверт без надписи.

— Тут десять долларов, — сказала она, протягивая конверт Теду. — Думається, вам, мальчикам, захочется разок перекусить вечером не дома — Бобби любит «Колонию», если вы не про-

тив, — а может, вам захочется сходить в кино. Ну, не знаю, что там еще, но кое-что в заглавнике иметь не помешает, верно?

— Всегда лучше предусмотреть, чем потом жалеть, — согласился Тед, аккуратно засовывая конверт в передний карман своих домашних брюк, — но не думаю, что мы сумеем потратить десять долларов за три дня, а, Бобби?

— Да нет. Ничего даже придумать не могу.

— Кто деньги не мотает, тот нужды не знает, — сказала Лиз. Это тоже было ее любимое присловье вместе с «у дураков деньги не держатся». Она вытащила сигарету из пачки на столе удивана и закурила не совсем твердой рукой. — С вами, мальчики, все будет в порядке. Наверное, время проведете получше, чем я.

Поглядев на ее обгрызенные чуть не до мяса ногти. Бобби подумал: «Это уж точно».

Его мама и остальные отправлялись в Провиденс на машине мистера Бидермена, и утром в семь часов Лиз и Бобби Гарфилды стояли на крыльце и ждали. В воздухе была разлита та ранняя тихая дымка, которая возвещает наступление жарких летних дней. С Эшер-авеню доносились гудки и погромыхивание густого потока машин, устремляющихся к месту работы, но здесь, на Броуд-стрит, лишь изредка проезжала легковушка или пикап. Бобби слышал «хишша-хишша» обрызгивателей на газонах, а с другого конца квартала неумолчный «руф-руф-руф» Баузера. Лай Баузера казался Бобби Гарфилду совсем одинаковым, что в июне, что в январе. Баузер был неизменным, как Бог.

— Тебе вовсе не обязательно стоять тут со мной, — сказала Лиз. На ней был плащ, и она курила сигарету. Накрасилась чуть сильнее обычного, но Бобби все равно вроде бы разглядел синеву у нее под глазами — значит, она провела еще одну беспойную ночь.

— Так мне же хочется.

— Надеюсь, что все обойдется, что я оставляю тебя на него.

— Ну, чего ты беспокоишься, мам? Тед отличный человек. Она хмыкнула.

У подножия холма блеснул хром — с Коммонвелф свернул и начал подниматься по склону «меркьюри» мистера Бидермена (не то чтобы вульгарный, но все равно грузная машина).

— Вот и он, вот и он, — сказала его мама, вроде бы нервно и радостно. Она нагнулась. — Чмокни меня в щечку, Бобби. Я тебя не хочу целовать, чтобы не размазать помаду.

Бобби положил пальцы ей на локоть и чуть поцеловал в щеку. Почувствовал запах ее волос, ее духов, ее пудры. Больше он никогда уже не будет целовать ее вот с такой, ничем не омраченной, любовью.

Она улыбнулась ему смутной улыбочкой, не глядя на него, глядя на грузную машину мистера Бидермена, которая изящно свернула с середины мостовой и остановилась у их дома. Лиз нагнулась за своими двумя чемоданами (что-то много — два чемодана на два дня, решил Бобби), но он уже ухватил их за ручки.

— Они тяжелые, Бобби, — сказала она. — Ты споткнешься на ступеньках.

— Нет, — сказал он. — Не споткнусь.

Она рассеянно взглянула на него, потом помахала мистеру Бидермену и пошла к машине, постукивая высокими каблучками. Бобби шел следом, стараясь не морщиться от веса чемоданов... да что она в них наложила? Одежду или кирпичи?

Он дотащил их до края тротуара, ни разу не остановившись передохнуть. И то хорошо. Мистер Бидермен уже вылез из машины, небрежно поцеловал его мать в щеку и вытряхнул из связки ключ багажника.

— Как делишки, приятель? Как дела-делишки? — мистер Бидермен всегда называл его «приятель». — Волоки их к заднему колесу, а я двину их на место. Женщины всегда ташат с собой все хозяйство, верно? Ну, да знаешь старую поговорку — жить с ними нельзя, и пристрелить их тоже нельзя, если ты не в Монтане. — Он оскалил зубы в усмешке, которая напомнила Бобби, как ухмылялся Джек в «Повелителе мух». — Взять у тебя один?

— Справлюсь, — ответил Бобби и угрюмо потрусил следом за мистером Бидерменом. Плечи у него ныли, шея нагрелась и начала потеть.

Мистер Бидермен открыл багажник, забрал чемоданы у Бобби и поставил рядом с остальным багажом. Позади них его мама смотрела в заднее стекло и разговаривала с двумя другими мужчинами, которые ехали с ними. Она засмеялась чему-то, что ска-

зал один из них. Бобби этот смех показался таким же естественным, как деревянная нога.

Мистер Бидермен закрыл багажник и посмотрел на Бобби сверху вниз. Он был узкий, с широким лицом. Щеки у него всегда были красными. В бороздках, оставленных в его волосах зубьями расчески, виднелась розоватая кожа. Он носил очки с маленькими круглыми стеклами в золотой оправе. Бобби его улыбка казалась такой же неестественной, как смех его мамы.

— Будешь играть в бейсбол летом, приятель? — Дон Бидермен чуть подогнул колени и взмахнул воображаемой битой. Бобби подумал, что вид у него очень глупый.

— Да, сэр. Я Волк в Стерлинг-Хаусе. Надеялся стать Львом, но...

— Отлично. Отлично. — Мистер Бидермен очень заметно поглядел на свои часы — в лучах утреннего солнца широкий золотой браслет слепил глаза, — а потом похлопал Бобби по щеке. Бобби пришлось стиснуть зубы, чтобы не отдернуть голову. — Ну, пора сдвинуть этот фургонище с места! Держи хвост пистолетом, приятель! И спасибо, что одолжил нам свою мамочку.

Он повернулся и повел Лиз к передней дверце. Положил ладонь ей на спину и повел. Это понравилось Бобби даже меньше, чем смотреть, как этот тип чмокал ее в щечку. Он поглядел на раскормленных мужчин в строгих костюмах на заднем сиденье — второго фамилия Дин, вспомнил он — как раз вовремя, чтобы заметить, как они тычут друг друга локтями. Оба ухмылялись.

«Что-то тут не так», — подумал Бобби, и когда мистер Бидермен распахнул дверцу перед его матерью, а она поблагодарила и скользнула внутрь, чуточку подобрав платье, чтобы не мялось, ему захотелось попросить ее никуда не ездить: до Род-Айленда слишком далеко. Даже до Бриджпорта далеко. Ей лучше остаться дома.

Но только он ничего не сказал, а просто стоял на тротуаре, пока мистер Бидермен захлопывал дверцу и обходил машину к дверце водителя. Он открыл ее, постоял и опять по-дурацки изобразил бейсбольную подачу. Только на этот раз он еще поидиотски покрутил задницей. «Ну и нимрод же!» — подумал Бобби.

— Смотри, не делай ничего такого, чего я делать не стал бы, приятель, — сказал мистер Бидермен.

— А если все-таки сделаешь, назови его в мою честь, — крикнул Кушман с заднего сиденья. Бобби не совсем понял, что такое он сказал. Но, наверное, что-то смешное, потому что Дин захохотал, а мистер Бидермен подмигнул ему в этой своей манере «между нами, друзьями, говоря».

Его мать наклонилась к нему из окна.

— Будь умницей, Бобби, — сказала она. — Я вернусь вечером в четверг около восьми... не позже десяти. Тебя точно это устраивает?

«Нет, не устраивает! Не уезжай с ними, мам, не уезжай с мистером Бидерменом и этими двумя ржущими идиотами у тебя за спиной. Этими нимродами. Пожалуйста!»

— Ну конечно, устраивает. Он же молодец. Верно, приятель?

— Бобби? — сказала она, не глядя на мистера Бидермена. — Ты справишься?

— Угу, — сказал он. — Я же молодец.

Мистер Бидермен взвыл от свирепого смеха («Свинью — бей! Глотку — режь!» — подумал Бобби) и включил скорость.

— Провиденс или хана! — вскричал он, и «меркьюри» отъехал от тротуара, развернулся к противоположному и покатил к Эшер-авеню. Бобби стоял на краю тротуара и махал вслед «мерку», а тот проехал мимо дома Кэрл, мимо дома Салл-Джона. У Бобби будто кость засела в сердце. Если это было какое-то предчувствие — если его стукнуло, — то на будущее он обошелся бы без этого.

На его плечо опустилась ладонь. Он повернул голову и увидел Теда, который стоял около в халате, шлепанцах и курил сигарету. Волосы, которые пока не возобновили знакомства со щеткой, торчали вокруг ушей смешными белыми вихрами.

— Так это был босс? — сказал он. — Мистер... Бидермейер, так?

— БидерМЕН.

— Он тебе нравится, Бобби?

С негромкой горькой четкостью Бобби ответил:

— Он мне настолько нравится, насколько я одной рукой рояль поднимаю.

VI. Грязный старикан.
Коронное блюдо Теда. Скверный сон.
«Деревня проклятых». Там, внизу

Примерно через час после прощания с матерью Бобби вышел на поле Б позади Стерлинг-Хауса. Настоящие игры начинались только во второй половине дня, а пока — ничего, кроме разминок или тренировок с битой, но даже тренировка с битой была лучше, чем совсем ничего. На поле А, к северу, малышня играла во что-то, отдаленно напоминающее бейсбол; на поле В, к югу, старшеклассники играли как почти заправские игроки.

Когда куранты на площади отзвонили полдень и ребята отправились на поиски фургона с горячими сосисками, Билл Прэтт спросил:

— Кто этот старый хрыч, вон там?

Он указывал на скамью в тени, и, хотя Тед был в длинном плаще, старой фетровой шляпе и темных очках, Бобби сразу его узнал. И Эс-Джей, наверное, узнал бы, если бы не был сейчас в лагере «Винни». Бобби чуть было не помахал ему, но удержался — Тед ведь закамуфлировался. И все-таки он пришел посмотреть, как играет его друг с первого этажа. Пусть даже игра была просто тренировкой, но все равно Бобби почувствовал, как в горле у него поднимается дурацкий большой комок. За два года, с тех пор как он начал играть в бейсбол, его мама приходила посмотреть, как он играет, всего раз — в прошлом августе, когда его команда участвовала в чемпионате Трех Городов, — но и тогда она ушла прежде, чем Бобби послал мяч, который оказался победным. «Кто-то же должен работать тут, Боббибой, — ответила бы она, — твой отец, знаешь ли, не оставил нас купаться в деньгах».

Конечно, это была правда — она должна была работать, а Тед был на пенсии. Однако Теду надо было прятаться от низких людей в желтых плащах — а это была круглосуточная работа. И то, что они не существуют, ничего не меняет. Ведь Тед-то в них верит... и все-таки пришел посмотреть, как он играет.

— Наверное, какой-нибудь грязный старикан думает посмотреть малыша и дать пососать, — сказал Гарри Шоу. Гарри

был маленький и крутой — мальчик, который шагает по жизни, выставив подбородок вперед на милю. Оттого, что он был с Биллом и Гарри, Бобби вдруг затосковал по Салл-Джону, который уехал в лагерь «Винни» на автобусе утром в понедельник (в пять часов, это надо же!). Эс-Джей был покладистым и добрым. Иногда Бобби думал, что это в Салле самое лучшее — что он добрый.

С поля В донесся звук удара битой по мячу — полновесного удара, на какой никто из ребят на поле Б еще не был способен. За ним последовал такой звериный рев одобрения, что Билл, Бобби и Гарри тревожно посмотрели в ту сторону.

— Ребята из Сент-Габа, — сказал Билл. — Они думают, что поле В ихнее.

— Слабаки поганые, — сказал Гарри. — Они все слабаки. Я их всех сделаю!

— А если с пятнадцатью или с двадцатью? — спросил Билл, и Гарри заткнулся. Впереди, точно зеркало на солнце, засверкал сосисочный фургон. Бобби нащупал в кармане доллар. Тед достал его из конверта, который оставила мать, а потом положил конверт за тостер и сказал Бобби, чтобы он брал столько, сколько ему понадобится и когда понадобится. Бобби был просто на седьмом небе от такого доверия.

— Худа без добра не бывает, — сказал Билл. — Может, сен-табцы вздуют этого грязного старикана.

Когда они дошли до фургона, Бобби купил только одну сосиску вместо двух, как собирался. Ему расхотелось есть. Когда они вернулись на поле Б, куда как раз явились тренеры с мячами и битами в тележке, на скамейке, где сидел Тед, уже никого не было.

— Ну-ка, ну-ка! — закричал тренер Террел, хлопая в ладоши. — Кто тут хочет поиграть в бейсбол?

Вечером Тед приготовил свое коронное блюдо в духовке Гарфилдов. Это означало опять сосиски, однако летом 1960 года Бобби Гарфилд мог бы позавтракать, пообедать и поужинать сосисками и еще одну съесть перед сном.

Он читал Теду газету, пока Тед стряпал им обед. Тед захотел послушать только пару абзацев о приближающемся матче реванше Паттерсона с Йоханссоном, но зато статью о бое Аль-

бинн — Хейвуда в «Гарден» в Нью-Йорке на следующий вечер выслушал всю целиком до последнего словечка. Бобби это показалось довольно глупым, но он был так счастлив, что ничего не сказал, а жаловаться не стал бы и подавно.

Он не помнил ни одного вечера, который провел бы без матери, и ему ее не хватало, но все-таки он чувствовал облегчение, что она ненадолго уехала. В квартире уже недели, а то и месяцы ощущалось какое-то странное напряжение. Точно гудение электричества, такое постоянное, что к нему привыкаешь и не замечаешь его, а потом оно вдруг обрывается, и ты понимаешь, как прочно оно вошло в твою жизнь. Эта мысль привела ему на память еще одно присловье его матери.

— О чем ты задумался? — спросил Тед, когда Бобби подошел взять тарелки.

— О том, что перемена — лучший отдых, — ответил Бобби. — Так иногда мама говорит. Вот бы ей сейчас было так же хорошо, как мне.

— И я на это надеюсь, — сказал Тед, нагнулся, открыл духовку и проверил, как там их обед. — И я надеюсь.

Коронное блюдо Теда было потрясенц с консервированной фасолью именно того сорта, который нравился Бобби, и сосиски со специями — не из супермаркета, а из мясной лавки, чуть не доходя городской площади (Бобби решил, что Тед купил их, пока был в своем «камуфляже»). И все это под хреном, от которого во рту пощипывало, а потом лицо словно начинало гореть. Тед съел две порции, а Бобби — три, запивая их стаканами виноградного «Кулэйда».

Во время обеда Тед один раз провалился и сначала сказал, что чувствует «их» обратной стороной глаз, а потом перешел не то на иностранный язык, не то на полную чушь, но длилось это недолго и ничуть не отбило аппетита у Бобби. Провалы были свойством Теда, только и всего — ну, как его шаркающая походка и никотиновое пятно между указательным и средним пальцами правой руки.

Убирали они со стола вместе. Тед спрятал остатки фасоли в холодильник и вымыл посуду, а Бобби вытирал и убирал ее, потому что знал, где чему место.

— Хочешь поехать со мной завтра в Бриджпорт? — спросил Тед, пока они работали. — Сможем пойти в кино на утренний сеанс, а потом мне надо будет заняться одним делом.

— Еще как! — сказал Бобби. — А что вы хотите посмотреть?

— Готов выслушать любое предложение, но я подумывал о «Деревне проклятых». Английский фильм, снят по очень хорошему научно-фантастическому роману Джона Уиндхэма. По-дойдет?

Бобби даже захлебнулся от волнения и не мог вымолвить ни слова. Он видел рекламу «Деревни проклятых» в газете — жутковатые ребята со свстязшимися глазами, — но никак не думал, что ему удастся увидеть фильм. В «Харвиче» на площади или в «Эшеровском Ампире» на утренних сеансах такого ни за что не покажут. Крутят ленты с лупоглазыми жуками-чудовищами, вестерны или военные фильмы про Оди Мэрфи. И хотя мама обычно брала его с собой, когда ходила на вечерние сеансы, но научной фантастики она не любила (Лиз нравились меланхоличные любовные истории, вроде «Тьмы на верхней лестничной площадке»). Да и кинотеатры в Бриджпорте были совсем другие, чем старый-престарый «Харвич» или чересчур деловой «Ампир» с простым, ничем не украшенным фойе. Кинотеатры в Бриджпорте были, словно волшебные замки — огромные экраны (между сеансами их закрывали миля и миля бархатных занавесов), потолки, на которых мигали лампочки в галактическом изобилии, сияющие электрические бра... и ДВА балкона.

— Бобби?

— Само собой! — ответил он наконец и подумал, что ночью, наверное, спать не будет. — Мне очень хочется. Но разве вы не боитесь... ну, вы знаете...

— Мы поедем не на автобусе, а на такси. И я закажу по телефону другое такси, когда мы решим вернуться домой. Все будет отлично. И я думаю, что они удаляются. Я уже не ощущаю их так четко.

Однако при этих словах Тед отвел глаза, и Бобби показалось, что он похож на человека, который рассказывает себе историю, а сам не верит ей.

Если он проваливается чаще и за этим что-то кроется, подумал Бобби, так у него есть все причины быть похожим на такого человека.

«Прекрати! Низкие люди не существуют, они настоящие не более, чем Флэш Гордон и Дейл Арден. Ну а то, что он поручил тебе высматривать, это же... ну... пустяки... Запомни, Бобби-бой: самые обыкновенные пустяки!»

Покончив с уборкой, они сели смотреть «Мустанга» с Тай-ем Хардиным. Не лучший из так называемых вестернов для взрослых (самые лучшие — «Шайенн» и «Бродяга»), но и неплохой. На середине Бобби довольно громко пукнул (коронное блюдо Теда начало действовать). Он покосился исподтишка на Теда — не задрал ли он носа и не гримасничает ли? Ничего подобного, глаз от экрана не отводит.

Когда пошла реклама (какая-то актриса расхваливала холодильник), Тед спросил, не выпьет ли Бобби стакан шипучки. Бобби сказал, что выпьет.

— А я, пожалуй, выпью «алка-сельтерс» от изжоги. Я видел бутылочки в ванной, Бобби. Возможно, я чуточку переел.

Когда Тед встал, он продолжительно и звучно пукнул, будто где-то заиграл тромбон. Бобби прижал ладони ко рту и захихикал. Тед виновато ему улыбнулся и вышел. От смеха Бобби опять запукал — очень звучная получилась очередь, а когда Тед вернулся со стаканом брызжущей «алка-сельтерс» в одной руке и пенящимся стаканом рутбира в другой, Бобби хохотал уже так, что по щекам у него потекли слезы и повисли на краю подбородка, точно дождевые капли.

— Должно помочь, — сказал Тед, а когда он нагнулся, чтобы отдать Бобби шипучку, из-за его спины донеслось громкое гоготание. — У меня из задницы гусь вылетел, — сообщил он серьезно, и Бобби так заржал, что не усидел в кресле, а сполз с него и скорчился на полу, будто человек без костей.

— Я сейчас вернусь, — сказал ему Тед. — Нам нужно еще кое-что.

Дверь из квартиры в вестибюль он оставил открытой, и Бобби слышал, как он поднимается по лестнице. К тому моменту, когда Тед достиг третьего этажа, Бобби сумел забраться назад в кресло. Наверное, еще никогда в жизни он так сильно не смеялся. Он отпил рутбира и снова пукнул.

— Гусь только что вылетел... вылетел из... — Но закончить ему не удалось. Он прижался к спинке кресла и взвыл, мотая головой из стороны в сторону.

Скрип ступенек предупредил, что Тед возвращается. Он вошел в квартиру, зажимая под мышкой вентилятор со шнуром, аккуратно обмотанным у основания.

— Твоя мама была права насчет него, — сказал он, а когда нагнулся вставить вилку в штепсель, из его задницы вылетел еще один гусь.

— Так ведь она же обычно всегда права, — сказал Бобби, и это рассмешило их обоих. Они сидели в гостиной, а вентилятор поворачивался из стороны в сторону, перегоняя с места на место все более благоуханный воздух. Бобби подумал, что у него голова треснет, если он не перестанет смеяться.

Когда «Мустанг» кончился (к этому времени Бобби утратил всякое понятие о том, что происходило на экране), он помог Теду разложить диван. Кровать, которая пряталась внутри, не выглядела такой уж удобной, но Лиз застелила ее запасными простынями и одеялом, и Тед сказал, что все прекрасно. Бобби почистил зубы, потом выглянул из двери своей комнаты. Тед сидел на краю диван-кровати и смотрел последние известия.

Тед оглянулся на него, и Бобби почувствовалось, что Тед сейчас же встанет, пройдет через комнату, потискает его или даже поцелует. Но он только по-смешному отсалютовал ему.

— Сладких снов, Бобби.

— Спасибо.

Бобби закрыл дверь спальни, влез под одеяло и раскинул пятки по углам матраса. Глядя в темноту, он вдруг вспомнил то утро, когда Тед взял его за плечи, а потом переплел узловатые старые пальцы у него на лопатках. Их лица тогда совсем сблизились — почти как у него с Кэрол на Колесе Обозрения перед тем, как они поцеловались. День, когда он заспорил с мамой, день, когда узнал про деньги в каталоге. И день, когда он выиграл девяносто центов у мистера Маккуона. «Пойди купи себе мартини», — сказал тогда мистер Маккуон.

Может, дело в Тед? Может, его стукнуло, потому что Тед прикоснулся к нему?

— Угу, — прошептал Бобби в темноте. — Угу, так, наверное, и было.

А что, если он еще раз коснется его вот так?

Бобби все еще обмозговывал эту мысль, когда его настиг сон.

* * *

Ему снились люди, которые гонялись за его мамой по джунглям, — Джек и Хрюша, малышня и Дон Бидермен, Кушман и Дин. На его маме было ее новое платье — «платья от Люси», черное, с тонкими бретельками, только ветки и колючки его порвали. Ее чулки висели ключьями. Казалось, будто с ее ног свисают полоски мертвой кожи. Глаза у нее были двумя дырами, мерцающими ужасом. Мальчики, гонящиеся за ней, были голые, на Бидермене и двух других были их костюмы. Лица всех были размалеваны чередующимися белыми и красными полосами, все размахивали копьями и вопили: «Свинью — бей! Глотку — режь! Выпусти — кровь! Свинью — прикончи!»

Он проснулся в серости рассвета, весь дрожа, и встал, чтобы сходить в ванную. А когда вернулся, уже толком не помнил, что ему приснилось. Он проспал еще два часа и проснулся навстречу аппетитному запаху яичницы с грудинкой. В его комнату струились косые солнечные лучи, а Тед стряпал завтрак.

«Деревня проклятых» оказалась последним и самым лучшим фильмом детства Бобби Гарфилда. Она была первым и самым лучшим фильмом того, что пришло после детства: темного периода, когда он часто был скверным и все время — сбитым с толку, был Бобби Гарфилдом, которого, как ему чудилось, он по-настоящему не знал. У полицейского, который арестовал его в первый раз, волосы были белокурые, и, когда полицейский выводил его из «семейного магазина», куда Бобби залез (тогда он и его мать жили в пригороде, к северу от Бостона), Бобби вспомнились эти белокурые ребята в «Деревне проклятых». Будто кто-то из них вырос и стал полицейским.

Фильм шел в «Критерионе», полном воплощении тех волшебных дворцов, о которых Бобби думал накануне вечером. Лента была черно-белой, но очень контрастной — не то что расплывчатые фигуры на экране «Зенита» у него дома, — а изображение было гигантским. И звуки тоже — особенно жутковатая музыка, которая играла, когда мидуичские ребята по-настоящему пустили в ход свою силу.

Бобби был заморожен. Еще не прошло и пяти минут, а он уже понял, что это — настоящее, как настоящим был «Повели-

тель мух». Люди выглядели самыми настоящими, и от этого все придуманное становилось еще страшнее. Он решил, что Салл-Джон заскучал бы, если не считать конца. Эс-Джею нравилось смотреть, как гигантские скорпионы крушат Мехико или Родан топчет Токио, но этим его удовольствие от всех этих «заварушек про зверушек», как он их называл, и исчерпывалось. Но Салла тут не было, и в первый раз после его отъезда Бобби был этому рад.

Они успели на сеанс в час дня, и зал был почти пустым. Тед (в фетровой шляпе и с темными очками в нагрудном кармане) купил большой пакет с воздушной кукурузой, коробочку леденцов, «коку» для Бобби и рутбир (само собой!) для себя. Теперь он совал Бобби то кукурузу, то леденец, и Бобби брал их, но он почти не сознавал, что вообще жует, и уж тем более, что именно жует.

Фильм начался с того, что все жители английской деревушки Мидуич вдруг уснули. Человек, который в этот момент ехал на тракторе, погиб, и еще женщина, которая упала лицом в зажатую газовую горелку. Об этом сообщили военным, и они отправили разведывательный самолет выяснить, что произошло. Едва самолет вошел в воздушное пространство Мидуича, как пилот заснул, и самолет разбился. Солдат, обвязанный веревкой, вошел в деревню шагов на десять—двенадцать и провалился в беспробудный сон. Когда его потащили назад, он проснулся, чужь только пересек «границу сна», нарисованную поперек шоссе.

Потом жители Мидуича проснулись — все до единого, и, казалось, ничего не изменилось... пока через несколько недель все тамошние женщины не обнаружили, что беременны. Старухи, молодые женщины, даже девочки в возрасте Кэрл Гербер — все были беременны, и дети, которых они родили, и оказались теми жутковатыми ребятами на афише, теми, с белокурыми волосами и горящими глазами.

Хотя в фильме про это не говорилось, Бобби решил, что Дети Проклятых возникли из-за какого-то космического явления, вроде стручковых людей во «Вторжении похитителей трупов». Ну, как бы то ни было, росли они быстрее нормальных ребят, были сверхумными, умели заставлять людей делать то,

что хотелось им... и они были безжалостны. Когда один отец попробовал проучить своего проклятого сыночка, все ребята собрались вместе и направили свои мысли на досадившего им взрослого (глаза у них горели, а музыка была такой давящей и странной, что руки у Бобби пошли гусиной кожей, пока он пил свою «коку»), и он выстрелил себе в голову из дробовика, и убил себя (на экране этого не показали, и Бобби обрадовался).

Героем был Джордж Сандерс. Его жена родила одного из белокурых детей. Эс-Джей фыркнул бы на Джорджа, обозвал бы его «сукин сын с приветом» или «золотой старикан», но Бобби он понравился куда больше надоевших героев вроде Рэндольфа Скотта, Ричарда Карлсона или навязшего в зубах Оди Мэрфи. Джордж был настоящим сорвиголовой, только на сдвинутый английский лад. Говоря словами Денни Риверса, старина Джордж «умел сбить форс». Носил особые такие галстуки, а волосы зачесывал так, чтобы они лежали плотно. Вид у него был не такой, будто он мог единолично расправиться с шайкой бандитов в салуне, но в Мидуиче Дети Проклятых соглашались иметь дело только с ним. Они даже назначили его своим учителем. Бобби и вообразить не мог, чтобы Рэндольф Скотт или Оди Мэрфи смогли бы хоть чему-нибудь научить компанию сверхумных ребят из космоса.

А в конце Джордж Сандерс оказался еще и тем единственным, кто с ними покончил. Он открыл, что может помешать Детям читать свои мысли — ненадолго, правда, но все-таки! — если вообразит у себя в голове кирпичную стену и укроет за ней все свои тайные мысли. И когда все решили, что от Детей надо избавиться (их можно было научить математике, но не тому, почему не годится заставлять кого-нибудь в наказании свернуть на машине с дороги под обрыв), Сандерс положил в свой портфель бомбу замедленного действия и взял ее с собой в класс. Это было единственное место, где Дети (Бобби смутно понимал, что по сути они просто сверхъестественное подобие Джека Меридью и его охотников в «Повелителе мух») собирались все вместе.

А они почувствовали, что Сандерс от них что-то прячет, и в заключительном душераздирающем эпизоде фильма было видно, как вываливаются кирпичи из стены, которую Сандерс по-

строил у себя в голове, — вываливаются все быстрее и быстрее, потому что Дети Проклятых во всю мочь заглядывают в него, ища, что он такое прячет. Наконец они докопались до образа бомбы в портфеле — восемь—десять палочек динамита, скрепленных проволокой с будильником. Было видно, как их жуткие золотистые глаза расширяются, пока до них доходило, но времени сделать что-нибудь у них уже не было. Бомба взорвалась. Бобби был потрясен, когда герой погиб — Рэндольф Скотт никогда не погибал на субботних дневных сеансах в «Ампире». И Оди Мэрфи — тоже. И Ричард Карлсон — но он понял, что Джордж Сандерс пожертвовал собственной жизнью Ради Общего Блага. И решил, что заодно понял и еще кое-что — провалы Теда.

Пока Тед и Бобби проводили время в Мидуиче, день на юге Коннектикута успел стать жарким и слепящим глаза. После хороших фильмов мир вообще Бобби никогда не нравился. Некоторое время мир этот казался чьей-то нехорошей шуточкой — полным-полно людей с тусклыми глазами, мелочными планами и всякими изъятиями на лицах. Ему иногда казалось, что, имея мир хороший сюжет, он был бы куда более приятным местом.

— Бротиген и Гарфилд прошествовали на улицу! — объявил Тед, когда они вышли из-под навеса (с него свисало полотнище с надписью «ЗАХОДИТЕ, ВНУТРИ ПРОХЛАДНО»). — Ну, как тебе? Понравилось?

— На все сто, — сказал Бобби. — Круче не бывает. Спасибо, что взяли меня. Лучше фильма я еще не видел. Вот, когда он пришел с динамитом? Вы подумали, что он сумеет их обставить? Или нет?

— Ну... я же читал роман, не забывай. А ты его почитал бы, как по-твоему?

— Да! — Бобби охватило внезапное желание тут же вернуться в Харвич, пробежать все расстояние по Коннектикут-Пай и Эшер-авеню под палящим солнцем, чтобы тут же взять «Кукушки Мидуича» на свою взрослую карточку. — А он другую фантастику писал?

— Джон Уиндхэм? О да, и много. И, конечно, напишет еще немало. У писателей, которые пишут научную фантастику и детективные романы, есть одно великое преимущество перед дру-

гими: они редко дают пройти пяти годам от книги до книги. Это прерогатива серьезных авторов, которые пьют виски и пускаются во все тяжкие, особенно с женщинами.

— А другие такие же клевые, как этот?

— «День триффид» не хуже. А «Кракен пробуждается» даже лучше.

— А что такое кракен?

Они стояли на углу и ждали, когда загорится зеленый свет. Тед выпучил глаза, соорудил гримасу и наклонился к Бобби, держась за колени.

— Это чу-удо-о-о-више, — сказал он, отлично подражая Боббису Карлоффу.

Они пошли дальше и говорили о фильме, а потом о том, может ли и вправду быть жизнь в космосе, а потом об особых клевых галстуках, которые Джордж Сандерс носил в фильме (Тед сказал ему, что такие галстуки называются аскотскими). Когда Бобби вновь стал способен сознавать окружающее, он увидел, что они идут по улицам Бриджпорта, которых он никогда прежде не видел — когда он приезжал сюда с мамой, они оставались в центре, где все большие магазины. А тут небольшие лавчонки жались одна к другой. Ни одна не торговала тем, что продается в больших магазинах, — одеждой, всякими домашними приборами, обувью и игрушками. Бобби видел вывески слесарей, услуги по кассированию чеков, букинистов. «ПИСТОЛЕТЫ РОДА» — гласила одна вывеска, «ЖИРНЫЕ КЛЕЦКИ ВО И К°» — сулила другая, «ФОТО-ФИНИШ» — призывала третья. За «ЖИРНЫМИ КЛЕЦКАМИ» была лавочка «ОСОБЫХ СУВЕНИРОВ». В этой улице чудилось какое-то тревожное сходство с главной аллеей Сейвин-Рока — такое, что Бобби почти померещился на углу мистер Маккуон над столиком на козлах с картами красными, как варенные раки, рубашками вверх.

Бобби попытался заглянуть в витрину «ОСОБЫХ СУВЕНИРОВ», когда они проходили мимо, но она была закрыта широкой бамбуковой шторой. Он даже понятия не имел, что бывают магазины, которые закрывают свои витрины шторами в торговые часы.

— Кому в Бриджпорте могут понадобиться особые сувениры, как по-вашему?

— Думаю, они никаких сувениров не продают, — сказал Тед. — А торгуют сексуальными приспособлениями, в большинстве запрещенными для продажи.

Бобби был бы рад задать про это кучу вопросов — миллиард, а то и больше, но почувствовал, что умнее будет промолчать. Перед лавкой закладчика со свисающими над дверью тремя золотыми шарами он остановился посмотреть на десяток опасных бритв, разложенных на бархате. Лезвия были наполовину открыты, а бритвы расположены кольцом, что создавало странный, а для Бобби — завораживающий эффект. Глядя на них, казалось, что ты глядишь на изделия, отштампованные каким-то смертоносным станком. Ручки у них были куда красивее, чем у бритвы Теда. Одна — словно из слоновой кости, другая — будто из рубина с золотыми прожилками, а третья — будто из хрусталя.

— Если бы вы купили такую, так шикарно брились бы, верно? — сказал Бобби.

Он думал, Тед улыбнется, но Тед не улыбнулся.

— Когда люди покупают такие бритвы, Бобби, они ими не бреются.

— То есть как?

Но Тед ничего ему не объяснил, зато купил для него в греческой кулинарной лавке сандвич под названием «джиро»: свернутая домашняя лепешка, из которой сочился сомнительный белый соус — Бобби он показался очень похожим на гной из прыщиков. Он вынудил себя откусить кусок — Тед сказал, что они очень вкусные. И оказалось, что ничего вкуснее он не едал: такой же мясистый, как гамбургер из сосисок в закусочной «Колонии», но с удивительным привкусом, какого ни у гамбургеров, ни у сосисок никогда не бывает. И до чего здорово было есть на тротуаре, шагая рядом с другом, посматривая по сторонам и зная, что на него тоже смотрят.

— А как называется этот район? — спросил Бобби. — У него есть название?

— Теперь — кто его знает! — Тед пожал плечами. — Когда-то его называли Греческим. Потом наехали итальянцы и пуэрториканцы, а теперь вот — негры. Есть писатель, Дэвид Гудис — из тех, кого преподаватели колледжей не читают, гений книжек в

бумажных обложках на прилавках аптек. Так он назвал его «Там, внизу». Он говорит, что в каждом городе есть такой вот район или квартал, где можно купить секс, или марихуану, или попугая, который сыплет отборным матом, и где мужчины сидят на крылечках и болтают — вон как те, напротив; где женщины словно бы всегда орут, чтобы их чада немедленно шли домой, если не хотят попробовать ремня, где бутылки с вином всегда носят в бумажных пакетах. — Тед указал на сточную канаву, где горлышко пустой бутылки действительно высывалось из коричневого пакета. — «Там, внизу», — говорит Дэвид Гудис, — это место, где нет необходимости в фамилиях и где можно купить все, если есть деньги.

«Там, внизу», — подумал Бобби, поглядывая на трех смуглых подростков в гангстерских плащах, не спускавших с них глаз, пока они проходили мимо, — это страна опасных бритв и особых сувениров».

Никогда еще «Критерион» и универмаг Мунси не казались такими далекими. А Броуд-стрит? И она, и весь Харвич словно остались в другой галактике.

Наконец, они подошли к заведению, которое называлось «Угловая Луза» — бильярд, игральные автоматы, бочковое пиво. И тут тоже свисало полотнище с «ЗАХОДИТЕ, ВНУТРИ ПРОХЛАДНО». Когда Бобби и Тед прошли под ним, из двери вышел парень в полосатой майке с рисунком и в шоколадной плетеной шляпе, как у Фрэнка Синатры. В одной руке он нес узкий длинный футляр. «Там его кий, — подумал Бобби с ужасом и изумлением. — Он носит кий в футляре, будто гитару».

— Кто круче, старик? — спросил он Бобби и ухмыльнулся. Бобби ухмыльнулся в ответ. Парень с футляром изобразил пальцем пистолет и прицелился в Бобби. Бобби тоже сделал из пальца пистолет и тоже прицелился. Парень кивнул, будто говоря: «Ладно, порядок. Ты крутой, я крутой, мы оба крутые», — и пошел через улицу, прищелкивая пальцами свободной руки и подпрыгивая в такт музыке, звучащей у него в голове.

Тед посмотрел сначала в один конец улицы, потом в другой. Чуть дальше от них трое негритят баловались под струей полуразвинченного пожарного насоса. А в том направлении, откуда они пришли, двое парней — один белый, а другой, воз-

можно, пуэрториканец — снимали колпаки с колес старенького «форда», работая со стремительной сосредоточенностью хирургов у операционного стола. Тед посмотрел на них, вздохнул, потом посмотрел на Бобби.

— «Луза» не место для ребят, даже среди бела дня, но на улице я тебя одного не оставлю. Пошли! — Он взял Бобби за руку и провел внутрь.

VII. В «Лузе». Его последняя рубашка.

Перед «Уильямом Пенном».

Французская киска

Первым Бобби поразил запах пива. Такой густой, будто тут его пили еще с тех дней, когда пирамиды существовали только на планах. Затем — звуки телевизора, включенного не на «Эстраду», а на какую-то из мыльных опер второй половины дня («Ах, Джон, ах, Марша!» — называла их мама) и шелканье бильярдных шаров. Только когда он воспринял все это, внесли свою лепту его глаза — им ведь пришлось приспосабливаться. Зал был полутемный и длинный, обнаружил Бобби. Справа от них была арка, а за ней комната, которая выглядела словно бесконечной. Почти все бильярдные столы были накрыты чехлами, но некоторые находились в центре слепящих островков света, по которым неторопливо прохаживались мужчины, иногда наклонялись и делали удар. Другие мужчины, почти невидимые, сидели в высоких креслах вдоль стены и наблюдали за игроками. Одному чистили ботинки. Он выглядел на тысячу долларов.

Прямо впереди была большая комната, заставленная игровыми автоматами, миллиарды красных и оранжевых лампочек дробно отбрасывали цвет боли в животе с табло, которое сообщало: «ЕСЛИ ВЫ ДВАЖДЫ НАКЛОНИТЕ ОДИН И ТОТ ЖЕ АВТОМАТ, ВАС ПОПРОСЯТ ВЫЙТИ ВОН». Парень, тоже в плетеной шляпе — видимо, модный головной убор у мотороллерщиков, пребывающих «там, внизу», — наклонялся к «Космическому патрулю», отчаянно нажимая кнопки. С его нижней губы

свисала сигарета, струйка дыма вилась вверх мимо его лица и завитушек его зачесанных назад волос. На нем была вывернутая наизнанку куртка, стянутая на поясе.

Слева от входа был бар. Именно оттуда исходили звуки телевизора и запах пива. Там сидели трое мужчин, каждый в окружении пустых табуретов, горбясь над пивными бокалами. Они совсем не походили на блаженствующих любителей пива в рекламах. Бобби они показались самыми одинокими людьми в мире. Он не понимал, почему они не подсаживаются поближе друг к другу, чтобы поболтать о том, о сем.

Они с Тедом остановились у письменного стола. Из двери позади него, колыхаясь, вышел толстяк, и на мгновение Бобби услышал негромкие звуки радио. У толстяка во рту торчала сигара, и на нем была рубашка вся в пальмах. Он прищелкивал пальцами, как крутой парень с кием в футляре, и тихонько напевал что-то вроде «Чу-чу-чоу; чу-чу-ка-чоу-чоу, чу-чу-чоу-чоу!» Бобби узнал мотив — «Текила» «Чемпов».

— Ты кто, приятель? — спросил толстяк у Теда. — А ему тут и вовсе не место. Читать, что ли, не умеешь? — И толстым большим пальцем с грязным ногтем он ткнул в табличку на письменном столе: «Нет 21 — чтоб духа твоего здесь не было!»

— Вы меня не знаете, но, по-моему, вы знаете Джимми Джигарди, — сказал Тед вежливо. — Он посоветовал мне обратиться к вам... то есть если вы Лен Файлс.

— Я Лен, — сказал толстяк. И сразу весь как-то потеплел. Он протянул руку — очень белую и пухлую, точно перчатки, которые в мультиках носят и Микки, и Дональд, и Гуфи. — Знаете Джимми Джи, а? Чертов Джимми Джи! А вон там его дедуле ботинки чистят. Он свои ботиночки последнее время часто начищает. — Лен Файлс подмигнул Теду. Тед улыбнулся и потряс его руку.

— Ваш малец? — спросил Лен Файлс, перегибаясь через стол, чтобы получше рассмотреть Бобби. Бобби уловил запах мятных леденцов и сигар в его дыхании, запах его вспотевшего тела. Воротничок его рубашки был весь в перхоти.

— Мой друг, — сказал Тед, и Бобби почувствовал, что вот-вот лопнет от счастья. — Мне не хотелось оставлять его на улице.

— Конечно, если нет желания потом его выкупать, — согласился Лен Файлс. — Ты мне кого-то напоминаешь, малый. Кого бы это?

Бобби помотал головой, слегка испуганный, что может быть похож на кого-нибудь из знакомых Лена Файлса.

Толстяк словно бы внимания не обратил на то, как Бобби помотал головой. Он выпрямился и посмотрел на Теда.

— Мне не разрешается пускать сюда малолеток, мистер...

— Тед Бротиген. — Он протянул руку. Лен Файлс пожал ее.

— Вы ж понимаете, Тед. Если у человека дело вроде моего, полиция ведет слежку.

— Ну конечно. Но он постоит прямо тут, верно, Бобби?

— Само собой, — сказал Бобби.

— И наше дело займет немного времени. Но дельце недурное, мистер Файлс...

— Лен.

Лен, а как же, подумал Бобби. Просто Лен. Потому что тут — «там, внизу».

— Как я сказал, Лен, я задумал хорошее дело. Думаю, вы согласитесь.

— Раз вы знаете Джимми Джи, значит, знаете, что я на мелочишку не размениваюсь, — сказал Лен. — Центы я оставляю черномазым. Так о чем мы говорим? Паттерсон — Йоханссон?

— Альбинни — Хейвуд. Завтра вечером в «Гарденс»?

Глаза у Лена выпучились. Потом его жирные небритые щеки расплзлись в улыбке.

— Ого-го-го! Это надо обмозговать.

— Бесспорно.

Лен Файлс вышел из-за стола, взял Теда под локоть и повел его к бильярдному залу. Но тут же остановился и обернулся.

— Так ты Бобби, когда сидишь дома, задрав ноги?

— Да, сэр («Да, сэр. Бобби Гарфилд», — сказал бы он в любом другом месте... но тут — «там, внизу» — хватит и просто «Бобби», — решил он).

— Так вот, Бобби, я знаю, автоматы, может, тебе по вкусу, и, может, у тебя в кармане завалялась монета-другая, но поступи, как не поступил Адам, — не поддайся искушению. Сумеешь?

— Да, сэр.

— Я недолго, — сказал Тед и позволил Лену Файлсу увести его за арку в бильярдный зал. Они прошли мимо мужчин в высоких креслах, и Тед остановился поговорить с тем, кому чистили ботинки. Рядом с дедом Джимми Джи Тед Бротиген выглядел совсем молодым. Старик прищурился на него, и Тед что-то сказал, и оба засмеялись. У деда Джимми Джи смех был громкий, звучный для такого старика. Тед протянул обе руки, ласково погладил его землистые щеки. И дед Джимми Джи засмеялся еще раз. Потом Тед позволил Лену увести себя в занавешенный альков мимо других людей в других креслах.

Бобби стоял у письменного стола как прикованный, но Лен не сказал, что ему нельзя смотреть по сторонам, и он смотрел — во все стороны. Стены были увешаны пивными рекламами и календарями, на которых были девушки почти без всякой одежды. Одна перелезала через изгородь в деревне. Другая выбиралась из «паккарда» так что юбка задралась и были видны ее подвязки. Позади стола были видны еще надписи по большей части с «не» (ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ЗАГЛЯНИ В РАСПИСАНИЕ, НЕ ПОРУЧАЙ МАЛЬЧИКУ МУЖСКУЮ РАБОТУ, БЕСПЛАТНЫХ ОБЕДОВ НЕ БЫВАЕТ, ЧЕКИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ, В КРЕДИТ НЕ ОБСЛУЖИВАЕМ, ПОЛОТЕНЦАМИ ДЛЯ СЛЕЗАДМИНИСТРАЦИЯ НЕ ОБЕСПЕЧИВАЕТ) и большая красная кнопка с пометкой «ВЫЗОВ ПОЛИЦИИ». С потолка на запыленной проволоке свисали целлофановые пакеты с надписями «ЖЕНЬ-ШЕНЬ, ВОСТОЧНЫЙ КОРЕНЬ ЛЮБВИ» и «ИСПАНСКИЙ ЛУКУМ». Бобби подумал, что это, возможно, витамины. Но почему в таком месте продают витамины?

Парень в комнате с игровыми автоматами хлопнул по боку «Космический патруль», попятился, показал автомату фигу. Потом неторопливо прошел в сторону выхода, поправляя шляпу. Бобби вытянул палец пистолетом и прицелился в него. Парень удивился, потом ухмыльнулся и прицелился в ответ на пути к двери. На ходу он развязывал рукава куртки.

— Клубные куртки тут носить запрещено, — сказал он, заметив любопытство в широко раскрытых глазах Бобби. — Нельзя даже хреновые цвета показывать. Правила тут такие.

— А!

Парень улыбнулся и поднял руку. На обратной стороне ладони синими чернилами были нарисованы вилы дьявола.

— Но у меня есть знак, братишка. Видишь?

— Ух ты! Татуировка! — Бобби даже побледнел от зависти. Парень заметил, и его улыбка расплылась в ухмылку, полную белых зубов.

— Дьяволы, мать твою. Самый лучший клуб. Дьяволы правят улицами. А остальные все — дырки.

— Улицы «там, внизу».

— Там внизу, где же, хрен, еще? Живи, братишечка. Ты мне нравишься. Вид у тебя понтовый. Только ежик тебе на фигу. — Дверь открылась, ударило жарким воздухом, уличным шумом, и парень исчез.

Бобби заинтересовала плетеная корзиночка на столе. Он наклонил ее, чтобы заглянуть внутрь. В ней было полно колец для ключей с пластиковыми брелоками — красными, голубыми, зелеными. Бобби взял одно в руки и прочел золотые буквы: «УГЛОВАЯ ЛУЗА», БИЛЬЯРД, ИГРОВЫЕ АВТОМАТЫ. КЕНМОР 8-2127.

— Бери, бери, малыш.

Бобби так вздрогнул, что чуть не опрокинул корзинку с кольцами на пол. Из той же двери, что прежде Лен Файлз, вышла женщина, и она была даже потолще него — почти как цирковая толстуха, — но ступала она с легкостью балерины. Бобби поднял глаза, а она уже стояла перед ним, а вернес, возвышалась над ним. Она могла быть только сестрой Лена.

— Извините, — пробормотал Бобби, положив кольцо назад в корзинку и подталкивая ее кончиками пальцев подальше от края. Возможно, он дотолкал бы ее до противоположного края и она свалилась бы, но толстуха поддержала ее ладонью. Она улыбалась и вроде бы совсем не сердилась, и Бобби почувствовал невероятное облегчение.

— Да нет, я серьезно: обязательно возьми! — Она достала кольцо с голубым брелоком. — Дешевые штучки, зато бесплатные. Мы раздаем их для рекламы. Как спички, понимаешь? Хотя вот спички я мальчишке дарить не стала бы. Ты ведь не куришь?

— Нет, мэм.

— Хорошее начало. И спиртного лучше не пробуй. Ну-ка, бери, не отворачивайся от дармовшинки, малыш. Не так-то ее много в мире.

Бобби взял кольцо с зеленым брелоком.

— Спасибо, мэм. Очень классный. — Он положил кольцо в карман, твердо зная, что от него нужно будет избавиться — если его мать найдет такую штуковину, она не обрадуется. А задаст двадцать вопросов, как сказал бы Салл. А может, и тридцать.

— Как тебя зовут?

— Бобби.

Он выждал: не спросит ли она, как его фамилия, и про себя жутко обрадовался, когда она не спросила.

— А я Аланна. — Она протянула руку всю в кольцах. Они мерцали, как лампочки автоматов. — Ты тут с отцом?

— С моим ДРУГОМ. — Бобби подчеркнул последнее слово. — По-моему, он делает ставку на боксерский матч Хейвуда с Альбини.

Аланна словно бы встревожилась и готова была засмеяться. Она наклонилась, прижимая палец к красным губам. Потом шикнула на Бобби, обдав его крепким спиртным запахом.

— Не произноси тут слова «ставка», — предостерегла она. — Это бильярдная. Никогда не забывай этого и будешь всегда цел и невредим.

— Ладно.

— А ты красивый чертененок, Бобби. И похож... — Она запнулась. — Может, я знаю твоего отца? Возможно по-твоему?

Бобби покачал головой, но неуверенно — он ведь и Лену кого-то напомнил.

— Папа умер. Давным-давно. — Он всегда добавлял «давным-давно», чтобы люди не рассиропливались.

— А как его звали? — Но прежде чем Бобби успел ответить, Аланна Файлс сказала сама — ее накрашенные губы произнесли будто волшебное заклинание:

— Может, Рэнди? Рэнди Гаррет, Рэнди Грир, ну, что-то похожее?

На миг Бобби до того обалдел, что не мог произнести ни слова. Из него словно весь дух вышибло.

— Рэндолл Гарфилд. Но откуда...

Она обрадованно засмеялась. Грудь у нее всколыхнулась.

— Да по твоим волосам больше всего. Ну и веснушки... а еще этот трамплинчик... — Она наклонилась, и Бобби увидел верхнюю половину гладких белых грудей. Они показались ему большими, точно бочки. Она легонько провела пальцем по его носу.

— Он приходил сюда играть на бильярде?

— Не-а. Говорил, что с кем у него не задается. Просто выпьет пива, а иногда... — Она быстро задвигала рукой, будто сдавала карты. Бобби вспомнился Маккуон.

— Угу, — сказал Бобби. — Он на любой неполный стрет клевал, как мне говорили.

— Ну, этого я не знаю. Но он был хороший человек. Приходил сюда по понедельникам вечером, когда тут всегда ну просто как в могиле, и через полчаса с ним все начинали смеяться. Он играл песню Джо Стэффорда — не помню названия, — заставлял Лена включать проигрыватель. Настоящий миляга, малыш, потому-то я его и помню; миляга с рыжими волосами — большая редкость. Пьяных он не угощал, был у него такой пунктик, а так — последнюю рубашку был готов для тебя снять. Только попроси — и пожалуйста.

— Но он вроде бы много денег проигрывал, — сказал Бобби. Ему не верилось, что он ведет этот разговор, что встретил кого-то, кто был знаком с его отцом. Ну да, наверное, многие открытия так и происходят — благодаря случайности. Просто живешь себе, занимаешься своим делом, и вдруг прошлое так тебя и захлестывает.

— Рэнди? — Она вроде бы удивилась. — Не-а. Заглядывал выпить — раза три в неделю, ну, понимаешь, если оказывался поблизости. Он не то недвижимостью занимался, не то страхованием, не то продавал что-то или...

— Недвижимостью, — сказал Бобби. — Он занимался недвижимостью.

— ...и тут рядом была фирма, куда он приезжал. Промышленное строительство, если не вру. Так недвижимостью? Ты уверен, что не медикаментами?

— Нет, недвижимостью.

— Странно, как работает память, — сказала она. — Что-то будто вчера было, но чаще время проходит, и зеленое оборачивается голубым. Ну да, все эти фирмы — черные костюмы, белые воротнички — отсюда попропадали.

Она печально покачала головой.

Бобби не интересовало, как отрушобился этот район.

— Но когда он все-таки играл, то проигрывал. Пытался дополнить неполный стрет и всякое такое.

— Это тебе мать нарасказала?

Бобби промолчал.

Аланна пожала плечами. Спереди это у нее получалось очень интересно.

— Ну, это ваше с ней дело... да и, может, твой отец наличность где-то еще спускал. Я только знаю, что здесь он раза два в месяц сидел со своими знакомыми. играл, может, до полуночи, а потом отправлялся домой. Просаживай он много или выигрывай, я бы, наверное, помнила. А я не помню. И значит, он почти каждый вечер сколько проигрывал, столько и выигрывал. А это, кстати, показывает, что в покер он хорошо играл. Получше всех этих. — Она показала глазами в ту сторону, куда ее брат увел Теда.

Бобби смотрел на нее, совсем сбитый с толку. «Твой отец не оставил нас купаться в деньгах», — любила повторять его мама. Аннулированная страховка, пачка неоплаченных счетов. «А я даже ничего не знала», — сказала она еще весной, и теперь Бобби казалось, что это подходит и к нему: «А я даже ничего не знал».

— Он был настоящий красавец, твой отец, — сказала Аланна. — Нос, как у Боба Хоупа, и вообще. Думается, можешь на это рассчитывать. Ты вроде бы в него пошел. А девочка у тебя есть?

— Да, мэм.

Так неоплаченные счета — выдумка? А что если? Если страховая премия была получена и где-то спрятана, может, на счете в банке вместо страниц каталога? Пугающая мысль: Бобби не мог себе представить, зачем бы его матери понадобилось внушать ему, будто его отец был

(низкий человек, низкий человек с рыжими волосами)

скверный человек, раз он таким не был, и все-таки... все-таки ему чудилось, что это — правда. Она умела злиться, вот что отличало его мать. Умела так злиться! И тогда она могла сказать что угодно. И, значит, возможно, что его отец — мать никогда не называла его «Рэнди» — раздал слишком много последних рубашек прямо со своей спины и разозлил Лиз Гарфилд до безумия. Лиз Гарфилд рубашек не раздавала — ни со своей спины, ни с чьей-нибудь чужой. В этом мире свои рубашки надо беречь, потому что жизнь несправедлива.

— А как ее зовут?

— Лиз. — Он был ошеломлен, совсем как когда вышел из темного кинотеатра на яркий солнечный свет.

— Как Лиз Тейлор. — Аланна одобрительно улыбнулась. — Красивое имя для подружки.

Бобби засмеялся в легком смущении.

— Нет, это моя мама, Лиз. А мою девочку зовут Кэрол.

— Она хорошенькая?

— Лучше не бывает, — сказал он, ухмыляясь и помахивая одной рукой. И был очень доволен, когда Аланна так и покати-лась со смеху. Она перегнулась через стол (верхняя часть ее руки от локтя до плеча колыхалась, будто была из теста) и ущипнула его за щеку. Было немножко больно, но все равно приятно.

— Ловкий малыш! Сказать тебе что-то?

— Конечно. А что?

— Если человек любит иногда поиграть в карты, это еще не делает его бандитом. Ты понимаешь?

Бобби кивнул — сначала нерешительно, потом с уверенно-стью.

— Твоя мать тебе мать. И я ни про чью мать не скажу дурно-го слова, потому что любила мою, но не все матери одобряют карты, или бильярд, или... места вроде этого. Такая у них точка зрения. Вот и все. Усек?

— Ага, — сказал Бобби. Ну да. Он усек. Его охватило стран-ное чувство, будто он и плакал, и смеялся сразу. «Мой папа бы-вал здесь», — подумал он. Пока это было куда-куда важнее лю-бой лжи его матери. «Мой папа бывал здесь, может, стоял на этом самом месте, где сейчас стою я». — Я рад, что похож на него, — выпалил он вслух.

Аланна с улыбкой кивнула.

— Вот ты зашел сюда с улицы. Случайно. Сколько было на это шансов?

— Не знаю. Но спасибо, что рассказали мне про него. Огромное спасибо.

— Он бы всю ночь играл ту песню Джо Стэффорда, если бы ему позволили, — сказала Аланна, — Ну, смотри, никуда отсюда не уходи.

— Само собой, мэм.

— Само собой, Аланна.

Бобби расплылся до ушей.

— Аланна.

Она послала ему воздушный поцелуй, как порой делала его мать, и засмеялась, когда Бобби сделал вид, будто поймал его. Потом она ушла назад в дверь позади стола. Бобби увидел за дверью комнату вроде гостиной. На одной стене висел большой крест.

Он сунул руку в карман, продел палец в кольцо (оно будет, решил он, особым сувениром, напоминающим, что он побывал «тут, внизу») и вообразил, как катит вниз по Брод-стрит на мотороллере из «Вестерн авто». Едет в парк. Шоколадная плетеная шляпа сдвинута на затылок. Волосы у него длинные, прическа — жопка селезня. Никаких больше ежиков, Джек! Куртка у него завязана рукавами вокруг пояса, и на ней его цвета, а на обороте ладони синяя татуировка, наколотая глубоко-глубоко, навсегда. А у поля Б его ждет Кэрол. Смотрит, как он мчится к ней, и думает: «Классный ты парень», когда он описывает маленький кружок, брызжа щепом к ее белым туфлям (но не на них!). Да, классный. Крутой на мотороллере и ловкач из ловкачей.

Тут вернулись Лен Файлс и Тед. Лица у обоих были веселые. Лен, собственно, смахивал на кота, сожравшего канарейку (одно из присловий его матери). Тед остановился, чтобы опять — но коротко — обменяться парой слов со стариком, который закивал и заулыбался. Когда Тед и Лен подошли ближе, Тед повернул к телефонной будке между дверьми. Лен ухватил его за локоть и повел к письменному столу.

Когда Тед прошел за него, Лен взъерошил Бобби волосы.

— Я знаю, на кого ты похож, — сказал он. — Вспомнил, пока был там. Твой отец...

— Гарфилд. Рэнди Гарфилд. — Бобби посмотрел на Лена, очень похожего на сестру, и подумал, как странно и как замечательно иметь такую вот связь со своими кровными родственниками. До того тесную, что даже совсем незнакомые люди узнают тебя в толпе. — Он вам нравился, мистер Файлс?

— Кто? Рэнди? Еще как! Замечательный был парень. — Однако Лен Файлс говорил как-то неопределенно. Он в отличие от своей сестры как будто не сохранил особой памяти об отце Бобби. Лен наверняка позабыл про песню Джо Стэффорда и про то, как Рэнди Гарфилд последнюю рубашку был рад снять для других. А вот пьяных не угошал. Не угошал — и все тут.

— Твой приятель тоже неплох, — продолжал Лен с заметно большим энтузиазмом. — Я люблю людей высокого класса, и они меня любят. Но с таким размахом, как у него, встречаются не часто. — Он обернулся к Теду, который близоруко копался в телефонной книге. — Попробуйте «Такси Серкл», Кэнмор шесть семь четыре два ноля.

— Спасибо, — сказал Тед.

— На здоровье! — Лен прошел в дверь позади стола, чуть не толкнув Теда. Бобби опять увидел комнату с большим крестом. Когда дверь закрылась, Тед оглянулся на Бобби и сказал:

— Поставь пятьсот баксов на победителя в матче, и тебе не придется пользоваться платным телефоном, как всякой шушере. Здорово, а?

Бобби показалось, что он сейчас задохнется.

— Вы поставили ПЯТЬСОТ ДОЛЛАРОВ на «Урагана» Хейвуда?

Тед вытряс из пачки «честерфилдку», сунул в рот и закурил в центре усмешки.

— Господи, конечно, нет, — сказал он. — На Альбини.

Вызвав такси, Тед повел Бобби в бар и заказал им обоим рутбир. «Он не знает, что я эту шипучку вовсе не люблю», — подумал Бобби. Это был словно еще один кусочек головоломки — головоломки «Тед». Лен обслужил их там и ни словом не заикнулся о том, что Бобби нельзя сидеть в баре: он хороший

паренек, но от него так и разит годами, которых ему недостает до двадцати одного. Бесплатный телефонный звонок явно не исчерпывал всего, что полагалось за ставку в пятьсот долларов на боксера. Но даже возбуждение из-за такой ставки не надолго отвлекло Бобби от ноющей уверенности, которая намного умалила радость от того, что его отец, оказывается, вовсе не был таким уж плохим. Ставка была сделана, чтобы пополнить запас наличных. Тед собрался уехать.

Такси было модели «чекер», с широким задним сиденьем. Водитель до того был увлечен игрой «Янки», передававшейся по радио, что иногда вступал в спор с комментатором.

— Файлс и его сестра были знакомы с твоим отцом, верно? — Но это не было вопросом.

— Ага. Но Аланна больше. Она его считала по-настоящему хорошим человеком... — Бобби помолчал. — Но моя мама думает по-другому.

— Наверное, твоя мама видела ту его сторону, о которой Аланна Файлс понятия не имела, — ответил Тед. — И не одну. Люди в этом похожи на бриллианты, Бобби, у них есть много сторон.

— Но мама говорила... — Все было очень запутано. Она ведь ничего прямо не говорила, а только вроде бы намекала. Он не знал, как сказать Теду, что у его матери тоже много сторон, и некоторые из них мешают поверить в то, о чем она никогда не говорила прямо и в открытую. Но, если на то пошло, так ли он хочет узнать? Ведь его отец давно умер, как ни крути. А мама жива, и ему приходится жить с ней... и он должен ее любить. Больше ему ведь любить некого, даже Теда. Потому что...

— Когда вы уезжаете? — тихо спросил Бобби.

— После того, как вернется твоя мама. — Тед вздохнул и поглядел в окно, потом на свои руки, сложенные на колене ноги, закинутой за другую ногу. Он не смотрел на Бобби. Пока еще не смотрел. — Вероятно, в пятницу утром. Свои деньги я смогу получить только завтра вечером. Я поставил на Альбини четыре к одному. Значит, выигрыш две тысячи. Мой дружок Ленни ведь должен позвонить в Нью-Йорк.

Они проехали по мосту через канал, и «там, внизу» превратилось в «там, позади». Теперь они ехали по улицам, на кото-

рых Бобби бывал с матерью. На прохожих были пиджаки и галстуки. На мужчинах. А на женщинах колготки, а не носки. Ни одна не была похожа на Аланну Файлс, и Бобби решил, что если какая-нибудь из них шикнет, спиртным от нее разить не будет. То есть в четыре часа дня.

— Я знаю, почему вы не стали ставить на матч Паттерсона с Йоханссоном, — сказал Бобби. — Потому что не знаете, кто победит.

— Я думаю, что на этот раз победит Паттерсон, — сказал Тед, — потому что он готовился именно против Йоханссона. Может, я и рискну поставить парочку баксов на Флойда Паттерсона, но пять сотен? Пятьсот долларов ставят либо те, кто знает точно, либо чокнутые.

— Матч Альбини — Хейвуда куплен, да?

Тед кивнул.

— Я это понял, когда ты прочел про Клайндинста. Сразу сообразил, что победителем будет Альбини.

— Вы уже ставили на боксерские матчи, в которых менеджером был мистер Клайндинст?

Тед ничего не ответил и только посмотрел в окно. По радио кто-то отпасовал Уити Форду. Форд отпасовал Лосю Скоурону. Наконец Тед сказал:

— Победителем все-таки мог быть Хейвуд. Маловероятно, но тем не менее... Потом... ты видел там старика? В кресле чистышика сапог?

— Конечно. Вы еще погладили его по щекам.

— Это Артур Джирарди. Файлс позволяет ему торчать там, потому что прежде у него были связи. Это то, что думает Файлс — были. А теперь он просто старик, который заходит почистить ботинки в десять, а потом забывает и возвращается в три снова их почистить. Файлс думает, он просто старик, который, как говорится, ни бе, ни ме. Джирарди позволяет ему думать то, что ему хочется. Если Файлс заявит, что луна сделана из зеленого сыра, Джирарди не станет возражать. Старик Джи ходит туда посидеть в холодке. А связи у него все еще есть.

— С Джимми Джи.

— С разными людьми.

— Мистер Файлс не знал, что матч куплен?

— Нет, то есть точно не знал. А я думал, что он в курсе.

— Но старик Джи знал. И он знал, кто из них ляжет.

— Да. Вот тут мне повезло. «Ураган» Хейвуд проиграл но-кауту в восьмом раунде. А в будущем году, когда ставить на него будет выгоднее, «Ураган» возьмет свое.

— А вы сделали бы ставку, если бы мистера Джирарди там не было?

— Нет. — Тед сказал это сразу же.

— Тогда откуда бы вы взяли деньги? Когда уедете?

Тед вроде бы помрачнел от этих слов, «когда уедете». Он было приподнял руку, словно собираясь обнять Бобби за плечи, потом опустил ее.

— Всегда найдется кто-то, кто знает что-то, — сказал он.

Они теперь ехали по Эшер-авеню, еще в Бриджпорте, но всего в миле или около того от городской границы Харвича. Зная, что произойдет, Бобби протянул руку к большой, в никотиновых пятнах руке Теда.

Тед повернул колено к дверце, забрав с собой и свои руки.

— Лучше не надо, — сказал он.

Бобби не нужно было спрашивать, почему. Плакатики «ОСТОРОЖНО, ОКРАШЕНО» вывешивают потому, что если дотронуться до чего-то свежеекрашенного, тебе к коже прилипнет краска. Ее можно смыть или потом она сама сотрется, но какое-то время будет оставаться на твоей коже.

— Куда вы уедете?

— Не знаю.

— Мне так худо! — сказал Бобби. Он почувствовал, что слезы шиплют уголки его глаз. — Если с вами что-то случится — виноват буду я. Я же видел все это, ну, то, что вы просили меня выглядывать, и ничего вам не сказал. Я не хотел, чтобы вы уехали. Ну, я и сказал себе, что вы чокнутый, не во всем, а только выдумали, что за вами гонятся низкие люди — и я ничего вам не сказал. Вы дали мне работу, а я ее не выполнил.

Рука Теда вновь приподнялась. Он опустил ее и ограничился тем, что похлопал Бобби по колену. На стадионе Тони Кубек только что принес своей команде два очка. Трибуны сходили с ума.

— Но я знал, — мягко сказал Тед.

Бобби выпучил глаза.

— Что? О чем вы?

— Я чувствовал их приближение. Вот почему мои трансы повторялись так часто. Но я лгал себе — вот как ты. И по тем же причинам. Ты думаешь, мне хочется уехать от тебя, Бобби? Теперь, когда твоя мама совсем запуталась и так несчастна? Говоря совсем честно, это меня заботит не из-за нее — мы же с ней не ладим, не поладили с той секунды, как в первый раз посмотрели друг на друга, но она твоя мать и...

— А что с ней такое? — спросил Бобби. Он не забыл понизить голос, но ухватил Теда за плечо и подергал. — Скажите мне! Вы знаете, я же знаю! Это мистер Бидермен? Что-то из-за мистера Бидермена?

Тед смотрел в окно, лоб у него покрылся складками, губы плотно сжались. Наконец он вздохнул, вытащил пачку сигарет и закурил.

— Бобби, — сказал он, — мистер Бидермен плохой человек. Твоя мама это знает, но еще она знает, что иногда нам приходится ладить с плохими людьми. Ладить, чтобы наладить свою жизнь, думает она. И в последний год она должна была делать вещи, которыми совсем не гордится, но ей приходится вести себя осторожно. В некоторых отношениях почти так же осторожно, как мне, и нравится она мне или не нравится, но за это я ею восхищаюсь.

— Но что она делала? Что он заставлял ее делать? — Что-то холодное шевельнулось в груди Бобби. — Зачем мистер Бидермен увез ее в Провиденс?

— На конференцию по недвижимости.

— И это все? Это ВСЕ?

— Не знаю. И она не знала. А может быть, она заслонила то, что знает, то, чего боится, — заслонила тем, на что надеется. Не могу сказать. Иногда могу — иногда я знаю прямо и точно. Едва я тебя увидел, как уже знал, что ты мечтаешь о велосипеде, что тебе очень важно иметь велосипед, и ты хочешь за это лето заработать на него, если сумеешь. И я восхищался твоей решимостью.

— Вы нарочно до меня дотрагивались?

— Ну, да, да! Во всяком случае, в первый раз. Я сделал это, чтобы немного тебя узнать. Но друзья не шпионят, истинная

дружба означает и умение не вторгаться во внутреннюю жизнь друга. К тому же мои прикосновения передают... ну, открывают что-то вроде окна. По-моему, ты это знаешь. Когда я второй раз к тебе прикоснулся... по-настоящему... обнял — ну, ты знаешь, о чем я... это было ошибкой, но не такой уж страшной. Некоторое время ты знал больше, чем следовало, но это стерлось, верно? Но если бы я продолжал... прикоснулся бы, прикасался бы, как делают люди, близкие между собой... настал бы момент, с которого начались бы перемены. И уже не стирались бы. — Он поднял повыше почти докуренную сигарету и с отвращением поглядел на нее. — Вроде как выкуришь одну такую лишнюю, и будешь курить до конца жизни.

— А с мамой пока все хорошо? — спросил Бобби, зная, что этого Тед ему сказать не может. Дар Теда — или как это там называется — на такие расстояния не действовал.

— Не знаю. Я...

Тед вдруг напрягся. Он смотрел из окна на что-то впереди. Раздавил сигарету в пепельнице, вделанной в дверцу, с такой силой, что на его руку посыпались искры. Но он, казалось, ничего не почувствовал.

— Черт, — сказал он. — О черт, мы попались, Бобби!

Бобби перегнулся через его колени, чтобы посмотреть в окно, но и пока он смотрел, где-то в глубине сознания он думал о том, что сказал Тед. «...прикасался бы, прикасался бы, как делают люди, близкие между собой». А впереди показался перекресток трех магистралей: Эшер-авеню, Бриджпорт-авеню и Коннектикут-Пайк сходились, образуя площадь Пуритансквер. Трамвайные провода поблескивали в предвечернем солнце, нетерпеливо сигналили фургоны, выжидая своего шанса прорваться сквозь затор. Вспотевший полицейский со свистком во рту регулировал движением руками в белых перчатках. Слева был знаменитый ресторан «Гриль Уильяма Пенна», бифштексы которого слыли лучшими в Коннектикуте. (Мистер Бидермен пригласил туда всех своих сотрудников, когда агентство продало загородный дом Уэверли, и мама Бобби вернулась домой с десятком спичечных книжечек «Гриль Уильяма Пенна».) Главная его достопримечательность, как-то сказала Бобби его мама, заключалась в том, что бар находится внутри

городской границы Харвича, а собственно ресторан — в Бриджпорте.

Перед рестораном у самого угла Пуритан-сквер был припаркован «Де Сото» такого лилового цвета, какого Бобби еще никогда не видел — и даже вообразить не мог. Цвет был настолько ярким, что резал глаза. У него даже голова заболела.

«Машины у них будут такие же, как их желтые плащи, и остроносые туфли, и ароматизированный жир, которым они намаживают волосы, — броскими и вульгарными».

Лиловая машина была вся в хромо-вых полосках и завитушках. Декоративные решетки на бамперах. Украшения на капоте было огромным. Голова водителя Де Сото сверкала в туманном свете, как поддельный брильянт. Шины были пухлые и очень белые, а колпаки — в ярких кругах, будто волчки. Сзади торчала радиоантенна. С ее кончика свисал полосатый хвост енота.

— Низкие люди! — прошептал Бобби. Тут не было сомнений. Да, «Де Сото» — машина, каких он ни разу в жизни не видел, какая-то взвешенная, будто астероид. Когда они приблизились к запруженному машинами перекрестку, Бобби увидел, что обивка внутри зелено-голубая с металлическим отблеском, будто туловище стрекозы — цвет, который прямо-таки визжал от соседства с лиловостью кузова. Баранка была в белом меховом футляре. Кошки-мышки, это они!

— Отвлеки свои мысли, — сказал Тед, ухватил Бобби за плечи (впереди надрывался стадион, и таксист словно совсем позабыл о пассажирах на заднем сиденье, спасибо и на этом), сильно его встряхнул и отпустил. — Отвлеки свои мысли от них, понял?

Да, он понял. Джордж Сандерс построил кирпичную стену, чтобы укрывать свои мысли от Детей. Один раз прежде Бобби использовал Морри Уиллса, но он не думал, что бейсбол может на этот раз. Но что поможет?

Бобби увидел навес «Эшеровского Ампира», торчащий над тротуаром в трех-четырех кварталах за Пуритан-сквер, и внезапно услышал звуки бо-ло Эс-Джея: хлоп-хлоп-хлоп. «Если она — мусор, — сказал Эс-Джей тогда, так я бы пошел в мусор-шники».

И сознание Бобби заполнила афиша, на которую они смотрели в тот день: Брижит Бардо («французская секс-киска», на-

зывали ее газеты), одетая только в полотенце и улыбку. Она была чуть-чуть похожа на женщину, вылезавшую из машины на одном из календарей в «Угловой Лузе», ту, у которой почти вся юбка задралась на колени и были видны подвязки. Только Брижит Бардо была красивее. А кроме того — настоящей. Конечно, слишком старой для Бобби Гарфилда и его ровесников

(«Я так молод, а ты так стара, — пел Пол Анка в тысячах транзисторов, — твердят мне с вечера и до утра».) но все равно очень красивой, а и кошке можно смотреть на королеву — его мама всегда говорила и это: кошке можно смотреть на королеву. Бобби видел ее все яснее и яснее, откинувшись на спинку, и в его глазах появился тот смутный далекий взгляд, какой появлялся в глазах Теда во время его провалов. Бобби увидел ее мокрые после душа, но пушистые пепельные волосы, изгиб ее груди, скрытых полотенцем, длинные ноги, их покрашенные ногти упираются в слова: **ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ, ПРЕДЪЯВЛЯТЬ ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА ИЛИ МЕТРИКУ**. Он ощущал запах ее мыла — воздушный, цветочный. Он ощущал (*Nuit a Paris**) запах ее духов, и он слышал звук ее радио в соседней комнате. Фредди Кэннон, летний идол Сейвин-Рока.

Он сознавал — смутно, далеко-далеко, в другом мире, дальше и выше по спиралям вращающегося волчка, — что их такси остановилось возле «Гриля Уильяма Пенна» почти вплотную к лиловому синяку — к «Де Сото». Бобби словно бы услышал в своей голове, как машина кричит: «Пристрели меня! Я слишком лиловая! Пристрели меня! Я слишком лиловая!» А дальше, совсем близко, он ощутил ИХ. Они сидели в ресторане, перекусывали бифштексами. Оба заказали одинаково — с кровью. Перед уходом они могут прикрепить в вестибюле рядом с телефонами объявление о пропавшем четвероногом друге или карточку печатными буквами: **ВЛАДЕЛЕЦ ПРОДАЕТ МАШИНУ** — конечно, вверх ногами. Они там — низкие люди в желтых плащах и белых башмаках — запивают мартини куски почти сырой говядины, и если они обратят свои сознания в его сторону...

* «Ночь в Париже» (*фр.*) — название духов.

Из душа плыли волны пара. Б.Б. встала на кончики пальцев с накрашенными ногтями и распахнула полотенце, на мгновение превратив его в два крыла, прежде чем бросить на пол. И Бобби увидел, что это вовсе не Брижит Бардо, а Кэрол Гербер. «Надо быть храброй, чтобы позволить людям смотреть на тебя, когда на тебе ничего нет, кроме полотенца», — сказала она. А сейчас он ее видел такой, какой она будет лет через восемь — десять.

Бобби смотрел на нее, не в силах отвести взгляд, не в силах противостоять любви, замороженный запахом ее мыла, ее духов, звуком ее радио (Фредди Кэннон уступил место «Плэттерам» — «тени ночи спускаются с неба»), ее маленьким накрашенным ногтям на ногах. Сердце у него вертелось, как волчок, полоски на нем поднимались и исчезали в других мирах. Других мирах, кроме этого.

Такси поползло вперед. Лиловый ужас с четырьмя дверцами, припаркованный у ресторана (припаркованный в зоне «только для грузовых машин», да только плевать ОНИ на это хотели), начал отодвигаться назад. Такси дернулось и снова остановилось, и таксист мягко выругался; по Пуритан-сквер прогромыхал трамвай. Низкий «Де Сото» остался теперь позади них, но отблески его хрома скользили внутри такси танцующими обрывками света. И внезапно Бобби почувствовал отчаянный зуд с обратной стороны глазных яблок. Потом поле его зрения заслонили извивающиеся черные нити. Ему удалось снова зацепиться за Кэрол, но теперь он, казалось, смотрел на нее сквозь волнистое стекло.

Они нас чувствуют... или что-то такое. Господи, дай нам уехать отсюда. Пожалуйста, дай...

Таксист увидел просвет между машинами и юркнул туда. Секунду спустя они уже быстро катили дальше по Эшер-авеню. Зуд в глубине глаз Бобби ослабел, черные нити исчезли с его внутреннего поля зрения, и он увидел, что голая девушка вовсе не Кэрол (во всяком случае, теперь) и даже не Брижит Бардо, а всего лишь девушка с календаря в «Угловой Лузе», раздетая донага воображением Бобби. Музыка ее радио исчезла. Запах мыла и духов исчез. Жизнь в ней угасла. Она была просто... ну, просто...

— Она просто картина, нарисованная на стене, — сказал Бобби. Он сел прямо.

— Ты чего сказал, малыш? — спросил таксист и выключил радио. Игра кончилась. Мел Аллен рекламировал сигареты.

— Да ничего, — ответил Бобби.

— Задремал вроде бы, а? Медленная езда, жаркий день... А твой приятель вроде бы в отключке.

— Нет, — сказал Тед, выпрямляясь. — Доктор тут как тут. — Он потянулся, в спине у него что-то шелкнуло, и он поморщился. — Но я, правда, вздремнул немножко. — Он оглянулся на заднее стекло, однако «Гриль Уильяма Пенна» уже скрылся из виду. — Полагаю, выиграли «Янки»?

— Разделали чертовых индейцев под орех, — сказал таксист и засмеялся. — Не понимаю, как это вы сумели заснуть, когда играли «Янки»!

Они свернули на Брод-стрит, и две минуты спустя такси остановилось перед № 149. Бобби посмотрел на дом, словно ожидал увидеть, что он выкрашен в другой цвет или стал выше на этаж. У него было ощущение, что он отсутствовал десять лет. Да так вроде бы и было — он же видел Кэрол Гербер совсем взрослой?

«Я женюсь на ней», — решил Бобби, вылезая из такси. На Колония-стрит пес миссис О'Хары все лаял и лаял, словно ставя крест на этой и на всех человеческих надеждах: руф-руф, руф-руф-руф.

Тед нагнулся к водительскому окошку, держа в руке бумажник. Он вытащил две бумажки по доллару, подумал и добавил третью.

— Сдачу оставьте себе.

— Вы джентльмен что надо, — сказал таксист.

— Он — во! — поправил Бобби и ухмыльнулся, когда такси отъехало.

— Пойдем в дом, — сказал Тед, — мне опасно оставаться на улице.

Они поднялись на крыльцо, и Бобби открыл дверь в вестибюль своим ключом. Он все время думал о жутком зуде позади его глаз и о черных нитях. Нити были особенно страшными, будто он должен был вот-вот ослепнуть.

— Они нас видели, Тед? Или ощутили? Или как?

— Ты знаешь, что да... но не думаю, что они определили, как близко мы были от них. — Когда они вошли в квартиру Гарфилдов, Тед снял темные очки и положил их в карман рубашки. — Ты, значит, хорошо замаскировался. Фу-у! Ну и жароша тут!

— А почему вы думаете, что они не знали, как близко мы были от них?

Тед, уже начавший открывать окно, пристально поглядел на Бобби через плечо.

— Если бы они знали, эта лиловая машина подъехала бы сюда тогда же, когда и мы.

— Это была не машина, — сказал Бобби, начиная открывать другое окно. Толку от этого оказалось мало. Воздух, который влился в окна, вяло всколыхнув занавески, был почти таким же жарким, как воздух, весь день запертый внутри квартиры. — Не знаю, что это было, но оно только с виду выглядело, как машина. А то, как я почувствовал ИХ... — Бобби вздрогнул, несмотря на жару.

Тед достал свой вентилятор, прошел к окну у полки с безделушками Лиз и поставил его на подоконник.

— Они маскируются, как могут, но мы все равно их ощущаем. Даже люди, которые понятия о них не имеют, часто ощущают их. Капельки того, что скрыто под камуфляжем, просачиваются наружу, а то, что под ним, — невообразимо уродливо. Надеюсь, тебе не придется узнать, насколько невообразимо.

И Бобби надеялся.

— Откуда они, Тед?

— Из темного места.

Тед встал на колени, вставил вилку вентилятора в штепсель и включил его. Воздух, который он погнал в комнату, был чуть прохладнее, но не таким прохладным, как в «Угловой Лузе» и «Критерионе».

— А оно в другом мире, как в «Кольцах вокруг Солнца»? Ведь так?

Тед все еще стоял на коленях рядом со штепселем. Он словно молился. Бобби он показался совсем измученным — почти до смерти. Как же он скроется от низких людей? Да он и до «Любой бакалеи» не дойдет, не споткнувшись.

— Да, — сказал он наконец. — Они из другого мира. Из иного «где» и иного «когда». Вот все, что я могу тебе сказать. Знать больше тебе опасно.

Но Бобби не мог не задать еще один вопрос:

— А они из одного из этих, ну, других миров?

Тед поглядел на него очень серьезно.

— Вот я из Тинеска?

Бобби уставился на него, потом засмеялся. Тед, еще не вставший с колен, засмеялся вместе с ним.

— О чем ты думал в такси, Бобби? — спросил Тед, когда они наконец отсмеялись. — Куда ты делся, когда возникла опасность? — Он помолчал. — Что ты увидел?

Бобби подумал о Кэрол в двадцать лет с ногтями на ногах, покрытыми розовым лаком, о Кэрол, голой, с полотенцем у ног, среди колышущихся облаков пара. ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ, ПРЕДЪЯВЛЯТЬ ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА, НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ.

— Я не могу сказать, — ответил он наконец. — Потому что... ну...

— Потому что есть что-то только для себя. Я понимаю. — Тед поднялся на ноги. Бобби было хотел ему помочь, но Тед махнул ему «не надо». — Может быть, ты хочешь пойти поиграть, — сказал он. Попозже — скажем, около шести — я надену мои темные очки, мы пройдемся по кварталу и перекусим в «Колонии».

— Но только не фасолью!

Уголки рта Теда дрогнули в блеклой улыбке.

— Никакой фасоли, фасоль *verboden**. В десять я позвоню моему другу Лену и узнаю, как кончился матч, э?

— Низкие люди... они теперь будут искать и меня?

— Если бы я так думал, я не выпустил бы тебя из дома, — ответил Тед с некоторым удивлением. — Тебе ничего не грозит, и я позабочусь, чтобы так было и дальше. А теперь иди. Поиграй, а мне надо кое-чем заняться. Только к шести вернись, а то я буду беспокоиться.

— Ладно.

* запрещена (нем.).

Бобби пошел к себе и бросил четыре монеты, которые захватил с собой в Бриджпорт, назад в банку «Велюфонда». Он оглядел комнату, видя все по-другому: ковбойское покрывало на кровати, фото его матери на одной стене и фото с автографом Клейтона Мура в маске (полученное за талоны из коробок с кукурузными хлопьями) — на другой, роликовые коньки в углу (один с лопнувшим ремешком), стол у стены. Комната теперь выглядела маленькой — не тем местом, куда возвращаются, а тем местом, откуда уходят. Он понял, что вырастает до своей оранжевой библиотечной карточки, и какой-то горький голос внутри него восстал против этого. Закричал: нет, нет, нет!

VIII. Бобби исповедуется. Гербер-беби* и Малтекс-беби. Рионда.

Тед звонит по телефону. Охотничьи крики

В Коммонвелф-парке малышня перебрасывалась мячиками. Поле Б пустовало; на поле В несколько подростков в оранжевых майках Сент-Габа гоняли мяч. Кэрл Гербер сидела на скамейке со скалкой на коленях и смотрела на них. Она увидела Бобби и заулыбалась. Потом улыбка исчезла.

— Бобби, что с тобой случилось?

Бобби как-то не осознавал, что с ним что-то случилось, пока Кэрл этого не сказала, однако встревоженное выражение на ее лице заставило его разом вспомнить все и потерять власть над собой. Что случилось? Реальность низких людей, и испуг от того, что они чуть не попались на обратном пути из Бриджпорта, и тревога за мать, но главное всего был Тед. Он прекрасно знал, почему Тед выставил его из дома и чем занимается Тед сейчас: складывает вещи в свои чемоданчики и бумажные пакеты. Его друг уезжает.

И Бобби заплакал. Он не хотел распускать нюни перед девочкой. И тем более этой девочкой, но он ничего не мог с собой поделать.

* Часть названия детского питания «Гербер беби фудз».

Кэрол на секунду была ошеломлена — испугана. Потом она вскочила со скамейки, подбежала к нему и обняла.

— Все хорошо, — сказала она. — Все хорошо, Бобби, не плачь, все хорошо.

Почти ослепнув от слез и расплакавшись еще пуше — будто в голове у него бушевала летняя гроза, — Бобби покорно пошел с ней к густой купе деревьев, которые могли заслонить их от бейсбольных полей и главных дорожек. Кэрол села на траву, все еще обнимая его одной рукой, а другой поглаживая потные колючки его ежика. Некоторое время она ничего не говорила, а Бобби не сумел бы произнести ни слова; он мог только рыдать, пока у него не заболело горло, а глазные яблоки не задержались в глазницах.

Наконец интервалы между всхлипываниями удлиннились. Он выпрямился и утер лицо рукавом, ужаснувшись тому, что почувствовал, и устыдившись: это ведь были не только слезы, а еще — сопли и слюни. Он, наверное, всю ее измазал.

Но Кэрол как будто и внимания не обратила. Она погладила его мокрое лицо. Бобби вывернулся из-под ее пальцев, еще раз всхлипнул и уставился вниз на траву. Его зрение, омытое слезами, казалось почти сверхъестественно ясным. Он видел каждый одуванчик, каждую травинку.

— Все хорошо, — сказала Кэрол, но Бобби от стыда все еще не мог посмотреть на нее.

Некоторое время они сидели молча, а потом Кэрол сказала:

— Бобби, я буду твоей девочкой, если хочешь.

— Так ты уже моя девочка, — сказал Бобби.

— Тогда объясни мне, что случилось?

И Бобби услышал, как он рассказывает ей все, начиная со дня, когда Тед поселился в доме, а его мать сразу Теда невзлюбила. Он рассказал ей про первый провал Теда, о низких людях, о знаках низких людей. Когда он дошел до знаков, Кэрол подергала его за рукав.

— Что? — спросил он. — Ты мне не веришь? — Горло у него все еще хранило тот душащий персизбыток чувств, который остался после рыданий, но ему становилось легче. Если она ему не поверит, он на нее не разозлится. Даже ни чуточки не обидится.

Просто было несказанным облегчением рассказать обо всем об этом. — Да я понимаю. Знаю, какой чушью это кажется.

— Я видела такие смешные классики по всему городу, — сказала она. — И Ивонна, и Анджии. Мы про них говорили. Рядом с ними нарисованы звездочки и маленькие луны. А иногда еще и кометы.

Он уставился на нее.

— Разыгрываешь?

— Да нет же. Девочки ведь всегда смотрят на классики. Не знаю, почему. И закрой рот, пока муха не влетела.

Он закрыл рот.

Кэрол удовлетворенно кивнула, потом взяла его руку в свои и переплела их пальцы. Бобби поразился, как точно все пальцы прилегли друг к другу.

— Ну, а теперь расскажи мне остальное.

И он рассказал, завершив этим ошеломляющим днем: кино, «Угловая Луза», и как Аланна узнала в нем его отца, как они чуть было не попались на обратном пути. Он пытался объяснить, почему лиловый «Де Сото» словно бы не был настоящей машиной, а только казался. Но в конце концов сказал только, что «Де Сото» каким-то образом ощущался, будто что-то живое — как злое подобие страуса, на котором иногда ездил доктор Дулитл в серии фонокнижек о животных, какими все они увлекались во втором классе. Утаил Бобби только то, где он спрятал свои мысли, когда такси проезжало мимо «Гриля Уильяма Пенна», и у него глаза начали чесаться сзади.

Он поборолся с собой, а потом выпалил худшее, точно коду: он боится, что поездка его мамы в Провиденс с мистером Бидерменом и теми двумя была ошибкой. Скверной ошибкой.

— Ты думаешь, мистер Бидермен за ней ухаживает? — спросила Кэрол. Они пошли назад к скамье, где она оставила скакалку. Бобби подобрал ее и отдал Кэрол. Они пошли к выходу из парка в сторону Брод-стрит.

— Ну-у... может быть, — угрюмо сказал Бобби. — Или во всяком случае... — Тут была часть того, чего он боялся, хотя для этого не было ни названия, ни образа — будто что-то зловещее, скрытое брезентом. — Во всяком случае, она думает, что так и есть.

— Он попросит ее выйти за него замуж? Тогда он станет твоим отчимом.

— Черт! — Бобби ни разу не подумал о мистере Бидермене как об отчине и отчаянно пожалел, что Кэрол заговорила об этом. От одной только мысли его взяла жуть.

— Если она его любит, тебе лучше попривыкнуть к этому. — Кэрол говорила, будто взрослая, опытная женщина, и Бобби стало еще хуже. Наверное, она в это лето слишком часто смотрела сериалы «Ах, Джон, ах, Марша!» со своей мамой. И, как ни странно, в чем-то ему было бы все равно, если бы его мама полюбила мистера Бидермена. Это было бы мерзко, потому что мистер Бидермен — мразь, но зато понятно. Манера его матери считать каждый цент, ее жлобство имели какое-то отношение к этому, как и то, что заставило ее вновь закурить, а иногда и плакать по ночам. Разница между Рэндоллом Гарфилдом, его матери ненадежным мужем, который оставил после себя неоплаченные счета, и Рэнди Гарфилдом Аланны, который любил, чтобы проигрыватель включали погромче... даже эта разница могла быть частью того же. (А были ли неоплаченные счета? А был ли аннулированный страховой полис? Зачем бы его матери лгать про все это?) С Кэрол ни о чем таком он говорить не мог. И не от скрытности. Просто он не знал, как говорить о таком.

Они пошли вверх по склону. Бобби взял одну ручку скалки, и они волокли ее по тротуару между собой. Внезапно Бобби остановился и ткнул пальцем.

— Посмотри!

Впереди с одного из пересекавших улицу электропроводов свисал длинный желтый хвост воздушного змея. Он изгибался, напоминая вопросительный знак.

— Угу. Я вижу, — сказала Кэрол тихим голоском. Они пошли дальше. — Ему надо уехать сегодня же, Бобби.

— Он не может. Бой сегодня вечером. Если победит Альбини, Тед должен получить выигрыш в бильярдной завтра вечером. По-моему, деньги ему очень нужны.

— Конечно, — сказала Кэрол. — Стоит посмотреть, как он одет, и сразу ясно, что он на мели. Наверное, он поставил свои последние деньги.

«Как он одет... это только девчонки замечают», — подумал Бобби и открыл рот, чтобы сказать ей это. Но тут кто-то позади них сказал:

— Погляди-ка! Да это же Гербер-Беби и Малтекс-Беби. Как делишки, бсбюськи?

Они оглянулись. К ним медленно съезжали с холма на велосипедах трое ребят в оранжевых рубашках Сент-Габриэля. В корзинах на рулях лежали всякие бейсбольные принадлежности. Один, прыщавый балда, у которого с шеи свисал на цепочке серебряный крест, засунул бейсбольную битку в самодельный футляр на спине. «Выпендривается под Робин Гуда», — подумал Бобби, но все равно перепугался. Это же были большие парни, старшекласники, ученики приходской школы, и если они решили отправить его в больницу, то он отправится в больницу. «Низкие парни в оранжевых рубашках», — подумалось ему.

— Привет, Уилли, — сказала Кэрол одному из них. Но не балде с битой за спиной. Она говорила спокойно, даже весело, но под небрежностью ее тона Бобби ощутил страх, трепещущий, как птичьи крылышки. — Я смотрела, как вы играли. Ты здорово ловил.

У того, кому она это сказала, было уродливое недолепленное лицо под густыми, зачесанными назад каштаново-рыжими волосами и над торсом взрослого мужчины. Велосипед «хаффи» выглядел под ним нелепо маленьким. Бобби подумал, что он похож на тролля из волшебной сказки.

— Тебе-то что, Гербер-Беби? — спросил он.

Все трое сентгабцев поравнялись с ними. Затем двое — с болтающимся крестом и тот, которого Кэрол назвала Уилли, — продвинулись чуть дальше, опустив ноги до земли и ведя велосипеды. С возрастающим отчаянием Бобби понял, что они с Кэрол окружены. Он ощущал смешанный запах пота и «вита-лиса», исходявший от ребят в оранжевых рубашках.

— Ты кто такой, Малтекс-Беби? — спросил третий сентгабец у Бобби. Он наклонился над рулем своего велосипеда. — Никкак Гарфилд? А? Билли Донахью тебя все еще разыскивает с того случая прошлой зимой. Хочет зубы тебе повышибать. Может, мне сейчас выбить парочку прямо тут, проложить ему дорожку?

У Бобби в животе словно что-то зашевелилось, будто змея в корзинке. «Я не заплачу. Что бы ни было, я не заплачу, пусть хоть в больницу попаду. И я попытаюсь защитить ее».

Защитить ее от таких верзил? Смешно.

— Почему ты сейчас такой грубый, Уилли? — спросила Кэрол. Она обращалась только к парню с каштаново-рыжими волосами. — Ты же не такой, когда ты один. Так почему сейчас?

Уилли покраснел. Благодаря темной рыжине его волос, гораздо более темной, чем у Бобби, могло показаться, что он запылал огнем от шеи и до макушки. Он не хотел, сообразил Бобби, чтобы его дружки узнали, что без них он ведет себя по-человечески.

— Заткнись, Гербер-Беби! — рявкнул он. — Лучше заткнись и поцелуй своего прилипалу, пока у него еще все зубы целы.

На третьем парне был мотоциклетный пояс с пряжкой на боку и старые бутсы, все в пыли бейсбольного поля. Он стоял позади Кэрол. Теперь он подошел поближе, все еще ведя свой велосипед, и обеими руками ухватил ее за волосы. И дернул.

— Ой! — почти взвизгнула Кэрол. И словно бы не только от боли, но и от удивления. И вырвалась таким рывком, что чуть не упала. Бобби подхватил ее, и Уилли — который, если верить Кэрол, без своих дружков был нормальным парнем — захохотал.

— Зачем вы это? — закричал Бобби на парня с мотопоясом, и едва слова вырвались у него изо рта, ему показалось, что он слышал их уже тысячу раз прежде. Будто какой-то обряд: формулы, которые положено произносить, прежде чем начнутся подлинные тычки и толчки и заработают кулаки. Он снова вспомнил «Повелителя мух» — Ральф убегает от Джска и остальных. На острове Голдинга были хотя бы джунгли. А им с Кэрол бежать некуда.

«Он скажет: «Потому что мне так нравится». Это следующие слова».

Но прежде чем парень с поясом, застегнутым на боку, успел их сказать, за него положенные слова произнес Робин Гуд с битой в самодельном футляре на спине.

— А потому, что ему так нравится. И как ты ему помешаешь Малтекс-Беби?

Внезапно он змеиным движением протянул руку и шлепнул Бобби по лицу. Уилли снова захохотал.

— Давайте вздуем этого недоноска, — сказал парень с мотопоясом. — Меня от его морды воротит.

Они сдвинулись, шины их велосипедов торжественно зашуршали. Потом Уилли уронил свой велосипед набок, будто сдохшего пони, и шагнул к Бобби. Бобби выставил перед собой кулаки в жалком подражании стойке Флойда Паттерсона.

— Эй, ребяташки, что у вас там? — спросил кто-то за спиной у них.

Уилли отвел назад один кулак. Все еще держа его наготове, он оглянулся. И Робин Гуд оглянулся, и парень с мотопоясом. У тротуара стоял старый голубой «студебеккер» с поржавелыми крыльями и Христом, примагниченным над приборной доской. Перед ним, очень грудастая и необъемная в бедрах, стояла Рионда, приятельница Аниты Гербер. Летняя одежда не была ей лучшим другом (это даже Бобби заметил), но в тот момент она казалась богиней в бриджах.

— Рионда! — закричала Кэрол, не плача, но почти. Она протолкнулась между Уилли и парнем с мотопоясом. Ни тот, ни другой не попытались ее схватить. Все трое сентгабцев устали на Рионду. Бобби поймал себя на том, что смотрит на сжатый кулак Уилли. Иногда Бобби просыпался утром, а у него там было тверже камня и торчало вверх, будто лунная ракета или еще что. Пока он шел в ванную помочиться, там обмякало и съезживалось. Рука Уилли со сжатым кулаком на ее конце обмякла точно так же, кулак разворачивался назад в пальцы. От такого сравнения Бобби потянуло на улыбку. Но он справился с собой. Если они увидят, что он улыбается, сейчас они сделать ничего не смогут. Однако потом... в какой-нибудь другой день...

Рионда обняла Кэрол и прижала девочку к своей объемистой груди. Оглядела ребят в оранжевых рубашках и — улыбнулась! Заулыбалась, не стараясь спрятать улыбку.

— Уилли Ширмен, верно?

Только что взведенная рука Уилли повисла вдоль бока. Что-то бормоча, он нагнулся поднять свой велик.

— Ричи О'Мира?

Парень в мотопоясе посмотрел на пыльные носки своих бугс и тоже пробурчал что-то. Щеки у него пылали.

— Во всяком случае, кто-то из младших О'Мира — теперь вас так много, что я всех не упомяну. — Взгляд ее перешел на Робин Гуда. — А ты кто, верзила? Кто-то из Дедхемов? Похож-похож на Дедхемов!

Робин Гуд уставился на свои руки. У него на пальце было школьное кольцо, и теперь он начал его крутить.

Рионда все еще обнимала Кэрол за плечи. Кэрол одной рукой обнимала Рионду за талию, насколько хватало руки. Она не смотрела на парней, когда Рионда вместе с ней сошла с мостовой на полоску травы перед тротуаром. Она все еще смотрела на Робин Гуда.

— Отвечай, когда я с тобой говорю, сынок. Если я захочу, найти твою мать будет нетрудно. Спрошу отца Фитцджеральда — и дело с концом.

— Ну, я Гарри Дулин, — сказал наконец парень, еще быстрее крутя свое кольцо.

— Значит, я не так уж и промахнулась, верно? — ласково спросила Рионда, сделала еще два-три шага вперед и оказалась на тротуаре. Кэрол, испугавшись, попробовала ее удержать, но Рионда все равно надвигалась на парней. — Дедхемы и Дулины женились-переженились. Еще в графстве Корк, тра-ля-ля.

И никакой не Робин Гуд, а парень по имени Гарри Дулин с дурацким самодельным футляром для биты за спиной. Не Марлон Брандо в «Дикаре», а парень по имени Ричи О'Мира, который раньше чем через пять лет никак не обзаведется «харлеем» к своему мотопоясу... если вообще когда-нибудь им обзаведется. И Уилли Ширмен, трусящий по-хорошему поговорить с девочкой, если рядом его дружки. И для того чтобы они съжились до своих подлинных размеров, оказалось достаточно одной толстушки в бриджах и длинной блузке без рукавов, которая примчалась спасать не на белом боевом скакуне, но в «студбеккере» 1954 года. Эта мысль должна была бы утешить Бобби, но не утешила. Он вдруг вспомнил, что сказал Уильям Голдинг: мальчиков на острове спасла команда линейного крейсера... но кто спасет команду?

Глупо, конечно, уж кто-кто, а Рионда в этот момент никак и ни в каком спасении словно бы не нуждалась. Но слова эти все равно порадовали Бобби. А что, если взрослых вообще нет?

Вдруг самое понятие «взрослые» — обман? Что, если их деньги — это только игральные фишки, их деловые сделки — не больше, чем выменивание бейсбольных карточек, их войны — игры с игрушечным оружием в парке? Что, если внутри своих костюмов и выходных платьев они все еще сопливые малыши? Черт! Этого же не может быть, правда? Это было бы так страшно, что даже подумать и то жутко.

Рионда все еще смотрела на сентгабцев с жесткой и довольно опасной улыбкой.

— Вы, трое здоровенных парней, ведь не стали бы цепляться к тем, кто вас меньше и слабее, верно? Да еще к девочке вроде ваших младших сестренек?

Они теперь молчали, даже не буркали себе под нос. Только переминались с ноги на ногу.

— Я в этом уверена: это ведь была бы подлость и трусость, верно?

Вновь она дала им возможность ответить — и порядочно времени послушать собственное их молчание.

— Уилли? Ричи? Гарри? Вы же к ним не цеплялись, верно?

— Да нет, конечно, — сказал Гарри, и Бобби подумал, что если он начнет вертеть это кольцо чуть побыстрее, палец у него загорится.

— Если бы я поверила в такое, — сказала Рионда, все еще улыбаясь своей опасной улыбкой, — я бы пошла поговорить с отцом Фитцджеральдом, верно? Ну, а падре, возможно, решил бы, что ему следует поговорить с вашими отцами, ну, а ваши отцы, возможно, решили бы согреть вам задницы... и за дело, мальчики, верно? За то, что цеплялись к тем, кто меньше и слабее.

Трое парней, снова перекинувшие ноги через свои нелепо маленькие велосипеды, продолжали хранить молчание.

— Они к тебе цеплялись, Бобби? — спросила Рионда.

— Нет, — сразу же ответил Бобби.

Рионда подсунула палец под подбородок Кэрл и повернула ее лицо к себе.

— А к тебе они цеплялись, деточка?

— Нет, Рионда.

Рионда улыбнулась ей сверху вниз, и Кэрл, хотя у нее в глазах стояли слезы, улыбнулась в ответ.

— Ну, мальчишки, вроде вам опасаться нечего, — сказала Рионда. — Они говорят, что вы не делали ничего такого, что могло бы доставить вам лишние неприятные минутки в исповедальне. Думаю, вам следует вынести им благодарность.

Сентгабцы: бур-бур-бур.

— «Пожалуйста, кончи на этом! — безмолвно умолял Бобби. — Не заставляй их и правда благодарить нас. Не доводи их!»

Быть может, Рионда услышала его мысли (Бобби теперь верил, что такое возможно).

— Ну, — сказала она, — пожалуй, обойдемся без благодарностей. Отправляйтесь по домам, мальчишки. И Гарри, когда увидишь Мойру Дедхем, скажи ей, что Рионда велела передать: она все еще ездит в Бриджпорт в «Бинго» каждую неделю, так если ее нужно будет подвезти...

— Ладно, обязательно, — сказал Гарри, сел в седло и поехал вверх по склону, все еще вперяя взгляд в тротуар. Если бы ему навстречу шли прохожие, он наткнулся бы на них. Двое его дружков последовали за ним, нажимая на педали, чтобы нагнать его.

Рионда провожала их взглядом, и ее улыбка медленно исчезала.

— Ирландцы-голодранцы, — сказала она наконец. — От них ничего хорошего не жди. Ну, да черт с ними. Кэрол, ты правда ничего?

Кэрол сказала, что да, правда.

— Бобби?

— Все в порядке. — Ему требовалась вся сила воли, чтобы не начать дрожать перед ней, будто клюквенное желе, но если Кэрол держится, так он и подавно должен.

— Лезь в машину, — сказала Рионда Кэрол, — я тебя подвезу. А ты давай на своих двоих, Бобби. Бегом через улицу и в дом. Эти ребята к завтраму позабудут и про тебя, и про мою Кэрол-детку, но сегодня вечером вам обоим стоит посидеть дома.

— Ладно, — сказал Бобби, зная, что про них не забудут ни завтра, ни к концу недели, ни к концу лета. Ему с Кэрол придется долгое время опасаться Гарри и его дружков. — Пока, Кэрол.

Бобби перебежал Броуд-стрит. На другой стороне остановился и следил, как старая машина Рионды подъехала к дому, где жила Кэрол. Когда Кэрол выпрыгнула, она поглядела вниз со склона и помахала. Бобби помахал в ответ, а потом поднялся по ступенькам крыльца дома № 149 и вошел внутрь.

Тед сидел в гостиной, курил сигарету и читал журнал «Лайф» с Анитой Экберг на обложке. Бобби не сомневался, что три че-моданчика Теда и бумажные пакеты уже упакованы, но их нигде не было видно. Наверное, оставил наверху в своей комнате. Бобби обрадовался. Ему не хотелось смотреть на них. Довольно и того, что он знает про них.

— Что подельывал? — спросил Тед.

— Да так, — сказал Бобби. — Я, пожалуй, полежу в кровати и почитаю до ужина.

Он ушел в свою комнату. На полу возле кровати стопкой лежали книги из взрослого отдела харвичской публичной библиотеки — «Космические инженеры» Клиффорда Д. Саймака, «Тайна римской шляпы» Эллера Куина и «Наследники» Уильяма Голдинга. Бобби выбрал «Наследников» и улегся ногами на подушке. На обложке были пещерные люди, но они были нарисованы почти абстрактно — на обложках книжек для детей таких пещерных людей не увидишь. Клево, когда у тебя карточка во взрослый отдел... но почему-то уже не так клево, как казалось вначале.

В девять часов начался «Гавайский глаз», и при обычных обстоятельствах Бобби был бы заморожен (его мать считала, что программы вроде «Гавайского глаза» или «Неприкасаемых» слишком полны насилия, и, как правило, не разрешала ему включать их), но в этот вечер он все время переставал следить за происходящим на экране. Менее чем в шестидесяти милях отсюда Эдди Альбини и «Ураган» Хейвуд вот-вот сойдутся на ринге. Красотка Голубых Лезвий «Жиллетт», одетая в голубой купальник и голубые туфли на высоком каблуке, будет обходить ринг перед началом каждого раунда и поднимать табличку с голубым номером на ней. 1...2...3...4...

К половине десятого Бобби не сумел бы распознать на экране даже частного детектива, а уж тем более угадать, кто убил

великосветскую блондинку. «Ураган» Хейвуд проиграет нокаутом, в восьмом раунде», — сказал ему Тед. Это знал старик Джи. Но что, если что-нибудь не задастся? Бобби не хотел, чтобы Тед уезжал, но уж если иначе нельзя, ему была нестерпима мысль, что он уедет с пустым бумажником. Ну да, конечно, такого случиться не может... а если? Бобби видел телефильм, в котором боксер должен был лечь, но вдруг передумал. Что, если так будет и сегодня? Разыграть нокаут — это обман... (Да неужто, Шерлок? С какой улики вы начали?), но если «Ураган» Хейвуд на обман не пойдет, Теду придется плохо: «по уши в луже, если не хуже», — сказал бы Салл-Джон.

Половина десятого, если верить часам на стене. Если Бобби не запутался в арифметических действиях, начался решающий восьмой раунд.

— Нравятся тебе «Наследники»?

Бобби так глубоко ушел в свои мысли, что даже вздрогнул. На экране телека Кинэн Уинн стоял перед бульдозером и говорил, что готов милою прошагать ради пачки «Кэмела».

— Потруднее «Повелителя мух», — сказал он. — Вроде бы есть две маленькие семьи пещерных людей, которые бродят туда-сюда. И одна семья посообразительнее. Но другая семья, дураки, они герои. Я чуть не бросил, но тут стало поинтереснее. Думаю, я дочитаю.

— Семья, с которой ты познакомишься первой, с маленькой девочкой, это неандертальцы. Вторая семья — только на самом деле это племя (Голдинг и его племена!) — это кроманьонцы. Кроманьонцы и есть наследники. То, что происходит между этими группами, вполне соответствует определению трагедии: события ведут к несчастливому исходу, которого нельзя избежать.

Тед продолжал говорить о пьесах Шекспира, и стихотворениях По, и романах типчика по имени Теодор Драйзер. В другое время Бобби было бы интересно, но в этот вечер его мысли все время уносились в Мэдисон-сквер-гарден. Он видел ринг, освещенный так же яростно, как те немногие бильярдные столы в «Угловой Лузе», на которых шла игра. Он слышал, как вопят зрители, когда Хейвуд перешел в атаку, обрабатывая растерявшегося Эдди Альбини свингами слева и справа. Хейвуд не

собирался сдать бой — точно так же, как боксер в телефильме, он намеревался отделать своего противника на все сто. Бобби ощущал запах пота, слышал тяжелые хлопы и хлапы перчаток по корпусу. Глаза Эдди Альбини выпучились двумя нолями... колени подогнулись... зрители вопили, повскакав на ноги...

— ...идея рока как силы, избежать которой невозможно, видимо, возникла у греков. Драматург по имени Еврипид...

— Позвоните. — сказал Бобби, и, хотя он в жизни не закурил сигареты (к 1964 году он будет выкуривать за неделю больше блока), голос у него прозвучал так же хрипло, как у Тедда поздно вечером после целого дня «честерфильдок».

— Извини, Бобби?

— Позвоните мистеру Файлсу, узнайте, как там бой?.. — Бобби посмотрел на стенные часы. Девять сорок девять. — Если было всего восемь раундов, то, значит, бой уже кончился.

— Согласен, что он кончился, но если я позвоню Файлсу так рано, он может заподозрить, что мне было что-то известно, — сказал Тед. — А по радио я ведь ничего узнать не мог — этот бой, как известно нам обоим, по радио не передают. Лучше выждать. Безопаснее. Пусть верит, будто я полагаюсь на предчувствия. Я позвоню в десять, будто считаю, что бой кончился не нокаутом, а по очкам. А пока, Бобби, не тревожься. Говорю же тебе, это просто прогулка по подмосткам.

Бобби бросил смотреть «Гавайский глаз», а просто сидел на диване и слушал, как вякают актеры. Мужчина орал на толстого гавайского полицейского. Женщина в белом купальнике вбежала в прибой. Машина гналась за машиной под барабанный бой на звуковой дорожке. Стрелки часов на стене еле ползли, спотыкаясь, к десяти и двенадцати, будто брали последние несколько сот футов вершины Эвереста. Убийца великосветской блондинки был сам убит, пока бежал по полю ананасов, и «Гавайский глаз» наконец кончился.

Бобби не стал ждать показа кадров из телефильмов будущей недели. Он выключил телик и сказал:

— Позвоните, а? Ну, пожалуйста!

— Одну минутку, — сказал Тед, — по-моему, я выпил рут-бира сверх моего предела. Мои цистерны словно бы ужались с возрастом.

Он прошаркал в ванную. Наступила нескончаемая тишина, а затем раздался плеск струи, разбивающейся в унитазе.

— А-а-а! — сказал Тед с большим удовлетворением.

Бобби уже не мог усидеть на месте. Он вскочил и начал бродить по комнате. Он не сомневался, что именно сейчас Томми «Ураган» Хейвуд окружен фоторепортерами в своем углу на ринге «Гарден», не без синяков, но сияя улыбкой в белых вспышках. Рядом с ним Девушка Голубых Лезвий «Жиллетт» — она обнимает его за плечи, он ее за талию, а Эдди Альбини никнет забытый в своем углу; его затуманенные глаза совсем заплалили, и он еще не пришел в себя после встряски, которую получил.

К тому времени, когда Тед вернулся, Бобби впал в полное отчаяние. Он твердо знал, что Альбини проиграл бой, а его друг потерял пятьсот долларов. Останется ли Тед, если окажется совсем без денег? Может быть... Но если да, а низкие люди явятся...

Сжимая и разжимая кулаки, Бобби смотрел, как Тед взял трубку и начал набирать номер.

— Успокойся, Бобби, — сказал ему Тед. — Все в полном порядке.

Но Бобби не мог успокоиться. В животе у него будто свивались клубки проволоки. Тед прижимал трубку к уху и ничего не говорил целую вечность.

— Ну, почему они не отвечают? — в ярости почти крикнул Бобби.

— Было всего два гудка, Бобби. Почему бы тебе... Алло, говорит Тед Бротиген. Тед Бротиген. Да, мэм, сегодня днем. — Как ни невероятно, но Тед подмигнул Бобби. Ну как он может оставаться таким невозмутимым? Да будь он на месте Теда, так трубки бы у уха удержать не смог бы. А уж подмигивать! — Да, мэм, он здесь. — Тед обернулся к Бобби и сказал, не прикрыв трубку ладонью. — Аланна спрашивает, как там твоя девочка?

Бобби попытался заговорить, но только хрипел.

— Бобби говорит, что чудесно, — сказал Тед Аланне. — Хороша, как летний день. Можно мне поговорить с Леном? Да, я подожду. Но, пожалуйста, скажите мне про бой. — Наступила пауза, которой, казалось, не будет конца. На лице Теда не было никакого выражения. На этот раз он прикрыл трубку ладонью. — Она говорит, в первых пяти раундах Альбини получил поря-

дочную трепку, в шестом и седьмом держался хорошо, а потом выдал хук правой неизвестно откуда и уложил Хейвуда на канаты в восьмом. Похоронный марш по «Урагану». Вот сюрприз, верно?

— Да, — сказал Бобби. Губы у него как закаменели. Все было правдой. Все. В пятницу к этому часу Тед уже уедет. С двумя тысячами камешков в кармане можно долго бегать от низких людей, с двумя тысячами камешков в кармане можно проехать на Большом Сером Псе от океана до сверкающего океана.

Бобби пошел в ванную и выдал «ипану» на зубную щетку. Его ужас, рожденный убеждением, что Тед поставил не на того боксера, исчез, но печаль из-за близкой потери осталась и росла. Ему бы и в голову не пришло, что что-то, еще даже не случившееся, может причинять такую боль. «Через неделю я не смогу вспомнить, что в нем было такого. Через год я о нем позабуду».

Правда? Черт, неужели это правда?

«Нет, — подумал Бобби. — Не выйдет! Я не позволю».

В комнате Тед разговаривал с Леном Файлсом. Вроде бы по-дружески, так, как Тед ожидал... и, да, вот Тед говорит, что поставил на предчувствие, очень сильное, такое, что нельзя не сделать ставки, если себя уважаешь. Конечно, полдесятого завтра вечером будет в самый раз для расчета при условии, что мать его друга вернется к восьми. А если она подзадержится, так Лен его увидит между десятью и одиннадцатью. Это удобно? Тед опять засмеялся. Значит, толстому Файлсу это было удобней удобного.

Бобби поставил зубную щетку в стакан на полке под зеркалом, потом сунул руку в карман штанов. Там среди привычного хлама было что-то, чего его пальцы не узнали. Он вытащил кольцо для ключей с зеленым брелоком — свой особый сувенир из Бриджпорта, той его части, о которой его мать ничего не знала. Части «там, внизу». «УГЛОВАЯ ЛУЗА»: БИЛЬЯРД, ИГРОВЫЕ АВТОМАТЫ. КЕНМОР 8-2127».

Ему, конечно, давно надо было спрятать кольцо (или вообще от него избавиться), и тут ему пришла в голову мысль. В этот вечер ничто не могло развеять уныние Бобби Гарфилда, но эта мысль все-таки принесла с собой радость. Он отдаст кольцо с брелоком Кэрл Гербер, предупредив, чтобы она ни в коем слу-

чае не проговорилась его маме, откуда оно у нее. Он знал, что у Кэрол есть минимум два ключа, которые можно повесить на кольцо, — ключ от квартиры и ключик от дневника, который Рионда подарила ей на день рождения. (Кэрол была на три месяца старше Бобби, но она никогда из-за этого не задавалась.) Подарить ей кольцо для ключей — это же почти как попросить ее быть его девочкой. Нет, он не рассиропится и не поставит себя в дурацкое положение, прямо попросив. Кэрол и так поймет. Потому-то она такая клевая девчонка.

Бобби положил кольцо на полку возле стакана с зубной щеткой, потом пошел к себе в спальню надеть пижаму. Когда он вышел, Тед сидел на диване и курил. Тед посмотрел на него.

— Бобби, с тобой все в порядке?

— Угу! По-моему, у меня все должно быть в порядке, правда?

— Наверное. Наверное, у нас обоих все должно быть в порядке.

— А я когда-нибудь еще увижу вас? — спросил Бобби, мысленно умоляя, чтобы Тед не заговорил, как Одинокий Рейнджер, не начал нести всякую чушь вроде «мы еще встретимся, друг»... потому что это не чушь — чушь слишком ласковое слово. Дерьмо — вот что это. Тед, он верил, никогда ему не врал, и он не хотел, чтобы Тед начал врать, когда конец совсем близко.

— Не знаю. — Тед рассматривал тлеющий кончик своей сигареты, а когда он посмотрел на Бобби, Бобби увидел, что его глаза полны слез. — Не думаю.

Эти слезы сломали Бобби. Он бросился через комнату обнять Теда, ему необходимо было его обнять. Он остановился, когда Тед вскинул руки и скрестил их на груди своей балахонистой рубашки старика. На его лице словно бы мешались удивление и ужас.

Бобби застыл на месте, все еще протягивая руки, чтобы обнять его. Потом медленно их опустил. Не обнимать, не прикасаться. Такое правило. Но подлое правило. Неправильное правило.

— А писать вы будете?

— Буду посылать тебе открытки, — ответил Тед, подумав. — Но не прямо тебе. Это может быть опасным для нас обоих. Так что мне делать? Есть идеи?

— Посылайте их Кэрол, — ответил Бобби, ни на секунду не задумавшись.

— Когда ты ей рассказал про низких людей, Бобби? — В голове Теда не было упрека. Да и с какой бы стати? Он же уезжает, верно? Пусть бы даже типчик, который написал про вора тележек из универсамов, теперь напечатал бы в газете: «СУМАСШЕДШИЙ СТАРИК УБЕГАЕТ ОТ ИНОПЛАНЕТЯН-АГРЕССОРОВ». Люди будут читать это друг другу за утренним кофе и кашей, будут смеяться. Как Тед называл это в тот день? «Тяжеловесный юмор маленьких городков», вроде бы так? Но если это до того уж смешно, почему так больно? Почему так нестерпимо больно?

— Сегодня. — сказал он тонким голоском. — Увидел ее в парке, и все... ну, как-то само собой... проговорилось.

— Бывает. — сказал Тед очень серьезно. — Я хорошо это знаю. Иногда плотину прорывает. И, может, это к лучшему. Ты предупредишь ее, что, возможно, мне понадобится связаться с тобой через нее?

— Угу.

Тед задумчиво постучал пальцами по губам. Потом кивнул.

— Сверху я напишу «Дорогая К.», а не Кэрол, и подпишусь «Друг». Так вы с ней поймете, что открытка от меня. Идет?

— Угу! — сказал Бобби. — Клево. — Не было это клево, ничего клевого тут вообще не было, но пусть уж так.

Внезапно он поднял руку, поцеловал пальцы и подул на них. Тед на диване улыбнулся, поймал поцелуй и прижал его к складкам щеки.

— А теперь ложись-ка, Бобби! День выдался долгий, и сейчас очень поздно.

Бобби отправился спать.

Сперва он было подумал, что это тот же сон, как в тот раз: Бидермен, Кушман и Дин гоняются за его мамой по джунглям острова Голдинга. Затем Бобби понял, что деревья и лианы нарисованы на обоях, а под бегущими ногами его матери — коричневый ковер. Не джунгли, а коридор отеля. Так его сознанию рисовался отель «Уоррик».

Мистер Бидермен и два других нимрода гнались и гнались за ней. А еще ребята из Сент-Габа — Уилли, и Ричи, и Гарри Дулин. И у всех на лицах полоски белой и красной краски. И на всех ярко-желтые камзолы с ярко-красным глазом на них.

...Если не считать камзолов, они были голые. Их мужское тряслось и подпрыгивало в гнездах мохнатых волос в паху. Все, кроме Гарри Дулина, размахивали пиками, а он — своей бейсбольной битой. Она с обоих концов была заострена.

— Убей суку! — взывал Кушман.

— Пей ее кровь! — заорал Дон Бидермен и метнул пикку вслед Лиз Гарфилд в ту секунду, когда она скрылась за углом. Пика, вибрируя, вонзилась в джунгли на стене.

— Воткни в ее грязную дырку! — закричал Уилли — Уилли, который без своих дружков умел быть нормальным. Красный глаз на его груди словно вспучился. Как и его член пониже.

«Беги, мам!» — пытался закричать Бобби, но не мог произнести ни слова. У него не было рта, не было тела. Он был там — и не был. Он следовал за матерью, будто ее тень. Слышал ее судорожные вздохи. видел ее трясущиеся от ужаса губы, ее разорванные чулки. Нарядное платье тоже висело на ней лохмотьями. Одна грудь была вся в кровоточащих царапинах. Один глаз совсем заплыл. У нее был такой вид, будто она выстояла несколько раундов против Эдди Альбини или «Урагана» Хейвуда... А может, и обоих сразу.

— Распорю тебя сверху донизу! — вопил Ричи.

— Съем живьем! — поддержал Кэртис Дин (во всю глотку). — Выпью кровь, выпущу кишки.

Его мама оглянулась на них, и ее ступни (туфли она где-то потеряла) начали наступать друг на друга. «Не надо, мам! — мысленно простонал Бобби. — Господи, не надо!»

Будто услышав его, Лиз повернулась и попыталась бежать еще быстрее. Она миновала объявление на стене:

**ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ НАМ НАЙТИ НАШУ
ЛЮБИМУЮ СВИНКУ!
ЛИЗ наш ТАЛИСМАН!
ЛИЗ — 34 ГОДА!
ОНА СВИНЬЯ СО СКВЕРНЫМ ПРАВОМ,**

но МЫ ЕЕ ЛЮБИМ!
сделает все, что захотите,
если вы скажете «ОБЕЩАЮ»
(или)
«ЭТО ПАХНЕТ ХОРОШИМИ ДЕНЬГАМИ»
ПОЗВОНИТЕ ХОУСИТОНИК 5-8337.
(или)
ДОСТАВЬТЕ В «ГРИЛЬ УИЛЬЯМА ПЕННА»!
Спросить НИЗКИХ ЛЮДЕЙ В ЖЕЛТЫХ ПЛАЩАХ!
Девиз: «МЫ ЕДИМ ИХ С КРОВЬЮ!»

Его мама тоже прочла объявление, и на этот раз, когда ее щиколотки ударились друг о друга, она упала.

«Мам! Вставай!» — закричал Бобби, но она не встала, может быть, не сумела. И поползла по коричневому ковру, оглядываясь через плечо. Волосы падали ей на щеки и лоб слипшимися колтунами. Сзади из ее платья был вырван длинный клоч, и Бобби увидел ее голую попку... трико она где-то потеряла. Хуже того: ее ноги сзади были облиты кровью. Что они с ней сделали? Господи, Господи, что они сделали с его матерью?

Дон Бидермен выскочил из-за угла впереди нее — нашел более короткий коридор и перехватил ее. Другие выбежали следом за ним. Теперь у мистера Бидермена торчало прямо вверх, как у Бобби иногда по утрам, перед тем, как он вылезал из-под одеяла и шел в ванную. Только у мистера Бидермена он был огромный и выглядел вроде кракена, триффиды, чудища, и Бобби подумал, что знает, почему ноги его матери в крови. Он не хотел это знать, но думал, что, наверное, знает.

«Не трогай ее! — попытался он закричать мистеру Бидермену. — Не трогай ее, или вам мало?»

Красный глаз на желтом камзоле мистера Бидермена внезапно раскрылся шире... и сполз вбок. Бобби был невидим, его тело находилось на мир дальше по спирали на волчке, чем этот... но красный глаз его увидел. Красный глаз видел ВСЕ.

— Свинью — бей, пей ее кровь, — сказал мистер Бидермен хриплым, совсем неузнаваемым голосом и зашагал вперед.

— Свинью — бей, пей ее кровь, — подхватили Билл Кушман и Кэртис Дин.

— Убей свинью, выпусти ей кишки, ешь ее мясо, — распевали Уилли и Ричи, шагая в ногу позади нимродов. Как и у мужчин, их причиндалы превратились в пики.

— Ешь ее, пей ее, выпотроши ее, оттрахай ее, — присоединился Гарри.

«Встань, мам! Беги! Не давайся им!»

Она попыталась. Но она еще тщила подняться с колен на ноги, когда Бидермен прыгнул на нее. Остальные — следом. Сомкнулись над ней, и когда их руки принялись срывать лохмотья с ее тела, Бобби подумал: «Я хочу выбраться отсюда, я хочу сойти с волчка в мой собственный мир! Пусть остановится и завертится в другую сторону, чтобы я мог слезть в мою комнату в моем собственном мире»...

Да только это был не волчок, как понял Бобби, когда образы сна начали дробиться и темнеть. Да, не волчок, а башня — веретено, на котором двигалось и сплеталось все сущее. Потом оно исчезло, и на короткое время наступило спасительное ничто. Когда он открыл глаза, его комнату наполнял солнечный свет — летний солнечный свет утра вторника последнего июня президентства Эйзенхауэра.

IX. Омерзительный четверг

Одно про Теда Бротигсна можно было сказать твердо: он умел готовить. Завтрак, который он поставил перед Бобби — омлетик, жареный хлеб, хрустящая грудинка, — был куда вкуснее всего, что его мать готовила на завтрак (ее специальностью были огромные оладьи без всякого вкуса — пара их, тонущая в «Сиропе тетушки Джемимы»), и не хуже всего, что можно было взять в закусочной «Колония» или в «Харвиче». Беда была лишь в том, что Бобби совсем не хотелось есть. Он не помнил подробностей своего сна, но знал, что это был кошмар и что он наверняка плакал — когда он проснулся, подушка у него была мокрой. Но не только сон был причиной, почему он в это утро чувствовал себя опустошенным и подавленным. Сны, как-никак, это не настоящее. А вот Тед уедет по-настоящему. И навсегда.

— Вы уедете прямо из «Угловой Лузы?» — спросил Бобби, когда Тед сел напротив него со своей тарелкой яичницы с беконом. — Ведь так?

— Да. Так будет безопаснее. — Он начал есть, но медленно и словно бы безо всякого удовольствия. Значит, и у него на душе скверно. Бобби был рад. — Твоей матери я скажу, что мой брат в Иллинойсе заболел. Ничего больше ей знать не надо.

— Вы поедете на Большом Сером Псе?

Тед чуть улыбнулся.

— Пожалуй, на поезде. Я ведь ужасно богатый, не забывай.

— На каком поезде?

— Тебе лучше не знать подробностей, Бобби. Чего не знаешь, того не скажешь. И заставить тебя сказать тоже не смогут.

Бобби обдумал это, потом спросил:

— Про открытки не забудете?

Тед подцепил кусочек грудинки, потом положил его на тарелку.

— Открытки, много-много открыток, обещаю. А теперь перестанем про это говорить, хорошо?

— Так о чем нам говорить?

Тед задумался, потом улыбнулся. Улыбка у него была ласковой и искренней. Когда он улыбался, Бобби догадывался, как он выглядел в двадцать лет, в расцвете сил.

— О книгах, конечно, — сказал Тед, — будем говорить о книгах.

День обещал быть изнурительно жарким — это стало ясно уже в девять часов. Бобби помог с посудой — вытирал и убирал на место, а потом они сели в гостиной, где вентилятор Теда, как мог, гонял уже истомленный воздух, и они говорили о книгах... вернее, о книгах говорил Тед. И теперь, когда встреча Альбини с Хейвудом осталась позади, Бобби слушал его с жадностью. Он понимал не все, что говорил Тед, но, во всяком случае, понял, что книги создают свой собственный мир, и Харвичская публичная библиотека вовсе не этот мир, а всего лишь вход в него.

Тед говорил про Уильяма Голдинга и про то, что он назвал «деутопической фантастикой», перешел к «Машине времени» Герберта Уэллса, указал на возможную связь морлоков и эллов

с Джеком и Ральфом на острове Голдинга. Он говорил о том, что назвал «единственным оправданием литературы», — исследовании проблем невинности и знания, добра и зла. Под конец этой импровизированной лекции он упомянул роман под названием «Изгоняющий бесов», в котором рассматривались обе эти проблемы («в популярном аспекте»), и внезапно умолк. Потом потряхнул головой, словно проясняя мысли.

— Что не так? — Бобби отхлебнул шипучки. Рутбир ему по-прежнему не очень нравился, но ничего другого в холодильнике не было. И шипучка была все-таки холодной.

— О чем я думаю? — Тед провел рукой по лбу, будто у него вдруг разболелась голова. — Он же еще не написан.

— Это как же?

— Никак. Я заговорился. Почему бы тебе не пойти погулять, поразмяться? А я, пожалуй, прилягу. Ночью мне не очень спалось.

— Ладно. — Бобби решил, что свежий воздух — пусть даже жаркий свежий воздух — может пойти ему на пользу. И хотя слушать Теда было очень интересно, у него мало-помалу возникло ощущение, будто стены комнаты сдвигаются все теснее и теснее. Все потому, что он знает, что Тед уезжает, решил Бобби. Вот и грустный стишок: знает, что он уезжает.

На секунду, когда он пошел к себе в комнату за бейсбольной перчаткой, ему вспомнилось кольцо для ключей из «Угловой Лузы» — он собирался подарить его Кэрл, чтобы она знала, что она — его девочка. Потом он вспомнил Гарри Дулина, Ричи О'Мира и Уилли Ширмена. Они же где-то там. Если изловят его совсем одного, наверняка исколошматят. В первый раз за два-три дня Бобби пожалел, что рядом нет Салла. Салл был еще совсем зеленый, как и он, но крутой. Дулин с друзьями могут его вздуть, но Салл-Джон заставит их заплатить за эту честь. Эс-Джей, однако, был в своем лагере, а от если бы да кабы толку нет.

Бобби даже не подумал остаться дома — не может же он все лето прятаться от таких, как Уилли Ширмен! Нет, он хвоста не подожмет, однако, спускаясь с крыльца, он напомнил себе, что должен соблюдать осторожность и следить, не появятся ли они. Только бы увидеть их вовремя, и никаких проблем!

Занятый мыслями о сентгабцах, Бобби вышел из № 149, забыв о кольце с брелоком, своем особом сувенире, который остался там, на полке в ванной рядом с зубной щеткой в стакане — там, где он оставил его накануне.

Он словно бы исходил вдоль и поперек весь Харвич — по Броуд-стрит в Коммонвелф-парк (на поле В — ни единого сентгабца. Там тренировалась команда Американского легиона, отгоняя мух под жарким солнцем), из парка на городскую площадь, с городской площади на вокзал. Когда он стоял там в маленьком газетном киоске под пешеходным мостом через пути и разглядывал романы в бумажных обложках (мистер Бертон, киоскер, позволял стоять и смотреть, если не трогать «товар», как он выражался), вдруг загремел городской гудок, и оба вздрогнули.

— Матерь Божья, что это? — сердито спросил мистер Бертон. Он опрокинул на пол коробку со жвачкой и теперь нагнулся подбирать. — Сейчас же всего четверть двенадцатого!

— И правда рано, — согласился Бобби, а потом вышел из киоска. Ему расхотелось разглядывать книги. Он направился к Ривер-авеню и по дороге заглянул в пекарню «Тип-Топ» купить половинку вчерашнего батона (два цента) и спросить Джорджи Салливана, как там Эс-Джей.

— Отлично, — сказал старший брат Эс-Джея. — Мы получили от него открытку во вторник про то, что он стосковался по всем нам и хочет домой. Вторую мы получили в среду о том, что он учится нырять. А сегодня утром пришла открытка о том, что он еще никогда так замечательно не проводил время. И хочет остаться там навсегда. — Он засмеялся — здоровый ирландский парень двадцати лет с могучими ирландскими плечами и руками. — Он-то, может, и остался бы, только мать без него совсем извелась бы. Уток кормить нацелился?

— Ага. Как всегда.

— Не давай им шипать себя за пальцы. Эти чертовы речные утки полны всякой заразы. Они...

На городской площади часы муниципалитета начали отбивать двенадцать, хотя еще и половины двенадцатого не было.

— Да что сегодня такое? — спросил Джорджи. — То гулок прогудел раньше времени, а теперь чертовы городские часы убежали вперед.

— Может, от жары, — предположил Бобби.

— Ну-у-у... — Он с сомнением посмотрел на Бобби. — Объяснение не хуже других.

«Угу, — подумал Бобби, выходя на улицу. — И куда безопаснее некоторых других».

Бобби пошел к Ривер-авеню, покусывая на ходу хлеб. К тому времени, когда он нашел свободную скамейку на берегу реки Хусатоник, значительная часть половинки батона уже успела исчезнуть у него в животе. Из камышей вперевадку появились утки, и Бобби принялся крошить для них остатки батона, по обыкновению посмеиваясь над тем, как жадно они кидались за брошенными кусками, и над тем, как они запрокидывали головы, чтобы проглотить схваченный кусок.

Через некоторое время у него начали слипаться глаза. Он посмотрел на реку, на узоры отраженного света, скользящие по ее поверхности, и ему захотелось спать еще больше. Ночью он спал, но его сон не принес с собой отдыха. Теперь он задремал, зажимая в кулаке хлебные крошки. Утки покончили с тем, что было рассыпано в траве и придвинулись ближе к нему, тихо задумчиво побрякивая. В двенадцать двадцать куранты на городской площади пробили два часа. Прохожие покачивали головами и спрашивали друг у друга, куда идет мир. Бобби все глубже уходил в дремоту, и когда на него упала тень, он не увидел ее и не почувствовал.

— Э-эй, малыш!

Голос был негромкий и напряженный. Бобби выпрямился, судорожно вздохнув. Кулаки у него разжались и рассыпали оставшиеся крошки. Снова у него в животе за клубились змеи. Это не был Уилли Шермен, или Ричи О'Мира, или Гарри Дулин — он знал это даже во сне. Но он почти пожалел, что это не кто-то из них. Или даже пусть все трое. Кулачная расправа это еще не худшее, что может случиться. Да, не худшее. Черт, и как это он умудрился заснуть?

— Малыш.

Утки наступали Бобби на ноги, дрались из-за неожиданно обильного угощения. Их крылья задевали его лодыжки и икры, но ощущение это было далеким-далеким. Он видел на траве перед собой тень мужской головы. Мужчина стоял позади него.

— Малыш!

Медленно со скрипом Бобби обернулся. На мужчине будет желтый плащ, а на нем будет глаз — сверлящий красный глаз.

Но на стоявшем позади мужчине был бежевый летний костюм, пиджак топорщился над брюшком, которое начинало наливаться в брюхо, и Бобби сразу понял, что это не один из них. Глаза не зазудели сзади, поле зрения не исчертили черные нити... но самое главное было, что это не тварь, прикидывающаяся человеком, а настоящий человек.

— Что? — спросил Бобби вялым голосом. Он все еще не мог поверить, что он вот так задремал, вот так провалился в сон. — Чего вам нужно?

— Я дам тебе два бакса, если ты позволишь мне пососать, — сказал мужчина в бежевом костюме. Он сунул руку в карман и вытащил бумажник. — Встанем вон за тем деревом, и нас никто не увидит. И тебе понравится.

— Нет, — сказал Бобби и встал. Он не совсем понял, о чем говорил человек в бежевом костюме, однако и того, что он понял, было достаточно. Утки прыснули во все стороны, но крошки были слишком большим соблазном, и они вернулись, поклевывая и вертясь возле кроссовок Бобби. — Мне пора домой. Мама...

Мужчина шагнул ближе, все еще держа перед собой бумажник. Словно он решил отдать его Бобби целиком, а не какие-то там паршивые два доллара.

— Тебе не надо будет меня. Только я тебя. Что скажешь? Ладно — три доллара.

— Да нет, правда. Я...

— Тебе понравится. Всем мальчикам нравится. — Он потянулся к Бобби, и внезапно Бобби вспомнил, как Тед взял его за плечи, как Тед положил ладони ему на лопатки, как Тед притянул его к себе так близко, что они почти могли поцеловаться. Теперь было совсем не так... И все-таки так. Почему-то так.

Без всякой мысли Бобби нагнулся и схватил утку. Он поднял ее — возмущенно кричащий вихрь клюва и крыльев, пе-

репончатых лап — еле успел заметить черную бусину одного глаза — и швырнул ее в мужчину в бежевом костюме. Мужчина завопил и вскинул ладони, чтобы заслонить лицо, выронив бумажник.

Бобби убежал.

Он шел через площадь, направляясь домой, когда увидел на столбе перед маленькой кондитерской объявление. Подошел к нему и прочел в безмолвном ужасе. Он не помнил своего сна, но в нем было что-то вроде такого. В этом он был уверен.

ВЫ НЕ ВИДЕЛИ БРОТИГЕНА!

Он просто СТАРЫЙ ДВОРНЯГА, но МЫ ЛЮБИМ ЕГО!

У БРОТИГЕНА БЕЛЫЙ МЕХ И ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА!

ОЧЕНЬ ЛАСКОВЫЙ

БУДЕТ ЕСТЬ ОБРЕЗКИ ИЗ ВАШИХ РУК!

МЫ уплатим ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ НАГРАДУ

(\$\$\$\$)

ЕСЛИ ВЫ ВИДЕЛИ БРОТИГЕНА!

ПОЗВОНИТЕ ХОУСИТОНИК 5-8337!

(ИЛИ)

ДОСТАВЬТЕ БРОТИГЕНА в № 745 Хайгет-авеню!

Дом СЕМЬИ САГАМОР!

«Нехороший день, — подумал Бобби, глядя, как его рука тянется к объявлению, срывая его со столба. Чуть дальше со шпильки навеса кинотеатра «Харвич» свисал голубой хвост воздушного змея. — Очень нехороший день. Не надо было мне уходить из дома. И вообще, надо было остаться в кровати».

ХОУСИТОНИК 5-8337 — точно, как в объявлении о Филе, вельш-корги... вот только, если в Харвиче была телефонная станция ХОУСИТОНИК, то Бобби никогда про нее не слышал. Некоторые номера были станции Харвич. Другие — станции Коммонвелф. Но ХОУСИТОНИК? Нет. Ни здесь, ни в Бриджпорте.

Он смял объявление и выбросил его на углу в урну «СОХРАНИМ НАШ ГОРОД ЧИСТЫМ И ЗЕЛЕНЫМ». Однако на другой стороне он нашел точно такое же. А еще дальше — третье на угловом почтовом ящике. Он сорвал и их. Низкие люди либо

были совсем близко, либо пришли в отчаяние. Или же и то, и другое вместе. Теду вообще нельзя сегодня выходить — надо поскорее сказать ему. И пусть готовится бежать. Придется сказать ему и это.

Бобби направился напрямик через парк — он и сам почти бежал, торопясь поскорее добраться домой, и почти не услышал слабого срывающегося зова, который донесся откуда-то слева от него:

— Бобби...

Он свернул с дорожки и нырнул под деревья. То, что он там увидел, заставило его уронить на землю бейсбольную перчатку. Она была модели Алвина Дарка, эта перчатка, и потом он ее не нашел. Кто-то, решил он, проходил мимо и увел ее, ну и что? В дальнейшем ходе дня эта паршивая перчатка меньше всего его заботила.

Кэрл сидела под тем же вязом, под которым утешала его. Она подтянула колени к груди. Лицо у нее было пепельно-серым. Черные круги шока опоясали ее глаза, придав ей сходство с енотом. Из одной ноздри сочилась ниточка крови. Левая рука лежала поперек живота, туго натягивая ее блузку на две маленькие выпуклости, которые через год-другой превратятся в груди. Локоть этой руки она поддерживала правой ладонью.

На ней были шортики и широкая блузка с длинными рукавами — такая, какие надевают через голову. Позднее Бобби возложит большую часть вины за то, что произошло, на эту ее дурацкую блузку. Наверное, она надсла ее, опасаясь солнечных ожогов — зачем еще нужны длинные рукава в такой убийственно жаркий день? Сама она ее выбрала или миссис Гербер ее заставила? Но такли уж это важно? «Да, — подумает Бобби, когда найдется время подумать. — Да, важно! Черт дери, очень важно!»

Но пока блузка и ее длинные рукава значения не имели. В этот первый миг он видел только плечо Кэрл: казалось, что их не одно, а два.

— Бобби, — сказала она, глядя на него блестящими мутными глазами. — Они меня покалечили.

Естественно, она была в шоке. Да и он сам уже был в шоке и действовал инстинктивно. Попытался поднять ее на ноги, и она закричала от боли — Господи, какой это был крик!

— Я сбегая за помощью, — сказал он, опуская ее на землю. — А ты жди тут и не шевелись.

Она мотнула головой — осторожно. Чтобы не потревожить руку. Ее голубые глаза казались совсем черными от боли и ужаса.

— Нет, Бобби, нет, не бросай меня тут! Что, если они вернуться? Что, если они вернуться и покалечат меня еще больше? — Часть того, что произошло в этот жаркий четверг, он забыл, забыл, как от удара взрывной волны, но эти минуты навсегда остались четкими: Кэрол смотрит на него и говорит: «Что, если они вернуться и покалечат меня еще больше?»

— Но... Кэрол...

— Я смогу идти. Если ты мне поможешь, я смогу идти.

Бобби осторожно обнял ее за пояс, надеясь, что она не закричит. Это так было страшно!

Кэрол медленно поднялась на ноги, опираясь спиной о ствол дерева. Пока она вставала, левая ее рука чуть шевельнулась. Нелепое двойное плечо вздулось и дернулось. Она застонала, но, слава Богу, не закричала.

— Может, не надо? — сказал Бобби.

— Нет. Я хочу выбраться отсюда. Помогите мне. Господи, как больно!

Когда она совсем выпрямилась, ей как будто стало чуть легче. Они вышли из деревьев с медленной торжественностью, будто пара, идущая к алтарю. За тенью деревьев день еще больше обдавал жаром и был слепяще ярок. Бобби огляделся, но никого не увидел. Где-то в глубине парка десяток малышей (наверное, Воробушки или Малиновки из Стерлинг-Хауса) хором пели песню, но вокруг бейсбольных полей не было ни души — ни ребятишки, ни мамаш, катящих коляски с младенцами, и никаких признаков Реймера, здешнего участкового, который в хорошем настроении мог угостить мороженым или арахисом в пакетике. Все от жары попрятались по домам.

По-прежнему медленно — рука Бобби обнимает Кэрол за пояс — они прошли по дорожке, которая выводила на угол Коммонвелф и Броуд. Холм, по которому взбиралась Броуд-стрит, был таким же безлюдным, как парк; нагретый воздух колыхался над мостовой, будто над мусоросжигателем. Ни единого пешехода, ни единой движущейся машины.

Они вышли на тротуар, и Бобби как раз собрался спросить, сумеет ли она перейти через улицу, но тут Кэрол сказала высоким шепотным голоском:

— Ой, Бобби, я сейчас потеряю сознание.

Он испуганно посмотрел на нее и увидел, что глаза у нее закатились, стали поблескивающе белыми. Она закачалась, как почти спиленное дерево. Бобби бессознательно нагнулся и, когда колени у нее подогнулись, обхватил ее вокруг бедер и спины. Он был справа от нее, а потому не причинил новой боли ее левой руке. К тому же даже без сознания Кэрол продолжала держать правой рукой левый локоть, помогая левой руке не двигаться.

Кэрол Гербер была с Бобби одного роста, если не чуточку выше. Казалось бы, ему не хватило бы сил пронести ее по Брод-стрит, даже шатаясь. Однако у людей в шоке силы берутся неизвестно откуда. Бобби нес ее — и ни разу не пошатнулся... Он бежал под палящим июньским солнцем. Никто не остановил его, никто не спросил, что случилось с бесчувственной девочкой, никто не предложил помочь. Он слышал машины на Эшер-авеню, но этот уголок мира обрел жуткое сходство с Мидлунчем, где все заснули одновременно.

Ему в голову не пришло отнести Кэрол к ее матери. Квартира Герберов была выше по холму, но не это было причиной. Бобби мог думать только о Тед. Тед будет знать, что делать.

Когда он начал подниматься на свое крыльцо, его сверхъестественная сила пошла на убыль. Он пошатнулся, и нелепое двойное плечо Кэрол задело перила. Она напряглась у него в руках, закричала. Ее полузакрытые глаза открылись.

— Мы уже почти тут, — заверил он ее прерывающимся шепотом, совсем не похожим на его обычный голос. — Почти тут. Прости, что я тебя стукнул. Мы почти...

Дверь открылась, и вышел Тед. На нем были серые брюки от костюма и майка. Выглядел он удивленно, сочувственно, но не испуганно.

Бобби кое-как поднялся на последнюю ступеньку, и тут его повело назад. На жуткий миг он подумал, что свалится, может, разобьет голову о цемент. Но тут Тед схватил его и удержал.

— Дай се мне, — сказал он.

— Только зайдите к ней с другого бока, — просипел Бобби. Руки у него дрожали, как струны гитары, а плечи горели огнем. — С этого нельзя.

Тед обошел их и встал рядом с Бобби. Кэрол смотрела на них снизу вверх, ее пепельные волосы перекинулись через запястье Бобби.

— Они меня покалечили, — прошептала она Теду. — Уилли... Я просила его остановить их, но он не захотел.

— Не говори пока, — сказал Тед. — Все будет хорошо.

Он взял ее у Бобби со всей осторожностью, и тем не менее они чуть-чуть пошевелили ее левую руку. Двойное плечо под белой блузкой дернулось. Кэрол застонала, а потом заплакала. Из ее правой ноздри снова поползла кровь — ярко-алая капля на фоне побелевшей кожи. На мгновение Бобби припомнился его сон. Глаз. Красный глаз.

— Придержи дверь, Бобби.

Бобби открыл дверь пошире. Тед пронес Кэрол через вестибюль в квартиру Гарфилдов. В ту же самую секунду Лиз Гарфилд начала спускаться по железной лестнице на Главную улицу к стоянке такси. Она двигалась с медлительной осторожностью хронически больной, держа в обеих руках по чемодану. Мистер Бертон, владелец газетного киоска, как раз вышел покурить. Он смотрел, как Лиз спустилась с лестницы, откинула вуалетку и осторожно провела по лицу носовым платочком. При каждом прикосновении она чуть вздрагивала. Она была сильно накрашена, но никакой макияж помочь не мог. Только привлекал внимание к тому, что с ней произошло. От вуалетки толку было больше, хотя она и прикрывала только верхнюю часть лица, и теперь Лиз снова ее опустила. Она подошла к первому из стоящих такси, и водитель вылез помочь ей с чемоданами.

Бертон подумал, кто мог так ее отделать? И от души пожелал, чтобы виновнику в эту самую минуту дюжие полицейские массировали голову дубинками. Тот, кто способен так обойтись с женщиной, ничего лучшего не заслуживает. Человек, способный так обойтись с женщиной, не должен разгуливать на свободе... Так считал Бертон.

* * *

Бобби подумал, что Тед положит Кэрол на диван, но нет. В гостиной было одно кресло с прямой спинкой, и он сел в него, держа ее на коленях — вот как Санта Клаус в универмаге Гранта сажал к себе на колени малышей, которые подбегали к нему, пока он восседал на своем троне.

— Где еще у тебя болит, не считая плеча?

— Они били меня по животу. И по боку.

— Какому боку?

— Правому.

Тед осторожно задрал ее блузку с этого бока. Бобби со свистом выпустил воздух через нижнюю губу, когда увидел синяк, пересекавший ее ребра по диагонали. Он сразу узнал очертания бейсбольной биты. И понял, чьей биты — Гарри Дулина, прыщавого балды, который видел себя Робин Гудом в той чахлой пустыне, которая сходилась за его воображение. Он, и Ричи О'Мира, и Уилли Ширмен поймали ее в парке, и Гарри бил ее битой, а Ричи и Уилли держали ее. Все трое ржали и называли ее Гербер-Беби. Может, все началось как шутка, а потом вышло из-под контроля? Ведь почти то же самое случилось в «Повелителе мух»? Все чуточку вышло из-под контроля?

Тед прикоснулся к боку Кэрол снизу. Его узловатые пальцы растопырились и медленно заскользили вверх. При этом он наклонял голову, словно не столько прикасался, сколько слушал. Может, так оно и было. Когда он добрался до синяка, Кэрол ойкнула.

— Больно? — спросил Тед.

— Немножко. Не так, как плечо. Они ведь сломали мне руку?

— Нет, не думаю, — сказал Тед.

— Я слышала, как оно хрупнуло. И они слышали. Потому и убежали.

— Ну конечно, ты слышала. Безусловно.

По ее щекам катились слезы, лицо все еще было пепельно-серым, но Кэрол как будто чуть-чуть успокоилась. Тед задрал ее блузку до подмышки и оглядел синяк. «Он не хуже меня знает, чем ее ударили», — подумал Бобби.

— Сколько их было, Кэрол?

«Трое», — подумал Бобби.

— Т-трое.

— Трое мальчишек?

Она кивнула.

— Трое мальчишек против одной маленькой девочки. Значит, они тебя боялись. Они, наверное, думали, что ты львица. Ты львица, Кэрол?

— Если бы! — сказала Кэрол и попыталась улыбнуться. — Если бы я могла рыкнуть и прогнать их! Они меня п-покалечили.

— Я знаю. Знаю. — Его ладонь скользнула вниз к синяку и закрыла сизый отпечаток биты на ее ребрах. — Вдохни.

Синяк вспучился под ладонью Теда. Сквозь его желтые от никотина пальцы Бобби видел полоски лилового пятна.

— Так больно?

Она мотнула головой.

— А дышать?

— Тоже нет.

— И когда твои ребра прижимаются к моей руке, тоже не больно?

— Нет. Только саднит. А больно... — она взглянула на свое жуткое двугорбое плечо и тут же отвела глаза.

— Я знаю. Бедненькая Кэрол. Бедняжка. Мы до этого еще дойдем. Где они тебя еще били? Ты сказала по животу?

— Да.

Тед задрал ее блузку спереди. Еще синяк. Но выглядел он побледнее и не таким жутким. Тед осторожно прикоснулся к нему кончиками пальцев — сначала над пупком, потом под ним. Она сказала, что не чувствует там такой же боли, как в плече, что живот у нее только саднит, как ребра.

— По спине они тебя не били?

— Н-нет.

— По голове? По шее?

— Н-нет. Только по боку и по животу, а потом по плечу, а оно хрупнуло, а они слышали и убежали. А я думала, что Уилли Ширмен — хороший.

Она горестно взглянула на Теда.

— Поверни головку, Кэрол... отлично... теперь в другую сторону. Поворачивать не больно?

— Нет.

— И ты уверена, что они ни разу не ударили тебя по голове?

— Нет. То есть да, уверена.

— Ты счастливица.

Бобби не мог понять, какого черта Тед назвал Кэрол счастливицей. Ее левая рука, казалось ему, была не просто сломана, а наполовину вырвана из плеча. Ему внезапно вспомнилась жареная воскресная курица и как шелкает дужка, когда ее вытаскиваешь. Что-то закрутилось у него в желудке. На секунду ему показалось, что сейчас его вывернет — и завтрак, и черствый хлеб, которым он поделился с утками.

«Нет! — сказал он себе. — Сейчас не смей! Теду и без тебя хватает проблем».

— Бобби? — Голос Теда был ясным и четким. Словно проблем у него было меньше, чем их решений. И каким же это явилось облегчением! — С тобой все в порядке?

— Угу. — И ведь он сказал правду: желудок у него усмирился.

— Отлично. Ты поступил правильно, что привел ее сюда. Ты способен еще поступать правильно?

— Угу.

— Мне нужны ножницы. Ты не найдешь их?

Бобби пошел в спальню матери, выдвинул верхний ящик комода и достал ее плетеную рабочую корзинку. Внутри лежали ножницы средних размеров. Он побежал назад и показал их Теду.

— Такие годятся?

— Отлично, — сказал Тед и добавил, обращаясь к Кэрол: — Я разрежу твою блузку, Кэрол. Мне очень жаль, но я должен сейчас же осмотреть твоё плечо, а я не хочу сделать тебе снова больно.

— Ничего, — сказала она и снова попыталась улыбнуться. Бобби даже страшно стало от ее храбрости. Да если бы у него плечо стало таким двугорбым, он наверняка блеял бы, будто овца, напорováшаяся на колючую проволоку.

— Домой ты сможешь вернуться в рубашке Бобби. Верно, Бобби?

— Само собой. Пара-другая вошек мне тьфу.

— Обхо-хочешься, — сказала Кэрол.

Тед осторожно разрезал блузку на спине, а потом спереди, а потом снял обе половинки, будто скорлупу с вареного яйца. С левым боком он был особенно осторожен, но Кэрол хрипло

вскрикнула, когда пальцы Теда задели ее плечо. Бобби подскокил, и сердце у него, совсем было успокоившееся, снова заколотилось.

— Извини, — пробормотал Тед. — Ого. Поглядите-ка!

Плечо Кэрол выглядело уродливо, но не так ужасно, как боялся Бобби — наверное, так почти всегда бывает, когда поглядишь прямо на то, чего боялся. Второе плечо было выше нормального, и кожа на нем была до того натянута, что Бобби не понял, как она вообще не лопнула. И цвет у него был какой-то странно сиреневый.

— Очень плохо? — спросила Кэрол. Она глядела в другую сторону — на стену. Ее лицо выглядело изнуренным, изголодавшимся, как у детей-беженцев. Бобби подумал, что после первого беглого взгляда она ни разу не посмотрела на это плечо. — Я буду в гипсе все лето?

— Не думаю, что тебе вообще понадобится гипс.

Кэрол поглядела на Теда с недоумением.

— Оно не сломано, деточка, а только вывихнуто. Кто-то ударил тебя по плечу...

— Гарри Дулин...

— ...так сильно, что выбил головку верхней кости твоей левой руки из ее ямки. Я думаю, что сумею вернуть ее на место. А ты выдержишь минуту-другую очень сильной боли, зная, что потом все, наверное, будет хорошо?

— Да, — сказала она, не задумываясь. — Вправьте его, мистер Бротиген. Пожалуйста.

Бобби поглядел на него с сомнением.

— А вы правда вместе?

— Да. Дай-ка мне твой пояс.

— Что-о?

— Твой пояс. Дай его мне.

Бобби вытащил пояс — совсем еще новый, подаренный ему на Рождество — из петель и протянул Теду, который взял его, не отводя глаз от Кэрол.

— Как твоя фамилия, деточка?

— Гербер. Они называли меня Гербер-Беби. Но я же не беби.

— Ну конечно. И вот сейчас ты это докажешь. — Он встал, усадил ее в кресло, а потом опустился рядом на колени, словно

типчик в старом фильме, предлагающий свою руку и сердце. Он дважды сложил пояс Бобби пополам и начал совать Кэрол в здоровую руку, пока она наконец не отпустила локоть, а тогда сомкнул ее пальцы на изгибах. — Отлично. А теперь сунь его в рот.

— Сунуть пояс Бобби в рот?

Тед ни на секунду не отводил от нее взгляда, а теперь начал поглаживать ей целую руку от локтя до запястья. Его пальцы скользили вниз от локтя... замирали... и возвращались вверх к локтю... потом снова двигались к запястью. «Будто он ее гипнотизирует», — подумал Бобби. И — да, Тед ее гипнотизировал. Зрачки у него опять жутко расширялись и сжимались... расширялись и сжимались. В одном ритме с движениями его пальцев. Кэрол, приоткрыв губы, уставилась на его лицо.

— Тед... ваши глаза...

— Да-да, — сказал он нетерпеливо, словно не интересуясь тем, что проделывают его глаза. — Боль поднимается вверх, Кэрол, тебе это известно?

— Нет...

Ее глаза устремлены на его. Его пальцы на ее руке спускаются и поднимаются... спускаются и поднимаются. А зрачки — будто медленное биение сердца. Бобби увидел, как Кэрол села в кресле поудобнее. Она все еще держала пояс, а когда Тед прекратил поглаживание, чтобы прикоснуться к тыльной стороне ее ладони, Кэрол послушно поднесла пояс к лицу.

— Да-да, — сказал он, — боль поднимается от своего источника к мозгу. Когда я вправлю твое плечо, боли будет много, но ты перехватишь значительную ее часть у себя во рту и непустишь в мозг. Закусишь ее в зубах и удержишь на поясе Бобби, так что только ее частички доберутся до твоей головы, где бывает большее всего. Ты меня понимаешь, Кэрол?

— Да... — Ее голос стал каким-то далеким. Она выглядела совсем маленькой в кресле с высокой прямой спинкой, одетая только в шортики и кроссовки. Зрачки Теда, заметил Бобби, перестали расширяться.

— Сунь пояс себе в рот.

Она вложила пояс между губами.

— Кусай его, когда будет больно.

— Когда больно.

— Перехватывай боль.

— Буду перехватывать.

Тед в последний раз провел массивным указательным пальцем от ее локтя до запястья, потом посмотрел на Бобби.

— Пожелай мне удачи.

— Удачи! — горячо сказал Бобби.

Откуда-то издали, дремотно, Кэрол Гербер сказала:

— Бобби швырнул в него уткой.

— Правда? — спросил Тед. Очень-очень мягко он сомкнул пальцы левой руки на левом запястье Кэрол.

— Бобби думал, что этот человек — низкий человек.

Тед посмотрел на Бобби.

— Не в этом смысле низкий, — сказал Бобби. — Просто... Да ну, неважно.

— Тем не менее, — сказал Тед, — они очень близко. Городской гудок... куранты...

— Я их слышал, — угрюмо сказал Бобби.

— Я не буду ждать, пока твоя мать вернется вечером, — не смею. День проведу в кино, или в парке, или еще где-то. На крайний случай в Бриджпорте есть ночлежки. Кэрол, ты готова?

— Готова.

— Когда начнется боль, что ты сделаешь?

— Поймаю ее. Зажму зубами в пояс Бобби.

— Умница, девочка. Десять секунд, и ты почувствуешь себя куда лучше.

Тед глубоко вздохнул, потом протянул правую руку так, что ладонь нависла прямо над сиреневым бугром в плече Кэрол.

— Сейчас начнется боль, деточка. Будь храброй.

Не десять секунд и даже не пять. Бобби показалось, что все произошло в одно мгновение. Край правой ладони Теда нажал на шишку, выпиравшую из плеча Кэрол. Одновременно он резко дернул ее левую руку за запястье. На щеках Кэрол выступили желваки — она впилась зубами в пояс Бобби. Бобби услышал шелчок, вроде того, который иногда слышал у себя в шее, когда она затекала, а он ее поворачивал. Бугор в плече Кэрол исчез.

— Есть! — воскликнул Тед. — С виду все в порядке! Кэрол?

Она открыла рот, из него выпал пояс Бобби и лег поперек ее коленей. Бобби увидел цепочку крошечных точек, вдавленных в кожу: она почти прокусила пояс насквозь.

— Совсем не больно! — сказала она с удивлением. Провела ладонью к тому месту, где сиреневатость становилась густо-лиловой, коснулась его и вздрогнула.

— Будет побаливать неделю или около того, — предупредила ее Тед. — И по меньшей мере полмесяца не поднимай этой рукой ничего тяжелого и ничего ею не бросай. А не то головка может снова выскочить из ямки.

— Я поберегусь. — Теперь Кэрол не боялась смотреть на свое плечо и продолжала осторожно прикасаться к синяку кончиками пальцев.

— Сколько боли ты поймала? — спросил у нее Тед, и, хотя лицо Теда сохраняло серьезное выражение, Бобби почудилась в его голосе легкая улыбка.

— Почти всю, — сказала она. — Больно почти совсем не было.

Однако, не успев договорить, она привалилась к спинке кресла. Глаза у нее были открыты, но смотрели в никуда. Кэрол второй раз потеряла сознание.

Тед велел Бобби намочить полотенце и принести ему.

— В холодной воде, — добавил он. — Выжми, но не очень сильно.

Бобби вбежал в ванную, схватил личное полотенце с полки над ванной и намочил его в холодной воде. Нижняя половина окна там была из матового стекла, но если бы он поглядел через верхнее прозрачное стекло, то увидел бы, как к дому подъездало такси с его матерью. Но Бобби не поглядел, он старательно выполнял поручение. Не вспомнил он и о кольце с зеленым брелоком, хотя оно лежало на полке прямо перед его глазами.

Когда Бобби вернулся в гостиную, Тед опять сидел в кресле с высокой спинкой, держа Кэрол на коленях. Бобби заметил, какими загорелыми уже были ее руки по сравнению с остальной кожей, которая была чисто и ровно белой (кроме лиловых синяков). «У нее на руках словно надеты нейлоновые чулки», — подумал он, и ему стало немножко смешно. Глаза у нее начали

проясняться и следили за движениями Бобби, когда он пошел к ней. Но все равно Кэрол выглядела не очень чтобы — волосы спутаны, лицо все в поту, а между ноздрями и в уголке рта подсыхали ниточки крови.

Тед взял полотенце и начал вытирать ей щеки и лоб. Бобби встал на колени у ручки кресла. Кэрол чуть-чуть выпрямилась, благодарно подставляя лицо прохладной влажности. Тед стер кровь у нее под носом, потом положил полотенце на угловой столик. Он откинул слипшиеся волосы Кэрол с ее лба. Когда пара прядей снова упала ей на лоб, он занес руку, чтобы снова их откинуть.

Но прежде входная дверь громко хлопнула. По вестибюлю простучали шаги. Ладонь на мокром лбу Кэрол замерла. Глаза Бобби встретились с глазами Теда, и они обменялись одной мыслью: мощная телепатия, состоявшая из единого слова: «ОНИ».

— НЕТ, — сказала Кэрол, — НЕ они, Бобби. Это твоя ма...

Дверь в квартиру открылась, и в ней возникла Лиз. С ключами в одной руке и шляпкой (той, что с вуалеткой) в другой. Позади нее по ту сторону вестибюля дверь в жаркий мир снаружи была открыта. Бок о бок на крыльце, на коврике с «Добро пожаловать» стояли два ее чемодана, там, куда их донес таксист.

— Бобби, сколько раз я тебе повторяла, чтобы ты запирал эту чертову...

Тут она умолкла. Потом годы и годы Бобби вновь и вновь проигрывал этот момент, видел все больше и больше того, что увидела его мать, когда вернулась из своей катастрофической поездки в Провиденс: ее сын на коленях у кресла, в котором старик, который ей никогда не нравился и не внушал доверия, сидит с девочкой на коленях. У девочки ошеломленный вид. Ее волосы слиплись от пота. Блузка с нее сорвана — лоскутья валяются на полу — и, хотя ее собственные глаза сильно заплалили, Лиз, конечно заметила синяки Кэрол — один на плече, один на ребрах, один на животе.

И Кэрол, и Бобби, и Тед Бротиген увидели Лиз с той же поразительной вневременной четкостью: два подбитых глаза (собственно говоря, правый глаз был лишь злым блеском в по-

синевшей припухлости), вздувшаяся, лопнувшая в двух местах нижняя губа, все еще в присохшей крови, будто в мерзкой застывшей помаде, сдвинутый на сторону нос, крючком нависший над ртом, будто нос ведьмы из комикса.

Тишина, мгновение осознающей тишины в середине жаркого летнего дня. Где-то раздался выхлоп. Где-то закричал мальчик: «Да ну же, ребята!» А сзади, с Колония-стрит, доносился звук, который для Бобби особенно сильно ассоциировался с его детством вообще и этим четвергом в частности: Баузер миссис О'Хары лаял, все дальше вторгаясь в двадцатый век, «руф-руф-руф».

«Джек ее спал, — подумал Бобби. — Джек Меридью и его дружки нимроды».

— Ох ты! Что случилось? — спросил он ее, нарушив тишину. Он не хотел узнать, он должен был узнать. Он подбежал к ней, уже почти плача от страха — но и от горя: ее лицо, ее замученное лицо! Она была совсем не похожа на его маму. Она была похожа на старуху, которой место не на тенистой Бруд-стрит, а «там, внизу», где люди пьют вино из бутылок в бумажных пакетах и не имеют фамилий. — Что он сделал? Что этот подонок сделал с тобой?

Она не обратила на него никакого внимания, словно даже не услышала. Однако схватила его и так вцепилась в его плечи, что ее пальцы больно вонзились в его кожу. Поддержала его и отстранила, не взглянув.

— Отпусти ее, грязный старикашка, — сказала она тихим ржавым голосом. — Сейчас же отпусти!

— Миссис Гарфилд, пожалуйста, поймите, — сказал Тед, снимая Кэрл с колен, — даже и теперь он бережно не прикасался к ее поврежденному плечу. Он встал, расправив брючины, аккуратный машинальный жест, в котором был весь Тед. — Видите ли, ее избили. Бобби нашел ее...

— Извращенец! — взвизгнула Лиз. Справа от нее был столик с вазой. Она ухватила вазу и швырнула в него. Тед наклонился, но недостаточно; ваза низом задела его макушку, подпрыгнула, будто камешек, пушенный скакать по поверхности воды, ударилась об стену и разлетелась черепками.

Кэрл вскрикнула.

— Мам! Нет! — завопил Бобби. — Он ничего плохого не делал. Он ничего плохого не делал!

Лиз словно не услышала.

— Как ты смел ее лапать? Ты и моего сына лапал? Так? Так? Тебе не важно, на какой они лад, лишь бы они были детьми!!!

Тед шагнул к ней. Пустые петли его подтяжек болтались вдоль его ног. Бобби увидел розочки крови в редких волосах на его макушке, где ваза оставила свой след.

— Миссис Гарфилд, уверяю вас...

— Уверяй вот это, грязный извращенец!!! — На столике, кроме вазы, не было ничего, а потому она ухватила столик и швырнула. Столик ударил Теда в грудь, заставил его попятиться. Он бы упал на пол, если бы не кресло с высокой спинкой. Тед рухнул в него, глядя на нее широко открытыми непонимающими глазами. Губы у него тряслись.

— Он тебе помогал? — спросила Лиз. Лицо у нее стало смертельно бледным. Синяки выделялись на нем, как родимые пятна. — Ты научил моего сына помогать тебе?!!

— Мам, он ничего плохого ей не делал! — завопил Бобби и обхватил ее поперек живота. — Он ничего плохого ей не делал, он...

Она схватила его, как вазу, как столик, и позже он подумал, что в ней было столько же силы, как в нем, когда он нес Кэрл из парка вверх по склону. Она швырнула его через комнату. Бобби ударился об стену. Голова его откинулась, затылок стукнулся о настенные часы, они упали на пол и остановились навсегда. Перед глазами поплыли черные точки, заставив его коротко и невнятно подумать

(готовятся к захвату, раз на объявлениях теперь его фамилия)
о низких людях. Потом соскользнул на пол, попытался устоять на ногах, но колени подогнулись.

Лиз посмотрела на него, словно бы без особого интереса, потом перевела взгляд на Теда, который сидел в кресле с высокой спинкой, а столик лежал у него на коленях, и ножки почти втыкались ему в лицо. Теперь кровь капала и из одной щеки, а волосы из седых стали ржаво-красными. Он попытался заговорить, но из его груди вырвался сухой корежащий кашель старого курильщика.

— Грязный старикашка! Грязный, грязный старикашка! Да за два цента я бы сдернула с тебя штаны и с корнем вырвала бы твою грязную штуковину!

Она обернулась и еще раз посмотрела на своего скорчившегося сына, и выражение, которое Бобби уловил в том ее глазу, который вообще был виден, — презрение, обвинение — заставило его заплакать еще сильнее. Она не сказала: «И ты тоже!», но он прочел это у нее в глазу. Потом она опять накинулась на Теда.

— Знаешь что? Ты сейчас отправишься в тюрьму! — Она ткнула в него пальцем, и даже сквозь слезы Бобби увидел, что с него исчез ноготь, который был на месте, когда она уехала в «мерсе» мистера Бидермена, — остался только кровавый рубец. Голос у нее был придушенный, но словно бы начинал звучать громче, когда переваливал через ее распухшую нижнюю губу. — Сейчас я вызову полицию. Если ты хоть что-то соображаешь, так сиди смирно, пока я буду звонить. Просто прикуси язык и сиди смирно. — Голос ее все поднимался, поднимался... Пальцы, исцарапанные, распухшие в суставах, с изуродованными ногтями, сжались в кулаки, которыми она погрозила ему. — Если попробуешь сбежать, я тебя догоню и расплоскую самым длинным моим кухонным ножом. Вот увидишь! Прямо на улице, чтоб все видели, и начну с той штуковины, которая доставляет вам... вам, мальчикам... столько беспокойства. Так что сиди смирно, Бреттиген. Если хочешь дожить до тюрьмы, не шелохнись!

Телефон был на угловом столике у дивана. Она пошла к нему. Тед продолжал сидеть со столиком на коленях, а из его щеки текла кровь. Бобби скорчился рядом с упавшими часами, теми, которые его мать выиграла за рекламные вкладыши. В окно на восток от вентилятора Теда врывался неумолчный вопль Баузера: «Руф-руф-руф».

— Вы не знаете, что тут произошло, миссис Гарфилд. То, что произошло с вами, — ужасно, и я вам глубоко сочувствую... Но это случилось с вами, а не с Кэрл.

— Заткнись! — Она не слушала, даже не смотрела в его сторону.

Кэрл подбежала к Лиз, протянула к ней руки и вдруг замерла. Глаза на ее бледном лице стали совсем огромными, рот раскрылся.

— Они сорвали с вас платье? — Это был полушепот-полустон. Лиз перестала набирать номер и медленно обернулась к ней. — Зачем они сорвали с вас платье?

Лиз словно бы взвеси́ла, как ответить. Очень тщательно.

— Заткнись, — сказала она наконец. — Заткнись и все, ладно?

— Почему они гнались за вами? Кто бил? — голос Кэрл прерывался. — КТО бил?

— Заткнись!!! — Лиз уронила трубку и заткнула уши. Бобби смотрел на нее с возрастающим ужасом.

Кэрл обернулась к нему. По ее щекам снова катились слезы. В ее глазах было понимание — да, понимание. Того рода, решил Бобби, которое пришло к нему, когда мистер Маккуон старался его обжулить.

— Они погнались за ней, — сказала Кэрл. — Она попыталась уйти, а они погнались за ней и заставили вернуться.

Бобби уже знал. Они гнались за ней по коридору отеля. Он видел это. Не помнил где, но видел!

— Пусть они перестанут! Пусть я перестану это видеть! — закричала Кэрл. — Она отбивается, но вырваться не может! Она отбивается, но не может вырваться!

Тед сбросил столик на пол и с трудом поднялся на ноги. Его глаза горели.

— Обними ее, Кэрл! Обними изо всех сил! И тогда это кончится!

Кэрл обхватила здоровой рукой мать Бобби. Лиз, шатаясь, попятилась и чуть не упала — ее туфля зацепилась за ножку дивана. Она устояла, но трубка скатилась на пол возле кроссовки на вытянутой ноге Бобби. Из нее доносилось сердитое жужжание.

На мгновение все застыло в этом положении, будто они играли в «статуи» и водящий закричал: «Замри!» Первой сделала движение Кэрл, отдернув руку от Лиз Гарфилд и отступив. Слипшиеся пряди волос падали ей на глаза. Тед подошел к ней и хотел положить руку ей на плечо.

— Не прикасайся к ней! — сказала Лиз, но машинально, бессильно. Что бы ни вспыхнуло в ней при виде девочки на коленях у Теда Бротигена, теперь поугасло, во всяком случае, пока. Вид у нее был совсем измученный.

Тем не менее Тед опустил руку.

— Вы правы, — сказал он.

Лиз сделала глубокий вдох, задержала воздух, потом выдохнула. Она посмотрела на Бобби, отвела глаза. Кэрол рассказала маме Бобби о том, как большие ребята схватили ее в парке и как сначала все было вроде как одна из их шуток. А потом Гарри начал бить ее по-настоящему, а другие двое держали. Щелчок у нее в плече напугал их, и они убежали. Она рассказала Лиз, как Бобби нашел ее через пять минут — а может, через десять: боль была такая сильная, что она не знает, сколько минут прошло — и принес ее сюда. И как Тед вправил ей плечо, но сначала дал ей пояс Бобби ловить боль. Она нагнулась, подобрала пояс с пола и показала Лиз проколы, оставленные ее зубами. Показала с гордостью и смущением.

— Всю я не поймала. Но очень много.

Лиз бегло взглянула на пояс и обернулась к Теду.

— А зачем вы разорвали ее блузку, шеф?

— Он не разрывал! — крикнул Бобби, внезапно обозлившись на нее. — Он разрезал ее, чтобы осмотреть плечо и вправить его, и не сделать ей больно лишним раз. Так я же принес ему ножницы сам! Почему ты такая глупая, мам, почему не понимаешь...

Лиз размахнулась, не оборачиваясь, захватив Бобби враспех. Тыльная сторона ее ладони впечаталась в его лицо сбоку — указательный палец даже ткнул его в глаз, и голову ему пронзила острая боль. Его слезы разом высохли, словно в качавшем их насосе произошло короткое замыкание.

— Не смей называть меня глупой, Бобби-бой, — сказала она.

Кэрол со страхом смотрела на крючконосую ведьму, которая вернулась на такси в одежде миссис Гарфилд. Миссис Гарфилд, которая убегала и дралась, когда уже не могла больше бежать. И в конце концов они сделали с ней то, что хотели.

— Не надо бить Бобби, — сказала Кэрол. — Он не такой, как они.

— Он что — твой мальчик? — Лиз засмеялась. — Верно? Ну, ты молодчина! Но я открою тебе один секрет, детка. — Он точно такой же, как его папочка и все они остальные. Пойдем в ванную. Я тебя умою и подберу, что тебе надеть. Черт, ну и вид!

Кэрол еще секунду смотрела на нее, потом повернулась и пошла в ванную. Ее голая спина выглядела узенькой и безза-

шитной. И белой. Такой белой по контрасту с загорелыми руками!

— Кэрол! — окликнул ее Тед. — Теперь лучше?

Бобби решил, что спросил он ее не о плече. На этот раз.

— Да, — ответила она, не оборачиваясь. — Но я все еще слышу ее где-то далеко. Она кричит.

— Кто кричит? — спросила Лиз. Кэрол ей не ответила. Она вошла в ванную и закрыла за собой дверь. Лиз секунд пять смотрела на дверь, словно выжидая, не выскочит ли из нее Кэрол, а потом обернулась к Теду. — Кто кричит?

Тед только настороженно посмотрел на нее, будто ожидая нового нападения в любой момент.

Лиз начала улыбаться. Бобби знал эту улыбку, ее «я вот-вот выйду из себя» улыбку. Неужели ей еще осталось из чего выйти? Из-за подбитых глаз, сломанного носа и разбитой губы эта улыбка сделала ее лицо совсем жутким — лицо не его матери, а какой-то чокнутой.

— Вы ну прямо добрый самаритянин, а? И сколько раз вы ее пощупали, пока вправляли ей плечо? Поддержаться, конечно, особо не за что, но, спорю, вы ничего не пропустили, верно? Удобного случая не упустите, так? Давайте-давайте, признавайтесь мамочке!

Бобби смотрел на нее с возрастающим отчаянием. Кэрол же рассказала ей все — всю правду, но это ничего не изменило. Ничего! Черт!

— В этой комнате есть опасный взрослый, — сказал Тед. — Но это не я.

Она посмотрела на него, сначала не понимая, потом не веря своим ушам, потом с яростью.

— Да как ты смеешь! Как ты смеешь!

— Он же ничего не сделал! — закричал Бобби. — Ты что, не слышала, что говорила Кэрол? Ты что...

— Заткни пасть, — сказала она, не глядя на него. Глядела она только на Теда. — Полиция, по-моему, очень тобой заинтересуется. Дон позвонил в Хартфорд в пятницу, прежде чем... ну, прежде. Я его попросила. У него там друзья. Ты никогда не занимался бухгалтерией в штате Коннектикут, не служил в управлении контролера, ни где еще. В тюрьме сидел, верно?

— В определенном смысле — пожалуй, — сказал Тед. Он, казалось, немного успокоился, хотя по его щеке все еще сползала кровь. Он достал сигареты из кармана рубашки, посмотрел на них и снова положил в карман. — Но не в такой, о какой вы думаете.

«И не в этом мире», — подумал Бобби.

— За что бы? — спросила она. — За ублажение маленьких девочек по первому разряду?

— У меня есть нечто ценное, — сказал Тед, поднял руку и постучал пальцем по виску. На подушечке пальца отпечаталась кровь. — И есть другие, как я. И есть люди, чья работа — ловить нас, удерживать и использовать для... ну, использовать нас, ограничимся этим. Я и еще двое спаслись. Один был пойман, один убит. Только я остаюсь на свободе. То есть если... — он посмотрел по сторонам, — это можно назвать свободой.

— Ты чокнутый. Чокнутый старик Бреттиген. Свихнутый дальше некуда. Я звоню в полицию, и пусть они решают, отправить тебя в тюрьму, откуда ты смылся. Или в сумасшедший дом. — Она нагнулась за телефонной трубкой.

— Нет, мам! — сказал Бобби и протянул к ней руку. — Не...

— Бобби! Нет! — резко сказал Тед.

Бобби попытался, посмотрел сначала на маму, которая уже поставила телефонный аппарат как следует, потом на Теда.

— Не в этом ее состоянии, — сказал Тед. — В этом ее состоянии она может только кусаться.

Лиз Гарфилд одарила Теда сияющей, почти невыразимой улыбкой — «Ничего не выйдет, сукин ты сын» — и сняла трубку с рычага.

— Что происходит? — крикнула Кэрол из ванной. — Можно мне выйти?

— Пока еще нет, деточка, — ответил Тед. — Чуть попозже.

Лиз проверила телефон, осталась довольна и начала набирать номер.

— Мы узнаем, кто ты такой, — сказала она странным уверенным тоном. — Наверняка это будет интересно. И что ты натворил. Это может быть даже еще интереснее.

— Если вы вызовете полицию, они заодно узнают, кто вы такая и что натворили вы, — сказал Тед.

Она перестала набирать номер и посмотрела на него. Это был хитрый косой взгляд — Бобби увидел его впервые.

— О чем ты говоришь, а?

— О глупой женщине, которая могла бы сделать выбор лучше. О глупой женщине, которая достаточно нагляделась на своего начальника, чтобы быть осмотрительнее, которая достаточно часто слышала его разговоры с приятелями, чтобы быть осмотрительнее, чтобы знать, что их «семинары» практически исчерпываются пьянками и сексуальным разгулом. Да плюс немножко марихуаны. О глупой женщине, которая позволила своей алчности взять верх над здравым смыслом...

— Да что ты знаешь о том, как жить одной? — воскликнула она. — Мне надо растить сына! — Она поглядела на Бобби так, словно в первый раз за порядочный срок вспомнила про сына, которого должна была растить.

— Сколько ему следует, по-вашему, услышать?

— Ничего ты не знаешь! Откуда бы?

— Я знаю ВСЕ. Вопрос в том, сколько, по-вашему, следует услышать Бобби? А сколько вашим соседям? Если явится полиция и заберет меня, она узнает все, что знаю я, обещаю вам. — Он помолчал. Зрачки его не расширились, но глаза как будто стали больше. — Я знаю ВСЕ. Поверьте мне на слово, если не хотите убедиться на деле.

— Зачем вам надо причинить мне такой вред?

— Если у меня будет выбор, я не стану этого делать. Вам уже причинили много вреда — и вы сами, а не только другие. Позвольте мне уехать, больше я ни о чем не прошу. Я все равно собрался уехать. Так не мешайте мне. Я ведь только хотел помочь.

— О да! — сказала она и засмеялась. — Помочь! Когда она сидела на тебе практически нагишом. Помочь!

— Я бы и вам помог, если бы я...

— Еще бы! И я знаю как! — Она снова засмеялась.

Бобби открыл было рот, но увидел в глазах Теда предостережение. За дверью ванной вода теперь стекала в раковину. Лиз опустила голову, прикидывая. Потом подняла ее.

— Ну ладно, — сказала она. — Вот что я сделаю. Я помогу подруге Бобби привести себя в порядок. Дам от боли аспи-

рин. Подберу ей что-нибудь надеть, чтобы она могла дойти до дома. И задам ей несколько вопросов. Если ответы будут нормальными, ты можешь убираться. Чище в доме будет.

— Мам...

Лиз подняла руку, будто регулировщик на перекрестке, приказывая ему замолчать. Она ела глазами Теда, а он смотрел на нее.

— Я проведу ее до дома, подожду, чтобы она вошла в дверь. Что она решит рассказать матери — их дело. А от меня требуется присмотреть, чтобы она благополучно вернулась домой. После этого я пойду в парк и немножко посижу в тенечке. У меня была тяжелая ночь, вчерашняя ночь. — Она втянула воздух и испустила шелестящий горестный вздох. — Очень тяжелая. Так, значит, я пойду в парк посидеть в тенечке и подумать, что мне делать дальше. Как мне уберечь его и себя от жизни в ночлежках. Если я, миленький, когда вернусь из парка, застаю тебя тут, то вызову полицию... и лучше не проверяй мои слова на деле. Говори, что хочешь. Никто и слушать не станет, если я скажу, что вернулась домой на несколько часов раньше, чем ты ждал, и застала тебя, когда ты засовывал лапу в шортики одиннадцатилетней девочки.

Бобби уставился на мать в безмолвном потрясении. Она не увидела этого взгляда, она все еще смотрела на Теда, ни на миг не отводя от него заплывшие глаза.

— Если же я вернусь, а тут и духа твоего не будет, то мне не придется никуда звонить или что-нибудь говорить. Tout fini*.

«Я поеду с тобой, — думал Бобби на Теда. — Я не боюсь низких людей. Лучше пусть тысяча низких людей в желтых плащах ищет меня — да хоть миллион, — чем и дальше жить с ней. Я ее ненавижу!»

— Ну? — спросила Лиз.

— Договорились. Я уйду через час. А вероятно, и раньше.

— Нет! — закричал Бобби. Когда он проснулся утром, то смирился с отъездом Теда — ему было грустно, но он смирился. А теперь снова вернулась вся боль. И даже сильнее, чем раньше. — Нет!

— Помолчи, — сказала его мать, все еще не глядя на него.

* Все кончено (фр.).

— Это единственный выход, Бобби. Ты же знаешь. — Тед посмотрел на Лиз снизу вверх. — Позаботьтесь о Кэрл. Я поговорю с Бобби.

— Вы не в том положении, чтобы распоряжаться, — сказала Лиз, но пошла в ванную, и Бобби заметил, что она прихорашивает. У одной ее туфли был отломан каблук, но он решил, что хромает она не только из-за этого. Она постучала в дверь ванной и, не дожидаясь ответа, проскользнула туда.

Бобби кинулся через комнату, но когда он вскинул руки, чтобы обнять Теда, старик их перехватил, коротко пожал, потом прижал их к груди Бобби и только тогда отпустил.

— Возьмите меня с собой, — испуганно потребовал Бобби. — Я помогу вам высматривать их. Две пары глаз лучше, чем одна. Возьмите меня с собой!

— Этого нельзя, но ты можешь пойти со мной до кухни, Бобби. Ведь не только Кэрл нужно привести себя в порядок.

Тед встал с кресла и пошатнулся. Бобби протянул руку, чтобы поддержать его, однако Тед снова отвел ее, ласково, но решительно. Бобби стало больно. Меньше, чем когда мама не помогла ему встать (даже не посмотрела на него!) после того, как швырнула об стену. Но все равно очень больно.

Он прошел с Тедом на кухню, не прикасаясь к нему, но держа очень близко, чтобы поддержать его, если он упадет. Но Тед не упал. Он посмотрел на свое мутное отражение в стекле окна над мойкой, вздохнул и открыл кран. Намочил посудное полотенце и начал стирать кровь со щеки, иногда поглядывая на свое отражение — как продвигается дело.

— Твоя мать нуждается в тебе теперь, как никогда раньше, — сказал он. — Ей необходим кто-то, кому она может доверять.

— Мне она не доверяет. По-моему, я ей вообще не нравлюсь.

Губы Теда сжались, и Бобби понял, что наткнулся на правду, которую Тед видел в сознании его матери. Бобби знал, что не нравится ей, он знал это, так почему к горлу опять подступили слезы?

Тед потянулся к нему, словно бы спохватился, и опять заработал полотенцем.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Предположим, ты ей не нравишься. Но если это и правда, то не потому, что ты сделал что-то не так. А просто потому, что ты — это ты.

— Мальчишка, — сказал Бобби с горечью. — Поганный мальчишка!

— И сын своего отца, не забывай этого. Но, Бобби... нравишься ты ей или нет, она тебя любит. Я понимаю, что это смахивает на поздравительную открытку, но это правда. Она любит тебя и нуждается в тебе. Ты — то, что у нее есть. Сейчас она очень пострадала...

— Сама виновата, что пострадала! — не выдержал он. — Она ведь знала, что что-то не так! Вы же сами сказали. Знала за недели, за МЕСЯЦЫ! Но не ушла с этой работы! Знала и все равно поехала с ними в Провиденс! Все равно поехала с ними!

— Укротитель львов тоже знает, но все равно входит в клетку. Потому, что ему за это платят.

— У нее есть деньги! — выкрикнул Бобби.

— Видимо, их недостаточно.

— Ей их никогда не будет достаточно, — сказал Бобби и, едва договорив, понял, что так оно и есть.

— Она тебя любит.

— А мне все равно. Я ее не люблю.

— Нет, любишь. И будешь любить. Так надо. Это ка.

— Ка? Какое еще ка?

— Судьба. — Тед почти совсем очистил волосы от крови. Он завернул кран и еще раз поглядел на свое призрачное отражение в окне. За окном лежало лето — более юное, чем когда-либо вновь станет Тед Бротиген. Более юное, чем когда-либо вновь станет Бобби, если на то пошло. — Ка — это судьба. Ты меня любишь, Бобби?

— Вы же знаете, что да, — ответил Бобби, вновь начиная плакать. Последнее время он вроде бы только и делал, что плакал. У него даже глаза ныли. — Очень-очень.

— Тогда попытайся быть другом для своей матери. Ради меня, если не ради себя самого. Останься с ней. Помоги ей залечить эту боль. А я время от времени буду присылать тебе открытки.

Они возвращались в гостиную. Бобби стало чуть полегче, но ему хотелось, чтобы Тед обнял его за плечи. Он хотел этого больше всего на свете.

Дверь ванной открылась. Первой вышла Кэрол, глядя вниз на свои ноги с непривычной стеснительностью. Ее волосы были

смочены, зачесаны назад и стянуты резинкой в «конский хвост». На ней была старая блузка его матери, такая большая, что доставала ей почти до коленок, будто платье. Ее красных шортиков не было видно вовсе.

— Выйди на крыльцо и подожди, — сказала Лиз.

— Хорошо.

— Ты ведь без меня домой не пойдешь, правда?

— Да, — сказала Кэрол, и ее опущенное лицо приняло испуганное выражение.

— Очень хорошо. Встань рядом с моими чемоданами.

Кэрол пошла было в вестибюль, потом повернулась.

— Спасибо, Тед, что вы вылечили мне руку. Надеюсь, что у вас не будет из-за этого неприятностей. Я не хотела...

— Иди на чертово крыльцо! — рявкнула Лиз.

— ...чтобы у кого-нибудь были из-за меня неприятности, — закончила Кэрол тоненьким голоском, почти шепотом мышки из мультфильма. Потом она вышла в вестибюль. Она совсем утопала в блузке Лиз — в какой-нибудь другой день на нее было бы смешно смотреть. Лиз повернулась к Бобби, и когда он посмотрел на нее вблизи, у него упало сердце. Ее ярость снова пылала. Лицо между синяками и шеей залила багровая краска.

«Ох, черт, что еще?» — подумал он. Она подняла руку с зеленым брелоком на кольце для ключей, и он понял.

— Я... ну... — Но он не находил, что сказать, — ни уклониться, ни прямо солгать, ни даже признаться. Внезапно Бобби охватила жуткая усталость. Ему хотелось только одного: прокрасться к себе в спальню, спрятаться под одеялом и заснуть.

— Я ему подарил, — мягко сказал Тед. — Вчера.

— Ты возил моего сына в Бриджпорт? К букмекеру? В покерный притон?

«На брелок ничего про букмекера нет, — подумал Бобби. — И про покер тоже ничего... потому что это запрещено законом. Она знает, чем там занимаются, потому что мой отец бывал там. А как отец, так и сын. Есть такая поговорка: как отец, так и сын».

— Я возил его в кино, — сказал Тед. — На «Деревню проклятых» в «Критерионе». А пока он смотрел картину, я сходил в «Угловую Лузу» по одному делу.

— По какому делу?

— Я сделал ставку на исход боксерского матча.

На миг сердце Бобби упало еще ниже, и он подумал: «Что с тобой? Почему ты не соврал? Если бы ты знал, как она относится ко всякому такому...»

Но Тед же знал! Конечно, знал.

— Ставка на бокс. — Она кивнула. — Так-так. Ты оставил моего сына одного в бриджпортском кино, чтобы пойти поставить на бокс. — Она захохотала. — Что ж, наверное, я должна тебе сказать «спасибо», а? Ты принес ему такой милый сувенирчик. Если он захочет как-нибудь поставить на бокс сам или продуть свои деньги в покер, как его отец, он будет знать, куда отправиться.

— Я оставил его на два часа в кинотеатре, — сказал Тед. — Вы оставили его со мной. Он словно бы без вреда перенес и то, и другое.

У Лиз на мгновение стал такой вид, будто ей дали пощечину, и даже показалось, что она вот-вот заплачет. Потом ее лицо разгладилось, утратило всякое выражение. Она зажала кольцо с зеленым брелоком в кулаке и сунула его в карман платья. Бобби знал, что больше никогда его не увидит, но ему было все равно. Не хотел он больше видеть этот чертов брелок.

— Бобби, иди к себе в комнату, — сказала она.

— Нет.

— БОББИ, ИДИ К СЕБЕ В КОМНАТУ!

— Нет! Не пойду!

Стоя в солнечном свете на коврике с «Добро пожаловать» рядом с чемоданами Лиз Гарфилд, утопая в старой блузке Лиз Гарфилд, Кэрл заплакала.

— Иди к себе в комнату, Бобби, — негромко сказал Тед. — Я очень рад, что познакомился с тобой и узнал тебя.

— Узнал? — сказала мама Бобби сердитым, намекающим голосом, но Бобби не понял, а Тед не обратил на нее никакого внимания.

— Иди к себе в комнату, — повторил он.

— А с вами все будет хорошо? Вы знаете, о чем я.

— Да. — Тед улыбнулся, поцеловал пальцы и послал Бобби поцелуй. Бобби поймал его и крепко зажал в кулаке. — Со мной все будет прекрасно.

Бобби медленно пошел к двери своей спальни, опустив голову, упершись взглядом в носки своих кроссовок. Он уже почти дошел до нее, как вдруг подумал: «Я не могу! Я не могу вот так позволить ему уйти».

Он подбежал к Теду, обнял его и принялся целовать его лицо — лоб, щеки, губы, тонкие шелковистые веки.

— Тед, я люблю тебя.

Тед сдался и крепко его обнял. Бобби ощущал еле заметный запах его лосьона для бритья и более крепкий аромат сигарет «Честерфилд». Эти запахи еще долго будут жить в его памяти, как и прикосновение широких ладоней Теда, поглаживающих ему спину, подпирающих его затылок.

— Бобби, я тоже тебя люблю, — сказал он.

— Бога ради! — почти взвизгнула Лиз. Бобби повернулся к ней и увидел, как Дон Бидермен заталкивает ее в угол. Где-то включенный на всю мощь проигрыватель изрыгал «Прыжок в час дня» в исполнении оркестра Бенни Гудмена. Мистер Бидермен заносил ладонь, словно для удара. Мистер Бидермен спрашивал ее, не хочет ли она еще, и раз ей нравится, так она получит еще, раз ей так нравится. Бобби почти на вкус ощущал, с каким ужасом она поняла.

— Так ты же не знала. Правда? — сказал он. — То есть не все, не все о том, чего они хотели. Они думали, ты понимаешь, а ты не понимала.

— Немедленно отправляйся к себе в комнату, не то я звоню полицию и прошу, чтобы они прислали патрульную машину, — сказала его мать. — Я не шучу, Бобби-бой.

— Я знаю, что не шутишь, — сказал Бобби. Он ушел к себе в комнату и закрыл за собой дверь. Сначала он думал, что с ним все в порядке, а потом подумал, что его вытошнит или он потеряет сознание. Или и то, и другое вместе. Он пошел к кровати на подгибающихся дрожащих ногах. Он собирался просто посидеть на ней, но тут же лег наискосок, будто все мышцы вывалились из его живота и спины. Он попытался приподнять ноги, но они не шевельнулись, будто мышцы вывалились из них тоже. Ему вдруг почудилось, как Салл-Джон влезает по лестнице на вышку бассейна, разбегается и ныряет. Если бы он сейчас был с Эс-Джеем! Да где угодно, лишь бы не здесь.

* * *

Когда Бобби проснулся, в его комнате стоял сумрак, а когда он поглядел на пол, то еле различил тень дерева за окном. Он проспал — или пролежал без сознания три часа, а может, и четыре. Он был весь мокрый от пота, а ноги затекли: он так и не вскинул их на кровать.

Теперь он попытался это сделать и чуть не закричал, такая по ним прошла судорога. Он соскользнул на пол, и его будто иголками закололо по самый пах. Он сидел, подтянув колени к ушам. Спина ныла, ноги сводили судороги, в голове клубился туман. Случилось что-то ужасное — но сначала он не мог вспомнить, что именно. Он сидел, привалившись к кровати, смотрел на Клейтона Мура в маске Одинокого Рейнджера и понемножку вспоминал. Вывихнутое плечо Кэрл, его мать, избитая, почти сумасшедшая, в бешенстве трясет у него перед глазами кольцо с зеленым брелоком. А Тед...

Тед, конечно, уже ушел, и, наверное, это к лучшему, но как больно думать об этом!

Он поднялся на ноги и два раза обошел комнату. Во второй раз остановился у окна и посмотрел наружу, обеими руками растирая шею, которая совсем затекла и была мокрой от пота. Чуть дальше по улице близняшки Сигсби, Дайна и Дайена, прыгали через скакалки, но других ребят видно не было: разошлись по домам ужинать, а то и спать. Мимо проскочила машина с включенными подфарниками. Было даже позднее, чем он сначала подумал: тени ночи спускались с неба на город.

Он еще раз обошел комнату, разминая ноги, ощущая себя заключенным в камере. На двери не было замка — как и на двери спальни его мамы, но все равно он чувствовал себя в тюрьме. Он боялся выйти. Она не позвала его ужинать, и хотя ему хотелось есть — немножко, но хотелось, — он боялся выйти из комнаты. Боялся, какой найдет ее... а то и вовсе не найдет. Что, если она решила, что с нее хватит Бобби-боя, сына своего отца? Но даже будь она здесь — и совсем нормальная... а вообще-то бывает кто-нибудь или что-нибудь нормальным? У людей за лицами иногда сплошная жуть. Это он теперь знал твердо.

Он подошел к закрытой двери и остановился. На полу лежал листок бумаги. Он нагнулся и подобрал его. Было все еще достаточно светло, и он прочел без всякого труда:

Дорогой Бобби!

К тому времени, когда ты прочтешь это, меня уже здесь не будет... но я беру тебя с собой в моих мыслях. Пожалуйста, люби свою маму и помни, что она любит тебя. Днем сегодня она была напугана, избита, и ей было очень стыдно, а когда мы видим людей в таком состоянии, мы видим их в наихудшем свете. Я тебе кое-что оставил в моей комнате. И не забуду своего обещания.

Со всей моей любовью,
Тед.

Открытки, вот, что он обещал. Посылать мне открытки.

Бобби стало легче. Он сложил записку, которую Тед подсунил ему под дверь, перед тем как уйти, и вышел в гостиную.

Она была пуста, но приведена в порядок. Комната выглядела бы совсем даже хорошо, если не знать, что прежде на стене над телевизором висели часы. Теперь остались только крючки — там, где они висели: торчат и ничего не держат.

Бобби осознал, что слышит. Как храпит у себя в спальне его мать. Храпела она всегда, но это был какой-то тяжелый храп — так в кино храпят старики или пьяницы. «Это потому, что они повредили ей нос», — подумал Бобби и на секунду вспомнил

(Как дела, приятель? Как дела-делишки?)

о мистере Бидермене и о том, как два нимрода на заднем сиденье пихали друг друга локтями и ухмылялись. «Свинью — бей! Глотку — режь!» — подумал Бобби. Он не хотел этого думать, но подумал.

Он прошел на цыпочках через комнату, бесшумно, будто Джек в замке людоеда, открыл дверь в вестибюль и вышел. По лестнице весь первый марш он поднимался на цыпочках (держась возле самых перил — в одной из книжек про Мальчишек Харди он прочел, что так ступеньки скрипят меньше), а второй марш проскочил единым духом.

Дверь Теда была открыта, комната за ней выглядела почти пустой. То немногое, что он повесил на стены — картина с человеком, удыщим рыбу на закате, картина, на которой Мария Магдалина мыла ноги Иисусу, календарь, — исчезло. Пепельница на столе была пуста, но рядом с ней лежал один из бумаж-

ных пакетов Теда с ручками. Внутри были четыре книги в мягких обложках: «Скотский хутор», «Ночь охотника», «Остров со-кровищ» и «О мышах и людях». На сумке дрожащим, но легко читаемым почерком Теда было написано: «Начни со Стейнбека. «Парни вроде нас», — говорит Джордж, рассказывая Ленни историю, которую Ленни готов слушать снова и снова. Кто эти парни вроде нас? Кто они были для Стейнбека? Кто они для тебя? Задай себе этот вопрос».

Бобби забрал книжки, а сумку оставил — боялся, что его мама, если увидит сумку Теда, снова станет как сумасшедшая. Он заглянул в холодильник, но там не было ничего, кроме баночки французской горчицы и коробки соды для теста. Он закрыл холодильник и поглядел по сторонам. Будто здесь никто никогда не жил. Вот только...

Он вернулся к пепельнице, поднес ее к носу и сделал глубокий вдох. Запах «честерфилдок» был очень силен и полностью вернул Теда назад: Тед сидит за этим самым столом и разговаривает о «Повелителе мух», Тед стоит перед зеркалом в ванной, бреется этой своей жуткой бритвой и слушает через открытую дверь, как Бобби читает ему проблемные статьи, которые сам он, Бобби, не понимает.

Тед, оставивший последний заключительный вопрос на бумажной сумке: парни вроде нас. Кто эти парни вроде нас?

Бобби снова вдохнул, втягивая малюсенькие снежинки пепла, борясь с желанием чихнуть, удерживая запах в себе, запечатлевая его у себя в памяти, как только мог, крепко зажмурив глаза, а в окно доносился нескончаемый, неизываемый лай Баузера, теперь призывая мрак, точно сон: руф-руф-руф, руф-руф-руф.

Он поставил пепельницу на стол. Потребность чихнуть исчезла. «Буду курить «честерфилдки», — решил он. — Буду курить их всю жизнь».

Он спустился по лестнице, держа книжки перед собой и вновь почти прижимаясь к перилам, когда спускался со второго этажа в вестибюль. Он проскользнул в квартиру, на цыпочках прошел через гостиную (его мать все еще храпела и даже громче, чем раньше) к себе. Книжки он засунул под кровать — как мог дальше. Если мама их найдет, он скажет, что их ему дал мистер Бертон. Это было вранье, но скажи он правду, она их

отберет. Кроме того, вранье теперь не казалось чем-то таким уж скверным. Вранье могло стать необходимостью. А со временем — так и удовольствием.

Что дальше? Урчание в животе решило дело. Два бутерброда с арахисовым маслом — вот, что дальше.

Он направился к кухне мимо полуоткрытой двери в спальню его матери, даже не подумав об этом, но затем остановился. Она ворочалась на постели. Ее храп стал прерывистым, она разговаривала во сне. Тихие стонущие слова, которые Бобби не удавалось разобрать, но тут он понял, что разбирать ему их и не надо. Он все равно ее слышал. И что-то видел. Ее мысли? Ее сон? Но чем бы это ни было, оно было жутким.

Он сумел сделать еще три шага в направлении кухни и тут поймал проблеск чего-то настолько ужасного, что дыхание замерзло у него в горле, точно лед: **ВЫ НЕ ВИДЕЛИ БРОТИГЕНА! Он просто СТАРЫЙ ДВОРНЯГА, НО МЫ ЛЮБИМ ЕГО!**

— Нет, — прошептал он. — Не надо, мам, не надо!

Он не хотел входить к ней, но его ноги повернули туда сами. И он пошел с ними, будто заложник. Он наблюдал со стороны, как вытянулась вперед его рука, как растопырились пальцы и толкнули дверь, чтобы она совсем открылась.

Ее кровать была застелена. Она лежала поверх покрывала в платье, согнув одну ногу так, что колено почти касалось груди. Он видел верх ее чулка и подвязку и потому вспомнил даму на календаре в «Угловой Лузе» — ту, которая вылезала из машины, а юбка у нее задралась почти выше ног... но только у дамы, вылезавшей из «паккарда», над верхом чулок не чернели синяки.

Лицо Лиз между синяками было красным, волосы слиплись от пота, щеки перемазались в смеси слез и соплей с косметикой. Когда Бобби вошел в дверь, под его ногой скрипнула половица. Лиз закричала, и он встал как вкопанный, не сомневаясь, что ее глаза сейчас же откроются.

Но она не проснулась, а перекатилась от него к стене. Здесь, у нее в спальне, хаотический поток мыслей и образов, извергавшийся из нее, не стал яснее, а только более резким и душным, точно запах пота, исходящий от больного. И сквозь все пробивались звуки — Бенни Гудмен играл «Прыжок в час дня», а еще запах крови, стекающей вниз по ее горлу.

«Вы не видели Бротигена, — думал Бобби. — Он старый дворняга, но мы любим его. Вы не видели...»

Прежде чем лечь, она опустила шторы, и теперь в спальне было очень темно. Он сделал еще шаг и снова остановился — у столика с зеркалом, перед которым она иногда сидела, накладывая макияж. Там лежала ее сумочка. Бобби подумал о том, как Тед его обнял — чего Бобби так хотел, в чем он так нуждался. Тед поглаживал его спину, подпирал ладонями его затылок. «Мои прикосновения передают... что-то вроде окна», — сказал ему Тед, когда они возвращались на такси из Бриджпорта. И теперь, стоя возле гримерного столика своей матери и стиснув кулаки, Бобби попробовал заглянуть через это окно в ее сознание.

Он увидел обрывки того, как она возвращалась домой на поезде, одиноко скорчившись в уголке, заглядывая в десять тысяч задних дворов между Провиденсом и Харвичем, чтобы как можно меньше людей могли рассмотреть ее лицо; он увидел, как она обнаружила ярко-зеленый брелок на кольце для ключей на полке возле стакана с зубной щеткой, когда Кэрл надевала ее старую блузку; увидел, как она вела Кэрл к ней домой, задавая ей один за другим вопросы, вопросы, вопросы, будто выстреливала их, как пули из автомата. Кэрл, слишком потрясенная и измученная, чтобы притворяться, ответила на них все. Бобби увидел, как его мать шла — хромая — в Коммонвелф-парк, услышал, как она думает: «Если бы хоть какую-то пользу извлечь из этого кошмара, если бы хоть какую-то пользу, хоть что-нибудь...»

Он увидел, как она села на скамью в тени, потом встала и пошла в сторону «Любой бакалеи», чтобы купить порошки от головной боли и бутылку «Нихай» запить их, а потом вернуться домой. И вот тогда, когда она совсем уже выходила из парка, Бобби увидел, как она заметила что-то приключенное к дереву. Эти «что-то» были приключены по всему городу; она, наверное, прошла мимо двух-трех по дороге в парк, но не заметила, потому что была занята своими мыслями.

Вновь Бобби ощутил себя пассажиром в собственном теле, просто пассажиром. Он смотрел, как его рука протянулась, увидел, как два пальца (те самые, на которых через немногие годы появятся желтые пятна заядлого курильщика) задвигались, буд-

то лезвия ножниц, и ухватили то, что торчало из ее сумочки. Бобби вытащил лист, развернул его и прочел первые две строки в слабом свете, падавшем в дверь спальни.

ВЫ НЕ ВИДЕЛИ БРОТИГЕНА!

Он просто СТАРЫЙ ДВОРНЯГА, но МЫ ЛЮБИМ ЕГО!

Его глаза скользнули вниз к строчкам, которые вне всякого сомнения приковали взгляд его матери и вытеснили из ее головы все остальные мысли.

**Мы уплатим ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ НАГРАДУ
(\$\$\$\$)**

Вот та какая-то польза, которой она желала, на которую надеялась, о которой молилась. Вот она **ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ НАГРАДА**.

И она поколебалась хоть секунду? Пришла ли ей в голову мысль: «Погодите, мой сын любит этого старого пердуна!»?

Нет и нет.

Колебаться нельзя ни секунды. Потому что в жизни полно Донов Бидерменов. И жизнь несправедлива.

Бобби вышел из спальни на цыпочках, все еще сжимая в руках объявление, удаляясь от нее широкими мягкими шагами. Замер, когда у него под ногой скрипнула половица, потом зашагал дальше. У него за спиной бормотания его мамы снова перешли в басистый храп. Бобби выбрался в гостиную и закрыл за собой ее дверь, крепко держа ручку, пока дверь не закрылась совсем плотно, потому что не хотел, чтобы шелкнул язычок замка. Потом бросился к телефону, только теперь, на расстоянии от нее, осознав, что его сердце отчаянно колотится, а во рту такой вкус, будто он сосал старые монеты. Голод исчез.

Он взял трубку, быстро оглянулся, проверяя, что дверь в спальню его мамы по-прежнему закрыта, а потом набрал номер, не заглядывая в объявление. Номер был выжжен в его памяти: **ХОуситоник 5—8337**.

Когда он кончил набирать, в трубке воцарилась тишина. Неудивительно, потому что в Харвиче не было станции **ХОусито-**

ник. А если его пробрал холод (всюду, кроме яиц и подошв, которые почему-то были очень горячими), так только потому, что он боялся за Теда. Только и всего. Просто...

Когда Бобби уже хотел положить трубку, в ней шелкнуло, будто упал камешек. А потом голос сказал:

— Ну?

«Это Бидермен! — в ужасе подумал Бобби. — Черт, это Бидермен!»

— Ну? — снова сказал голос. Нет, не Бидермена. Слишком низкий для Бидермена. Но это был голос нимрода, и никаких сомнений. Температура его кожи продолжала устремляться к абсолютному нулю, и Бобби уже твердо знал, что у человека на том конце провода висит в гардеробе желтый плащ.

Внезапно его глаза стали горячими и зазудели сзади. «Это семья Сагамор?» — вот что он собирался спросить, а если бы ответивший на звонок сказал бы «да», он собирался умолять их не трогать Теда. Сказать им, что он, Бобби Гарфилд, сделает для них что-нибудь, если они просто не тронут Теда, — сделает все, что они скажут. Но теперь, когда у него появилась такая возможность, он не мог ничего выговорить. До этой секунды он все еще не вполне верил в низких людей. А теперь на том конце провода было нечто такое... нечто, не имевшее ничего общего с жизнью, какой ее знал Бобби Гарфилд.

— Бобби? — сказал голос, и в голосе прозвучало сладкое смакование, чувственное узнавание. — Бобби, — снова сказал голос уже без вопросительного знака. Поле зрения Бобби начали пересекать пятнышки, в их гостиную внезапно повалил черный снег.

— Пожалуйста... — прошептал Бобби. Он собрал всю свою силу воли и заставил себя договорить. — Пожалуйста, отпустите его.

— Не выйдет, — сообщил ему голос из пустоты. — Он принадлежит Владыке. Держись подальше, Бобби. Не вмешивайся. Тед — наш пес. Если не хочешь стать нашим псом, держись подальше.

Щелк.

Бобби прижимал трубку к уху еще несколько секунд: ему требовалось задрожать, но он был таким холодным, что не мог.

Однако зуд сзади глаз начал утихать, а черные нити, пересекавшие поле его зрения, начали сливаться с сумраком вокруг. Наконец он оторвал трубку от головы, хотел опустить и замер: на трубке, там, откуда доносился голос, появились алые пятнышки. словно голос твари на другом конце провода заставил трубку кровоточить.

Тихонько и часто всхлипывая, Бобби наконец положил трубку на рычаг и пошел к себе в комнату. «Не вмешивайся, — сказал ему человек по номеру семьи Сагамор. — Тед — наш пес. Но Тед же не пес. Он человек и друг Бобби.

«Она могла сказать им, где он будет сегодня вечером, — подумал Бобби. — По-моему, Кэрол знала. А если она знала и если сказала маме...»

Бобби схватил банку с «Велофондом». Он выгреб из нее все деньги и пошел к входной двери. Он взвесил, не оставить ли записку матери, и решил, что нет. Она же могла снова позвонить ХОуситоник 5—8337 и сказать нимроду с низким голосом, что затеял Бобби-бой. Это была одна причина, чтобы не оставлять записки. А другая заключалась в том, что он уедет с Тедом, если успеет его вовремя предупредить. Теперь Теду придется взять его с собой. А если низкие люди убьют его или похитят? Ну, ведь это почти то же самое, что убежать из дома, верно?

Бобби в последний раз оглядел квартиру, и, пока он слушал храп матери, у него вдруг зашипало в сердце и в голове. Тед был прав: вопреки всему, он продолжал ее любить. Если есть ка, так любовь к ней — часть его ка.

Тем не менее он надеялся, что никогда больше ее не увидит.

— Бывай, мам, — прошептал Бобби. Минуту спустя он уже бсжал по Броуд-стрит в сгущающийся сумрак, одной рукой зажимая комок денег в кармане, чтобы ни одна монета не выпала.

Х. Снова «там, внизу». Угловые ребята. Низкие люди в желтых плащах. Расплата

Он вызвал такси по телефону-автомату Спайсера, а в ожидании сорвал объявление о пропавшей собаке Бротигене с доски для объявлений снаружи. Заодно он убрал и перевернутую

карточку, рекламирующую «рэмблер» пятьдесят седьмого года, продаваемый владельцем. Он смял их, выбросил в мусорный бачок у дверей, даже не оглянувшись через плечо проверить, заметил ли его маневр старик Спайсер: о его злобности среди ребят западной части Харвича ходили легенды.

Близняшки Сигсби тоже были тут — положили скакалки, чтобы поиграть в «классики». Бобби подошел к ним и увидел рисунки...

...намалеванные рядом с «классиками». Он встал на колени, и Дайна Сигсби, которая как раз собиралась бросить свою битку на седьмой квадрат, опустила руку и уставилась на него. Дайна прижала перепачканные пальцы к губам и захихикала. Не обращая на них внимания, Бобби обеими ладонями затирал рисунки в меловые пятна. Закончив, он встал и отряхнул ладони. Фонарь над крохотной — на три машины — автостоянкой Спайсера вспыхнул, и у Бобби с девочками внезапно выросли тени, куда длиннее их самих.

— Чего это ты, дурачина Бобби Гарфилд? — спросила Дайна. — Они же были такие хорошенькие.

— Эти знаки приносят беду, — сказал Бобби. — А вы почему не дома?

Но он и сам знал: объяснение вспыхивало у них в мыслях, как реклама пива в витрине Спайсера.

— Мапочка и папочка скандалят, — сказала Дайна. — Она говорит, что у него есть девочка, — она засмеялась, и ее сестра тоже, но глаза у них были испуганные. Бобби вспомнилась малыши в «Повелителе мух».

— Идите-ка домой, пока совсем не стемнело, — сказал он.

— Мама велела, чтобы мы пошли гулять, — сообщила ему Дайна.

— Значит, она дура, а ваш отец дурак. Идите-идите!

Девочки переглянулись, и Бобби понял, что напугал их еще больше. Но ему было все равно. Он смотрел, как они схватили

свои прыгалки и побежали вверх по склону. Пять минут спустя «чекер», который он вызвал, въехал на маленькую стоянку. Лучи фар веером развернулись по гравию.

— Хм, — сказал таксист. — Везти ребенка в Бриджпорт вечером? Не знаю, не знаю... даже если у тебя есть деньги оплатить проезд.

— Все в порядке, — сказал Бобби, забираясь на заднее сиденье. Если таксист попытается выкинуть его, ему придется достать из багажника лом. — Меня дедушка встретит. (Но не в «Угловой Лузе», уже решил Бобби: он не собирался подъезжать туда в такси. Кто-то ведь может его высматривать). — У «Жирных клещок Во и Компании» на Наррагансетт-авеню.

«Угловая Луза» тоже была на Наррагансетт. Названия улицы он не запомнил, но без труда нашел адрес в телефонной книге после того, как вызвал такси.

Таксист уже начал выезжать со стоянки задним ходом, но теперь он остановил машину.

Хулигансетт-стрит? Черт! Мальцам там делать нечего. Даже среди бела дня.

— Меня дедушка встретит, — повторил Бобби. — Он велел дать вам полкамешка сверху. Пятьдесят центов, понимаете?

На мгновение таксист заколебался. Бобби старался придумать, как его все-таки убедить, но ему ничего не приходило в голову. Затем таксист вздохнул, опустил флажок «свободен», и такси покатило вперед. Когда они проезжали мимо его дома, Бобби повернулся посмотреть, нет ли света в их квартире. Но окна были темными. Пока еще. Он откинулся на спинку в ожидании, когда Харвич останется позади них.

Таксиста звали Рой Де Лойс, так значилось на его счетчике. За все время поездки он не сказал ни слова. Ему было грустно, потому что пришлось отвезти Пита к ветеринару, чтобы усыпить. Питу было четырнадцать лет. Для колли это глубокая старость. Он был единственным настоящим другом Роя Де Лойса. «Валяй, старик, ешь, я угошаю», — говорил Рой Де Лойс, когда кормил Пита. Он говорил это каждый вечер. Рой Де Лойс развелся с женой. Иногда он отправлялся в стриптизный клуб в Хардфорде. Бобби видел призрачные образы танцовщиц: по-

чти все они были одеты только в перья и длинные белые перчатки. Образ Пита был куда четче. Рой Де Лойс, возвращаясь от ветеринара, чувствовал себя нормально, но когда увидел в чуланчике пустую миску Пита, не выдержал и заплакал.

Они миновали «Гриль Уильяма Пенна». Яркий свет лился из всех окон, по обеим сторонам улицы на три квартала стояли машины, но Бобби не увидел ни очумелых «Де Сото», ни других машин, в которых чувствовались только чуть замаскированные живые твари. Его глаза не зудели сзади, не было и черных нитей.

«Чекер» проехал по мосту через канал, и они очутились «там, внизу». Громкая, вроде бы испанская, музыка вырывалась из многоквартирных домов в зигзагах железных молний пожарных лестниц. На углах там и сям стояли кучки молодых людей с глянцевыми, зачесанными назад волосами, на соседних пересмеивались девушки. Когда «чекер» остановился на красный свет, к нему неторопливой походкой направился мужчина с коричневой кожей. Его бедра плавно колыхались в габардиновых брюках ниже резинки пронзительно-белых трусов, и предложил протереть ветровое стекло такси грязной тряпкой, которую сжимал в руке. Рой Де Лойс мотнул головой и рванул вперед, едва зажегся зеленый свет.

— Чертовы мексикашки, — сказал он. — Запретить бы им въезд в страну. Что у нас, своих черномазых мало?

Наррагансетт-стрит ночью выглядела совсем другой — немножко пострашнее, а немножко и посказочней. Слесари... обслуживание кассовых аппаратов... два бара, выплескивающих смех и музыку проигрывателей и парней с пивными бутылками в руках... «ПИСТОЛЕТЫ РОДА»... и да, сразу же за «ПИСТОЛЕТАМИ РОДА» рядом с магазинчиком, продающим «ОСОБЫЕ СУВЕНИРЫ», — «ЖИРНЫЕ КЛЕЦКИ ВО И КОМПАНИИ». До «Угловой Лузы» меньше четырех кварталов — и всего только восемь вечера. У Бобби оставалась уйма времени.

Когда Де Лойс затормозил у тротуара, на счетчике стояло восемьдесят центов. Добавить еще пятьдесят центов, и «Велофонду» будет нанесен большой ущерб. Но Бобби это не трогало. Никогда он не станет думать только о деньгах, как она. Если ему удастся предупредить Теда прежде, чем низкие люди его сцапают, он будет рад ходить пешком всю жизнь.

— Не нравится мне высаживать тебя тут, — сказал Рой Де Лойс. — Где твой дедушка?

— Сейчас придет, — ответил Бобби старательно бодрым тоном, который ему почти удался. Просто поразительно, на что ты оказываешься способен, когда тебя припрут к стенке.

Он достал деньги. Рой Де Лойс было заколебался, подумал, не отвезти ли его назад, но «если малыш врет про деда, зачем бы он поехал сюда? — подумал Рой Де Лойс, — по девочкам ему ходить рановато».

«Со мной все в порядке, — отсигналил ему Бобби... да-да, он решил, что сумеет это — ну хотя бы немножко. — Поезжайте, не волнуйтесь, со мной все в порядке».

И Рой Де Лойс наконец взял смятый доллар и три десятицентовика.

— Это слишком много, — сказал он.

— Дедушка велит мне никогда не жлобничать, как некоторые, — сказал Бобби, вылезая. — Может, вам завести новую собаку? Щенка, понимаете?

Рой Де Лойсу было, пожалуй, все пятьдесят, но от удивления он словно бы помолодел.

— Откуда ты...

Бобби услышал, как он решил, что неважно — откуда. Рой Де Лойс отпустил сцепление и уехал, оставив Бобби перед «ЖИРНЫМИ КЛЕЦКАМИ ВО И КОМПАНИИ».

Он стоял там, пока задние фонари такси не скрылись из виду, а потом медленно пошел в направлении «Угловой Лузы», немного задержавшись, чтобы заглянуть в пыльную витрину «ОСОБЫХ СУВЕНИРОВ». Бамбуковая штора была поднята, но единственным выставленным там особым сувениром была керамическая пепельница в форме унитаза с ложбинкой для сигареты на сиденье и надписью «КЛАДИ ВЗАД» на бачке. Бобби она показалась очень даже остроумной, но в остальном витрина его разочаровала: он надеялся увидеть что-нибудь сексуальное. Тем более что солнце уже зашло.

Он пошел дальше мимо «БРИДЖПОРТСКОЙ ПЕЧАТНИ», и «ПОЧИНКИ ОБУВИ ПРИ ВАС», и «ТЕХ ЕЩЕ КАРТОЧЕК НА ВСЕ СЛУЧАИ». Впереди еще бар, еще угол с молодыми людьми и

песня «Кадиллаков». Бобби перешел на другую сторону улицы мелкой рысцой, опустив голову, засунув руки в карманы.

Напротив бара был закрывшийся ресторан с рваной маркой над замазанными мелом стеклами. Бобби скользнул в ее тень и потрусил дальше, совсем съезжившись, когда кто-то заорал и бутылка разбилась об асфальт. На следующем углу он снова перебежал Хулигансетт-стрит по диагонали на сторону «Угловой Лузы».

Он старался настроить свои мысли так, чтобы уловить присутствие Теда, но ничего не получилось. Бобби не удивился. На месте Теда он бы укрылся, например, в бриджпортской публичной библиотеке, где оставайся сколько захочешь, и никто внимания не обратит. Может, когда библиотека закроется, он бы где-нибудь перекусил, чтобы еще скоротать время. А потом вызвал бы такси и приехал бы за своими деньгами. Бобби не думал, что он уже где-то близко, но все равно прислушивался, так сосредоточенно прислушивался, что наткнулся на кого-то, даже не заметив его.

— Эй, sabron*, — сказал этот тип, смеясь по-нехорошему. В плечи Бобби вцепились руки и остановили его. — Куда прешь, putino**?

Бобби поднял глаза и увидел четырех парней — с уличного угла, как назвала бы их его мама, — стоящих перед дверью с вывеской «BODEGA»***. Наверное, пуэрториканцы, подумал он, и все в брюках с острой складкой. Из-под отворотов брюк торчали острые носки черных сапог. На всех голубые шелковые куртки со словом «DIABLOS»**** на спине — буква I изображала дьявольские вилы. Что-то в этих вилах показалось Бобби знакомым, но времени вспомнить не было. У него упало сердце: он наткнулся на членов какой-то шайки.

— Извините, — сказал он надтреснутым голосом. — Честное слово, я... извините...

Он вырвался и попытался прошмыгнуть мимо, но его сразу же ухватил второй парень.

* козел (*исп.*).

** Здесь: шлюхин сын (*исп.*).

*** Погребок (*исп.*).

**** Дьяволы (*исп.*).

— Куда это ты, tio? — спросил этот. — Куда ты, tio mio?

Бобби опять вырвался, но четвертый сцапал его в одну секунду. Ухватил его и второй — на этот раз покрепче. Словно его снова окружили Гарри и его дружки, но только еще хуже.

— Деньги у тебя есть, tio? — спросил третий. — Тут за проход платят, знаешь ли.

Они все захохотали и сгрудились вокруг него. Бобби ощущал запах их душистых бритвенных лосьонов, их помады для волос, своего собственного страха. Голосов их мыслей он не слышал, да и зачем? Они, наверное, изобьют его и отнимут все деньги. То есть если ему повезет... но ведь ему может и не повезти.

— Мальчишечка, — почти пропел четвертый, протянул руку, зашемил торчащие волосы Бобби и дернул так, что у Бобби на глаза навернулись слезы. — Маленький muchacho, как у тебя с деньгами? Сколько добрых старых dinero? Есть сколько нисколько, и мы дадим тебе пройти. Нету, и мы расшибем тебе яйца.

— Не лезь к нему, Хуан.

Они оглянулись — и Бобби тоже: к ним подходил пятый парень, тоже в куртке «Диаблос», тоже в брюках с острой складкой, но в кроссовках вместо сапог, и Бобби сразу его узнал. Тот парень, который играл в «Космический патруль» в «Угловой Лузе», когда Тед делал свою ставку. Понятно, почему вилы показались ему знакомыми — они же были вытатуированы у него на руке. Куртка была вывернута наизнанку и завязана на поясе («Клубные куртки тут носить запрещено», — сказал он Бобби), но на нем все равно был знак «Диаблос».

Бобби попытался заглянуть в мысли этого пятого, и увидел только смутные пятна. Его способность снова угасла, как было в тот день, когда миссис Гербер возила их в Сейвин-Рок: вскоре после того, как они отошли от стола Маккуона в конце главной аллеи, она угасла. На этот раз его стукнуло на подольше, но теперь дело явно шло к концу.

— Эй, Ди, — сказал парень, оттащавший Бобби за волосы, — мы только немножко потрясем мальчика. Пусть заплатит за проход через зону «Диаблос».

— Не его, — сказал Ди. — Я его знаю. — Он мой compadre*.

* товарищ (исп.).

— По-моему, он малолетний гомик из центра, — сказал тот, который обозвал Бобби *sabron* и *putino*. — Я немножечко научу его уважению.

— Ему твои уроки не требуются, — сказал Ди. — А хочешь, я тебя кое-чему научу, Мозо?

Мозо, хмурясь, отступил и достал сигарету из кармана. Парень рядом шелкнул зажигалкой и дал ему прикурить, а Ди отвел Бобби в сторону.

— Что ты тут делаешь, *amigo**? — спросил он, ухватив Бобби за плечо татуированной рукой. — Чтобы ходить тут в одиночку, надо быть дураком, а уж вечером и одному, так и вовсе *loco***.

— Так по-другому нельзя, — сказал Бобби. — Мне надо найти того, с кем я был вчера. Его зовут Тед. Он старый, худой и очень высокий. Ходит вроде бы горбясь, как Борис Карлофф — ну, знаешь, тот, в страшных фильмах?

— Бориса Карлоффа я знаю, а вот никакого хренового Теда не знаю, — сказал Ди. — Я его не видел. А тебе надо отсюда выбираться, и поскорее.

— Мне надо в «Угловую Лузу», — сказал Бобби.

— Я прямо оттуда, — сказал Ди. — И никого вроде Бориса Карлоффа там не видел.

— Так еще рано. Думаю, он заедет туда между девятью и половиной десятого. И я должен быть там раньше него, потому что за ним гонятся одни. В желтых плащах и белых ботинках... ездят на больших шикарных машинах... одна из них лиловый «Де Сото» и...

Ди ухватил его и прижал к двери закладчика так больно, что Бобби подумал, что он все-таки заодно со своими друзьями. Внутри лавки старик в очках, сдвинутых на лысый череп, досадливо оглянулся, потом продолжил читать газету.

— *Jefes**** в желтых плащах, — шепнул Ди. — Этих я видел. Другие ребята их тоже видели. От таких лучше держаться подальше, *chico*****. Что-то в них такое. Ненормальное. Рядом с

* друг (*исп.*).

** сумасшедший (*исп.*).

*** Здесь: начальнички (*исп.*).

**** малыш (*исп.*).

ними крутые парни, которые околачиваются возле «Салун Маллори», сойдут за ангелочков.

Что-то в выражении Ди напомнило Бобби Салл-Джона — как Эс-Джей сказал, что видел пару жутких типчиков у входа в Коммонвелф-парк. А когда Бобби спросил, что в них было жуткого, Салл сказал, что точно не знает. Зато теперь Бобби знал: Салл увидел низких людей. Они уже тогда вынюхивали совсем рядом.

— Когда вы их видели? — спросил Бобби. — Сегодня?

— Дай передохнуть, малыш, — сказал Ди. — Я же всего два часа как протер глаза и почти их все провел в ванной: приводил себя в порядок, чтобы выйти на улицу. Я видел, как они выходили из «Угловой Лузы» — двое их было — позавчера, если не вру. И там теперь что-то странное дестся. — Он задумался, потом позвал: — Эй, Хуан, волокн сюда свою задницу.

Любитель таскать за волосы подрыл к ним. Ди сказал ему что-то по-испански. Хуан ответил, Ди добавил еще что-то и кивнул на Бобби. Хуан наклонился к Бобби, прижав руки к складкам брюк на коленях.

— Ты видел этих людей?

Бобби кивнул.

— Одни в большом лиловом «Де Сото»? Одни в «крайслере»? А еще одни в «олдсмобиле» девяносто восьмого?

Бобби видел только «Де Сото», но все равно кивнул.

— Машины эти не настоящие, — сказал Хуан и покосился на Ди, не смеется ли он? Но Ди не смеялся и только кивнул, чтобы Хуан продолжал. — Они что-то другое.

— По-моему, они живые, — сказал Бобби.

Глаза у Хуана вспыхнули.

— Ну да! Вроде живые! А эти люди...

— А какие они с виду? Я их не видел, только машины.

Хуан попытался ответить, но не сумел — во всяком случае, по-английски, и перешел на испанский. Ди переводил, но как-то рассеянно — он все больше втягивался в разговор с Хуаном, а про Бобби словно забыл. Другие ребята с угла — на проверку они были всего только мальчишками — подошли к ним и добавили свои наблюдения. Бобби не понимал, что они говорят, но решил, что они боятся — все они. Они были достаточно крутыми — инна-

че «тут, внизу» и дня не протянуть, — но все равно низкие люди их напугали. Бобби уловил последний четкий образ: широко шагающая высокая фигура в плаще коричневого цвета почти до лодыжки — такие плащи он видел в фильмах, таких как «Перестрелка на ранчо О.К.» и «Великолепная семерка».

— Выходят вчетвером из парикмахерской, где в задней комнате на лошадей ставят, — сказал тот, которого, видимо, звали Филио. — Вот что они делают, эти типчики: заходят и задают вопросы. А большую свою машину оставляют у тротуара и мотора не выключают. Вроде бы только чокнутый оставит тут машину с работающим мотором, только вот кто угонит такую чертову штуку?

Никто, мог бы ответить Бобби. Попробуешь, а баранка превратится в улава и задушит тебя, а не то сиденье станет зыбучим песком, и ты в него провалишься.

— Вышли гурьбой, — продолжал Филио, — и все в таких длиннющих желтых плащах, хотя жарыша такая, что на хреновой мостовой яичницу поджарить можно. И все в симпатичных белых ботиночках с острыми носами — вы же знаете, как я всегда замечаю, что у людей на ногах. У меня прямо встает на шикарные ботинки... только, по-моему... по-моему... — Он помолчал, собрался с мыслями и сказал Ди что-то по-испански.

Бобби спросил, что он такое сказал.

— Говорит, что ихние ботинки не касались земли, — ответил Хуан. Глаза у него раскрылись во всю ширину. В них не было насмешки, не было недоверия. — Он говорит, что они пошли к этому своему большому «крайслеру», а их хреновые ботинки чуточку не доставали до земли. — Хуан раздвинул два пальца, поднес их ко рту, сплюнул между ними и перекрестился.

Тут все замолчали, а потом Ди опять наклонился к Бобби — очень серьезно.

— Это те, кто разыскивает твоего друга?

— Ага, — сказал Бобби. — Мне надо его предупредить.

Ему в голову пришла сумасшедшая мысль, что Ди предложит пойти вместе с ним в «Угловую Лузу», и остальные диаволос пойдут с ними — пойдут, шелкая в такт пальцами, как парни в «Вестсайдской истории». Теперь ведь они его друзья — члены уличной шайки, но с добрыми сердцами.

Конечно, ничего даже похожего не произошло. А просто Мозо отошел к тому месту, где Бобби налетел на него. Остальные пошли за ним. Хуан задержался, чтобы сказать:

— Наткнешься на этих кабальеро и будешь ты покойным *putino, tio mio*.

Только Ди остался, и Ди сказал:

— Он дело говорит. Вернулся бы ты к себе, *amigo*. Пусть твой друг сам о себе позаботится.

— Не могу, — сказал Бобби. И добавил с искренним любопытством: — А ты смог бы?

— Будь они обыкновенные люди, наверное, не смог бы, но это же не люди. Ты же сам слышал.

— Да, — сказал Бобби. — Но...

— Ты чокнутый, малыш. *Росо лосо*.

— Наверное. — Он и чувствовал себя чокнутым. *Росо лосо*, да еще как! Чокнутый, как мышь в сральне, сказала бы его мать.

Ди зашагал прочь. Он дошел до угла — дружки ждали его по ту сторону улицы, — потом обернулся, сделал из пальцев пистолет и прицелился в Бобби. Бобби ухмыльнулся и в ответ прицелился из своего.

— *Vaya con Dios, mi amigo loco**, — сказал Ди и зашагал через улицу, подняв воротник клубной куртки.

Бобби повернулся и зашагал в противоположную сторону, обходя омуты света от шипящих неоновых вывесок и стараясь, где можно, держаться в тени.

Напротив «Угловой Лузы» по ту сторону улицы было заведение гробовщика с надписью «ПОХОРОННЫЙ САЛОН ДЕСПЕ-НЬИ» на зеленой маркизе. В витрине висели часы с циферблатом, обведенные охлаждающим кольцом голубого неонового света. Надпись под часами гласила: «ВРЕМЯ И ПРИЛИВЫ НИКОГДА НЕ ЖДУТ». Часы показывали двадцать минут девятого. Он успел вовремя, даже загодя, а за «Лузой» он увидел проулок, где можно было обождать в относительной безопасности, но у него просто не хватало сил стоять на месте и ждать, хотя он и знал, что так было бы разумнее всего. Он же был не мудрым старым филином, а напуганным ребенком, который нуждался в помо-

* Иди с Богом, мой сумасшедший друг (*исп.*).

ши. Он сомневался, что найдет ее в «Угловой Лузе», ну, а все-таки, если?..

Бобби прошел под объявлением «ЗАХОДИТЕ, ВНУТРИ ПРОХЛАДНО». Вот уж в чем он совсем не нуждался, так в кондиционере: вечер был жаркий, но его с ног до головы сковал холод.

«Бог, если ты есть, пожалуйста, помоги мне сейчас. Помогни мне быть храбрым... и пошли мне удачу».

Бобби открыл дверь и вошел.

Запах пива был много крепче, но зато посвежее, а комната с игровыми автоматами сверкала и гремела разноцветными лампочками и многоголосием. Где прежде играл один Ди, теперь толпились человек двадцать пять — все курили, все были в полосатых рубашках и в шляпах Фрэнка Синатры «Привет всем влюбленным», и все с бутылками пива «Будвайзер», поставленными на стеклянные крышки автоматов.

Возле стола Лена Файлса было гораздо светлее, чем раньше, потому что над стойкой, как и в комнате с игровыми автоматами, горело больше лампочек (все табуреты перед ней были заняты). Сама бильярдная, такая темная в среду, теперь была освещена почище операционной. Каждый стол кто-то обходил или наклонялся над ним, ударяя по шарам в сизом тумане сигаретного дыма. Кресла вдоль стены все были заняты. Бобби увидел старого Джи, который задрал ноги на подставку для чистки обуви, и...

— Мать твою, что ты тут делаешь?

Бобби обернулся на неожиданный голос, шокированный тем, что такие слова произнесла женщина. Это была Аланна Файлс. Дверь в комнату позади стола Лена еще не успела толком закрыться за ней. На ней теперь была белая шелковая блузка, которая открывала ее плечи — красивые плечи, кремово-белые и округлые, точно груди, — а также верхнюю часть ее могучего бюста. Ниже белой блузки начинались самые огромные дамские красные брюки, какие только приходилось видеть Бобби. Накануне Аланна была доброй, улыбалась... почти смеялась над ним, но совсем не обидно. Теперь она выглядела перепуганной насмерть.

— Простите... Я знаю, мне нельзя быть тут, но мне нужно отыскать моего друга Теда, и я подумал... подумал, что... — Он услышал, как его голос сжимается, спадается, будто воздушный шарик, который надули и пустили летать по комнате.

Что-то было до ужаса не так. Будто сон, который ему иногда снился: он сидит за своей партой, занимается правописанием или математикой, или просто читает рассказ, и вдруг все начинают смеяться над ним, и он замечает, что забыл надеть штаны и теперь сидит за партой, а все его свисает у всех на виду — и у девочек, и у учительницы — ну, у всех-всех...

Звяканье звоночков в игровом зале не совсем смолкло, но стало реже. Волны разговоров и смеха, катившиеся от стойки, почти замерли. Шелканье бильярдных шаров прекратилось. Бобби озирался, ощущая змей у себя в животе.

Не все они смотрели на него, но почти все. Старик Джи уставился на него глазами, точно две дырки, прожженные в грязной бумаге. И хотя окно в сознании Бобби было теперь почти матовым — замазанным мелом, — он чувствовал, что многие тут словно бы ждали его. Он сомневался, что сами они знали про это, а если и знали, то не знали, почему. Они словно бы спали, как жители Мидуича. Низкие люди побывали здесь. Низкие люди...

— Уходи, Рэнди, — сухим шепотком сказала Аланна. В расстройстве чувств она назвала Бобби именем его отца. — Уходи, пока еще можешь.

Старый Джи соскользнул из кресла для чистки обуви. Когда он шагнул вперед, его измятый пиджак зацепился за подставку и порвался, но он даже не заметил, что шелковая подкладка спланировала к его колену, будто игрушечный парашютик. Глаза его стали еще больше похожи на прожженные дырки.

— Хватай его, — сказал Старик Джи шамкающим голосом. — Хватай мальчишку.

Бобби увидел вполне достаточно. Ждать помощи здесь было нечего. Он рванул к двери и распахнул ее. У него было ощущение, что люди за его спиной двинулись к ней, но медленно.

Бобби Гарфилд выбежал в надвигающуюся ночь.

* * *

Он пробежал почти два квартала, но тут у него закололо в боку, он замедлил шаги, а потом остановился. Никто за ним не гнался, и это было хорошо. Но если Тед войдет в «Угловую Лузу» за деньгами, ему конец, капут. Теперь ему надо опасаться не только низких людей, но еще и Старика Джи, и всех прочих там, а Тед этого не знает. Но что может сделать Бобби? Вот в чем заключался вопрос.

Он огляделся и не увидел вокруг ни единой светящейся вывески. Он находился среди складов. Они высились кругом, будто гигантские лица, с которых исчезли почти все черты. Пахло рыбой, опилками и чем-то гнилостно-сладковатым, возможным, залежавшимся мясом.

Сделать он не может НИЧЕГО. Он ведь просто мальчик, и от него тут ничего не зависит. Бобби понимал это, но еще он понимал, что не может позволить Теду войти в «Угловую Лузу», хотя бы не попытавшись его предостеречь. И ведь в такое положение его поставила мать. Его родная мать!

— Ненавижу тебя, мам! — прошептал он. Ему все еще было холодно, но он обливался потом: на его коже не нашлось бы ни единого сухого места. — Мне все равно, что с тобой делали Дон Бидерман и те двое, ты сволочь, и я тебя ненавижу.

Бобби повернулся и затрусил назад, укрываясь среди теней. Дважды, услышав приближающиеся шаги, он сжимался в комок в подъезде, пока люди не проходили мимо. Сжиматься в комок было просто — никогда еще он не чувствовал себя таким маленьким.

На этот раз он свернул в проулок. С одной стороны там стояли мусорные баки, а с другой — штабель картонок, полные возвратных бутылок, пахнувших пивом. Штабель картонок был фута на полтора выше Бобби, и когда он спрятался за ним, увидеть его с улицы было невозможно. Он приготовился ждать, а потом вдруг что-то мохнатое и горячее задело его за лодыжку, и Бобби было закричал, но успел перехватить крик, прежде чем он вырвался наружу целиком, посмотрел вниз и увидел грязную помоечную кошку, уставившую на него зеленые фары глаз.

— Брысь, паршивка, — прошептал Бобби и пнул ее. Кошка показала иголки зубов, зашипела, а потом медленно удалилась

в глубь проулка, лавируя между комьями мусора и горками битого стекла. Хвост она держала трубой с явным презрением. За кирпичной стеной рядом с ним Бобби различал глухие ритмы проигрывателя в «Угловой Лузе». Микки и Сильвия пели «Сколько странностей в любви». Да, очень много. Такая непонятная зубная боль.

Из своего тайника Бобби не видел часов гробовщика и совсем утратил ощущение времени — много его прошло или мало. По ту сторону мусорно-пивной вони проулка продолжала звучать летняя опсра уличной жизни. Люди перекликались, иногда со смехом, иногда сердито, иногда по-английски, иногда на одном из десятка других языков. Взрывчатый треск заставил его напрячься — выстрелы, сразу подумал он, а затем узнал звук рвущихся шутих — возможно, «дамских пальчиков» — и чуть-чуть успокоился. Мимо проносились автомобили — многие ярко окрашенные, — сверкая хромом. Один раз где-то вроде началась кулачная драка — вокруг собрались люди, и крики подбодряли дерущихся. Мимо прошла дама, вроде бы навеселе и грустная. Она пела «Там, где мальчики» красивым невнятным голосом. А один раз прозвучала полицейская сирена — сначала все ближе и ближе, потом, замедляя, все дальше и дальше.

Бобби не то что задремал, но впал в какой-то сон наяву. Они с Тедом жили где-то на ферме, может быть, во Флориде. Они работали по многу часов; но Тед для старика был очень вынослив, особенно с тех пор как бросил курить, и дыхание у него более или менее наладилось. Бобби ходил в школу, но под другим именем — Ральф Салливан, — а по вечерам они сидели на крыльце, ели ужин, приготовленный Тедом, и пили чай. Бобби читал ему газету, а когда они ложились спать, то спали крепким сладким сном без всяких кошмаров. Когда по пятницам они ездили в бакалейную лавку, Бобби проверял, нет ли на доске для объявлений призывов вернуть четвероногих друзей или перевернутых карточек, предлагающих вещи, продаваемые владельцами, но ни разу такой не увидел. Низкие люди потеряли след Теда. Тед больше ничей не пес, и у себя на ферме они в полной безопасности. Не отец и сын и не дедушка и внук, а просто друзья.

«Парни вроде нас, — сонно подумал Бобби. Теперь он при-слонялся к кирпичной стене, а голова у него опускалась... опускалась, пока подбородок почти не уткнулся в грудь. — Парни вроде нас... почему не может быть местечка для парней вроде нас?»

В проулк ворвались лучи фар. Всякий раз, когда это случилось, Бобби выглядывал из-за картонок. А на этот раз почти не выглянул — ему хотелось закрыть глаза и думать про ферму, — но все-таки заставил себя посмотреть и увидел желтое заднее крыло «чекера», затормозившего перед «Угловой Лузой».

Адреналин хлынул в кровь Бобби и включил прожектора у него в голове, о которых он раньше и не подозревал. Он выпрыгнул из-за штабеля, столкнув две верхние картонки. Его нога задела пустой мусорный бачок и отшвырнула к стенке. Он чуть не наступил на что-то шипящее и мохнатое — опять кошка! Бобби пнул ее и выбежал из проулка. Повернул к «Угловой Лузе», поскользнулся на чем-то густом и липком, упал на одно колено. Увидел часы гробовщика в холодном голубом кольце — 9.45. Такси урчало мотором перед дверью «Угловой Лузы». Тед Бротиген стоял под объявлением «ЗАХОДИТЕ, ВНУТРИ ПРОХЛАДНО» и платил таксисту. Нагибаясь к окошку водителя, Тед еще больше смахивал на Бориса Карлоффа.

По ту сторону улицы перед похоронным бюро стоял огромный «олдсмобил», красный, как брюки Аланны. Раньше его там не было, Бобби знал это твердо. Форма его была какой-то зыбкой. При взгляде на него не только глаза слезились, а словно бы и мозг хотел прослезиться.

— Тед! — попытался крикнуть Бобби, но крика не получилось, а только шуршащий, как солома, шепот. «Почему он их не ощущает? — подумал Бобби. — Почему он не знает?»

Может, потому, что низкие люди как-то его заблокировали. Или же люди в «Угловой Лузе» его блокируют. Старик Джи и все остальные. Низкие люди могли ведь превратить их в живые губки, чтобы они поглощали предостерегающие сигналы, которые обычно воспринимал Тед.

Новые лучи запрыгали по улице. Когда Тед выпрямился и «чекер» тронулся, из-за угла выпрыгнул «Де Сото». Такси пришлось резко повернуть, чтобы избежать столкновения. Под

уличными фонарями «Де Сото» напоминал огромный сгусток крови, украшенный хромом и стеклом. Его фары сдвигались и мерцали, будто были под водой... И вдруг они ЗАМОРГАЛИ. Это были вовсе не фары. Это были глаза.

— Тед! — и снова только шелестящий шепот, и Бобби никак не мог подняться на ноги. И уже не знал, хочет ли он встать. Его окутал жуткий страх, такой же отупляющий, как грипп, такой же обессиливающий, как неистовый приступ поноса. Просто проехать мимо кровавого сгустка «Де Сото» у «Гриля Уильяма Пенна» уже было скверно, но оказаться в его надвигающихся лучах-глазах было в тысячу раз хуже. Нет... в миллион раз!

Он осознал, что порвал штаны и рассадил колено до крови, он слышал, как Малыш Ричард завывает в чьем-то окне на верхнем этаже, и он все еще видел голубое кольцо вокруг часов гробовщика, будто вытатуированный на сетчатке слепящий след лампы-вспышки, но все это казалось неральным. Хулгансетт-авеню внезапно превратилась в подобие скверно наmaleванного задника. А за ним затаилась неведомая реальность. И реальность эта была тьма.

Решетка «Де Сото» двигалась. Рычала. «Машины эти не настоящие, — сказал Хуан. — Они что-то другое».

Да, что-то совсем другое!

— Тед... — чуть громче на этот раз... и Тед услышал. Он обернулся к Бобби, глаза у него расширились, и тут «Де Сото» вспрыгнул на тротуар позади него, сверкающие, зыбкие лучи фар впились в Теда и удлиннили его тень — совсем как удлиннились тени Бобби и близняшек Сигсби, когда на крохотной автостоянке Спайсера вспыхнул фонарь. И опять новый свет ворвался на улицу. Теперь со стороны складов надвинулся «кадиллак» — сопливо-зеленоватый «кадиллак», который казался длиной с милю, «кадиллак» с решеткой, как злая ухмылка, и боками, вздутыми, как доли легкого. Он вспрыгнул на тротуар прямо сзади Бобби, остановившись менее чем в футах у него за спиной. Бобби услышал басистое пыхтение и понял, что «кадиллак» дышит.

Во всех трех машинах распахнулись дверцы. Из них вылезли люди — или твари, на первый взгляд выглядевшие, точно люди. Бобби насчитал шесть, насчитал восемь, перестал считать. На каждом был длинный горчичного цвета плащ — такие

называют «пыльниками», — на правом ладконе каждого был сверлящий багровый глаз, который Бобби видел во сне. Наверное, красные глаза — это их бляхи, подумал он. Носящие их твари... кто они? Полицейские? Нет. Что-то вроде помощников шерифа, преследующих преступника, как в кино? Теплее. Тайные стражи закона? Еще теплее, но все равно не то... Они...

«Они регуляторы. Как в том фильме, который мы с Эс-Джеем видели в прошлом году в «Ампире», ну, в том с Джоном Пейном и Карен Стил».

Вот именно — именно так. Регуляторы в фильме оказались всего лишь бандюгами, но сперва верилось, что они не то призраки, не то чудовища, не то еще что-нибудь. Но эти вот регуляторы, решил Бобби, они чудовища.

Один ухватил Бобби под мышки. Бобби закричал — ничего ужаснее этого прикосновения он в жизни не испытывал. По сравнению удар об стену, когда его отшвырнула мать, был пустяком из пустяков. Прикосновение низкого человека было словно... словно у грекки выросли пальцы, и она вцепилась в тебя... но только они ощущались по-разному — под мышками у него будто были пальцы, а потом они стали когтями. Пальцы... когти, пальцы... когти. Это nonsensical прикосновение жужжанием проникало в него и вверх, и вниз. «Палка Джека, — пришло ему в голову, — заостренная с обоих концов».

Бобби подтаскивали к Теду, которого окружили остальные. Он шатался, потому что ноги его не держали. Он думал, что предупредит Тэда? Что они вместе убегут по Наррагансетт-авеню. Может быть, немножко подпрыгивая, как Кэрл? Обхохочешься, верно?

Невозможно поверить — но Тед словно бы совсем не боялся. Он стоял в полукружии низких людей, и на его лице была только тревога за Бобби. Тварь, державшая Бобби то рукой, то отвратительными пульсирующими резиновыми пальцами, то когтями, внезапно выпустила его. Бобби пошатнулся, закачался. Кто-то из остальных испустил пронзительный лающий крик и толкнул его между лопатками. Бобби рухнул вперед, и Тед подхватил его.

Рыдая от ужаса, Бобби вжался лицом в рубашку Теда. Он вдыхал успокоительный запах сигарет Теда и мыла для бритья, но эти милые запахи не могли заглушить вони, исходящей от

низких людей — мясной помоечный запах и другой запах, донесившийся от их машин, будто там горело виски.

Бобби поглядел на Теда.

— Это была моя мать, — сказал он. — Моя мать им донесла.

— Это не ее вина, что бы тебе ни казалось, — ответил Тед. — Просто я слишком задержался.

— Ну а все-таки приятно провел отпуск, Тед? — спросил один из низких людей. Голос у него был гнусно стрекочущим, будто в его голосовые связки набились насекомые — саранча или там сверчки. Он мог быть тем, с кем Бобби говорил по телефону, тем, кто сказал, что Тед их пес... но, может, у них у всех голоса одинаковые. «Не хочешь стать нашим псом, держись подальше», — сказал тот по телефону, но он все равно приехал сюда... и теперь... теперь...

— Неплохо, — ответил Тед.

— Надеюсь, ты разок-другой трахнулся, — сказал еще кто-то из них. — Больше-то шанса тебе не представится.

Бобби огляделся. Низкие люди стояли плечом к плечу, окружая их, стискивая своей вонючей пота и протухшего, червивого мяса, заслоняя плащами улицу. Они были смуглые, с проваленными глазами, краснотубые (будто наелись вишен)... но они не были такими, какими выглядели. Они вовсе не были такими, какими выглядели. Их лица, например, не все время оставались на их лицах: их щеки, подбородки, волосы все время пытались расшириться за свои очертания (только так Бобби сумел выразить то, что видел). Под смуглой кожей у них были другие кожи, такие же белые, как их остроносые туфли. «А вот губы все равно красные, — подумал Бобби. — Как и глаза у них всегда черные, не глаза на самом деле, а ямы. И они страшно высокие, — вдруг понял он. — Страшно высокие и страшно худые. И мысли у них в голове не такие, как наши мысли, и чувства в сердце не такие, как наши чувства».

С той стороны улицы донеслось густое хлопанье. Бобби посмотрел туда и увидел, что одна из покрышек «олдсмобилия» превратилась в черновато-серое щупальце. Оно протянулось, подцепило смятую пачку из-под сигарет и подтянуло. Секунду спустя щупальце уже снова было крышкой, но пачка торчала из нее, будто проглоченная до половины.

— Готов вернуться, одер? — спросил Теда один из низких людей и нагнулся к нему. Складки его желтого плаща сухо зашуршали, красный глаз на лацкане вперялся в Теда. — Готов вернуться и исполнять свой долг?

— Я вернусь, — сказал Тед, — но мальчик останется здесь.

В Бобби вцепились еще руки. И что-то вроде живого прута начало гладить его по шее. И вновь застрекотало — что-то, пронизанное тревогой и тошнотой. Оно поднялось внутри его головы и загудело, будто улей. Внутри этого сводящего с ума гудения он различил сначала звук одного, бешено трезвонящего колокола, а затем многих. Мир колоколов в непонятной черной ночи жарких ураганных ветров. Он предположил, что ощущает место, откуда явились низкие люди, — совсем иную планету в триллионах миль от Коннектикута и его матери. Деревни пылали под незнакомыми созвездиями, вопили люди, и это прикосновение к его шее... это жуткое прикосновение.

Бобби застонал и снова прижал голову к груди Теда.

— Он хочет быть с тобой, — прожурчал нестерпимый голос. — Я думаю, мы прихватим и его, Тед. У него нет врожденных способностей ломателя, тем не менее... все сущее служит Владыке, ты же знаешь. — Снова нестерпимые пальцы принялись поглаживать его шею.

— Все сущее служит ЛУЧУ, — сказал Тед сухо и наставительно своим учительским голосом.

— Пока еще, но долго это продолжаться не будет, — сказал низкий человек и засмеялся. От этого звука Бобби чуть не наложил в штаны.

— Прихватим его, — сказал еще один голос. Властный. Да, они все говорили как-то одинаково, но вот с этим он говорил по телефону, решил Бобби.

— Нет! — сказал Тед, и его руки сжались на спине Бобби. — Он останется здесь!

— Кто ты такой, чтобы отдавать нам распоряжения? — спросил главный из низких людей. — Как ты зазнался, Тед, за короткий срок свободы. Каким надменным стал! А ведь скоро ты окажешься в той самой комнате, в которой провел столько лет со всеми остальными, и если я говорю, что мальчик отправится с нами, он отправится с нами.

— Если вы заберете его, вам и дальше придется силой брать от меня то, что вам требуется, — сказал Тед. Голос его был очень тихим, но и очень сильным. Бобби обнял его, как мог крепче, и зажмурился. Он не хотел больше видеть низких людей, никогда-никогда! А хуже всего было то, что в чем-то их прикосновение было как у Теда — оно открывало окно. Но кто захочет смотреть в такое окно? Кто захочет увидеть высокие красногубые ножницы, которые они напоминали формой? Кто захочет увидеть того, кому принадлежит этот красный глаз?

— Ты ломатель, Тед. Ты был сотворен для этого. И если мы прикажем тебе ломать, ты будешь ломать, черт побери!

— Принудить вы меня можете, я не так глуп, чтобы думать, будто вам это не по силам... но если вы оставите его здесь, то я добровольно предоставлю вам то, что вам нужно... А я могу дать куда больше, чем вы в силах даже... впрочем, возможно, вы в силах вообразить, что я подразумеваю.

— Мне нужен этот мальчик, — сказал главный низкий человек, но уже задумчиво. А может, и с сомнением. — Мне он нужен, как хорошенькая безделушка, чтобы преподнести Владыке.

— Не думаю, что Багряный Владыка поблагодарит тебя за бессмысленную безделушку, если она станет помехой его планам, — сказал Тед. — Есть один пистолетчик...

— Пистолетчик, ха!

— Однако он и его друзья достигли пределов Конечного Мира, — сказал Тед, и теперь у него в голосе тоже появилась задумчивость. — Если я добровольно предоставляю вам то, что вам нужно, и избавлю вас от необходимости применять силу, возможно, я сумею ускорить все лет на пятьдесят, если не больше. Ты же сам сказал, я ломатель, сотворен и рожден для этого. Нас не так уж много, и вы особенно нуждаетесь во мне. Ведь я — самый лучший.

— Ты льстишь себе... и переоцениваешь свою ценность для Владыки.

— Неужто? Не знаю, не знаю. Пока Лучи не переломятся, Темная Башня будет стоять... Нужно ли мне напоминать об этом? Стоит ли рисковать из-за одного мальчика?

Бобби понятия не имел, о чем говорил Тед, да это его и не интересовало. Он знал только, что решается его жизнь — здесь

на тротуаре перед бриджпортской бильярдной. Он слышал шелест плащей низких людей, чувствовал их запах. Теперь, когда Тед снова прикоснулся к нему, он ощущал их даже более четко. Вновь его глаза жутко зазудели сзади. Зуд этот как-то странно гармонировал с гудением у него в голове. Черные точки плавали в поле его зрения, и внезапно он понял, что они означают, зачем они. В «Кольце вокруг Солнца» Клиффорда Саймака людей в другие миры уносил волчок — они следовали его поднимающимся спиральям. На самом же деле, пришел к выводу Бобби, это делали точки. Черные точки. Они были живыми...

И еще они были голодными.

— Пусть решит мальчик, — сказал наконец предводитель низких людей. Его палец — живой прут — вновь погладил шею Бобби. — Он так тебя любит, Тедди. Ты же его те-ка. Ведь верно? Это значит друг-судьба, Бобби-бой. Ведь этот старый прокуренный Тедди для тебя он и есть, верно? Твой друг-судьба?

Бобби ничего не сказал и только прижал холодное подергивающееся лицо к рубашке Теда. Теперь он всем сердцем рассказывался, что отправился сюда — он бы остался дома, спрятался бы под кроватью, знал он правду о низких людях, — но, да, Тед, наверное, его те-ка. Про судьбу и всякое такое он ничего не знал, он же еще мальчик, но Тед — его друг. «Парни вроде нас, — уныло подумал Бобби. — Парни вроде нас».

— Ну, и что ты чувствуешь теперь, когда увидел нас? — спросил низкий человек. — Хочешь отправиться с нами, чтобы быть близко от старины Теда? Может быть, видеться с ним по нечетным воскресеньям? Беседовать о ли-те-ра-ту-ре со своим милым старым те-ка? — И вновь жуткие пальцы поглаживают, поглаживают. Гудение в голове Бобби усилилось. Черные точки стали жирными и похожими на пальцы — манящие пальцы. «Мы едим горячим, Бобби, — прошептал низкий человек. — И пьем горячим тоже. Горячим... и сладким».

— Прекрати! — рявкнул Тед.

— Или предпочтешь остаться с матерью? — продолжал журчащий голос, игнорируя Теда. — Ну, конечно же, нет. Мальчик с твоими принципами? Мальчик, открывший для себя радости дружбы и литературы? Конечно же, ты отправишься с этим ста-

рым хрипуном ка-май, верно? Или нет? Решай, Бобби. Сейчас же. Знай, что ты решишь, то и будет. Теперь и вовеки веков.

Бобби, как в бреду, вспомнились красные, будто вареные раки, рубашки карт, мелькающих под длинными белыми пальцами Маккуона. «Вверх и вниз, понеслись, туда-сюда, смотри куда, все по мерке для проверки».

«Я не прошел, — подумал Бобби. — Я не прошел проверку».

— Отпустите меня, мистер, — сказал он тоскливо. — Пожалуйста, не берите меня с собой.

— Даже если это означает, что твой те-ка должен будет остаться без твоего чудесного и живительного общества? — Голос улыбался, но Бобби почти языком ощутил саркастическое презрение под его добродушием и вздрогнул. С облегчением, так как понял, что скорее всего его отпустят. Со стыдом, так как знал, что струсил, поджал хвост, пошел на попятный. Все то, в чем герон в фильмах и книгах, которые он любил, никогда повинны не были. Но героям в фильмах и книгах никогда не приходилось сталкиваться с чем-либо вроде низких людей в желтых плащах или кошмара черных точек. И то, что Бобби увидел здесь перед «Угловой Лузой», ведь далеко не было самым худшим. Что, если он увидит остальное? Что, если черные точки заташат его в мир, где он увидит людей в желтых плащах такими, какие они на самом деле? Что, если он увидит фигуры внутри личин, в которые они облакаются для этого мира?

— Да, — сказал он и заплакал.

— Что — да?

— Даже если ему придется отправиться без меня.

— А! И даже если ты должен будешь вернуться к своей матери?

— Да.

— Быть может, ты теперь лучше понимаешь свою стерву-мать?

— Да, — сказал Бобби в третий раз. Он почти стонал. — Наверное.

— Хватит, — сказал Тед. — Прекрати.

Но голос не прекратил. Пока еще нет.

— Ты узнал, каково быть трусом, Бобби... верно?

— Да!!! — закричал он, все еще прижимаясь лицом к рубашке Теда. — Сопляк, трусливый сопляк, да, да, да! Мне все рав-

но! Только отпустите меня домой! — Он сделал глубокий судорожный вдох, и воздух вырвался наружу воплем. — К маме хочу! — Это был отчаянный крик малыша, который вдруг увидел зверя из воды, зверя из воздуха.

— Хорошо, — сказал низкий человек. — Если ты так ставишь вопрос, то хорошо. При условии, что твой Тедди подтвердит, что будет работать добровольно и его не придется приковывать к веслу, как прежде.

— Обещаю. — Тед отпустил Бобби. Но Бобби не шевельнулся, цепляясь за Теда с панической силой и тычась лицом ему в грудь. Но Тед мягко его отстранил.

— Пойди в бильярдную, Бобби. Скажи Файлсу, чтобы тебя отвезли домой. Скажи ему, что тогда мои друзья его не тронут.

— Прости, Тед, я хотел отправиться с тобой. Я решил отправиться с тобой. Но я не могу. Мне так, так горько.

— Не надо плохо о себе думать. — Но взгляд Теда был угрюмым, словно он знал, что с этого вечера ни на что иное Бобби способен не будет.

Двое желтоплашников ухватили Теда под руки. Тед оглянулся на того, который стоял позади Бобби, — на того, который поглаживал шею Бобби пальцем-прутом.

— Это лишнее, Кэм. Я пойду сам.

— Отпустите его, — сказал Кэм. Низкие люди, державшие Теда, разжали руки. И тут в последний раз палец Кэма коснулся шеи Бобби. Бобби придушенно охнул. Он подумал: «Если он еще раз погладит, я свихнусь. И ничего не смогу с собой поделать. Начну кричать и не смогу остановиться. Даже если у меня голова лопнет, я буду кричать и кричать!» — Иди туда, маленький мальчик. Иди, пока я не передумал.

Бобби, спотыкаясь, побрел к «Угловой Лузе». Дверь была распахнута, но за ней никто не маячил. Бобби поднялся на единственную ступеньку и оглянулся. Трое низких людей окружали Теда, но Тед сам шел к сгустку крови — к «Де Сото».

— Тед!

Тед оглянулся, улыбнулся, поднял руку, чтобы помахать ему. Тут тот, которого звали Кэм, прыгнул вперед, схватил его за плечи, повернул и втолкнул в машину. Когда Кэм захлопывал заднюю дверцу «Де Сото», Бобби увидел на какую-то долю

секунды невероятно высокое, невероятно тощее существо, стоящее внутри желтого плаща, — тварь с плотью белой, как свежесвыпавший снег, и губами красными, как свежая кровь. Глубоко в глазницах, в зрачках, которые расширились и сжимались, как у Теда, плясали точки свирепого света и пятнышки тьмы. Красные губы оттянулись, открыв иголки зубов, которым позавидовала бы самая зубастая помосечная кошка. Из этих зубов вывалился черный язык и похабно вильнул в знак прощания. Затем тварь в желтом плаще проскочила вокруг капота лилового «Де Сото» — колени бешено работали, тощие ноги скрежетали — и нырнула за руль. На другой стороне улицы мотор «олдса» взревел, будто разбуженный дракон. Но это же мог быть и дракон. На своем месте поперек тротуара рыкнул мотор «кадиллака». Живые фары залили эту часть Наррагансетт-авеню пульсирующим заревом. «Де Сото» бешено развернулся — один щиток выбил из мостовой шлейф искр, и на миг Бобби увидел за задним стеклом «Де Сото» лицо Теда. Бобби поднял руку и помахал. Ему показалось, что Тед помахал ему в ответ, но уверен он не был. Вновь его голову заполнили звуки, похожие на топот лошадиных копыт.

Больше он никогда Теда не видел.

— Вали отсюда, малый, — сказал Лен Фаїлс. Лицо у него было желтоватым, как сыр, и словно обвисло на черепе, как кожа обвисала на руках его сестры выше локтя. У него за спиной под аркой вспыхивали и перемигивались огоньки игровых автоматов, но на них никто не смотрел. Крутые ребята, торчавшие возле них по вечерам в «Угловой Лузе», теперь жались за спиной Лена, как перепуганные детишки. Справа от Лена были бильярдная и игроки, стискивающие кии в руках, будто дубинки. Старый Джи стоял в стороне рядом с сигаретным автоматом. Кия в его костлявой старой руке не было — из нее свисал пистолетик. Бобби он не испугал. После Кэма и его желтоплашных подручных вряд ли что-нибудь могло его напугать — во всяком случае, сейчас. На какое-то время весь его испуг был полностью израсходован.

— Привяжи коньки, малыш, и катись, кому говорю!

— Так будет лучше, дружок. — Это сказала Аланна из-за стола.

Бобби посмотрел на нее и подумал: «Будь я постарше, я б тебе кое-что показал. И еще как!» Она поймала его взгляд — сугь его взгляда, — отвела глаза, красная, испуганная, сбитая с толку.

Бобби посмотрел на ее брата.

— Хотите, чтобы эти ребята вернулись?

Обвислое лицо Лена обвисло еще больше.

— Шутишь?

— Тогда ладно, — сказал Бобби. — Сделаете, о чем я попрошу, и я уйду. И больше вы меня не увидите. — Он сделал паузу. — И их тоже.

— Чего тебе надо, малый? — спросил Старый Джи своим дрожащим голосом. Бобби знал, что все будет по его: это вспыхивало и гасло в мыслях Старого Джи, будто большая сверкающая вывеска. Эти мысли были теперь такими же ясными, как когда-то у Молодого Джи, — холодными, расчетливыми и неприятными, но после Кэма и его регуляторов они казались совсем безобидными. Безобидными, как мороженое.

— Чтобы вы отвезли меня домой, — сказал Бобби. — Это во-первых.

Затем, обращаясь больше к Старому Джи, чем к Лену, он объяснил, что ему нужно во-вторых.

У Лена был «бьюик» — большой, длинный и новый. Броский, но не низкий. Просто машина. Они ехали в нем вдвоем под звуки джаза сороковых годов. За все время поездки до Харвича Лен только раз нарушил молчание:

— Не вздумай переключить на рок-н-ролл. С меня этого дерьма и на работе хватает.

Они проехали мимо «Эшеровского Ампира», и Бобби увидел, что сбоку от кассы стоит вырезанная из картона фигура Брижит Бардо в полный рост. Он скользнул по ней взглядом без всякого интереса. Он стал слишком взрослым для Б.Б.

Они свернули с Эшер, «бьюик» покатил вниз по Брод-стрит, будто шепот, прикрытый ладонью. Бобби указал на свой дом. Теперь квартира не была темной: там горели все лампы. Бобби взглянул на часы на приборной доске «бьюика» и увидел, что почти одиннадцать. Когда «бьюик» затормозил у тротуара, Лен Файлс опять обрел дар речи.

— Кто они такие, малыш? Кто они, гады эти?

Бобби чуть было не ухмыльнулся. Ему вспомнилось, как в конце почти каждого эпизода «Одинокого Рейнджера» кто-нибудь да спрашивал: «Кто он? Этот, в маске?»

— Низкие люди, — ответил он Лену. — Низкие люди в желтых плащах.

— Не хотел бы я сейчас быть на месте твоего приятеля.

— Да, — сказал Бобби. По его телу, как порыв ветра, пробежала дрожь. — И я тоже. Спасибо, что подвезли.

— На здоровье. Только оставайся, хрен, подальше от моего заведения. Туда тебе больше хода нет.

«Бьюик» — катер, детройтский прогулочный катер, но не низкий — отъехал от тротуара. Бобби смотрел, как машина развернулась у ворот напротив и унеслась вверх по холму мимо дома Кэрол. Когда она скрылась за углом, Бобби посмотрел на звезды — миллиарды россыпей, выплеснутый мост света. Звезды, а за ними еще звезды, вращающиеся в черноте.

«Есть Башня, — подумал он. — Она удерживает все воедино. Есть Лучи, которые каким-то образом ее оберегают. Есть Багряный Владыка и ломатели, трудящиеся, чтобы уничтожить Лучи... и не потому, что ломатели хотят, а потому, что этого хочет он — Багряный Владыка».

Возвращен ли уже Тед к остальным ломателям? Возвращен и опять налегает на весло?

«Прости, — подумал он, зашагав к крыльцу. Он вспомнил, как сидел там с Тедом и читал ему газету. Просто двое парней. — Я хотел отправиться с тобой и не смог. Не смог».

Он остановился у нижней ступеньки крыльца, вслушиваясь в лай Баузера на Колония-стрит. Но было тихо. Баузер уснул. Чистое чудо. Криво улыбаясь, Бобби начал подниматься на крыльцо. Его мать, наверное, услышала, как вторая ступенька скрипнула у него под ногой — как всегда, громко, — потому что она выкрикнула его имя и послышались ее бегущие шаги. Он поднялся на крыльцо, и тут дверь распахнулась, и она выбежала наружу — все еще в той же одежде, в которой вернулась из Провиденса. Волосы спутанными прядями падали ей на лицо.

— Бобби! — закричала она. — Бобби, ах, Бобби! Слава Богу! Слава Богу!

Она обняла его, закрутила, словно бы в танце, ее слезы намочили одну сторону его лица.

— Я отказалась взять их деньги, — бормотала она. — Они потом мне позвонили и спросили адрес, чтобы выслать чек, а я сказала: не нужно, это была ошибка, я была измучена и расстроена, я сказала «нет», Бобби, я сказала «нет», я сказала, что не хочу их денег.

Бобби увидел, что она лжет. Кто-то подсунул конверт с ее фамилией под дверь вестибюля. Не чек, а триста долларов наличными. Триста долларов в награду за возвращение лучшего из их ломателей — триста паршивых камушков. Они жлобы даже еще больше, чем она.

— Я сказала, что не хочу их, ты слышишь?

Она теперь несла его в квартиру. Он весил почти сто фунтов и был тяжеловат для нее, но все равно она подняла его, продолжая бормотать. Бобби разобрал, что им хотя бы не придется разбираться с полицией — она туда не позвонила. Почти все время она просто сидела тут, перебирала в пальцах измятую юбку и бессвязно молилась, чтобы он вернулся домой. Она же любит его! Эта мысль билась в ее мозгу, будто запертая в сарае птица. Она же его любит. Это не очень помогало, но все-таки. Пусть это было ловушкой, но все-таки чуточку помогало.

— Я сказала, что не хочу их, что нам они не нужны, пусть оставят свои деньги себе. Я сказала... Я им объяснила...

— Хорошо, мам, — сказал он. — Это хорошо. Отпусти меня.

— Где ты был? С тобой ничего не случилось? Хочешь поесть?

Он ответил на ее вопросы в обратном порядке.

— Хочу, ага, но со мной ничего не случилось. Я сдвигал в Бриджпорт. Вот за этим.

Он сунул руки в карманы штанов и вытащил остатки «Веллофонда». Его долларовые бумажки и мелочь были перемешаны со смятыми десяти-, двадцати- и пятидолларовыми купюрами. Его мать уставилась на деньги, которые сыпались на столик у дивана, и ее здоровый глаз становился все шире и шире, так что Бобби испугался, как бы он не вывалился вовсе. Другой глаз продолжал косить вниз из грозовой тучи сине-черной опухоли. Она походила на старого пирата, выдавшего виды, смаку-

ющего зрелище только что выкопанного сокровища — образ, без которого Бобби вполне мог бы обойтись... и который продолжал преследовать его в течение пятнадцати лет, отделивших эту ночь от ее смерти. Тем не менее что-то новое и не слишком приятное в нем радовалось тому, как она выглядела в эту минуту — старой, безобразной и смешной, не просто алчной, но и глупой. «Это моя мама, — думал он голосом Джимми Дюранте. — Это моя мама. Мы оба его предали, но мне заплатили лучше, чем тебе, мам, а? Ага! Моя взяла!»

— Бобби, — прошептала она дрожащим голосом. Смахивала она на пирата, а голос у нее был, словно у победительницы шоу Билла Каллена «Верная цена». — Ах, Бобби, столько денег! Откуда они?

— Ставка Теда, — сказал Бобби. — Это его выигрыш.

— Но Тед... он же...

— Ему они теперь не понадобятся.

Лиз вздрогнула, словно какой-то из ее синяков сильно заделался. Потом она принялась сгребать деньги в кучу, одновременно сортируя их.

— Я куплю тебе этот велосипед, — сказала она.

Ее пальцы двигались с быстротой опытного тасовальщика трех карт. «Никто ни разу не побил эту тасовку, — подумал Бобби. — Никто ни единого раза не побил этой тасовки».

— Прямо с утра. Как только «Вестер авто» откроется, мы...

— Мне велосипед не нужен, — сказал он. — Не за эти деньги. Не от тебя.

Она замерла, сжав пачки денег, и он увидел, как мгновенно расцвела ее ярость — что-то багровое и электрическое.

— И спасибо от тебя не дожидаться, а? Дура я, что думала... Черт бы тебя побрал — ну, вылитый папаша! — она снова отвела руку, растопылив пальцы. Разница была в том, что на этот раз он знал, чего ждать.

— Откуда ты знаешь? — спросил Бобби. — Ты столько про него врала, что правды уже не помнишь.

Так оно и было. Он заглянул в нее, и Рэндола Гарфилда там не было — только коробка с его именем на ней... именем и выцветшим лицом, которое практически могло принадлежать, кому угодно. В эту коробку она складывала все, что причиняло

ей боль. Она ничего не помнила о том, как ему нравилась песня Джо Стэффорда, не помнила (если вообще когда-нибудь знала), что Рэнди Гарфилд был настоящий миляга, готовый снять для тебя свою последнюю рубашку. Для такого в ее коробке места не было. Бобби решил, что, наверное, просто жуть — нуждаться в такой коробке.

— Он пьяных не угощал, — сказал он. — Ты про это знала?

— О чем ты болтаешь?

— Ты не заставишь меня его возненавидеть... и больше не сможешь делать его из меня. — Он сжал правую руку в кулак и прижал кулак к виску. — Я не буду его призраком. Ври себе сколько хочешь о счетах, по которым он не платил, про аннулированный страховой полис и обо всех неполных стретах, на которые он клевал — только мне об этом не говори. Хватит!

— Не смей поднимать на меня руку, Бобби-бой! И думать не смей!

В ответ он поднял левую руку, тоже сжатую в кулак.

— Ну, давай. Ты хочешь меня ударить? Я ударю тебя в ответ. Получишь сверху уже полученного. Только на этот раз за дело. Ну, давай же!

Она замялась. Он чувствовал, как ее ярость угасает с той же быстротой, с какой вспыхнула, и сменяется страшной чернотой. В черноте этой он различил страх. Страх перед сыном. Перед болью, которую он мог ей причинить. Не сегодня, нет... и не этими грязными кулачками маленького мальчика. Но маленькие мальчики вырастают в больших.

А так ли уж он лучше ее, что может смотреть на нее сверху вниз и давать ей отлуп? Да чем он лучше? В мозгу невыразимый журчащий голос спрашивал, хочет ли он вернуться домой, даже если это означает, что Тед останется без него. «Да», — сказал Бобби. «Теперь ты понимаешь ее немножко лучше?» — спросил тогда Кэм, и Бобби сказал: «Да».

А когда она узнала его шаги на крыльце, в первую минуту в ней не было ничего, кроме любви и радости. Они были настоящие.

Бобби разжал кулаки. Потянулся и взял ее за руку, все еще занесенную для удара... хотя теперь и без уверенности. Рука сначала сопротивлялась, но Бобби быстро расслабил ее напряжение. Поцеловал ее. Посмотрел на изуродованное лицо

матери и снова поцеловал ее руку. Он так хорошо ее знал и не желал этого. Он жаждал, чтобы окно в его мозгу закрылось, жаждал той непрозрачности, которая делает любовь не просто возможной, но необходимой. Чем меньше знаешь, тем больше веришь.

— Я просто не хочу велосипеда, — сказал он. — Только велосипеда. Договорились?

— А чего же ты хочешь? — голос у нее был неуверенным, унылым. — Чего ты хочешь от меня, Бобби?

— Оладий, — сказал он. — Много-много. Умираю с голода.

Она напекла оладий вволю для них обоих, и они позавтракали в полночь, сидя за кухонным столом друг напротив друга. Он настоял на том, чтобы помочь ей вымыть посуду, хотя был уже почти час ночи. Почему бы и нет, сказал он. Ведь завтра ему не идти в школу, и он сможет спать, сколько захочет.

Пока она спускала воду из мойки, а Бобби убирал ножи и вилки, на Колония-стрит снова залаял Баузер — руф-руф-руф во тьму нового дня. Глаза Бобби встретились с глазами матери, они засмеялись и на секунду знание стало благом.

Он лег в кровать по привычному — на спине, раскинув пятки по углам матраса, но теперь это было как-то не так. Он же совсем беззащитен, и если чему-то вздумается поохотиться на мальчика, ему достаточно выскочить из шкафа и распороть когтем повернутый кверху живот. Бобби перекатился на бок и подумал: где теперь Тед? Он пошарил в пространстве, нащупывая то, что могло оказаться Тедом, но нигде ничего не было. Как раньше на Хулигансетт-стрит. Бобби был бы рад заплакать из-за Теда, но не мог. Пока еще не мог.

Снаружи, пронесясь сквозь мрак, будто сон, донесся звон курантов на площади — одно-единственное «б-о-м!». Бобби посмотрел на светящиеся стрелки «Биг-Бена» у себя на столе и увидел, что они показывают час. Хорошо!

— Их тут больше нет, — сказал Бобби. — Низких людей здесь больше нет.

Но спал он на боку, подтянув колени к груди. Ночи, когда он вольно распластывался на спине, кончились навсегда.

XI. Волки и львы. Бобб подает.
Полицейский реймер.
Бобби и Кэрол. Плохие времена. Конверт

Салл-Джон вернулся из лагеря с загаром, десятью тысячами поджигающих комариных укусов и миллионом рассказов наготове... только Бобби почти не слышал их. Это было лето, когда прежняя старая легкая дружба между Бобби, Саллом и Кэрол сошла на нет. Иногда они ходили втроем в Стерлинг-Хаус, но, дойдя, расходились, чтобы заняться каждый своим. Кэрол и ее подружки записались на занятия декоративными ремеслами, и софтболом, и бадминтоном, а Бобби и Салл — в Юные Следопыты, кроме, конечно, бейсбола.

Салл, чей бейсбольный талант заметно окреп, был переведен из Волков в Львы. И когда все ребята, уезжая купаться и упражняться в чтении следов, рассаживались в кузове потрепанного грузовика Стерлинг-Хауса, держа бумажные пакеты с плавками и бутербродами, Эс-Джей все чаще и чаще садился рядом с Ронни Олмквистом и Дьюком Уэнделлом — ребятами, с которыми он сдружился в лагере. Они рассказывали одни и те же истории про то, как травили шкоты и как отправляли малышню собирать для них чинарики, пока у Бобби не начали вонючие уши. Можно было подумать, что Салл провел в лагере пятьдесят лет.

Четвертого июля Волки и Львы встретились в своем ежегодном матче. За полтора десятка лет, восходивших к концу Второй мировой войны, Волки не выиграли ни единого из этих матчей, но на встрече 1960 года они хотя бы оказали достойный отпор — главным образом благодаря Бобби Гарфилду. Даже без перчатки Алвина Дарка он в середине поля поймал мяч в великолепном нырке. (Когда он поднялся на ноги под аплодисменты, то лишь мимолетно пожалел, что его матери не было там — она не поехала на ежегодный праздник на озере Кантон.)

Последняя подача Бобби пришлось на заключительную очередь Волков подавать. Они отставали на два очка. Бобби послал мяч далеко в левое поле и, помчавшись к первой базе, услышал, как Эс-Джей буркнул со своей позиции ловящего: «Хороший удар, Боб!» Удар был и правда хороший, но ему следова-

ло бы остановиться у второй базы, а он решил рискнуть. Ребята младше тринадцати лет почти никогда не умудрялись вовремя вернуть мяч, но на этот раз друг Салла по лагерю «Винни», Дьюк Уэнделл, послал мяч пулевым ударом второму другу Салла по лагерю «Винни» — Ронни Олмквисту. Бобби сделал последний рывок, но почувствовал, как перчатка Ронни хлопнула его по лодыжке за ничтожную долю секунды до того, как его кроссовка коснулась мешка третьей базы.

— АУТ! — рявкнул подбежавший рефери. За боковыми линиями друзья и родственники Львов разразились истерически торжествующими воплями.

Бобби поднялся на ноги, свирепо глядя на рефери, водителя из Стерлинг-Хауса лет двадцати, со свистком и белым пятном цинковой мази на носу.

— Я добежал!

— Сожалею, Боб, — сказал молокосос, перестав ломаться под рефери и снова становясь просто водителем. — Удар был хороший, а пробежка еще лучше, но ты не дотянул.

— Нет! Ты подсуживаешь! Почему ты подсуживаешь?

— Гоните его в шею, — крикнул чей-то папаша. — Нечего скандалить!

— Пойди, Бобби. Сядь, — сказал водителем.

— Так я же дотянул! — закричал Бобби. — На мило дотянул! — Он ткнул пальцем в того, кто рекомендовал выгнать его с поля. — Он тебе заплатил, чтобы мы проиграли? Эта жирная морда, вон там?

— Прекрати, Бобби, — сказал водителем (каким идиотом он выглядел в дурацкой шапочке какого-то нимродского студенческого братства!). — Делаю тебе последнее предупреждение.

Ронни Олмквист отвернулся, словно ему было противно их слушать. Бобби возненавидел и его.

— Ты подсуживал, и все, — сказал Бобби. Со слезами, пощипывающими уголки глаз, он сладить сумел, но не с дрожью в голосе.

— Хватит, — сказал водителем. — Иди сядь и поостынь...

— Мудак ты и жила, вот кто ты!

Женщина, сидевшая вблизи от третьей базы, охнула и отвернулась.

— Ну, все, — сказал вожатый бесцветным голосом. — Убейся с поля. Немедленно.

Бобби прошел полдороги от третьей базы, шаркая кроссовками, потом обернулся.

— Тебе птичка на нос насрала. А ты, дурак, и не заметил. Утерся бы!

В голове у него эти слова прозвучали смешно — но по-дурачки, когда он выговорил их вслух, и никто не засмеялся. Салл сидел верхом на мешке основной базы, большой, как дом, серьезный, как сердечный приступ, в своих доспехах ловящего. В одной руке болталась его маска, в десятке мест склеенная черным скотчем. Он был красный и казался сердитым. А еще он казался мальчишкой, который уже больше никогда не будет Волком. Эс-Джей побывал в лагере «Винни», травил шкоты, засиживался допоздна у лагерного костра, обмениваясь историями о привидениях. Он будет Львом во веки веков, и Бобби его ненавидел.

— Что на тебя нашло? — спросил Салл, когда Бобби плелся мимо. На обеих скамьях воцарилась тишина. Все ребята смотрели на него. И все родители тоже на него смотрели. Смотрели, будто он был мразью. Бобби подумал, что так, возможно, и есть. Но не по той причине, о какой они думают.

«А ты догадайся, Эс-Джей! Может, ты и побывал в лагере «Винни». Зато я был там, внизу. Глубоко-глубоко там, внизу».

— Бобби?

— Ничего на меня не нашло, — сказал он, не поднимая головы. — Наплевать. Я переезжаю в Массачусетс. Может, там будет поменьше подкупленных сволочей.

— Послушай...

— Заткнись, — сказал Бобби, не глядя на него. Он глядел на свои кроссовки. Глядел на свои кроссовки и продолжал идти.

У Лиз Гарфилд не было подруг («Я простая капустаница, а не светская бабочка», — иногда говорила она Бобби), однако в первые два года в агентстве по продаже недвижимости она была в хороших отношениях с женщиной, которую звали Майра Колхаун (по-лизски они с Майрой были два сапога пара, шли в ногу, были настроены на одну волну и так далее и тому подобное). В те дни Майра была секретаршей Дона Бидермена, а Лиз была

общей секретаршей для всех агентов, записывала адреса их новых клиентов, варила им кофе, печатала их письма. В 1955 году Майра внезапно ушла из агентства без внятного объяснения, и Лиз получила повышение, став секретаршей мистера Бидермена в начале 1956 года.

Лиз и Майра не теряли друг друга из виду — обменивались открытками, а иногда и письмами. Майра (которая была тем, что Лиз называла девствующей дамой) переехала в Массачусетс и открыла собственную маленькую фирму по продаже недвижимости. В конце июля 1960 года Лиз написала ей, спрашивая, нельзя ли ей стать партнером — для начала, конечно, младшим — в «Колхауновской помощи с недвижимостью». Она бы могла вложить кое-какой капитал; небольшой, конечно, но с другой стороны три тысячи пятьсот долларов — это все-таки не плевков в океан.

Может, мисс Колхаун побывала в тех же вальцах, что и его мама, а может, и нет. Главным было, что она ответила «да» — даже прислала ей букет, и Лиз в первый раз за последние недели почувствовала себя счастливой. Возможно, по-настоящему счастливой в первый раз за годы и годы. Но важным было то, что они должны были переехать из Харвича в Дэнверс в Массачусетсе. Переедут они в августе, чтобы у Лиз было много времени устроить своего Бобби-боя, своего притихшего и часто урюмого Бобби-боя, в новую школу.

А для Бобби-боя Лиз Гарфилд было важным довести до конца одно дело, прежде чем они уедут из Харвича.

Он был еще слишком мал и возрастом, и ростом, чтобы в открытую сделать то, что нужно было сделать. Действовать надо будет осторожно и по-подлому. Что по-подлому, Бобби не смущало: его больше не тянуло брать пример с Оди Мэрфи или Рэндольфа Скотта, совершавших подвиги на дневных киноэкранах, а, кроме того, кое-кто заслужил, чтобы на него напали из засады: пусть сам почувствует, каково это. Для засады он выбрал деревья, в которые Кэрол увела его в тот день, когда он разнюнился и устроил рев, — самое подходящее место, чтобы дожидаться, когда Гарри Дулин, старый мистер Робин Гуд, проедет на верном коне по поляне лесной.

Гарри подрабатывал в «Любой бакалее». Бобби давно знал об этом — видел его там, когда ходил с мамой за покупками. А

еще Бобби видел, как Гарри возвращался домой, кончая работать в три часа. Обычно Гарри шел с каким-то приятелем, а то и приятелями. Чаще всего с Ричи О'Мира. Уилли Ширмен словно бы исчез из жизни старика Робин Гуда — вот как Салл почти исчез из жизни Бобби. Но один или не один, Гарри Дулин всегда шел домой через Коммонвелф-парк.

Бобби завел привычку забредать туда во второй половине дня. Теперь, когда пришла настоящая жара, в бейсбол играли только утром, и к трем часам поля А, Б и В совсем пустели. Рано или поздно Гарри пройдет тут мимо безлюдных полей без Ричи или кого-нибудь еще из его веселых молодцов. А пока Бобби каждый день между тремя и четырьмя часами прятался среди деревьев, там, где выплакался, положив голову на колени Кэрол. Иногда он читал. Книжка про Джорджа и Ленни заставила его заплакать. «Парни вроде нас, которые работают на ранчо, это самые одинокие парни в мире». Вот как это виделось Джорджу. «Парням вроде нас ничего впереди не светит». Ленни-то думал, что у них будет ферма, и они будут разводить кроликов, но Бобби еще задолго до конца понял, что для Джорджа и Ленни не будет ни ферм, ни кроликов. Почему? А потому, что людям надо на кого-то охотиться. Находят какого-нибудь Ральфа, или Хрюшу, или глупого могучего Ленни и превращаются в низких людей. Надевают свои желтые плащи, заостряют палку с обоих концов и идут охотиться.

«Но парни вроде нас иногда берут свое, — думал Бобби, ожидая дня, когда Гарри будет один. — Иногда мы берем свое».

Этим днем оказалось шестое августа. Гарри неторопливо шел через парк к углу Броуд-стрит и Коммонвелф-стрит все еще в красном фартуке «Любой бакалеи» — ну и дерьмовый нимрод! — и распевал «Мак Нож» голосом, от которого все гайки расплавились бы. Стараясь не зашуршать ветками тесно стоящих деревьев, Бобби зашел ему за спину, бесшумно ступая по дорожке, и бейсбольную биту занес только, когда приблизился на верное расстояние. А занося ее, вспомнил, как Тед сказал: «Трое мальчишек против одной маленькой девочки. Значит, они думали, что ты львица». Но, конечно, Кэрол львицей не была, как и он — львом. Львом был Салл, и Салла тогда здесь не было, нет его здесь и сейчас. А сзади к Гарри Дулину под-

крадывается даже не волк. Он просто гиена, так что? Разве Гарри Дулин заслуживает чего-нибудь лучше?

«Нет», — подумал Бобби и размахнулся битой. Она опустилась с таким же смачным ударом, с каким на озере Кантон он отбил свой третий мяч далеко в левое поле. Но удар по Гарри был даже смачнее.

Гарри взвизгнул от боли и неожиданности и шлепнулся на землю. Когда он перекатился на бок, Бобби тут же ударил его битой по левой ноге — прямо под коленом.

— Оооооооуух! — завопил Гарри. Было очень приятно слышать, как Гарри вопит, — настоящим блаженством. — Оооооооуух! Больно! Бо-о-ольно!

«Нельзя дать ему встать, — думал Бобби, холодным взглядом выбирая место для следующего удара. — Он вдвое меня больше. Если я промажу хоть раз и позволю ему встать, он меня в ключья раздерет. Убьет, мать его!»

Гарри пытался отползти, вспахивая гравий дорожки кроссовками, проводя борозду задницей, упираясь локтями. Бобби взмахнул битой и ударил его по животу. Гарри судорожно выдохнул, его локти разогнулись, и он растянулся на спине. Глаза у него были ошалелые, полные сверкающими под солнцем слезами. Прыщи пучились багровыми шишечками. Его рот — крепко и злобно сжатый в тот день, когда Рионда спасла их — теперь расплылся и дергался.

— Ооууух, хватит, я сдаюсь, я сдаюсь. Го-о-осподи!

«Он меня не узнал, — понял Бобби. — Солнце светит ему в глаза, и он не знает, кто его бьет».

Но этого было мало. «Неудовлетворительно, ребята!» — вот что говорили вожатые лагеря «Винни» после санитарного осмотра хижин — это ему рассказал Салл, только Бобби было совсем не интересно: плевать он хотел на санитарные осмотры и сумочки из бусин.

Но тут он плевать не хотел, нет уж! И он наклонился к самому искаженному лицу Гарри.

— Помнишь меня, Робин Гуд? — спросил он. — Помнишь меня, а? Я же Малтекс-Беби.

Гарри перестал визжать. Он уставился на Бобби, наконец его узнав.

— Я тебе... покажу, — сумел он выговорить.

— Ничего, дерьмо, ты мне не покажешь, — сказал Бобби. Гарри попытался ухватить его за лодыжку, и Бобби изо всех сил пнул его в ребра.

— Оуууух! — вскрикнул Гарри Дулин, возвращаясь к прежней лексике. Ну и мразь же! Нимрод при всем параде. «Наверное, мне побольнее, чем тебе, — подумал Бобби. — В кроссовках пинаются только идиоты».

Гарри перекатился на другой бок. Когда он кое-как поднялся на ноги, Бобби размахнулся, как для завершающего удара по мячу, и опустил биту поперек ягодиц Гарри. Звук был такой, будто кто-то выбивал тяжелый ковер — за-ме-ча-тель-ный звук! Улучшить эту минуту мог бы только мистер Бидермен, если бы и он валялся на дорожке. Бобби точно знал, куда бы он его вдарил битой.

Однако полбулки лучше, чем ничего, во всяком случае, так всегда говорила его мать.

— Это тебе за Гербер-Беби, — сказал Бобби. Гарри снова лежал на дорожке и рыдал. Из его носа текли густые зеленые сопли. Одной рукой он пытался растереть онемевшую задницу.

Кулаки Бобби снова сжались на конической рукоятке биты. Ему хотелось занести ее для последнего удара и опустить не на голень Гарри, не на спину Гарри, а на голову Гарри. Ему хотелось услышать, как хрустнет череп Гарри, и ведь без него мир только выиграет, верно? Говно ирландское. Низкий...

«Довольно, Бобби, — сказал голос Теда. — Хватит. Удержись. Возьми себя в руки».

— Только тронь ее еще раз, и я тебя убью, — сказал Бобби. — Тронь меня еще раз, и я сожгу твой дом. Нимрод дерьмовый.

Чтобы сказать это, он присел рядом с Гарри на корточки. А теперь выпрямился, огляделся и ушел. Когда на полпути вверх по Брод-стрит ему встретились близняшки Сигсби, он весело насвистывал.

В последующие годы Лиз Гарфилд почти привыкла открывать дверь полицейским. Первым явился полицейский Реймер, их толстый участковый, который иногда покупал ребятне орешки у торговца в парке. Когда он позвонил в дверь квартиры на первом этаже дома 149 на Брод-стрит вечером шестого августа

та, вид у полицейского Реймера был далеко не счастливый. С ним были Гарри Дулин, который еще неделю, если не больше, мог сидеть только на мягких стульях, и мать Гарри, Мэри Дулин. Гарри поднялся на крыльцо, как старик, прижимая руки к крестцу.

Когда Лиз открыла дверь, Бобби стоял рядом с ней. Мэри Дулин ткнула в него пальцем и закричала:

— Это он! Это мальчишка, который избил моего Гарри! Исполняйте свой долг! Арестуйте его!

— В чем дело, Джордж? — спросила Лиз.

Полицейский Реймер замялся. Он перевел взгляд с Бобби (рост — пять футов четыре дюйма, вес — девяносто семь фунтов) на Гарри (рост шесть футов один дюйм, вес — сто семьдесят пять фунтов). В его больших влажных глазах было явное сомнение.

Гарри Дулин был глуп, но не настолько, чтобы не понять этот взгляд.

— Он меня подстерег. Набросился на меня сзади.

Реймер нагнулся к Бобби, упершись пухлыми руками с багровыми суставами в лоснящиеся колени своих форменных брюк.

— Гарри Дулин, вот этот, утверждает, что ты избил его в парке, когда он шел домой с работы. — Последнее слово он выговорил как «срррбыты», и Бобби это навсегда запомнил. — Говорит, что ты спрятался, а потом уложил его битой. Он и обернуться не успел. Что скажешь, малый? Он правду говорит?

Бобби, далеко не глупый, уже взвесил происходящее. Он пожалел, что не мог сказать Гарри в парке, что они квиты и делу конец, а если Гарри наябедничает на Бобби, так Бобби наябедничает на него — расскажет, как Гарри и его дружки покалечили Кэрл, а это будет выглядеть куда хуже. Беда была в том, что дружки Гарри и не подумают сознаться, так что против слова Кэрл, будет слово Гарри, Ричи и Уилли. А потому Бобби ушел, промолчав, в надежде, что Гарри не захочет признаться, что его избил малыш, вдвое его меньше. Из стыда прикусит язык. Но он не прикусил, и, глядя на узкое лицо миссис Дулин, ее некрашенные губы и разъяренные глаза, Бобби понял, почему. Она заставила его рассказать. Пилила, пока он не признался, ясное дело.

— Я пальцем его не тронул, — твердо сказал Бобби Реймеру, и, говоря это, он твердо смотрел Реймеру прямо в глаза.

Мэри Дулин ахнула от возмущения. Даже Гарри, для которого ложь к шестнадцати годам, конечно, уже давно стала образом жизни, словно бы удивился.

— Врет и не поперхнется! — закричала миссис Дулин. — Дайте, я с ним поговорю! Я от него правды добьюсь, вот увидите!

Она рванулась вперед. Реймер оттолкнул ее одной рукой, не выпрямившись и ни на секунду не отведя глаз от Бобби.

— А почему, малый, дылда вроде Гарри Дулина стал бы клепать на замухрышку вроде тебя, не будь это правдой?

— Ты моего сына дылдой не обзывай! — завизжала миссис Дулин. — Мало того, что этот трус его чуть не до смерти избил? Да я...

— Заткнись, — сказала мама Бобби. Она заговорила в первый раз после того, как спросила у полицейского Реймера, в чем дело, и голос у нее был смертоносно спокоен. — Пусть он ответит.

— Он все еще злится на меня с зимы, вот почему, — ответил Бобби Реймеру. — Он и еще несколько больших ребят из Сент-Габа гнались за мной вниз с холма. Гарри поскользнулся на льду, хлопнулся, весь вымок. Он сказал, что достанет меня. Думаю, он решил, что теперь у него получится.

— Врешь ты все! — заорал Гарри. — За тобой вовсе не я гнался, а Билли Донахью! Это не...

Он умолк и огляделся. Он сморозил что-то лишнее — судя по лицу, до него начало доходить, что он дал какого-то маху.

— Это не я, — сказал Бобби. Он говорил негромко, глядя в глаза Реймеру. — Да если бы я попробовал вздуть такого, как он, от меня мокрое место осталось бы.

— Лжецам прямая дорога в ад, — закричала Мэри Дулин.

— Где ты был сегодня около половины четвертого, Бобби? — спросил Реймер. — Можешь ответить?

— Здесь, — сказал Бобби.

— Миссис Гарфилд?

— Да, — ответила она хладнокровно. — Здесь со мной весь день. Я мыла пол в кухне, а Бобби чистил раковину. Мы скоро переезжаем, так я хочу, чтобы тут был порядок, когда мы уедем. Бобби, конечно, ныл — как все мальчишки, — но все сделал. А потом мы пили чай со льдом.

— Лгунья! — закричала Мэри Дулин, но Гарри только ошарашенно пялил глаза. — Лгунья бесстыжая! — Она ринулась вперед, протягивая руки примерно в направлении Лиз Гарфилд. И снова полицейский Реймер, не глядя, оттолкнул ее назад.

— Вы мне как под присягой говорите, что он был с вами? — спросил полицейский Реймер у Лиз.

— Как под присягой.

— Бобби, ты его не трогал? Даешь честное слово?

— Честное слово.

— Честное слово как перед Богом?

— Честное слово. Как перед Богом.

— Я тебя достану, Гарфилд, — сказал Гарри. — Откручу твой красный...

Реймер повернулся так внезапно, что Гарри, если бы мать не ухватила его за локоть, слетел бы с крыльца, набив синяки на поверх старых и на новых местах.

— Заткни свою дурацкую пасть, — сказал Реймер, а когда миссис Дулин начала что-то говорить, Реймер ткнул ее пальцем. — И ты заткни свою, Мэри Дулин. Если уж тебе приспичило обвинить кого-то в телесных повреждениях, так лучше начала бы со своего чертова мужа. Свидетелей больше набралось бы.

Она уставилась на него, разинув рот, вне себя от ярости и стыда.

Реймер уронил руку с вытянутым пальцем, будто она налилась вдруг тяжестью. Он отвел взгляд от Гарри с Мэри на крыльце и устремил его на Лиз с Бобби в вестибюле. Потом он попятился ото всех четырех, снял форменную фуражку, почесал вспотевшую голову и надел на нее фуражку.

— Неладно что-то в Датском королевстве, — сказал он наконец. — Кто-то тут врет наперегонки с лошадыю.

— Он... Ты... — хором сказали Гарри и Бобби, но полицейский Джордж Реймер не желал слушать ни того, ни другого.

— Заткнитесь! — взревел он так, что старенькие муж с женой, прогуливавшиеся по противоположному тротуару, остановились и оглянулись. — Объявляю дело закрытым. Но если что-нибудь такое начнется между вами, — он ткнул пальцем в мальчиков, — или между вами, — он ткнул в их матерей, — кому-

то придется плохо. Как говорят, имеющий уши, да слышит. Гарри, ты пожмешь руку Роберту-младшему и скажешь, что все в порядке? Поступишь, как достойно мужчины?.. А! Я так и думал. Печальное место, наш чертов мир. Идемте, Дулины, я вас провожу.

Бобби смотрел, как эти трое спускались с крыльца: Гарри так усердно преувеличивал свою хромоту, что она смахивала на развалку бывшего моряка. На дорожке миссис Дулин внезапно дала ему по шес.

— Не притворяйся, говнюк! — сказала она, и Гарри зашагал ровнее, но все равно давал крена на левый борт. Бобби показалось, что эта хромота надолго. Конечно, надолго. Последний удар битой вроде попал в самую точку.

Когда они вернулись в квартиру, Лиз сказала все с тем же хладнокровием:

— Он был одним из мальчишек, которые били Кэрл?

— Да.

— Сумсеш не попасться ему, пока мы не переедем?

— Наверное...

— Вот и хорошо, — сказала она и вдруг поцеловала его. Целовала она его очень-очень редко. И было это замечательно.

Меньше чем за неделю до их отъезда — квартиру уже заполняли картонные коробки, и она приобрела странный голый вид — Бобби в парке нагнал Кэрл Гербер. Против обыкновения она шла одна. Он много раз видел ее с подружками, но это было не то. Совсем не то. И вот она совсем одна. Но только когда она оглянулась через плечо и он увидел страх в ее глазах, ему стало понятно, что все это время она его избегала.

— Бобби, — сказала она. — Как ты?

— Не знаю, — ответил он. — Наверное, нормально. Я тебя давно не видел.

— Ты же не заходил ко мне домой.

— Да, — сказал он. — Да, я... — А дальше что? Что он может добавить? — Я был очень занят, — сказал он неловко.

— А! Угу. — Он бы стерпел, если бы она его отшила. Но стерпеть то, как она прятала свой страх, он не смог. Она его боится. Будто он злая собака, которая может ее укусить. Бобби вдруг

представилось, как он падает на четвереньки и начинает: «руф-руф-руф!»

— Я уезжаю.

— Салл мне говорил. А вот куда, он не знал. Вроде бы вы раздружились.

— Да, — сказал Бобби. — Есть немножко. — Он сунул руку в карман и вытащил сложенный листок из школьной тетради. Кэрол неуверенно посмотрела на листок, протянула руку и тут же ее опустила.

— Это всего только мой адрес, — сказал он. — Мы едем в Массачусетс, в какой-то Дэнверс.

Бобби опять протянул листок, но она снова его не взяла, и ему захотелось заплакать. Он вспомнил, как они сидели на самом верху Колеса Обозрения — будто на крыше всего озаренного солнцем мира. Он вспомнил полотенце, развернувшееся, будто крылья, танцующие ступни с маленькими накрашенными ногтями и запах духов. «Она пляшет «ча-ча-ча», — пел в соседней комнате Фредди Кеннон, и это была Кэрол, это была Кэрол, это была Кэрол.

— Я думал, может, ты напишешь, — сказал он. — Мне, наверное, будет тоскливо в новом городе, и все такое.

Наконец Кэрол взяла листок и сунула в карман шортиков, даже не посмотрев. «Наверное, выбросит, когда вернется домой», — подумал Бобби. Но ему было все равно. Как-никак, а листок она взяла. Это послужит трамплином для тех случаев, когда ему понадобится отвлечь свои мысли... он успел открыть, что это бывает необходимо не только, если где-то близко низкие люди.

— Салл говорит, что ты теперь другой.

Бобби ничего не ответил.

— И еще многие так говорят.

Бобби не ответил.

— Ты избил Гарри Дулина? — спросила она и сжала запястье Бобби холодными пальцами. — Ты?

Бобби медленно кивнул.

Кэрол обхватила его за шею и поцеловала так крепко, что их зубы клацнули друг о друга. Их губы разошлись с громким чмоканьем. Бобби только через четыре года поцеловал другую девочку губы... и никогда в жизни ни одна не целовала его вот так.

— Здорово! — сказала она тихим яростным голосом. Почти прорычала. — Здорово!

И побежала к Брод-стрит. Только замелькали ее ноги, загоревшие за лето, все в царапинах от игр и прогулок.

— Кэрл! — крикнул он ей вслед. — Кэрл, подожди!

Она продолжала бежать.

— Кэрл, я люблю тебя!

Тут она остановилась... А может, просто выскочила на Коммонвелф-авеню и остановилась, чтобы пропустить машины. Но все равно секунду она постояла, опустив голову, а потом оглянулась. Глаза у нее стали огромными, губы полуоткрылись.

— Кэрл!

— Мне надо домой, надо приготовить салат, — сказала она и убежала от него. Она перебежала через улицу, убежала из его жизни, не оглянувшись во второй раз. Может, так было и лучше.

Он и его мать переехали в Дэнверс. Бобби поступил в дэнверскую школу, обзавелся друзьями — и врагами в несколько большем числе. Начались драки, а вскоре последовали и прогулы. В графе «Замечания» его первой характеристики миссис Риверс написала: «Роберт чрезвычайно способный мальчик. Кроме того, он очень угнетен психически. Вы не могли бы зайти ко мне поговорить о нем, миссис Гарфилд?»

Миссис Гарфилд зашла и миссис Гарфилд помогла, насколько могла себе позволить, однако о слишком многом приходилось умалчивать: о Провиденсе, о некоем объявлении про пропавшую собаку и о том, откуда у нее взялись деньги, которыми она оплатила свое положение в фирме и свою новую жизнь. Они согласились, что Бобби испытывает все трудности переходного возраста, что, кроме того, он тоскует по Харвичу и по своим друзьям там. Однако со временем все наладится. Иначе быть не может: он ведь очень способный, очень многообещающий.

В своей новой роли агента по продаже недвижимости Лиз преуспевала. Бобби успевал по литературе (получил высшую оценку за сочинение, в котором провел сравнение между «О мышах и людях» Стейнбека и «Повелителем мух» Голдинга), но еле тащился по всем остальным предметам. Он начал курить.

Кэрол все-таки писала ему время от времени — неуверенные, почти робкие письма, в которых рассказывала про школу, и про подруг, и про поездку на субботу—воскресенье в Нью-Йорк с Риондой. Письмо, которое пришло в марте 1961 года (писала она всегда на бумаге с широкими полями, на которых плясали плюшевые мишки), заключал сухой постскрипtum: «По-моему, мои папа с мамой разводятся. Он втюрился в еще одну «стерву», а она только плачет». Однако обычно она придерживалась более веселых тем: она учится вертеть жезл в группе поддержки; на день рождения ей подарили новые коньки; ей все еще нравится Фабиан, хотя Ивонна и Тейна его терпеть не могут; ее пригласили на вечеринку с твистом, и она весь вечер протанцевала без отдыха.

Вскрывая каждый ее конверт и вытаскивая письмо, Бобби думал: «Это последнее, больше она мне писать не будет... В нашем возрасте долго не переписываются, хоть и обещают. Слишком уж много всего нового. Время летит так быстро. Слишком быстро. Она меня забудет».

Но в этом он ей не поможет. Получив очередное письмо, он тут же сажился писать ответ. Он рассказывал ей о доме в Бруклайне, который его мать продала за двадцать пять тысяч долларов — комиссионных она получила сумму, равную ее полугодовой прошлой зарплате. Он рассказал ей об оценке за сочинение по литературе. Он рассказал ей про своего друга Морри, который учит его играть в шахматы. Он не рассказал ей о том, как они с Морри иногда отправляются на велосипедах (Бобби все-таки накопил себе на велосипед) бить окна, проносясь на самой большой скорости мимо облезлых домов на Плимут-стрит и швыряя припаркованные в корзинках камни. Он опустил историю о том, как предложил мистеру Харли, заместителю директора школы, поцеловать его в розовую жопку, а мистер Харли в ответ хлестнул его ладонью по лицу и назвал наглым глупым сопляком. Он не признался, что начал красть в магазинах, или что он уже напивался четыре-пять раз (один раз с Морри, а остальные — сам с собой), или что иногда он уходит к железнодорожным путям и размышляет, не разумнее ли всего было бы угодить под экспресс «Южный Берег». Запах дизельного топлива, на лицо тебе падает тень, и прости-пошай. Хотьа, может быть, и не так быстро.

Каждое его письмо Кэрол кончалось одинаково:

*Очень без тебя скучает
Твой друг
Бобби.*

Проходили недели, не принося ни единого письма — то есть ему, — а потом приходил конверт с сердечками и плюшевыми мишками на обороте и на широких полях листка, с новыми рассказами о катании на коньках и верчении жезла под оркестр, и новых туфлях, и как она все еще не может осилить десятичные дроби. Каждое письмо было точно еще один хриплый вздох любимого человека, чья смерть кажется неотвратимо близкой. Еще один вздох. Даже Салт-Джон написал ему несколько писем. Последнее пришло в начале 1961 года, но Бобби был изумлен и расстроган, что Салл вообще ему написал. В по-детски крупном почерке Эс-Джея и куче орфографических ошибок Бобби различал скорое появление души-парня, который с равной радостью будет играть на поле и укладывать в постель девушек из группы поддержки; парня, который с одинаковой легкостью будет путаться в чаще пунктуации и прорываться сквозь линию защитников соперничающей команды. Бобби почудилось, что он даже видит мужчину, поджидающего Салла в семидесятых и восьмидесятых годах, поджидающего так, как ждут вызванное такси, — агент по продаже машин, который со временем заведет собственное дело — естественно, «Честный Джон» — «Харвичское «шевроле» Честного Джона». У него будет большой живот, нависающий над поясом, и много табличек на стене офиса, и он будет тренировать юных любителей спорта, а каждую речь, обращенную к потенциальным покупателям, начинать с «Вот послушайте, ребята», и ходить в церковь, и маршировать на парадах по праздникам, и состоять в городском совете, и все такое прочее. Это будет хорошая жизнь, решил Бобби, — ферма и кролики вместо палки, заостренной с обоих концов. Хотя оказалось, что Салла все-таки поджидала заостренная палка, ожидала в провинции Донг-Ха вместе со старенькой мамасан, той, что всегда где-то рядом.

Бобби было четырнадцать, когда легавый остановил его у дверей магазинчика с двумя картонками пива («Наррагансет») по шесть бутылок в каждой и тремя блоками сигарет (естествен-

но, «честерфилдов» — смесь из двадцати одного наилучшего табака дарит двадцать возможностей насладиться курением сполна). Это был белокурый легавый из «Деревни Проклятых».

Бобби объяснил ему, что он ничего не взламывал: просто задняя дверь была открыта, и он просто вошел. Но когда легавый посветил фонариком на замок, оказалось, что он криво висит в трухлявом дереве, почти продавленный вовнутрь. «А это как?» — спросил легавый, и Бобби пожал плечами. Сидя в машине (Бобби он позволил сесть на переднем сиденье рядом с собой, но чинарика не дал, когда Бобби попросил), легавый начал заполнять протокол на картоне с зажимом. Он спросил у угрюмого тощего мальчишки рядом с собой, как его зовут. Ральф, сказал Бобби. Ральф Гарфилд. Но когда они остановились перед домом, где он теперь жил со своей матерью (весь дом был их: и верхний этаж, и нижний — дела шли хорошо), он сказал легавому, что соврал.

— По правде, меня Джек зовут, — сказал он.

— Да неужто? — сказал белокурый легавый из «Деревни Проклятых».

— А вот и да, — сказал Бобби, кивая. — Джек Меридью Гарфилд. Это я.

Письма от Кэрол Гербер перестали приходить в 1963 году — том, в котором Бобби в первый раз исключили из школы и в котором он в первый раз побывал в Бедфорде — Массачусетском исправительном заведении для несовершеннолетних. Причина этой побывки заключалась в обнаруженных у Бобби пяти сигаретах с марихуаной — «веселых палочках», как они с ребятами их называли. Бобби приговорили к девяноста дням, но последние тридцать скостили за примерное поведение. Он там прочел много книг. Ребята прозвали его Профессор. Бобби ничего против не имел.

Когда он вышел из Исправительного Клопомора, полицейский Гренделл — из Дэнверского отдела по работе с малолетними правонарушителями — зашел к ним и спросил, готов ли Бобби свернуть с дурной дорожки на правильную.

Бобби сказал, что готов: он получил хороший урок, и некоторое время все, казалось, шло нормально. Затем осенью 1964

года он избил одного мальчика так сильно, что того увезли в больницу, и некоторое время было неясно, будет ли его выздоровление полным. Мальчик отказался отдать Бобби свою гитару, а потому Бобби избил его и забрал гитару. Бобби играл на ней (не слишком хорошо) у себя в комнате, когда за ним пришли. Лиз он объяснил, что гитару (акустическую «Сильвертон») он купил у закладчика.

Лиз плакала в дверях, когда полицейский Гренделл вел Бобби к полицейской машине у тротуара.

— Если ты не прекратишь, я умою руки! — крикнула она ему вслед. — Я не шучу: умою и все!

— Так умой, — сказал он, залезая в кузов. — Валяй, мам, умой их сейчас же, сэкономь время.

По дороге офицер Гренделл сказал:

— А я-то думал, что ты свернул с дурной дорожки на правильную, Бобби.

— Я тоже так думал, — сказал Бобби. На этот раз он пробыл в Клопоморе шесть месяцев.

Когда он вышел, то продал свой бесплатный билет, а домой добрался на попутках. Когда он вошел в дом, мать не вышла поздороваться с ним.

— Тебе письмо, — сказала она из темной спальни. — У тебя на столе.

Едва Бобби увидел конверт, как сердце у него заколотилось. Ни сердечек, ни плюшевых мишек — она уже выросла из них, — но почерк Кэрол он узнал сразу. Он схватил письмо и разорвал конверт. Внутри был листок бумаги — с вырезанными краями — и еще конверт поменьше. Бобби быстро прочел записку Кэрол — последнюю, полученную от нее.

Дорогой Бобби!

Как поживаешь? У меня все хорошо. Тебе пришло кое-что от твоего старого друга, того, кто тогда вправил мне плечо. Оно пришло на мой адрес, потому что, наверное, он не знал твоего. Вложил записочку с просьбой переслать его тебе. Ну и вот! Привет твоей маме.

Кэрол.

Никаких новостей об ее успехах в группе поддержки. Никаких новостей о том, как у нее обстоят дела с математикой. И никаких новостей о мальчиках, но Бобби догадывался. Что их у нее перебивало уже несколько.

Он взял запечатанный конверт дрожащими руками, а сердце у него колотилось сильнее прежнего. На передней стороне мягким карандашом было написано лишь одно слово. Его имя. Но почерк был Теда, он его сразу узнал. Во рту у него пересохло, и, не замечая, что его глаза наполнились слезами, Бобби вскрыл конверт. Вернее, конвертик, как те, в которых первоклашки посылают свои первые открытки в день св. Валентина.

Из конверта вырвалось благоухание, прекраснее которого Бобби вдыхать не доводилось. Он невольно вспомнил, как обнимал мать, когда был крохой, — аромат ее духов, дезодоранта и снадобья, которое она втирала себе в волосы; и еще он вспомнил летние запахи Коммонвелф-парка, а еще он вспомнил, как пахли книжные полки в Харвичской публичной библиотеке —пряно и смутно и почему-то взрывчато. Слезы хлынули из глаз и потекли по щекам. Он уже привык чувствовать себя совсем старым, и ощущение, что он снова молод, сознание, что он способен снова ощущать себя молодым, явилось страшным, ошеломляющим шоком.

Не было ни письма, ни записки — вообще ничего. Когда Бобби перевернул конверт, на его письменный стол посыпались лепестки роз — самого глубокого, самого бархатного красного тона, какой только ему доводилось видеть.

«Кровь сердца», — подумал он с восторгом, сам не зная почему, и впервые за много лет вспомнил, как можно отключить сознание, поместить его под домашний арест. И не успел он подумать это, как почувствовал, что его мысли воспаряют. Розовые лепестки алели на изрезанной поверхности его стола, как рубины, как потасанный свет, вырвавшийся из потаенного сердца мира. «И не просто одного мира, — подумал Бобби. — Не просто одного. Есть другие миры, кроме этого, миллионы миров, и все они вращаются на веретене Башни».

А потом он подумал: «Он снова спасся от них. Он снова свободен».

Лепестки не оставляли места сомнению. Они были всеми «да», которые могли кому-либо понадобиться. Всеми «можно», всеми «можешь», всеми «это правда».

«Вверх — вниз, понеслись», — подумал Бобби, зная, что слышал эти слова прежде, но, не помня где, не зная почему, вдруг вспомнил их. Да это его и не интересовало.

Тед свободен. Не в этом мире и не в этом времени — на этот раз он бежал куда-то еще... но в каком-то другом мире.

Бобби сгреб лепестки — каждый был точно крохотная шелковая монетка. Они будто заполнили кровью его горсть. Он поднес их к лицу и мог бы угонуть в истекающем из них аромате. Тед был в них. Тед, как живой, с его особой сутулой походкой, с его белыми, легкими, как у младенца, волосами и желтыми пятнами, вытатуированными никотином на указательном и среднем пальцах его правой руки. Тед и его бумажные пакеты с ручками.

И как в тот день, когда он покарал Гарри Дулина за боль, причиненную Кэрл, он услышал голос Теда. Но тогда это было больше воображением. На этот раз, решил Бобби, голос был настоящим, запечатленным в розовых лепестках и оставленным в них для него.

«Довольно, Бобби. Хватит. Удержись. Возьми себя в руки».

Он долго сидел за письменным столом, прижимая к лицу розовые лепестки. Наконец, стараясь не обронить ни единого, он ссыпал их в конвертик и опустил клапан.

«Он свободен. Он... где-то. И он помнит».

— Он помнит меня, — сказал Бобби. — Он помнит МЕНЯ.

Он встал, зашел на кухню и включил чайник. Потом прошел в комнату матери. Она лежала на кровати в комбинации, положив ноги повыше, и он увидел, что она начинает выглядеть старой. Она отвернула лицо, когда он сел рядом с ней — мальчик, который теперь вымахал почти во взрослого мужчину, — но позволила ему взять ее руку. Он держал ее руку, поглаживал и ждал, когда чайник засвистит. Потом она повернулась и посмотрела на него.

— Ах, Бобби, — сказала она. — Мы столько всего напортили, ты и я. Что нам делать?

— То, что мы сможем, — сказал он, поглаживая ее руку. Потом поднес к губам и поцеловал там, где линия жизни и линия сердца ненадолго слились, а потом разветвились в разные стороны. — То, что мы сможем.

**РИТА ХЕЙУОРТ
И СПАСЕНИЕ ИЗ ШОУШЕНКА**

Побег из Шоушенка

Между художественной литературой и художественным фильмом есть одно главное различие: первая — почти всегда плод работы одного человека, второй — результат сотрудничества очень многих людей — от режиссера до декоратора и костюмера. Свой вклад вносят даже шумовики, добавляющие все звуковые эффекты: от шагов за кадром до лающих собак и стрекочущих сверчков. И чудо, что экранизации вообще получаются успешными. Удаются они зачастую потому, что один творческий ум для достижения четкой цели уверенно подчиняет себе других. При этом не всегда плохо, если исходная работа была относительно краткой, а ее сюжетные элементы не растянуты.

В случае «Побега из Шоушенка» этим творческим умом был Фрэнк Дарабонт. Я передал ему права, и были только мы, без посредников-продюсеров, выдающих доллары, к которым привязаны веревочки. Когда Фрэнк прислал мне свой сценарий, в нем было более ста тридцати страниц — это достаточно много, — и он был очень близок к моей истории. Я дочитал его с грустной усмешкой, думая: «Это чудесно... но никто этого не сделает. Даже не начнется ничего».

Но благодаря «Кисл-Року» (который имел успех с фильмом «Останься со мной»; на самом деле компания Роберта Райнера названа в честь моего вымышленного города в западном Мэне) это было сделано, и окончательная редакция очень близка к исходному сценарию Фрэнка — почти страница в страницу.

Фильм — сперва — не имел большого кассового успеха. Частично, может быть, из-за названия, которое не несло никакой информации и ничего не говорило воображению потенциального

зрителя. К сожалению, никто не смог придумать лучшего, в том числе и я. Мне и название моей книги не очень нравилось, и сейчас тоже не нравится. Его первая часть с Ритой Хейуорт несколько спасает положение, но все равно оно тяжеловесно... и я утешаю себя тем, что обычно очень хорошо выбираю названия (и никогда не обращаю внимания на критиканов, указывающих, что «не зря оно созвучно с дерьмом»).

И все же фильм в конце концов нашел свою публику — подумайте только! Сейчас он не покидает списка самых лучших фильмов всех времен. Люблю ли я его тоже? Да. В книге есть душа, в фильме же она чувствуется еще больше. Фрэнк Дарабонт, который крепко держал возжжи и настоял, что он будет снимать по собственному сценарию, — один из лучших людей в мире. Фильм сияет добром. Мне никогда не нравилась сцена со «Свадьбой Фигаро» (в сюжете она не ложится), но все остальное — просто светится. Рассказ жесткий там, где должен быть жестким, и полон чувств, но без сентиментальности. Один из лучших фильмов на тему о том, как люди любят друг друга и как они выживают.

*Грязные денежки — за грязные дела.
Отзвук этого слышен
В тайных сигналах, в вине виноградном.*
Норман Уинфилд

Главное — не рассказ, а рассказчик.

Рассу и Флоренс Дорр

Я из числа тех самых славных малых, которые могут достать все. Абсолютно все, хоть черта из преисподней. Такие ребята водятся в любой федеральной тюрьме Америки. Хотите — импортные сигареты, хотите — бутылочку бренди, чтобы отметить выпускные экзамены сына или дочери, день вашего рождения или Рождество... а может, и просто выпить без особых причин.

Я попал в Шоушенк, когда мне только исполнилось двадцать, и я из очень немногих людей в нашей маленькой славной семье, кто нисколько не сожалеет о содеянном. Я совершил убийство. Застраховал на солидную сумму свою жену, которая была тремя годами старше меня, а потом заблокировал тормоза на «шевроле», который ее папенька преподнес нам в подарок. Все было сработано довольно тщательно. Я не рассчитал только, что она решит остановиться на полпути, чтобы подвезти соседку с малолетним сынишкой до Касл-Хилла. Тормоза отказали, и машина полетела с холма, набирая скорость и расталкивая автобусы. Очевидцы утверждали потом, что она неслась со скоростью не меньше восьмидесяти километров в час, когда, врезавшись в подножие монумента героям войны, взорвалась и запылала, как факел.

Я, конечно, не рассчитывал и на то, что меня могут поймать. Но это, увы, произошло. И вот я здесь. В Мэне нет смертной казни, но прокурор округа сказал, что я заслуживаю трех смертей, и приговорил к трем пожизненным заключениям. Это исключало для меня любую возможность амнистии. Судья назвал совершенное мной «чудовищным, невиданным по своей гнусности и отвратительности преступлением». Может, так оно и было на самом деле, но теперь все в прошлом. Вы можете пролистать пожелтевшие подшивки газет Касл-Рока, где мне по-

священы большие заголовки и фотографии на первой странице, но, ей-богу, все это детские забавы по сравнению с деяниями Гитлера и Муссолини и проказами ФБР.

Искупил ли я свою вину, спросите вы? Реабилитировал ли себя? Я толком не знаю, что означают эти слова и какое искупление может быть в тюрьме или колонии. Мне кажется, это словцо политиканов. Возможно, какой-то смысл и был бы, если бы речь шла о том, что у меня есть шанс выйти на свободу. Но будущее — одна из тех вещей, о которых заключенные не позволяют себе задумываться. Я был молод, красив и из бедного квартала. Я подцепил смазливенькую и неглупую девчонку, жившую в одном из роскошных особняков на Карбайн-стрит. Ее папенька согласился на нашу женитьбу при условии, что я стану работать в оптической компании, владельцем которой он является, и «пойду по его стопам». На самом деле старикан хотел держать меня под контролем, как дикую тварь, которая недостаточно приручена и может укусить хозяина. Все это вызывало у меня такую ненависть, что, когда она скопилась, я совершил то, о чем теперь не жалею. Хотя если бы у меня был шанс повторить все сначала, возможно, я поступил бы иначе. Но не уверен, что это значит, будто я «реабилитировался» и «осознал свою вину».

Ну да ладно, я хотел рассказать вовсе не о себе, а об одном парне по имени Энди Дюфресн. Но прежде чем я вам о нем расскажу, нужно объяснить еще кое-что обо мне. Это не займет много времени.

Как я уже говорил, я тот человек, который может достать для вас в Шоушенке все на протяжении этих чертовых сорока лет. Это не означает всяких контрабандных штучек типа «травки» или просто экстра-сигарет, хотя эти пункты, как правило, возглавляют список заказываемых вещей. Но я достаю и тысячи других для людей, которые проводят здесь время, и некоторые из заказов не являются собой ничего противозаконного. Они вполне легальны, но просто труднодоступны в том месте, куда отправляют для наказания. Был один забавный тип, который изнасиловал маленькую девочку и демонстрировал свои мужские достоинства дюжинам остальных. Так вот, я достал для него три кусочка розового вермонтского мрамора. И он сделал три

маленькие чудесные скульптурки: младенец, мальчик лет двенадцати и бородатый молодой человек. Парень назвал свои произведения «Три возраста Иисуса», и теперь они украшают гостиную губернатора штата.

А вот имя, которое вы должны были бы помнить хорошо, если жили на севере Массачусетса, — Роберт Алан Коут. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году он попытался ограбить Первый Коммерческий банк. Его затея вылилась в кровавую бойню — в итоге шесть трупов. Два из них — члены банды, три — посетители, а один — молодой коп, который сунул нос в помещение банка очень не вовремя и получил свою пулю. У Коута была коллекция пенни. Вообще-то говоря, они запретили ему держать коллекцию в тюрьме, но с помощью матушки этого парня и одного славного малого, который работает шофером и обслуживает нашу прачечную, я смог ему помочь. И я сказал ему: «Бобби, надо быть совсем чокнутым, чтобы держать коллекцию монет в каменном мешке, забитом ворами и мошенниками». Он взглянул на меня, улыбнулся и заметил, что знает, как хранить свое добро. «Все будет в сохранности, — сказал он, — уж за это можешь не беспокоиться». Так оно и вышло. Бобби Коут умер в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом, но его коллекция не была обнаружена тюремным начальством.

Я доставал шоколад для народа на День святого Валентина. Я ухитрялся добывать молочные коктейли, которые подают в «Макдоналдсе», для абсолютно чокнутого ирландца по имени О'Мэлли. Я даже организовал ночной показ фильмов «Огромная пасть» и «Дьявол в мисс Джонс» для двадцати парней, которые скинулись, чтобы заплатить за сеанс... хотя после этого где-то с неделю отдыхал в одиночке. Ну да ладно, не беда. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Я доставал научные трактаты и книги о сексе, пожизненно заключенные и отбывающие длительный срок неоднократно умоляли добыть трусики своей жены или подружки... и, полагая, вы догадываетесь, что эти парни делали долгими тюремными ночами, когда время тянется бесконечно медленно. Я не делаю все это за спасибо, и иногда цена довольно высока. Но я не стал бы стараться и только ради денег — что значат деньги здесь? Я не смогу купить «кадиллак» или слетать на Ямайку.

Пожалуй, я оказываю все эти услуги для того же, для чего хороший мясник всегда присылает вам самое свежее мясо: я заработал себе репутацию и хочу ее поддерживать. Я не занимаюсь только двумя вещами: оружием и сильными наркотиками. Не хочу помогать кому-либо убивать себя или ближнего своего. Достаточно с меня убийств, сыт по горло.

Да, я человек дела. И когда Энди Дюфресн подошел ко мне в 1949-м и спросил, нельзя ли добыть ему Риту Хейуорт, я ответил: «Нет проблем!» Их правда не было.

Когда Энди попал в Шоушенк в 1948-м, ему было 30 лет. Это был невысокий обаятельный человек с песочными волосами и маленькими узкими ладонями. Он носил очки в золотой оправе. Ногти на руках всегда были аккуратно подпилены и безукоризненно чисты. Возможно, это покажется смешным, что я помню о мужчине такие вещи. Но его ногти произвели на меня впечатление и подняли Энди в моих глазах. Он всегда выглядел так, как будто был при галстукке и чуть ли не в смокинге. До тюрьмы он работал вице-президентом крупного банка в Портленде. Согласитесь, неплохая должность для такого молодого человека. Особенно если учесть, насколько консервативно большинство банков... и умножьте этот консерватизм в десяток раз, если вы находитесь в Новой Англии, где люди не склонны доверять свои деньги человеку, если он не стар, не лыс, не готов завтра протянуть ноги. Энди получил срок за убийство своей жены и ее любовника.

Кажется, я уже говорил, что в тюрьме каждый считает себя невинным. И все находящиеся здесь — жертвы обстоятельств, чертовского невезения, некомпетентных следователей, бессердечных прокуроров, дубоголовых полицейских и так далее и тому подобное. Мне кажется, большинство здешних обитателей — люди третьего сорта, и самое большое их «чертовское невезение» заключается в том, что их мама вовремя не сделала аборт.

За мои долгие годы в Шоушенке было всего человек десять, в невиновность которых я поверил. Энди Дюфресн был одним из них, хотя ему я поверил спустя годы с момента нашего знакомства. Если бы я был в коллегии, слушавшей его дело в Портлендском суде в 1947-м, то вряд ли был бы на стороне этого парня.

История, вообще-то говоря, довольно банальная. Наличествуют все необходимые элементы такого рода скандалов. Красивая девочка со связями в обществе, молодой спортсмен — оба мертвы, и многообещающий бизнесмен на скамье подсудимых. И грандиозный скандал в газетах, которые трещали об этом процессе без умолку. И открытое судебное разбирательство, которое продолжалось довольно долго. Прокурор округа хотел обращаться в центральные органы, и ему хотелось, чтобы Джон К. Паблик взглянул повнимательнее на это дело. Зрители начинали собираться около четырех утра, чтобы занять себе места в битком набитом зале. И это несмотря на то, что столбик термометра опускался в те дни необыкновенно низко. Даже мороз не смог отпугнуть любопытствующих.

Факты таковы: у Энди была жена, Линда Коллинз Дюфресн. В июне 1947 года она захотела научиться играть в гольф в клубе «Фэлмоуз-Хилл». Она действительно брала уроки в течение четырех месяцев. Инструктором был тренер «Фэлмоуз-Хилла» по имени Глен Квентин. В августе 1947-го Энди узнал, что Квентин и его жена любовники. Энди и Линда крупно поссорились 10 сентября 1947 года, и предметом ссоры была ее неверность.

Энди показал на суде, что жена была рада, что он узнал правду: ей надоело хитрить и увиливать. Она говорила, что ей это было более всего неприятно, и заявила Энди, что намерена подать на развод. На это он ответил, что скорее увидит ее в преисподней, чем на бракоразводном процессе. Она развернулась и уехала проводить ночь с Квентином в бунгало, которое тот снимал неподалеку от клуба. На следующее утро пришедшая домработница нашла их мертвыми в постели. И в каждом по четыре пули.

Последний факт больше всех других настраивал суд против Энди. Окружной прокурор с невиданным вдохновением и дрожью в голосе обыгрывал эту тему в своем заключительном слове. Эндрю Дюфресн, вешал прокурор, не просто разгневанный муж, учиняющий расправу над неверной женой. Это, говорил прокурор, если не простительно, то хотя бы понятно. Но мы имеем дело с безжалостным чудовищем, с хладнокровным убийцей. Обратите внимание, возвышал голос прокурор, четыре и четыре! Не шесть выстрелов, а восемь! *Он выпустил всю обойму,*

потом остановился, спокойно перезарядил пистолет и снова выстрелил в каждого из них. ЧЕТЫРЕ ЕМУ И ЧЕТЫРЕ ЕЙ. Естественно, эта речь стала изюминкой газетных публикаций, которые пестрели заголовками типа «Расчетливый убийца», «Восемь выстрелов в невинную парочку» и прочей подобной пошлятиной.

Клерк из оружейного магазина в Льюистоне показал, что он продал шестизарядный пистолет тридцать восьмого калибра мистеру Дюфресну за два дня до убийства. Бармен из клуба в своих свидетельских показаниях сказал, что Энди пришел в бар около семи часов вечера 10 сентября, заказал три виски без содовой и выпил все это в течение двадцати минут. И когда расплачивался, сообщил бармену, что направляется к Глену Квентину, а о дальнейшем можно будет прочитать в утренних газетах. Другой клерк из магазина, находящегося в миле от дома Квентина, засвидетельствовал, что Дюфресн зашел к нему тем вечером в четверть девятого. Он заказал сигареты, три бутылки пива и несколько салфеток. Судмедэксперт заключил, что Квентин и Линда Дюфресн были убиты между двадцатью тремя ноль-ноль 10 сентября и двумя ноль-ноль 11 сентября. Следовательно, который занимался этим делом, обнаружил на повороте, находящемся в семидесяти ярдах от бунгало, вещественные доказательства, которые были представлены на суде: две пустые бутылки из-под швейцарского пива с отпечатками пальцев обвиняемого, около двадцати окурков тех самых сигарет, что обвиняемый приобрел в магазине, и отлитый в пластике отпечаток шин на повороте, в точности соответствующий отпечатку шин на «плимуте» обвиняемого 1947 года выпуска.

В спальне бунгало на софе были найдены четыре салфетки. Они были продырявлены пулями и испачканы порохом. Следовательно заключил, что убийца обмотал ствол оружия салфетками, чтобы приглушить звук выстрела.

Энди Дюфресн, получив слово, рассказал о происшедшем спокойно, холодно, рассудительно. Он сказал, что где-то в конце июля до него начали доходить кое-какие сплетни. В начале августа он был так измучен неопределенностью ситуации, что решил устроить проверку. Как-то вечером Линда собралась якобы съездить в Портленд за покупками после занятия гольфом.

Энди преследовал ее и Квентина до бунгало (которое газеты окрестили «Любовным гнездышком»). Он припарковался на повороте и подождал, пока Квентин отвезет Линду до клуба, где она оставила свою машину.

— Вы хотите сказать, что преследовали жену на вашем новом «плимуте»? — спросил прокурор.

— На вечер я поменялся машинами с другом, — ответил Энди, и эта холодная запланированность его действий только усугубила негативное отношение к нему судей и присяжных.

Вернув машину другу и забрав свою, Энди поехал домой. Линда, лежа в кровати, читала книгу. Он спросил ее, как прошла поездка в Портленд. Она ответила, что все было замечательно, но ей не удалось присмотреть ничего, что стоило бы купить. С тех пор Энди окончательно уверился в своих подозрениях. Он рассказывал все это совершенно спокойно, негромким ровным голосом, который за все время его показаний ни разу не пререкся, не повысился, не сорвался.

— Каково было ваше психическое состояние после этого и до той ночи, когда была убита ваша жена? — спросил защитник.

— Я находился в глубокой депрессии, — холодно ответил Энди. Все так же монотонно и безэмоционально, как человек, зачитывающий меню в ресторане, он поведал, что задумал самоубийство и зашел так далеко, что даже купил в Льюистоне пистолет 8 сентября.

Затем защитник предложил рассказать присяжным, что произошло после того, как Линда отправилась на встречу с Гленом Квентином в ночь убийства. Энди рассказал, и впечатление, которое он произвел на жюри, было наихудшим, какое только можно себе вообразить.

Я знал его довольно близко на протяжении тридцати лет и могу сказать, что ни у кого из встречавшихся мне людей не было такого самообладания. Если у него все было в порядке, то кое-какую информацию о себе он выдавал в час по чайной ложке. Но если с ним что-то не так, вам этого никогда не удалось бы узнать. Если Энди когда-то и пережил «темную ночь души», как выразился какой-то писатель, он никогда никому этого не расскажет. Он относился к тому типу людей, которые, задумав самоубийство, не устраивают прощальных истерик и не оставля-

ют трогательных записок, но аккуратно приводят в порядок свои бумаги, оплачивают счета, а затем спокойно и твердо осуществляют задуманное. Это хладнокровие и подвело его на процессе. Лучше бы он проявил хоть какие-либо признаки эмоций. Если бы голос его сорвался, если бы он вдруг разрыдался или даже начал бы орать на окружного прокурора — все пошло бы ему на пользу, и не сомневаюсь, что он был бы амнистирован, например, в 1954-м. Но он рассказывал свою историю как машина, как бесчувственный автомат, словно говоря присяжным: «Вот моя правда. Принимать ее или нет — ваше дело». Они не приняли.

Энди сказал, что он был пьян той ночью, что он был в той или иной степени пьян с 24 августа и что он терял над собой контроль и уже не мог удержаться от рюмки. В это присяжные могли поверить с большим трудом. Перед ними стоял молодой человек в превосходном шерстяном костюме-тройке, при галстукe, прекрасно владеющий собой, с холодным спокойным взглядом. И очень сложно было представить себе, что он напиивается в стельку из-за мелкой интрижки своей жены с провинциальным тренером. Я поверил в это только потому, что у меня был шанс узнать Энди так, как эти шесть мужчин и шесть женщин знать его не могли.

Энди Дюфресн заказывал спиртное всего лишь четыре раза в год за все время нашего знакомства. Он встречал меня на прогулочном дворе за неделю до своего дня рождения, а потом перед Рождеством. Всякий раз он заказывал бутылку «Джек Дэниэлс». Он покупал это так же, как и большинство заключенных, получающих здесь гроши за свой рабский труд. С 1965 года расценки нашего труда подняли на двадцать пять процентов, но они остались смехотворно низкими. Плата за мой труд составляла десять процентов от стоимости товара. Прибавьте это к цене высококлассного виски типа «Блэк Джек», и вы получите представление о том, сколько часов тяжелого труда в тюремной прачечной могут обеспечить четыре бутылки в год.

Утром 20 сентября, в свой день рождения, Энди слегка выпил, а вечером после отбоя продолжил это занятие. На следующее утро он отдал мне остаток бутылки и сказал, чтобы я распределил спиртное между своими. И другую бутылку, которую

он пил на Рождество, и еще одну, заказанную на Новый год, он вернул мне недопитыми с теми же инструкциями. Четыре раза в год — и это человек, который прежде напивался безудержно, которого алкоголь втянул в эту скверную историю. Достаточно скверную, скажу я вам.

Энди сообщил присяжным, что в ночь с 10 на 11 сентября был настолько пьян, что помнил происходившее с ним только какими-то урывками. Он начал пить днем еще до того, как поссорился с Линдой. После того как она пошла на встречу с Квентином, он решил помешать ей. По дороге заскочил в клуб, чтобы опрокинуть стопочку-другую. Он не помнил, что советовал владельцу бара читать утренние газеты, да и вообще разговаривал с ним. Он помнил, как покупал в магазине пиво, но не салфетки. «И зачем бы мне нужны были салфетки?» — спросил Энди, и в одной из газет было отмечено, что три леди из присяжных содрогнулись.

Позже, гораздо позже, он изложил мне свои предположения о клерке, который упоминал эти чертовы салфетки, и мне кажется, дело обстояло именно так.

— Предположим, в соответствии с концепцией обвинителя, — говорил Энди на прогулочном дворе, — они пристали к этому парню, что продавал мне ночью пиво, со своими вопросами. С тех пор как тот тип меня видел, прошло три дня. Мое дело занимало первую полосу любой газеты, было у всех на слуху. Они надели на беднягу, пять-шесть копов плюс следователь, плюс помощник прокурора. Память на редкость коварная штука, Рэд. Они могли начать с вопроса: «А не покупал ли обвиняемый у вас салфеток?» — и затем гнуть свою линию не сворачивая. Если достаточное количество людей *хочет*, чтобы ты что-то вспомнил, то вспомнишь, это очень вероятно.

Я согласился, что такое вполне возможно.

— И есть еще одна вещь, которая сильно давит на сознание. И поэтому, думаю, клерк легко убедил себя сам в истинности своих слов. Это слава, Рэд. Представь, репортеры задают ему вопросы, фото во всех газетах... и в довершение всего его выступление в суде. Сдается мне, что он прошел бы — если действительно не прошел — детектор лжи или поклялся бы — если действительно не поклялся — именем своей матери, что я по-

купал эти салфетки. И все же... память настолько *коварна*. Мне известно одно: хотя мой адвокат и считал, что я выдумал половину своей истории, эпизод с салфетками он опровергал не задумываясь. Действительно, здесь у них неувязка, согласись. Я был пьян в стельку. Слишком пьян, чтобы думать о том, как приглушить звук выстрела. Если бы я стрелял, то ни о чем бы уже не думал. — Так говорил Энди.

Он припарковался на повороте, пил пиво, курил сигареты, ждал. Он наблюдал зажженный свет в окнах бунгало Квентина. Видел, как какой-то огонек поднялся вверх по ступеням, затем проследовал вниз и наступила темнота. Энди говорил, что последующее он может только предполагать.

— Мистер Дюфресн, не поднялись ли вы потом по ступеням дома мистера Квентина, чтобы убить его и вашу жену? — спросил защитник.

— Нет, этого не было, — ответил Энди. Он рассказал, что начал трезветь где-то около полуночи. Затем почувствовал адскую головную боль и все прочие неприятные симптомы похмелья. Он решил поехать домой, хорошо выспаться и обдумать все свои дела утром на свежую голову.

— В то время как я ехал домой, мне пришло в голову, что лучше всего было бы не мучиться и спокойно дать жене развод, — заключил Энди.

Прокурор подскочил на месте:

— Ну что ж, вы выбрали неплохой путь развестись с женой, не так ли? Вы развелись с ней при помощи револьвера тридцать восьмого калибра, прикрытого салфетками, да?

— Нет, сэр, этого не было, — спокойно ответил Энди.

— А затем пристрелили ее любовника.

— Нет, сэр.

— Вы хотите сказать, что Квентин получил свою пулю первым?

— Я хочу сказать, что вовсе не стрелял ни в кого из них. Я выпил две бутылки пива и выкурил все те сигареты, что подобрала на повороте полиция. Затем поехал домой и лег спать.

— Вы рассказывали присяжным, что с 24 августа по 10 сентября вы хотели покончить жизнь самоубийством?

— Да, сэр.

— И продвинулись так далеко, что купили револьвер.

— Да.

— Как вы смотрите на то, мистер Дюфресн, что не производите на меня впечатление суицидального типа?

— Ну что ж, — ответил Энди, — а вы не кажетесь мне человеком достаточно разумным и проникательным. И я крупно сомневаюсь в том, что если бы у меня *имелись* суицидальные наклонности, то я бы поделился этим с вами.

Легкий шум в зале. Перешептывание присяжных.

— Вы взяли свой пистолет с собой в ту сентябрьскую ночь?

— Нет, ведь я же говорил...

— Ах да! — саркастически усмехнулся прокурор. — Вы выбросили его в реку, не правда ли? В Ройял-Ривер. Днем девятого сентября.

— Да, сэр.

— За день до убийства.

— Да, сэр.

— Убедительно, не так ли?

— Не знаю, убедительно или нет, сэр. Это правда, и все.

— Кажется, вы слышали показания лейтенанта Минчера?

Минчер был главой группы, которая обследовала окрестности Ройял-Ривер около моста Понд-роуд, с которого Энди выбросил свой пистолет. Поиски на дне реки не принесли никаких результатов.

— Да, сэр. Я слышал.

— Вы слышали, что они ничего не нашли, хотя занимались этим в течение трех дней? И это тоже, кажется, звучит убедительно?

— Возможно. Факт то, что они действительно не отыскивали пистолет, — спокойно ответил Энди. — Но я хотел бы заметить, что мост Понд-роуд расположен очень близко от места, где река впадает в залив Ярмут. Течение довольно сильное. Оно могло вынести пистолет в залив.

— И конечно же, нет никакой взаимосвязи между пулями, вынутыми из окровавленных тел вашей жены и мистера Квентина, и вашим револьвером. Это так, мистер Дюфресн?

— Да, сэр.

— И это должно звучать убедительно?

Здесь, как писали газеты, Энди позволил себе одну из немногих эмоциональных реакций, которые можно было наблю-

дать за все время процесса. Едва уловимая ироническая усмешка заиграла на его губах.

— Поскольку я невиновен в этом преступлении, сэр, и поскольку я сказал правду о том, что выбросил пистолет в реку за день до убийства, мне кажется совершенно неудивительным, что он до сих пор не найден.

Прокурор давил на него в течение двух дней. Он снова и снова перечитывал показания клерка о салфетках. Энди отвечал на это, что он не помнит, как покупал их, но не может поклясться, что он их не покупал.

Правда ли, что в начале 1947 года Энди и Линда Дюфресн застраховались на крупную сумму? Да, это так. А правда ли тогда, что Энди должен был получить пятьдесят тысяч долларов после убийства жены? Правда. В таком случае верно ли, что он пошел к дому Квентина с целью убить обоих любовников и *действительно* убил их? Нет, это не верно. И что же он в этом случае думает о происшедшем, если полиция не обнаружила никаких следов грабежа?

— Я не могу этого знать, сэр, — отвечал Энди.

Суд удалился на совещание в час дня. Присяжные вернулись в три тридцать. Пристав сказал, что они придут раньше, но присяжные задержались, чтобы насладиться великолепным обедом за счет государства в ресторане Бентли. Они объявили мистера Дюфресна виновным, и если бы в Мэне была смертная казнь, Энди покинул бы этот лучший из миров еще до того, как появились первые подснежники.

Прокурор спрашивал Энди, что он думает о случившемся, и тот не ответил. На самом деле у него были соображения на этот счет, и как-то вечером в 1955 году я их услышал. Семь лет ушло на то, чтобы от шапочного знакомства мы перешли к более близким, дружеским отношениям. Но я не чувствовал себя достаточно близким к Энди человеком где-то до 1960 года или около того. И вообще я оказался единственным, с кем он был на короткой ноге. Мы оба являлись долгосрочными заключенными, жили в одном коридоре, хотя и на порядочном расстоянии друг от друга.

— Что я об этом думаю? — усмехнулся он. — Думаю, что жуткое невезение в тот день просто витало в воздухе. Что такое

количество неприятностей в столь короткий промежуток времени трудно себе представить. Несчастье просто кругами ходило у этого чертова домика. Это был какой-нибудь прохожий, незнакомец. Возможно, взломщик. Возможно, случайно оказавшийся там психопат. Маньяк. Он убил их, только и всего. И вот я здесь.

Все так просто. А он теперь обречен провести всю свою жизнь, или значительную ее часть, в Шоушенке, в этой чертовой дыре. Выйти отсюда, когда в вашей карточке стоит пометка *убийство*, довольно сложно. Сложно и медленно, как каплям воды раздробить камень. В коллегии сидят семь человек, на два больше, чем в остальных тюрьмах, и каждый из этих семерых имеет ледяной рассудок и каменное сердце. Вы не можете купить этих ребят, уболтать их, запугать или воззвать к состраданию. Здесь, за этой стеной, деньги уже не имеют того значения, и все меняется.

Был такой парень по имени Кендрикс, который солидно задолжал мне и выплачивал долг в течение четырех лет. Он работал на меня и чем более всего был мне полезен — так это умением добывать информацию, к которой я сам доступа никогда бы не получил. Когда занимаешься такой деятельностью, как я, нужно держать ухо востро и быть в курсе всех дел.

Кендрикс сказал мне, что коллегия голосовала за освобождение Энди Дюфресна следующим образом. В 1957-м — семь — ноль против него, шесть — один в 58-м, семь — ноль в 59-м и пять — два в 60-м. Не знаю, что было потом, но шестнадцатью годами позже он все еще находился в камере 14 пятого блока. Тогда, в 1975-м, ему было пятьдесят семь. Возможно, они проявили бы великодушие и выпустили его где-нибудь в 1983-м. Они, конечно, поступают очень гуманно, даруя вам свободу, но послушайте вот что. Я знал одного парня, Шервуда Болтона, и он держал у себя в камере голубя с 1945-го по 1953-й. Пока его не амнистировали, у него жил этот голубь. Парень не был большим любителем птиц, он просто жил с ним, привык к нему, и все. Он звал его Джек. Болтон выпустил Джека на свободу за день до того, как по решению коллегии был выпущен на свободу сам. Птичка выпорхнула из его рук, только ее и видели.

А через неделю после того, как Шервуд Болтон покинул нашу счастливую маленькую семью, один приятель подозвал меня к себе и повел в западный угол прогулочного двора, где обычно прохаживался Шервуд. Там в пыли валялся маленький грязный комок перьев, в котором с трудом можно было различить засыпавший трупик голубя. Друг спросил:

— Это Джек?

Да, это был Джек. Бедная птичка погибла от голода.

Я вспоминаю первый раз, когда мы пересеклись с Энди. Этот день так хорошо сохранился в моей памяти, что я могу воспроизвести все детали, словно это было вчера. В тот раз он не просил Риту Хейуорт. Это произошло позже. Летом 1948 года он подошел ко мне совсем по другому поводу.

Большинство моих операций совершалось на прогулочном дворе, здесь заключил я и эту сделку. Наш двор очень большой, гораздо больше, чем дворы во многих других тюрьмах. Северная сторона его представляет собой стену с вышками в каждом углу. Охранники с биноклями, превосходно вооруженные, сидят на вышках и осматривают окрестности. Здесь же расположены главные ворота. Хозяйственные ворота для перевозки различных грузов расположены в южной стороне двора. Их пять. В течение рабочей недели Шоушенк — довольно оживленное место: туда-сюда постоянно снуют посыльные, у ворот сигналият грузовые машины. На территории находится большая прачечная, обслуживающая всю тюрьму, плюс госпиталь Киттери и приют Элиот. Кроме того, здесь также расположен крупный гараж, где заключенные, исполняющие обязанности механиков, следят за машинами охраны, тюремными машинами, государственными, муниципальными... и, конечно, члены коллегии тоже не упускают случая воспользоваться нашими услугами.

Восточная сторона двора — каменная стена в маленьких зарешеченных окнах. Пятый блок находится по другую сторону этой стены. Администрация и лазарет расположены в западной стороне. Шоушенк никогда не бывал переполнен, как большинство тюрем, а в 1948 году он был занят едва ли на две трети. Но в любое время на прогулочном дворе вы можете увидеть от восьмидесяти до сотни заключенных, играющих в футбол или бейс-

бол, просто прохаживающихся, болтающих друг с другом, обсуждающих свои дела. В воскресенье становится еще болеелюдно, и все это напоминало бы даже уик-энд за городом, если бы не славные ребята на вышках и отсутствие женщин.

Энди подошел ко мне впервые именно в воскресенье. Я только что закончил разговор с Элмором Армитажем, славным малым, который часто имел дело со мной, и тут подошел Энди. Я, конечно, уже знал, кто это такой. Он успел заработать себе репутацию сноба и хладнокровного типа. Я слышал даже такую фразу, что Энди уверен, что его дерьмо пахнет приятнее, нежели дерьмо простого смертного. Говорили также, что ничего хорошего этому парню здесь не светит. Один из утверждавших это был Богс Даймонд, человек, которому лучше не попадаться на пути, если вы дорожите собственной шкурой. Про Энди уже сплетничали достаточно многие, но я не люблю прислушиваться к досужим рассказам, пока сам не составлю мнение о человеке.

— Добрый день, — произнес он. — Я Энди Дюфресн. — Он протянул руку, я пожал ее. Он не был похож на человека, который станул терять время, чтобы показаться общительнее. И действительно, мы сразу перешли к делу.

— Я слышал, что вы тот человек, который может кое-что достать.

Я согласился, что кое-что входит в возможности моей скромной персоны.

— Как вы это делаете? — напрямую спросил Энди.

— Временами вещи, кажется, сами идут ко мне в руки. Это сложно объяснить. Возможно, все дело в том, что я ирландец.

Он слегка улыбнулся.

— Я хочу, чтобы вы достали мне геологический молоток.

— Что это еще за штуковина и зачем она вам?

Энди изумился и чуть приподнял брови.

— Разве мотивация желания заказчика является частью вашего бизнеса?

Вот тут-то я понял, почему его называют снобом, неудивительно, что человек, задающий такие вопросы, заслужил соответствующую репутацию. Однако мне показалось, что в его словах заключается изрядная доля иронии, и я объяснил ситуацию:

— Видите ли, если вы хотите зубную щетку, я как-нибудь обойдусь без знания мотивов. Просто назову цену. Потому что зубная щетка не относится к вещам, если можно так выразиться, летальным.

— Вы испытываете неприязнь к летальным вещам?

— Да.

Старый потрепанный бейсбольный мяч полетел в нашу сторону. Энди развернулся и аккуратным движением кисти послал мяч в точности туда, откуда он приближался. Движение было великолепным, точным, быстрым, необыкновенно изящным. Сам Френк Мелзон мог бы таким гордиться. Я видел, что большинство людей, продолжая заниматься своими делами, краем глаза наблюдали за нами. Возможно, на нас с интересом смотрели и ребята с вышек. В каждой тюрьме есть несколько человек, имеющих наибольший авторитет среди заключенных. Скажем, четыре или пять в маленькой тюрьме, два-три десятка в большой. В Шоушенке я был одним из них, и от моего мнения зависело очень много. То, что я скажу об Энди, будет играть важнейшую роль в его дальнейшей судьбе. И он это знал, но нисколько не заносился передо мной. Я начинал уважать его за это.

— Ну хорошо, я расскажу вам, что представляет собой этот молоток и зачем он мне нужен. Геологический молоток имеет примерно такие размеры. — Энди развел руки, и тут я обратил внимание, какие они у него ухоженные и как аккуратно подпилены и вычищены ногти. — Эта штука слегка напоминает кирку, с одного конца она острая, с другого чуть приплюснута. Я люблю камни, поэтому делаю вам такой заказ.

— Камни... — повторил я.

Энди посмотрел на меня и усмехнулся:

— Идите-ка сюда.

Я последовал приглашению. Мы опустились на корточки, как дети.

Энди набрал полную пригоршню дворовой пыли и начал растирать ее между ладонями. Пыль и грязь взвилась облаком вокруг его ухоженных рук. В ладонях остались несколько небольших камешков, парочка блестящих, остальные плоские и совершенно неинтересные на вид. Один из них был кварц и не производил впечатления, пока Энди не очистил его хорошень-

ко. Теперь он сверкал, как стеклышко. Энди бросил камешек мне. Я поймал его и назвал.

— Конечно, кварц, — кивнул Энди, — и вот еще, смотрите. Слюда. Сланец. Гранит. Здесь были залежи известняка, ведь наш славный дворик, как вы могли заметить, вырезан в холме. Вот почему здесь можно найти все это. — Он отшвырнул камешки и отряхнул руки. — Я большой любитель камней. Точнее сказать... был таковым, пока не попал сюда, в той жизни. Но хочу и здесь хоть в какой-то мере заниматься своим увлечением.

— Воскресные экспедиции на прогулочный двор?

Эта идея, конечно, была совершенно идиотской. Однако маленький кусочек кварца как-то странно затронул мое сердце. Не могу даже объяснить — почему. Никому раньше не приходило в голову заниматься здесь такими вещами. Этот камешек, возможно, был для меня ниточкой, связывающей нас с внешним миром. Со свободой.

— Лучше устраивать воскресные экспедиции на прогулочный двор, чем вовсе обходиться без них, — сказал Энди.

— Однако могу ли я быть уверен, что этот молоточек не опустится рано или поздно на чью-нибудь голову?

— Здесь у меня нет врагов, — мягко сказал Энди.

— Нет? — Я улыбнулся. — Подождите немного.

— Если будут какие-нибудь эксцессы, я улажу все и без молотка.

— Возможно, вы хотите устроить побег? Раздробить стену? Если это так...

Он рассмеялся. Когда через три недели я увидел этот молоток, то понял почему.

— Полагаю, вы в курсе, что, если кто-нибудь увидит этот молоток, его отберут. Если у вас в руках обнаружат чайную ложку, будьте уверены, отберут и ее. И что же вы намерены делать — сидеть здесь посреди двора и стучать по камешкам?

— О, поверьте, я вовсе не это намерен делать. Придумаю кое-что получше.

Я кивнул. В конце концов меня действительно это не касается. Я достаю заказчику товар, а что случается потом, меня волновать не должно.

— Сколько может стоить такая штукавина? — поинтересовался я. Мне начинал нравиться его стиль общения — прохладный, спокойный, чуть ироничный. Если бы вы провели в этой чертовой дыре столько лет, сколько я, вы бы поняли, как можно устать от этих шумных ребят с лужеными глотками, вечным стремлением качать свои права и широким ассортиментом бранных слов, среди которых попадаются хорошо если десяток цензурных. Да, пожалуй, Энди понравился мне сразу.

— Восемь долларов, — ответил он. — Но я понимаю, что вы занимаетесь своим бизнесом не в убыток себе.

— Обычно я беру цену товара плюс десять процентов накидываю для себя. Но когда речь идет о такого рода вещах, которые если и не являются опасными, то могут показаться таковыми тюремному начальству, я увеличиваю цену. В конце концов, мне самому приходится давать кое-кому на лапу, чтобы заставить вращаться все винтики и колесики... Скажем так: десять долларов.

— Договорились.

Я взглянул на него с интересом, слегка улыбнувшись.

— Они у вас имеются?

— Да, — пожал плечами Энди.

Спустя довольно долгое время я узнал, что он имел гораздо больше. Порядка пяти сотен долларов. Он пронес их с собой. Конечно, при поступлении в тюрьму вы подвергаетесь тщательной проверке, и эти ребята, будьте спокойны, отберут у вас все, что им удастся обнаружить. Но человек опытный или, как в случае с Энди, просто сообразительный может обвести всех этих славных малых вокруг пальца, есть тысяча способов это сделать.

— Вот и прекрасно, — сказал я, — и еще: надеюсь, вы знаете, что нужно делать в случае, если вас поймают.

— Надеюсь, знаю, — отвечал Энди, и по легкому изменению выражения его серых глаз я понял, что он знает, о чем я намерен толковать. Это было едва заметное изменение, просто взгляд чуть засветился тонкой иронией.

— Если вас поймают, нужно говорить, что вы нашли ваш молоток. Окажетесь в одиночке на две, три недели... и, конечно, потеряете свою игрушку и получите отметку в карточку. Мое имя называть нельзя ни в коем случае. Нашли — и все, ни боль-

ше ни меньше. Если же вы меня выдадите, мы никогда больше не будем иметь дел. Никаких: я не стану доставать для вас ни бутылку виски, ни шоколадку к празднику. Кроме того, попрошу своих ребят объяснить вам вкратце правила поведения. Я не сторонник жестких мер, поймите правильно, мне приходится как-то защищаться, иначе мой бизнес ничем хорошим не кончится. По-моему, это вполне естественное желание.

— Да, согласен. Можете не беспокоиться.

— Не в моих правилах беспокоиться о чем-либо. Это было бы глупо и смешно в таком месте.

Он кивнул на прощание и пошел своей дорогой. Тремя днями позже, когда в прачечной был перерыв на обед, он прошел мимо меня, не говоря ни слова, даже не поворачивая головы. Иснул мне в руку купюру с ловкостью карточного фокусника. Быстро же этот парень научился ориентироваться в ситуации! А молоток я уже достал. Он лежал у меня в камере целые сутки, и я мог видеть, что это именно та шутовина, которую описал Энди. Конечно, сама мысль о том, чтобы с помощью этого оружия устроить побег, была нелепой. Это заняло бы шесть сотен лет, не меньше. Однако я все еще оставался при своих сомнениях. Если острый конец молотка когда-либо опустится на чью-нибудь голову, то тот бедняга, с кем это случится, никогда уже не выйдет прогуляться на наш славный дворик... Я слышал, Энди уже имел неприятности с сестрами, и очень надеялся, что молоток припасен не для них.

Мои ожидания подтвердились. Рано утром следующего дня, за двадцать минут до подъема, я сунул эту шутовину Эрнн, славному малому, который подметал коридор пятого блока, пока не ушел отсюда в 1956-м. Не говоря ни слова, он взял молоток, и на протяжении девятнадцати лет я так и не увидел его и не услышал ничего о каких-либо учиненных Энди с его помощью неприятностей.

В следующее воскресенье Энди подошел ко мне во дворе. Выглядел он, смею заметить, преотвратно. Разбитая нижняя губа опухла, правый глаз, окруженный огромным синяком, был полуприкрыт, на щеке виднелась ссадина. У него продолжались неприятности с сестрами, но Энди ни словом не упомянул об этом.

— Спасибо за инструмент, — произнес он и пошел дальше.

Я с любопытством наблюдал за ним. Он прошел несколько шагов, остановился, нагнулся и поднял с земли небольшой камешек. Затем отряхнул его и внимательно осмотрел. Карманы в тюремной одежде не предусмотрены. Но из этого положения всегда можно найти выход. Камешек исчез в рукаве, и Энди продолжал свой путь... Я восхищался им. Вместо того чтобы ныть по поводу своих проблем, он продолжал спокойно жить и старался сделать свою жизнь максимально приятной и интересной. Тысячи людей вокруг на такое отношение к вещам не способны, и не только здесь, но и за пределами тюремных стен. Еще я отметил, что, хотя лицо Энди было обезображено последствиями вчерашнего конфликта, ногти были идеально ухожены и чисты.

Я редко видел его на протяжении последующих шести месяцев — большую часть этого времени Энди провел в одиночном carcere.

Теперь несколько слов о сестрах. В других тюрьмах существуют какие-то иные термины для обозначения этих людей. Позже в моду вошло название «королевы убийц». Но в Шоушенке они всегда назывались сестрами. А впрочем, не вижу особой разницы. Не все ли равно, как именовать это явление, суть от этого не изменится.

В наше время уже ни для кого не секрет, что за тюремными стенами процветает содомия. Это и неудивительно. Большое количество мужчин на долгое время оказываются в изоляции и не могут получать удовлетворение привычным путем. Поэтому часто те из них, кто на воле общался только с женщинами, в тюрьме вынуждены заниматься сексом с мужчинами, чтобы не сойти с ума от переполняющего их желания. Впрочем, если хотите знать мое мнение, то гомосексуальная склонность была заложена в них с самого начала. Потому что если бы они были настолько гетеросексуальны, насколько привыкли себя считать, то они стали бы терпеливо дожидаться, пока их выпустят на свободу к женам и подругам.

Также существует достаточное количество мужчин, которые, на свою беду, молоды, симпатичны и неосмотрительны —

их совратили уже в тюрьме. В большинстве случаев им отводится женская роль, и партнеры этих бедняг соревнуются друг с другом за обладание ими.

А еще есть сестры. Для тюремного общества это то же, что насильники для общества за этими стенами. Обычно сестры — заключенные, отбывающие длительный срок за тяжкие преступления: насилие, убийство, грабеж и так далее. Как правило, их жертва молода, слаба и неопытна... Или, как в случае с Энди, только выглядит слабой. Их охотничьи угодья — души, задний двор за помещениями прачечной, иногда лазарет. Неоднократно изнасилование происходило в маленькой, тесной, как шкаф, комнате, выполняющей функции кладовки или подсобного помещения в прачечной. Чаше всего сестры берут силой то, что могут получить и по-хорошему: их жертвы, будучи уже совращены, довольно забавно испытывают увлечение своими партнерами, как шестнадцатилетние девчонки увлекаются своими Пресли Редфордами. Но для сестер, судя по всему, основное удовольствие состоит именно в том, чтобы брать силой... И я полагаю, так будет всегда.

Энди оказался в центре внимания сестер с первого своего дня в Шоушенке. Наверное, их привлек ухоженный вид этого человека, его приятная внешность и абсолютное спокойствие. И если бы я рассказывал вам сказку, с удовольствием продолжил бы ее в том духе, что Энди долго боролся с сестрами и им так и не удалось достичь желаемого. Я хотел бы сказать так, но не могу. Тюрьма — не то место, где сбываются сказки.

Первый раз к нему подошли в душе спустя три дня после его прибытия в Шоушенк. Это была всего лишь проба сил. Шакалы долго кружат около своей добычи и, прежде чем схватить ее, должны убедиться в беззащитности жертвы.

Энди, резко развернувшись, разбил губу огромному мощному парню из числа сестер по имени Богс Даймонд. Охранник разнял дерущихся, прежде чем это зашло слишком далеко. Но Богс обещал Энди, что достанет его, и сдержал свое слово.

Второй раз произошел за помещениями прачечной. За многие годы чего только не случалось на этом пыльном узком задворке. Охранники прекрасно все знали и позволяли событиям течь своим чередом. Там было тесно, все завалено упаковками

от стиральных порошков и отбеливателей, пачками катализатора «Хекслайт», безвредного, как соль, если у вас сухие руки, и убийственного, как кислота, если ваши ладони мокры. Охранники не любили туда ходить. Места для маневров там не было, а одна из первых заповедей, которой обучали этих ребят при поступлении на работу, — ни в коем случае не попадать в места, где заключенные могут окружить и некуда будет отступить.

В тот день Богса в прачечной не было. Однако Хенли Бакас, мастер, возглавлявший бригаду работников прачечной с 1922 года, рассказывал потом, что присутствовали четыре друга Богса. Энди встал в дверях, держа в руках пачку «Хекслайта» и обещая засыпать порошок в глаза нападающим на него, если они тронутся с места. Но удача в тот день была не на его стороне: Энди поскользнулся на большом целлофановом пакете отбеливателя и упал. Все четверо тут же накинулись на него.

Наверное, такая неприятная вещь, как групповое изнасилование, останется неизменной на протяжении многих поколений заключенных. Именно это и сделали с ним четыре сестры. Они повалили его на большую картонную коробку, и один из насильников держал у его виска острую финку, пока остальные занимались своим делом. Такого рода происшествие выбивает вас из колен, но не слишком надолго. Я сужу по собственному опыту, спросите вы? Хотел бы, чтобы это было не так. Очень хотел бы... Некоторое время у вас будет идти кровь, но не слишком сильно. Если вы не хотите, чтобы какой-нибудь клоун на прогулочном дворе поинтересовался, как прошла ваша первая брачная ночь, то следует просто подложить туалетную бумагу и ходить с ней, пока кровь не остановится. Кровотечение напоминает женскую менструацию, оно довольно слабое и продолжается два-три дня. Затем прекращается. Никакого особого вреда вам не причинили. Никакого *физического* вреда, но изнасилование есть изнасилование, с вами сделали нечто противоестественное, и вы должны теперь решать, как с этим жить дальше.

Энди прошел через это один, переживая в одиночестве все события тех дней. Он пришел к тому выводу, к которому приходит каждый, оказавшийся на его месте: что есть только два пути общения с сестрами — слаться им или продолжать борьбу.

Он решил бороться. Когда Богс и еще парочка ублюдков из его компании подошли к нему через недельку после прошлого инцидента, Энди не долго думая заехал в нос приятелю по имени Рустер Макбрайд. Этот фермер с массивной нижней челюстью и низким лбом находился здесь за то, что до смерти избил свою падчерицу. К счастью для общества, он умер, не выходя из Шоушенка.

Они навалились на него втроем. Рустер и еще один тип, возможно, это был Пит Вернес, но я не могу быть в точности уверен, повалили Энди на колени. Богс Даймонд стал перед ним. У Богса была бритва с перламутровой ручкой и выгравированным на каждой стороне рукоятки его именем. Он открыл ее и произнес:

— Смотри сюда, мальчик. Сейчас я дам тебе кое-что, и ты возьмешь это в рот. А потом так же поступит мистер Рустер. Полагаю, ты не откажешься доставить нам удовольствие. Тем более что имел неосторожность разбить ему нос и должен теперь как-то это компенсировать.

— Все, что окажется у меня во рту, будет вами навек утеряно, — спокойно ответил Энди.

Богс поглядел на него как на придурка, рассказывал потом Эрни, бывший в тот день в прачечной.

— Нет, — медленно произнес он, словно объясняя простейшие вещи глупому ребенку, — ты меня не понял. Если ты попробуешь дернуться, то узнаешь вкус этого лезвия. Теперь дошло?

— Я-то вас понял. Боюсь, вы не поняли меня. Я сказал, что откушу все, что вы попытаете в меня засунуть. А что касается лезвия, следует учитывать, что резкая боль вызывает у жертвы непроизвольное мочеиспускание, дефекацию... и сильнейшее сжатие челюстей.

Он глядел на Богса, улыбаясь своей характерной, едва уловимой иронической улыбкой. Будто вся компания обсуждала с ним проблемы человеческих рефлексов, а не собиралась его изнасиловать. Будто он был в своей шикарной шерстяной тройке и при галстуксе, а не валялся на грязном полу подсобки, придерживаемый двумя бугаями, с кровью, сочащейся из задницы.

— И кстати, — продолжал он, — я слышал, что этот рефлекс проявляется так сильно, что челюсти жертвы можно раз-

жать только с помощью металлического рычага. Можете проверить, но я бы не рекомендовал.

Богс оставил Энди и ничего не засунул ему в рот той февральской ночью сорок восьмого года, не сделал этого и Рустер Макбрайд. И насколько я знаю, никто никогда такого рода эксперимент поставить не решился. Хотя они втроем довольно круто избили Энди в тот день и оказались все вместе в карцере. Энди и Рустер попали потом в лазарет.

Сколько еще раз эти ребята пытались получить свое от Энди? Не знаю. Макбрайд потерял вкус довольно быстро: перебитый нос не располагал к такого рода развлечениям. Летом отстал и Богс Даймонд.

С Богсом вышел довольно странный эпизод. Однажды утром, в начале июля, его недосчитались на проверке. Он был найден в камере в полубессознательном состоянии, жутко избитым. Он не сказал, что произошло, кто это сделал и как к нему в камеру пробрались, но для меня все было совершенно ясно. Я прекрасно знаю, что за соответствующую сумму офицер охраны окажет вам любую услугу. Разве что не продаст оружие. Большие деньги никогда не запрашивались, да и теперь цены не слишком высоки. И в те дни не было никаких электронных систем, никаких скрытых телекамер, контролирующих каждый уголок тюрьмы. Тогда, в тысяча девятьсот сорок восьмом году, охранник, имеющий ключ от блока и всех его камер, мог позволить войти внутрь кому угодно. И даже двоим-троим. Даже в камеру Богса.

Такая работа стоила денег. Конечно, по стандартам мира, находящегося за пределами тюремных стен, расценки были не слишком высоки. Здесь доллар в ваших руках значит столько же, сколько на свободе двадцать долларов. По моим подсчетам, учинить такое над Богсом стоило немало — пятьдесят долларов за то, чтобы открыли блок и камеру, по два-три доллара каждому из охранников в коридоре.

Не берусь утверждать, что это сделал Энди Дюфресн, но знаю, что он пронес сюда пять сотен долларов. И раньше он был банкиром. А это человек, который понимает лучше остальных, как можно сделать так, чтобы превратить деньги в реальную власть. Богс после того, как его избили — три сломанных

ребра, подбитый глаз, смещенная бедренная кость и, кажется, чуть растянутая задница, — оставил Энди в покое. Надо сказать, он всех оставил в покое. Он стал похож на тех облезлых шавок, которые много лают, но совершенно не кусаются. И перешел в разряд «слабых сестер».

Так закончились домогательства Богса Даймонда, человека, который мог бы, что вполне вероятно, убить Энди, если бы тот не принял предупредительных мер. (Я все же думаю, *именно* Энди устроил тот эпизод с Даймондом.) Эпопея с сестрами на этом не закончилась, хотя поутихла. Шакалы ищут легкой добычи, а Энди Дюфресн зарекомендовал себя человеком, слабо подходящим на эту роль. Вокруг было множество других жертв, и сестры ослабили свое внимание к Энди, хотя долгое время не оставляли его окончательно.

Он всегда боролся с ними, насколько я помню. Стоит только один раз отдаться им без боя, и в следующий они будут чувствовать себя уверенней. Не стоит сдавать своих позиций. Энди продолжал появляться иногда с отметинами на лице, и неприятности с сестрами были причиной двух сломанных пальцев спустя полгода после случая с Даймондом. А в 1949 году парень отдыхал в лазарете после того, как его угостили куском металлической трубы из подсобки прачечной, обернутой фланелью. Он всегда сражался и в результате проводил немало времени в одиночном карцере. Но не думаю, что одиночка представляла собой серьезную неприятность для Энди — человека, привыкшего всегда быть наедине с собой, даже когда он находился в обществе.

Война с сестрами продолжалась, то затихая, то вспыхивая вновь, до 1950 года. Тогда все прекратилось окончательно. Но об этом речь впереди.

Осенью 1948-го Энди встретил меня утром на прогулочном дворе и спросил, могу ли я достать ему дюжину полировальных подушечек.

— Это еще что за хреновина? — поинтересовался я.

Он объяснил мне, что это необходимо для обработки камней. Полировальные подушечки туго набиты, имеют размер

примерно с салфетку и две стороны, тонкую и грубую. Тонкая — как мелкозернистая полировальная бумага. Грубая — как промышленный наждак.

Я ответил, что все будет сделано, и действительно, в конце недели мне купили заказанные шутовины в том же магазине, в котором когда-то был куплен молоток. В этот раз я взял с Энди свои десять процентов и ни пенни сверх того. Я не видел ничего летального или даже просто опасного в этих небольших набитых жестких кусочках ткани. Действительно полировальные подушечки.

Пять месяцев спустя Энди попросил у меня Риту Хейуорт. Мы разговаривали об этом в кинозале. Теперь сеансы для заключенных устраивают раз или два в неделю, а в те далекие дни это было гораздо реже, раз в месяц или около того. Фильмы подбирались не какие-нибудь, а высокоморальные. С каждого сеанса мы должны были уходить более благонравными, чем вошли в зал. Этот раз не был исключением. Мы смотрели фильм, повествующий о том, как вредно напиваться. Хорошо хоть то, что эту мораль мы получали с неким комфортом.

Энди сел рядом со мной и где-то посреди сеанса приблизился и спросил на ухо, не могу ли я достать для него Риту Хейуорт. По правде говоря, он меня слегка удивил. Обычно такой спокойный, хладнокровный и корректный, сегодня он выглядел неловким и смущенным, будто просил меня доставить ему троянского коня или... одну из этих резиновых или кожаных штук, которые продаются в соответствующих магазинах и, судя по журнальной рекламе, «скрасят ваше одиночество и доставят массу наслаждения». Энди выглядел чуть растерянным.

— Я принесу ее, — сказал я, — все в норме, успокойся. Тебе большую или маленькую?

В то время Рита была лучшей из моих картинок (через несколько лет любимой звездой стала Бетти Грейбл), и она продавалась в двух видах. Маленькую вы могли купить за доллар. За два с половиной — большую Риту, в полный рост, размером четыре фута.

— Большую, — ответил он, не глядя на меня. Он зарделся, как ребенок, пытающийся попасть на вечеринку в клуб по при-

гласительному билету старшего брата. — Ты это действительно можешь?

— Могу, будь спокоен. Не иначе как медведь в лесу сдох?

Зал заплодировал, закричал, затопал. Кульминационный момент фильма.

— Как быстро?

— Неделя. Или даже меньше.

— О'кей. — Однако он все еще был в непривычном для себя смущении, которое с трудом преодолевал. — И сколько это будет стоить?

Я назвал ему цену, не добавив ни пенни для себя. Я мог себе позволить продать Риту за ее стоимость, тем более Энди всегда был хорошим покупателем. И славным малым. Во время всех этих разборок с Рустером и Богсом я часто мучился вопросом, как долго он продержится, прежде чем молоток, который я ему доставил, опустится на голову какой-нибудь из сестер.

Постеры — существенная часть моего бизнеса, в списке самых популярных вещей они стоят сразу после спиртного и курева и даже перед «травкой». В шестидесятых это дело процветало, все желали приобретать плакаты с Джимми Хендриксом, Бобом Диланом и прочими из этой же серии. Однако больше всего пользовались спросом девочки, и одна популярная красotka сменяла другую.

Через несколько дней после того, как мы поговорили с Энди, шофер прачечной привез мне около шестидесяти плакатов, большинство из них с Ритой Хейуорт. Возможно, вы помните эту фотографию. У меня-то она стоит перед глазами во всех подробностях. Рита в купальном костюме, одну руку заложила за голову, глаза полуприкрыты, на полных чувственных губах играет легкая улыбка.

Администрация тюрьмы знала о существовании «черного рынка», если вас волнует эта проблема. Разумеется, все знали. Им было известно о моем бизнесе ровно столько же, сколько мне самому. Они мирились с этим, потому что знали, что тюрьма — большой котел и нужно кое-где оставлять открытыми клапаны, чтобы выпускать пар. Иногда они устраивали проверки, проявляли строгость, и я проводил время в одиночке. Но в безобидных вещах типа плакатов никто не видел ничего страш-

ного. Живи и жить давай другим. И если в чьей-нибудь камере обнаруживается, например, Рита Хейуорт, то принято считать, что картинка попала к заключенному в посылке с вольного мира. Естественно, все передачи родственников и друзей тщательно проверяются, но кто станет устраивать повторные проверки и поднимать шум из-за такой невинной вещицы, как Рита Хейуорт, Ава Гарднер или еще какая-нибудь красotka на плакате? Если вы хороший повар, то знаете, как оптимальным способом выпускать пар из котла. Живи и жить давай другим, иначе найдется кто-нибудь, кто вырежет вам второй рот аккурат под калыком. Приходится прибегать к компромиссам.

Эрни, именно ему я доверил доставить плакат из моей шестой камеры в четвертую, где обитал Энди. И тот же Эрни принес записку, в которой твердым почерком банкира было написано одно слово: «Спасибо».

Чуть позже, когда нас выводили на утреннюю проверку, я заглянул одним глазом в его камеру и увидел Риту, висящую над его кроватью. Энди мог любоваться ею в полуумраке долгих бессонных тюремных ночей. А теперь, при свете солнца, лицо ее было пересечено черными полосами. То были тени от прутьев решетки на маленьком пыльном окошке.

А теперь я расскажу, что случилось в середине мая 1950 года, после чего Энди окончательно выиграл свою войну с сестрами. После этого происшествия он также сменил работу: перешел из прачечной, куда его определили, когда он вступил в нашу маленькую счастливую семейку, в библиотеку.

Вы могли уже заметить, что большинство из рассказанного мной — слухи и сплетни. Кто-то увидел, кому-то рассказал, через десятые руки все попало ко мне, и я вам пересказываю. Ну что ж поделаешь, приходится пользоваться всякими источниками, в том числе и непроверенными, если хочешь быть в курсе событий. Просто нужно уметь выделять крупницу истины из тонн лжи, пустых сплетен и тех частых случаев, когда желаемое выдается за действительное. Вам может показаться также, что я описываю человека, который больше похож на легендарного персонажа, чем на мужчину из плоти и крови. Для нас, долгосрочных заключенных, знавших Энди на протяжении многих

лет, не только в рассказах о нем, но и в самой его личности было что-то мифическое, некий неуловимый аромат магии, если вы понимаете, о чем я говорю. Все, что я рассказывал об Энди, сражающемся с Богсом Даймондом, — часть этого мифа, и прочие события, связанные с Энди, и как он получил свою новую работу... но с одной существенной разницей: я был свидетелем последнего происшествия и могу поклясться именем своей матери, что все, что расскажу сейчас, — правда. Понимаю, что слово убийцы вряд ли имеет большую ценность, но вы уж мне поверьте.

К тому времени мы с Энди были уже довольно близки. Парень относился ко мне с уважением и явно предпочитал мое общество любому другому. Да и я, как уже говорил, оценил его по достоинству с самого начала. Кстати, забыл рассказать еще об одном эпизоде. Прошло пять недель с тех пор, как я принес Риту Хейуорт, я уже забыл об этом в повседневной суете, и вот однажды вечером Эрни принес мне небольшую коробочку.

— От Дюфресна, — произнес он, не выпуская щетки из рук, и исчез.

Мне было чертовски интересно, что же там может быть, и я разворачивал белую вату, которой оказалась набита коробочка, с нетерпением. И вот...

Я долго не мог оторвать глаз. Несколько минут я просто смотрел, и мне казалось, что к ним невозможно притронуться, так хороши были эти камешки. Все же в этом ублюдском мире, во всей этой мышиной возне и суете, во всем этом навозе встречаются иногда поразительно красивые вещи, радующие человеческий глаз, и беда многих в том, что они об этом забыли.

В коробке лежали два тщательно отполированных кусочка кварца, имеющих форму плавников. Вкрапления пирита давали металлический отблеск, и золотые вспышки играли на шлифованных гранях камней. Если бы они не были достаточно тяжелыми, из них получились бы шикарные запонки.

Как много труда ушло на то, чтобы превратить грязные камни с прогулочного двора в это чудо! Сперва отчистить их, затем придать форму молоточком, и наконец, бесконечная полировка и заключительная отделка. Глядя на эти камешки, я испытывал нечто вроде восхищения родом человеческим — чувство, посещающее

меня очень редко и вполне понятное, когда вы смотрите на что-то прекрасное, действительно приковывающее взгляд, *сделанное* человеческими руками. Мне кажется, это и отличает нас от животных... Конечно, я восхищался Энди, его необыкновенным упорством, еще одно проявление которого мне предстояло увидеть собственными глазами. Но об этом речь впереди.

В мае 1950 года администрация тюрьмы решила подновить крышу нашей фабрики. Лучше всего было делать это теперь, пока не наступила убийственная летняя жара, и начался набор желающих. Их оказалось много, человек семьдесят, потому что май — чертовски приятный месяц для работы на свежем воздухе. Девять или десять бумажек с именами было вытащено из шапки, и случилось так, что среди имен оказались мое и Энди.

На следующей неделе после завтрака мы прошли через прогулочный двор с двумя охранниками впереди и двумя позади... не считая тех парней на вышках, что не забывали окидывать взглядом все вокруг себя, благо бинокли у них весьма неплохие.

Четверо несли большую лестницу; ее прислонили к стене низкого плоского строения и забрались на крышу. Там мы начали заливать поверхность расплавленным гудроном, выливая его полными черпаками и распределяя жесткими щетками по поверхности.

Внизу сидели шесть охранников. Для них эта затея с крышей обернулась великолепным недельным отпуском. Вместо того чтобы вдыхать порошки в прачечной или пылиться рядом с подметающими двор заключенными, короче говоря, хоть как-то работать, они сидели на майском солнышке, облокотившись о низкий парапет, и чесали языки.

За нами они смотрели вполглаза, потому что южная стена была достаточно близко, бежать было некуда, а человек на крыше был прекрасной мишенью, и в случае неверного движения заняло бы пару секунд прострелить любому из нас череп. Итак, ребята сидели и расслаблялись, каждый из них был вполне доволен собой, и не хватало лишь хорошего крепкого коктейля со льдом, чтобы чувствовать себя хозяином мироздания.

Один из них был тип по имени Байрон Хедли, и в 1950 году, когда происходили все эти события, он находился в Шоушенке гораздо дольше, чем даже я. Дольше, чем два последних ко-

менданта, вместе взятые. У власти в 1950 году находился урод по имени Джордж Данэхи. Он был янки, и все его терпеть не могли, кроме, наверное, тех людей, что назначили его на эту должность. Я слышал, что в этой жизни его интересовали только три вещи. Во-первых, статистика для книги, которая потом вышла в каком-то небольшом издательстве, вероятно, за его счет. Во-вторых, какая команда выиграла бейсбольный чемпионат в сентябре каждого года. И в-третьих, он добивался, чтобы в Мэне была принята смертная казнь. Джордж Данэхи был большим сторонником смертной казни. Он полетел с работы в 1953 году, когда вскрылись его махинации, связанные с автосервисом в тюремном гараже. Он делился доходами с Байроном Хедли и Греггом Стэммосом, но двое последних вышли сухими из воды. Никто не сожалел, когда выгнали прежнего начальника, но назначение на его место Грега Стэммоса было довольно неприятной новостью. Это был коротышка с крепкой нижней челюстью, словно предназначенной для бульдожьей хватки, и холодными карими глазами. Он все время усмехался, болезненно кривя лицо, будто хотел в сортир или боела селезенка. Когда Стэммос пришел на пост коменданта, в Шоушенке начали твориться такие зверства, о которых прежде не было слышно. И кажется, хотя я не вполне уверен, что полдюжины могил для странным образом исчезнувших людей, что стояли поперек дороги новому начальнику, были вырыты в лесу, что простирался к востоку от тюрьмы. Конечно, и в прошлом коменданте не было ничего хорошего, но Грег Стэммос был жестоким, убогим, а потому особо отвратительным типом.

Он был добрым приятелем с Байроном Хедли. Как начальник, Джордж Данэхи был не более чем пешкой в руках этих двоих, которые действительно держали всю тюрьму.

Хедли был высокий мужчина с неуклюжей ковыляющей походкой и редкими рыжими волосами. Он легко загорал на солнце, всегда громко говорил, и если вы недостаточно быстро подходили на его отклик, мог ткнуть вас как следует рукоятью своего пистолета. В тот день на крыше он разговаривал с другим охранником по имени Мерт Энтвистл.

Хедли получил неожиданно хорошую новость и усмехался своей желчной злорадной усмешкой. Таков был его стиль. У это-

го человека ни для кого не находилось доброго слова, и он был уверен, что весь мир против него. Этот мир и все эти ублюдки, его населяющие, испортили ему лучшие годы жизни и были бы счастливы испортить остаток его дней. Я видел несколько тюремных офицеров, которые выглядели вполне умиротворенными и счастливыми, и понимал, как они к этому пришли. Для этого достаточно видеть разницу между их жизнями, возможно, полными страданий, борьбы и нищеты, и состоянием людей, за которыми они присматривают. Так вот, те офицеры, о которых я говорю, смогли увидеть разницу и сделать соответствующий вывод. Остальные не смогли и не захотели.

Для Байрона Хедли не было и речи ни о каком сравнении. Он мог спокойно сидеть под теплым майским солнышком, болтать всякий вздор, тогда как в десяти футах от него работала, обливаясь потом и обдирая ладони о большие ковши с кипящим гидроном, группа заключенных, каждодневный труд которых был настолько тяжел, что теперь они даже ощущали *облегчение*. Вы можете припомнить старый вопрос, который обычно задают, чтобы проверить, являетесь ли вы оптимистом или пессимистом. Для Байрона Хедли ответ всегда будет одинаков: *стакан полупустой*. Во веки веков аминь. Если вы предложите ему стаканчик превосходного апельсинового сока, он скажет, что мечтал об уксусе. Если вы похвалите верность его жены, он ответит, что неудивительно: на эту уродину никто и не польстится.

Итак, он сидел, разговаривая с Мертом Энтвистлом достаточно громко, мы слышали каждое слово, и его широкий белый лоб уже начинал краснеть под солнечными лучами. Одной рукой он опирался на парапет, окружающий крышу. Другую положил на рукоять своего револьвера 38-го калибра.

Мы все вместе с Мертом слушали его рассказ. Суть была в том, что старший брат Хедли свалил в Техас лет четырнадцать назад и с тех пор, сукин сын, ни разу не давал о себе знать. Семья решила, что он уже погиб, причем давно. Но неделю назад раздался звонок из Остина, это был адвокат, сообщивший, что брат Хедли умер четыре месяца назад довольно богатым человеком.

(«Меня всегда поражало, — говорил Хедли, этот благороднейший из смертных, — как удача может приваливать к таким ослам, как мой милый братец».)

Деньги пришли к покойному как результат операции с нефтью, и это было что-то порядка миллиона долларов.

Нет, Хедли не стал миллионером. Возможно, это даже его сделало бы счастливым, хотя бы ненадолго. Но брат оставил каждому из членов семьи кругленькую сумму, 35 тысяч долларов, что тоже, казалось бы, очень неплохо.

Но для Байрона Хедли стакан всегда полупустой. И уже полчаса он занимался тем, что жаловался Мерту на проклятое правительство, которое хочет хапнуть хороший кусок его наследства.

— Ну вот, теперь я останусь без новой машины. Да если у меня и хватит на нее, тоже приятного мало, — нудил он. — Нужно платить неслыханную цену за саму машину, потом тебе влетит в копеечку ремонт и техобслуживание, потом эти идиотские дети начинают упрашивать вас покатасть их и...

— И самим *поводить* машину, если они уже достаточно взрослые, — подхватил Мерт. Старина Мерт Энтвистл прекрасно знал, где собака зарыта. И не произнес вслух того, что было очевидно для него, как и для всех нас: «Если тебе так мешают эти деньги, лапонька моя, я уж как-нибудь постараюсь постепенно тебя от них избавить. Для чего и существуют друзья».

— Да-да, водить машину, а еще *учиться* этому, получать права, о Боже! — содрогнулся Байрон. — И что происходит под конец года? Если в твоих расчетах что-то не то, если ты превысил кредит, они заставят тебя платить из собственного кармана или, что еще хуже, обращаться в одно из этих еврейских агентств по займу. И они везде тебя достанут, будь уверен. Если уж правительство решило проконтролировать твои расходы, будь спокоен, обдерут до ниточки. Кто станет сражаться с Дядей Сэмом? Он высосет из тебя все соки, выбросит на помойку, и все это считается в порядке вещей. Боже мой.

Он замолчал и погрузился в тягостные раздумья о неприятностях, которые выпали ему на долю из-за того, что он имел несчастье получить тридцать пять тысяч наследства. В это время Энди Дюфресн, в пятнадцати футах от него распределявший гудрон по крыше, опустил свою шетку в бадью и пошел прямо к Мерту и Хедли.

Мы все замерли, и я увидел, как один из охранников, Тим Янгблуд, опустил руку на рукоять пистолета. Один из работав-

ших парней дернул своего соседа за рукав, и оба тоже повернулись. В какое-то мгновение я подумал, что Энди решил получить пулю в лоб.

А он сказал Хедли очень мягко:

— Простите, доверяете ли вы своей жене?

Хедли тупо уставился на него. Кровь прилиwała к его лицу, и я знал, что это плохой знак. Секунды через три он схватится за свой пистолет, и Энди получит сильнейший удар рукоятью в солнечное сплетение. Если не рассчитать силы, удар в это место может убить человека, но охранники этого избегают. Вы просто валяетесь в парализованном виде достаточно долго, чтобы забыть, что вы планировали, прежде чем получили эту передышку.

— Мальчик, — произнес Хедли, — я даю тебе последний шанс поднять свою шетку. Затем ты съедешь с этой крыши на голове.

Энди спокойно смотрел на него, глаза его были холодны как лед. Будто бы он не услышал угрозы охранника. Больше всего я хотел бы сейчас объяснить ему кое-что из здешних правил выживания. Вы *никогда* не должны показывать, что слышите разговор охранников. *Никогда* не вмешиваться в их дела. И говорить только тогда, когда вас спрашивают, и только то, что хотят услышать. Черные, белые, желтые и краснокожие — в тюрьме все это несущественно, вот уж где наступает всеобщее равенство! В тюрьме каждый заключенный — негр, и приходится привыкнуть к этой идее, если не хотите нарваться на таких людей, как Хедли и Стэммос, которые убьют вас не задумываясь. И горе вам, если вы не осознаете эту простую истину. Я знаю людей, которые лишились пальцев и глаз, знаю одного человека, который потерял кусок своего пениса и был счастлив, что остальное осталось при нем. Но говорить что-либо Энди было слишком поздно. Даже если он вернется к своему занятию и молча поднимет шетку, вечером в душе его будет подстерегать огромный тип спортивного сложения, которого покупают обычно за несколько пачек сигарет и который выбьет вам все зубы, переломает ребра и оставит валяться на холодном цементном полу. Ну, по крайней мере я хотел бы сказать Энди, чтобы он не усугублял ситуацию.

* IRS (Internal Revenue Service) — Налоговое управление США. — *Примеч. ред.*

Но мне пришлось продолжать лить гудрон на крышу, как будто ничего не происходит. Как и все остальные, я должен в первую очередь думать о собственной шкуре. Все же она у меня одна, а желающих свернуть кому-нибудь шею, типа Хедли, вокруг достаточно.

Мерт вскочил. Встал Хедли. Поднялся с места и Тим Янгблуд. Лицо Хедли было красное, как помидор.

Энди сказал:

— Возможно, я неверно это преподношу. Не важно, доверяете вы ей или нет. Вопрос в том, верите ли вы в то, что она не обведет вас вокруг пальца и не бросит с деньгами на руках.

Хедли, казалось, едва не задыхался от злости.

— Вопрос в том, — произнес он, — сколько костей ты переломаешь при падении. Посчитаешь их в лазарете. Подойди сюда, Мерт. Мы выкинем этого ублюдка, если он не понимает с первого раза.

Мы продолжали лить гудрон. Солнце жарило всюю. Охранники явно собирались осуществить обещанное. Скверное происшествие: Дюфресн, заключенный номер 81433, случайно свалился с крыши во время ремонтных работ. Хорошего мало.

Они подошли к Энди вплотную, Мерт справа, Хедли слева. Энди не сопротивлялся. Он не сводил взгляда с красного перекошенного лица Хедли.

— Если вы уверены в ней, мистер Хедли, — продолжал он все тем же ровным спокойным голосом, — у вас есть великолепный шанс сохранить каждый цент ваших денег. Итог вас обрадует: Дядя Сэм остается ни с чем, тридцать пять тысяч ваших.

Мерт взял Энди за локоть, Хедли продолжал стоять, тупо уставившись в пространство перед собой. На секунду мне показалось, что все кончено и Энди сейчас полетит с крыши головой вниз. Но тут Хедли произнес:

— Обожди немного, Мерт. Что ты имеешь в виду, парень?

— Я хочу сказать, что если вы держите жену под контролем, можете все отдать ей.

— Перестань говорить загадками, парень, по-хорошему говорю.

— IRS* позволяет вам сделать единовременный презент своей супруге, — пояснил Энди, — на сумму до шестидесяти тысяч долларов.

Хедли ошарашенно уставился на него.

— Не может быть. Без налога?

— Да, налогом не облагается.

— Откуда ты знаешь эти вещи?

— Он был банкиром, Байрон, — сказал Тим Янгблуд. — Думаю, он может...

— Заткнись, Крокодил, — не поворачиваясь бросил Хедли.

Тим вспыхнул и замолчал; его прозвали Крокодилом приятель-охранники из-за толстых губ и пороссячьих глазок.

Хедли продолжал разговор с Энди:

— Ты тот пронырливый банкир, который пристрелил свою жену. Почему я должен верить такому, как ты? Чтобы подметать прогулочный двор рядом с тобой? Этого добиваешься?

Энди отвечал все так же бесстрастно:

— Если вы попадетесь на финансовой махинации, то будете отправлены в федеральный исправительный дом, а не в Шоушенк. Но этого не произойдет. Подарок, не облагающийся налогом, дает вам превосходную возможность сберечь свои деньги, не преступая закон. Я делал дюжины... нет, сотни таких операций. В основном ко мне обращались люди, получившие одноразовую крупную прибыль типа наследства. Как вы.

— Думаю, ты лжешь, — произнес Хедли, но это было не так. И я ясно видел это. Его черты исказились в напряжении, покрасневший лоб собрался в морщины, и на лице явственно читалась эмоция, совершенно несвойственная этому человеку. Надежда.

— Нет, я не лгу. Впрочем, вам нет резона принимать мои слова на веру. Обратитесь к юристу... и все.

— Это официальный грабеж! Эти разбойники, ублюдки, которые сами только и думают о том, чтобы содрать с тебя все до последнего цента! — прорычал Хедли.

Энди пожал плечами:

— Обратитесь в IRS. Там вам скажут то же самое бесплатно. И действительно, вовсе не обязательно слушать меня. Вы можете узнать все об этой операции самостоятельно.

— Заткнись, придурок, я не хочу, чтобы паршивый банкир, прикончивший свою жену, давал мне тут указания.

— Вам нужна помощь юриста или банкира, чтобы оформить составление дарственной, и это будет кое-что стоить.

Или... если вы в этом заинтересованы, я сделаю все необходимое почти бесплатно. Возьму за это не много: по три бутылки пива для всех моих сотрудников. — Он обвел нас рукой.

— Сотрудников, — загоготал Мерт и хлопнул себя по коленям. Редкостным ублюдком был старина Мерт. Надеюсь, он умер от рака в какой-нибудь забытой Богом дыре, где неизвестен морфий. — Сотрудники, ха! Остроумно! Ты хочешь...

— Заткнись, урод, — рявкнул Хедли, и Мерт заткнулся.

Хедли посмотрел на Энди:

— Что ты говорил?

— Я говорил, что хочу запросить за свою помощь всего лишь по три бутылки пива для каждого из моих сотрудников, если это вообще можно считать платой. Полагаю, человек будет чувствовать себя человеком, когда он работает весной на открытом воздухе, если ему предложат бутылочку-другую чего-нибудь прохладительного. Это мое мнение. Полагаю, остальные со мной согласятся и будут вам благодарны.

Я разговаривал потом с другими ребятами, которые были в тот день на крыше — Рени Мартин, Логон Пьер, Пауль Бонсайнт и другие, — и все мы увидели... точнее сказать, *почувствовали* одно и то же. Неожиданно оказалось, что преимущество на стороне Энди. На стороне Хедли был пистолет в кобуре и дубинка в руках, его приятель Грег Стэммос и вся тюремная администрация, а за *этим* вся мощь государственной машины, но вдруг все это обратилось в ничто, и я почувствовал, что сердце мое забилося в груди так, как никогда с тех пор, как четыре офицера захопнули за мной ворота в 1938 году и я ступил на тюремный двор.

Энди глядел на своего собеседника холодным, ясным, спокойным взглядом, и мы все понимали, что речь шла не о тридцати пяти тысячах долларов. Я прокручиваю эту ситуацию у себя в мозгу снова и снова и прихожу к одному выводу. Энди просто *победил* охранников, поборол их своим холодным спокойствием. И действительно, Хедли в любую минуту мог кивнуть своим приятелям, они выбросили бы Энди с крыши, а потом можно было воспользоваться его советом.

И не имелось причин так не поступить. *Но этого не произошло.*

— Если захочу, всем раздам по парочке бутылок, — медленно ответил Хедли. — После пива лучше работается.

Черт возьми, и он был способен на какие-то благородные жесты.

— Я дам вам один совет, который вряд ли кто-нибудь еще даст, — продолжал Энди, глядя Хедли прямо в глаза. — На эту операцию стоит идти, только если вы *уверены* в своей жене. Если есть хотя бы один шанс из ста, что она вас надует, мы можем продумать другой вариант...

— Надует меня? — резко спросил Хедли. — *Меня?! Ну уж нет, мистер, не бывать этому. Она и пукнуть не смеет без моего позволения.*

Мерт и Янгблуд хихикнули. Энди даже не улыбнулся.

— Я сейчас напишу, какие формы необходимы, — сказал он, — и вы возьмете бланки на почте. Я заполню их соответствующим образом, а вы подпишете.

Это звучало конкретно и по-деловому. Хедли принял важный вид и расправил плечи. Затем оглянулся на нас и крикнул:

— А вы что стали, паразиты? Пошевеливайтесь, черт вас подери!

Он оглянулся на Энди:

— А ты учти, банкир. Если решил меня надуть, ничего хорошего из этого не выйдет. Ты понимаешь, *надеюсь*, что в этом случае тебе оторвут голову и засунут ее в твою же задницу.

— Понимаю, — мягко сказал Энди.

Вот как случилось, что в конце второго дня работы бригада заключенных, перекрывающих крышу фабрики в 1950 году, в полном составе сидела под весенним солнышком с бутылками «Блэк лейбл». И это угощение было предоставлено самым суровым охранником, когда-либо бывшим в Шоушенке. И хотя пиво было теплым, такого чудного вкуса в моей жизни я еще не ощущал. Мы не спеша отхлебывали по глоточку, ощущали солнечные лучи на своей коже, и даже полупрезрительное, полумужественное выражение лица Хедли, будто он наблюдал пьющих пиво обезьян, никому не могло испортить настроение. Это продолжалось двадцать минут, и двадцать минут мы чувствовали себя свободными людьми. Словно ремонтируешь крышу собственного дома и спокойно попиваешь пиво, делая перерыв, когда захочется.

Не пил только Энди. Я уже рассказывал о его привычках, касающихся алкоголя. Он привалился в тени, руки между коленями, поглядывая на нас с легкой улыбкой. Просто удивительно, как много людей запомнило его таким, и удивительно, как много народу было на крыше в тот день, когда Энди Дюфресн одолел Байрона Хедли. Я-то думал, что нас было человек девять-десять, но к 1955 году уже оказалось не меньше двух сотен или даже больше...

Итак, вы хотите получить прямой ответ на вопрос, рассказываю ли я вам о реальном человеке, или же передаю мифы, которыми обросла его личность, как крошечная песчинка постепенно вырастает в жемчужину. Но я не смогу ответить определенно. И то и другое, пожалуй. Все, в чем я уверен, — Энди Дюфресн был не такой, как я или кто-нибудь еще из обитателей Шоушенка. Он принес сюда пять сотен долларов, но этот сукин сын ухитрился пронести сквозь тюремные ворота нечто гораздо большее. Возможно, чувство собственного достоинства или уверенность в своей победе... или, возможно, просто ощущение свободы, которое не покидало его даже среди этих забытых Богом серых стен. Казалось, от него исходит какое-то легкое сияние. И я помню, что лишь раз он лишился этого света, и это тоже будет часть моего рассказа.

С 1950 года, как я уже сказал, Энди перестал бороться с сестрами. За него все сделали Стэммос и Хедли. Если бы Энди Дюфресн подошел к кому-нибудь из них или к любому другому охраннику, который был проинструктирован Стэммосом, и сказал лишь слово — все сестры в Шоушенке отправились бы спать этой ночью с сильнейшей головной болью. И сестры смирились. К тому же, как я уже отмечал, вокруг всегда находятся восемнадцатилетние угонщики автомобилей, какие-нибудь мелкие воришки и поджигатели, достаточно смазливые на вид и неспособные за себя постоять. А Энди с того самого дня на крыше пошел своим путем.

Теперь он стал работать в библиотеке под начальством крепенького старичка, которого звали Брукс Хетлен. Хетлен занял эту должность в конце двадцатых по той причине, что имел высшее образование. Если честно, его специализация была как-то

связана с животноводством, но высшее образование в такой конторе, как Шенк, — большая редкость, а на безрыбье, как известно, и рак — рыба.

В 1952 году Брукс, который прикончил своих жену и дочь, проигравшись в покер, еще когда Кулидж был президентом, был освобожден. Как обычно, государство в своем милосердии позволило ему выйти на свободу только тогда, когда любой шанс влиться в общество остался для него далеко позади. Хетлену было шестьдесят восемь. Он страдал артритом. И когда выходил из главных ворот тюрьмы с бумагами, свидетельствующими о его освобождении, в одном кармане старенького пиджака и автобусным билетом до Грейхаунда — в другом, он плакал. Он шел в мир, который был ему так же чужд, как земли, лежащие за неизведанными морями, для путешественников пятнадцатого века. Для Брукса Шоушенк был всем, был его миром. Здесь он имел какой-то вес, был библиотекарем, важной персоной, образованным человеком. Если же он придет в библиотеку Киттери, ему не доверят даже картотеки. Я слышал, бедняга умер в приюте для престарелых в 1953 году. Он прореджался на полгода больше, чем я предполагал. Да, государство сыграло злую шутку с этим человеком. Сперва заставило его привыкнуть к неволе, потом выкинуло за тюремные стены, не предоставив ничего взамен.

Энди был библиотекарем после ухода Кетлсна в течение двадцати трех лет. Он проявил все ту же настойчивость и силу, что я неоднократно наблюдал у него, чтобы добиться для своей библиотеки всего необходимого. И я своими глазами видел, как тесная комнатуха, пропахшая скипидаром, поскольку раньше здесь находилась малярная подсобка с двумя убогими шкафчиками, заваленными «Ридерз дайджест» и географическими атласами, превратилась в лучшую тюремную библиотеку Новой Англи. Он делал это постепенно. Повесил на дверь ящик для предложений и терпеливо переносил такого рода записки, как «пожалуйста, больше книжек про трах» или «искусство побега в двадцати пяти лекциях». Энди узнавал, какими предметами интересуются заключенные, а потом посылал запросы в клубы Нью-Йорка и добился того, чтобы два из них, «Литературный союз» и «Книга месяца», высылали ему издания из сво-

их главных выборок по предельно низким ценам. Он обнаруживал информационный голод у заключенных, и даже если дело касалось таких узкоспециальных вещей, как резьба по дереву, жонглерство или искусство пасьянса, всегда умел найти нужную литературу. Конечно, не забывал Энди и о популярных изданиях — Эрл Стенли Гарднер и Луи Амур. Он выставил шкафчик с книгами в мягких обложках под контрольной доской, тщательно проверял, возвращаются ли книги и в каком состоянии, но они все равно быстро затрепывались до дыр, с этим ничего нельзя было поделать.

В августе 1954 года он стал подавать запросы в сенат. Комendanтом тюрьмы тогда уже был Стэммос. Этот человек уверился в том, что Энди — нечто вроде талисмана, и проводил много времени в библиотеке, болтая с ним о том о сем. Они с Энди были на короткой ноге, Грег часто усмехался и даже хлопывал его по плечу.

Как-то он начал объяснять Энди, что если тот и был банкиром, то эта часть его жизни осталась в прошлом и пора бы приспособиться к изменившейся ситуации и привыкнуть к фактам тюремной жизни. В наше сложное время для денег налогоплательщиков, идущих на содержание тюрем и колоний, есть только три позволительные статьи расходов. Первая — больше стен, вторая — больше решеток и третья — больше охраны. По мнению сената, продолжал Стэммос, люди в Шоушенке, и Томастене, и в Питсфилде — отбросы общества. Раз уж они попали в такое место, то должны влачить жалкое существование. И ей-богу, для заключенных действительно ничего хорошего не светит. И от твоего желания зависит слишком мало, чтобы ты мог что-то изменить.

Энди улыбнулся едва заметно и спросил Стэммоса, что случится с гранитным блоком, если капли воды будут падать на него день за днем в течение миллиона лет. Стэммос рассмеялся и хлопнул Энди по спине:

— У тебя нет миллиона лет, старина, но если бы был... я уверен, ты сделал бы все, что захочешь, вот с этой усмешечкой. Продолжай писать свои письма. Я могу даже опускать их для тебя, если ты заплатишь за марки.

И Энди продолжал. Хотя Стэммос и Хедли уже не могли увидеть итогов его трудов. Запросы для библиотечных фондов

регулярно возвращались ни с чем до 1960 года, затем Энди получил чек на две сотни долларов. Сенат пошел на это в явной надежде, что надоевший проситель наконец заткнется. Но не тут-то было! Энди только усилил нажим: два письма в неделю вместо одного. В 1962 году он получил четыре сотни долларов, и до конца шестидесятых на счет библиотеки каждый год, с точностью часового механизма, высылались семьсот долларов. В 1971 году сумма была увеличена до тысячи. Не так уж много, если сравнивать с субсидией, получаемой средней библиотекой в небольшом городке, но на тысячу долларов можно купить достаточно произведений Перри Мейсона и вестернов Джека Логана. К этому времени вы могли зайти в библиотеку, разросшуюся до трех просторных комнат, и найти почти все, что желаете. А если чего-то не находили, то Энди сумел бы помочь, будьте уверены.

Вы спрашиваете, произошло ли все это потому, что Энди научил Байрона Хедли, как спасти свое наследство от налогов. Да, но не только. Судите сами, что произошло дальше.

Можно сказать, в Шенке появился добрый финансовый волшебник. Летом 1950 года Энди помог оформить займы двум охранникам, которые хотели обеспечить высшее образование своим детям. Он посоветовал парочке других, как лучше всего повернуть маленькие авантюры с акциями, и настолько успешно, что один из этих парней пошел в гору и смог взять отставку через два года. И я уверен, что сам Джордж Данэхи консультировался у Энди по финансовым вопросам. Это было перед тем, как старикана выгнали с работы, и он еще спокойно спал и грезил о миллионах, которые принесет его книга по статистике. С апреля 1951 года Энди делал все финансовые расчеты для доброй половины администрации Шоушенка. А с 1952-го, пожалуй, для всех. Ему платили тем, что в тюрьме ценится подчас дороже золота. — покровительством и хорошим отношением.

Позже, когда комендантом стал Грег Стэммос, Энди приобрел еще больший вес. Если я постараюсь объяснить вам специфику ситуации, которая к этому привела, то окажусь в затруднительном положении. О некоторых вещах можно только догадываться. Зато другие я знаю наверняка. Известно, например, что некоторые заключенные обладают особыми привиле-

гиями: радио в камере, более частые визиты родственников, прочие такого рода приятные мелочи, и у каждого из них за тюремными стенами есть «ангел». Так называем мы покровителей, которые оплачивают безбедное существование близкого для них человека в тюрьме. И если кто-то освобождается от субботних работ, будьте уверены, что здесь не обошлось без «ангела». Все происходит привычным, проверенным путем. Деньги за услугу передаются кому-нибудь из среднего звена администрации, а тот уже распределяет прибыль вверх и вниз по служебной лестнице.

Кроме того, при коменданте Данэхи расцвели махинации в сфере автосервиса. Некоторое время эти делишки тщательно скрывались, но затем приобрели невиданный размах в пятидесятых. Конечно, все, кто наживался на этом деле, платили дань верхушке администрации. И я уверен, что это касается и компаний, оборудование которых закупалось и устанавливалось в прачечной и на фабрике.

В конце шестидесятых началось повальное увлечение «колесами»; все те же административные лица были вовлечены в оборот наркотиков и делали на этом хорошие деньги. Конечно, речь идет не о той груде нелегальных миллионов, что в больших тюрьмах типа Аттики или Сан-Квентина. Но и не мелочевка. И заработанные таким путем деньги сами по себе становились проблемой. Лучше не стоило класть их в бумажник, а затем, когда вам захочется приобрести новый «мерседес» или построить бассейн во дворе коттеджа, вытаскивать мятые купюры, полученные столь грязным образом. Однажды вам придется в соответствующем месте объяснять, каков источник вашего дохода, и если ваше объяснение не найдут достаточно убедительным, придется пополнить число тех, кого вы прежде контролировали, и прогуливаться по тюремному двору с номером на спине.

Вот для чего был нужен Энди. Они вытащили его из прачечной и посадили в библиотеку, но если взглянуть на дело с другой стороны, работа осталась той же самой. Просто теперь ему приходилось отмывать грязные деньги, а не грязные рубашки.

Однажды он сказал мне, что прекрасно понимает происхождение, но нисколько не волнуется насчет своей деятельности.

Те махинации, в которые он был вовлечен, все равно продолжались бы — с его участием или без него, какая разница... Никто не спрашивал его согласия попасть в Шоушенк, он всего лишь невинный человек в этой чертовой тюрьме, человек, которому крупно не повезло, а вовсе не миссионер и не апостол.

— Кроме того, Рэд, — продолжал Энди со своей характерной полуусмешкой. — То, что я делаю здесь, не слишком отличается от *того*, чем я занимался на свободе. Люди, которые прибегают к моей помощи в Шоушенке, в большинстве своем — тупые, жестокие чудовища. Люди, которые правят миром, лежащим за этими стенами, тоже жестоки и тоже чудовища, разве что они не настолько тупы: планка компетентности стоит чуть повыше. Не слишком, но слегка.

— Но «колеса», — возразил я, — заставляют меня беспокоиться. Не хочу совать нос не в свои дела, но мне это все неприятно. Все эти транквилизаторы, корректоры, прочие хреновины — заниматься ими мне очень не хочется.

— Но ведь и я не большой сторонник «колес». Ты же знаешь. Впрочем, я не слишком увлекаюсь и спиртным... И ведь учти, не я проношу их в тюрьму, не я продаю. Скорее всего этим занимаются охранники.

— Но...

— Знаю, что ты хочешь сказать. Есть люди, Рэд, которые отказываются участвовать во всем этом. Они не хотят марать руки. Это называют святостью, и белый голубь садится на плечо твое и гадит тебе на рубашку. Есть другая крайность: славные малые, которые готовы валяться в грязи и вымазываться в дерьме ради всего, что принесет им доллар, — оружие, наркотики, да все, что угодно. Тебе ведь предлагали такого рода контракты?

Я кивнул. Такое случалось неоднократно на протяжении многих лет. Люди видят, что вы тот человек, который может достать все, и, заключают они, если вы приносите им батарейки для радио или сигарету с «травкой», то так же легко сумеете предоставить им парня, который способен по их заказу сунуть кому-нибудь перо под ребра.

— Да, от тебя этого ожидают, Рэд. Но ты ведь этого не делаешь. Потому что знаешь, что есть третий путь, его и выбирают такие люди, как мы. Да и все разумные люди в этом обще-

стве. Ты балансируешь по самому краю, выбираешь меньшее из двух зол и следишь за тем, чтобы волки были сыты и овцы целы. И можно сделать вывод, насколько хорошо у тебя это получается, изучив, насколько хорошо ты спишь и не видишь ли кошмаров. Можно действовать среди всей этой грязи, имея перед собой добрые намерения.

— Благие намерения? — засмеялся я. — Слыхали мы о таком. Говорят, ими дорога в ад вымощена.

— Не верь в это, — отвечал Энди, чуть помрачнев. — Мы уже в аду. Он прямо здесь, в Шенке. Они торгуют наркотиками, и я говорю им, как отмыть деньги, на этом нажитые. Но я также держу библиотеку и знаю добрые две дюжины ребят, которые после подготовки, с помощью моей литературы, смогут продолжить образование. Возможно, когда они выйдут отсюда, то не пропадут в этом жестоком мире. Когда в 1957 году я просил вторую комнату для библиотеки, то получил ее. Потому что администрации выгодно видеть меня счастливым. Я беру недорого. И доволен.

Население тюрьмы медленно увеличивалось на протяжении пятидесятых, затем в шестидесятых возросло довольно резко. В это время каждый школьник в Америке только и мечтал о том, чтобы попробовать наркотики, нисколько не пугаясь смехотворных наказаний за их употребление. Да, тюрьма была переполнена, но даже в это время у Энди не было сокамерников. Правда, ненадолго к нему подселили огромного молчаливого индейца по имени Нормаден, которого звали, как всех индейцев в Шенке, Вождь. Большинство долгосрочников считали Энди чокнутым, а он только улыбался. Он жил один и наслаждался покоем... Как уже отмечалось, администрации было выгодно видеть его счастливым.

В тюрьме время тянется медленно, иногда кажется, что оно и вовсе останавливается. Но на самом деле оно течет, течет... Джордж Данэхи покидал сцену под шум газетчиков, выкрикивающих: СКАНДАЛ, КОРРУПЦИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. На пост пришел Стэммос, и на протяжении последующих шести лет Шенк напоминал ад. Кровати в лазарете и одиночки в карцере никогда не пустовали.

Однажды в 1957 году я взглянул в маленькое зеркальце от бритвенного набора, которое хранил у себя в камере, и увидел сорокалетнего мужчину. В 1938-м сюда пришел ребенок, мальчишка с огромной копной рыжих волос. Сходящий с ума от угрызений совести, помышляющий о самоубийстве. Мальчишка повзрослел. Рыжая шевелюра поседела и стала редеть понемногу. Вокруг глаз появились морщинки. Сегодня я видел пожилого человека, ожидающего, когда его выпустят на свободу. Если выпустят. Это ужаснуло меня: никто не хочет стареть в неволе.

Стэммос ушел в 1959-м. Еще до этого времени вокруг так и роились вынюхивающие сенсацию журналисты, один из них даже ухитрился провести четыре месяца в Шенке в качестве заключенного. И так, они уже открыли рты, чтобы кричать: СКАНДАЛ, ПОПАВШИЙСЯ ВЗЯТОЧНИК, но прежде, чем над его головой окончательно сгустились тучи, Стэммос свалил. Я его прекрасно понимаю. Если бы он был действительно пойман и уличен во всех своих грязных делишках, то здесь бы и остался. А кому этого хочется? Байрон Хедли ушел двумя годами раньше. У этого ублюдка был сердечный приступ, и он взял отставку, к превеликой радости всего Шенка.

Энди в связи с аферами Стэммоса не тронули. В начале 1959-го в тюрьме появились новый комендант, новый помощник коменданта и новый начальник охраны. Около восьми последующих месяцев Энди ничем не отличался от прочих заключенных. Именно в этот период к нему подселили Нормадена. Потом все вернулось на круги своя. Нормаден съехал, и Энди опять наслаждался покоем одиночества. Имена на верхушке администрации меняются, но делишки прокручиваются все те же.

Я говорил однажды с Нормаденом об Энди.

— Славный парень, — сказал индеец. Разговаривать с ним было очень сложно: у бедняги была заячья губа и треснутое небо, слова вырывались наружу с шумом, плевыми и шипением, так что трудно было что-либо разобрать. — Мне он понравился. Никогда не подшучивает. Но он не хотел, чтобы я жил там. Это можно понять. Ужасные сквозняки в камере. Все время холодно. Он никому не позволяет трогать свои вещи. Я ушел. Славный парень, не издевается, не подшучивает. Но сквозняки ужасные.

* * *

Рита Хейуорт висела в камере Энди до 1955-го, если я правильно помню. Затем ее сменила Мэрилин Монро. Тот самый плакат, где она стоит около решетки сабвея и теплый воздух развевает ее юбку. Монро продержалась до 1960-го, и когда она была уже почти совсем затерта, Энди заменил ее на Джейн Мэнсфилд. Джейн была, простите за выражение, соска. Через год или около того ее сменили на английскую актрису, кажется, Хейзл Курт, но я не уверен. В 1966-м, убрав и ее, Энди водрузил на стену Раquel Уэлч. Этот плакат висел шесть лет. Последний плакат, который я помню, — хорошенькая исполнительница песен в стиле кантри-рок Линда Ронстадт.

Однажды я спросил Энди, что для него значат эти плакаты, и он как-то странно покосился на меня.

— Они для меня то же, что и для большинства других заключенных, полагаю, — ответил он. — Свобода. Понимаешь, смотришь ты на этих хорошеньких женщин и чувствуешь, что можешь сейчас шагнуть на эту картинку. И оказаться там. На воле. Думаю, более всего мне нравилась Раquel Уэлч потому, что она стояла на великолепном побережье. Вид просто изумительный, помнишь? Где-то в окрестностях Мехико, милое тихое местечко, где можно побыть наедине с природой. Разве ты никогда не чувствовал всего этого, когда глядел на картинки, Рэд? Не чувствовал, что ты можешь шагнуть туда?

Я признался, что никогда над этим не задумывался.

— Однажды ты узнаешь, что я имею в виду, — задумчиво ответил Энди, и он был прав. Спустя годы я понял, что он имел в виду, и первое, о чем я тогда вспомнил, был Нормаден и как он жаловался на сквозняки в камере Энди.

Скверное происшествие случилось с Энди в конце марта или начале апреля 1963 года. Я уже говорил, что было в этом человеке что-то, что отличало его от большинства заключенных, включая меня. Можно назвать это свойство уравновешенностью, или внутренней гармонией, или верой в то, что однажды этот долгий кошмар непременно закончится. Как бы вы это ни называли, Энди Дюфресн резко отличался от всех нас. В нем не было того мрачного отчаяния, которое угнетает большин-

ство остальных, и он никогда не терял надежды. Никогда — пока не наступила та зима 1963 года.

К тому времени у нас был новый комендант, Сэмюэл Нортон. Насколько я знаю, никто никогда не видел этого человека улыбающимся. Он носил почетный значок тридцатилетнего членства в баптистской церкви Элиота. Его главным нововведением как главы тюремной администрации было стремление убедиться, что каждый заключенный имеет Новый завет. На его столе находилась небольшая табличка из тикового дерева, где золотыми буквами было выдавлено: ХРИСТОС — МОЙ СПАСИТЕЛЬ. На стене висел вышитый руками миссис Нортон лозунг: ГРЯДЕТ ПРИШЕСТВИЕ ЕГО. При виде этой сентенции у большинства из нас пробегал мороз по коже. Мы чувствовали себя так, будто пришествие уже началось, и не будет нам спасения, и возопим мы к небесам, и станем искать смерти, но не найдем ее. У мистера Нортонна на каждый случай имелась цитата из Библии, и если вы когда-нибудь встретите человека, похожего на него, мой вам совет: обходите его десятой дорогой.

Насколько я знаю, захоронения в лесу, случавшиеся при Грее Стэммосе, прекратились. И вряд ли кому-нибудь ломали кости и выбивали глаза. Но это не значит, что Нортон трогательно заботился о благополучии вверенных ему людей. Карцер был все так же популярен, и люди теряли зубы не под ударами охранников, а от частого пребывания в одиночке на хлебе и воде. Это стали называть «диетой Нортонна».

Этот человек был самым грязным ханжой, которого я когда-либо видел в правящей верхушке. Мошенничество, о котором я рассказывал раньше, продолжало процветать, и Сэм Нортон даже прибавил кое-что от себя. Энди был в курсе всех его дел, и поскольку к тому времени мы стали верными друзьями, о многом мне рассказывал. При этом на его лице появлялось чуть брезгливое выражение, как будто он описывал мне какое-то уродливое, отвратительное насекомое, все действия которого из-за его омерзительности скорее смешны, чем ужасны. Это именно Нортон придумал знаменитую программу «Путь к искуплению», о которой вы могли читать или слышать лет шестнадцать назад. Фото нашего коменданта было помещено даже в «Ньюсуик». В прессе программа освещалась как образец ис-

тинной заботы о реабилитации заключенных и практическом применении их труда. Она включала в себя использование заключенных в разных видах деятельности: обработка древесины, строительство дорог, овощехранилищ и прочего. Нортон назвал эту хреновину в своем характерном патетическом стиле «Путь к искуплению», и клубы «Ротейри» и «Кайванис» в Новой Англии приглашали его для выступлений, особенно после того, как фото Нортон появилось в «Ньюсуик». Мы называли этот проект «Большая дорога», но что-то я не слышал, чтобы кто-нибудь из заключенных приглашали высказать свое мнение в клубе или газете. Нортон был тут и там, успевал поприусловствовать на строительстве автомагистралей и рытье канав со своими возвышенными речами и почетным значком баптиста. Есть сотни путей осуществлять все эти проекты — кадры, материалы, подбор всего необходимого... однако Нортон оказался хитрее. И все строительные организации округа смертельно боялись его программы, потому что труд заключенных — рабский труд, и вы не станете этого отрицать. Итак, Сэм Нортон каждый день за время своего шестнадцатилетнего правления получал изрядное количество заказов, просто заваливающих его стол с золотой табличкой «Христос — мой спаситель». А потом он был волен ответить заказчику, что все его работники проходят «путь к искуплению» где-то в другом месте. Для меня всегда оставалось чудом, почему Нортон не нашли в один прекрасный день в канаве с дюжиной пуль в голове.

Как бы там ни было, а права старая песенка, в которой говорится: «Боже, как крутятся деньги». Мистер Нортон, похоже, разделял точку зрения старых пуритан, что лучший способ проверить, является ли человек избранныком Божиим, — взглянуть на его банковский счет.

Энди Дюфресн был правой рукой коменданта, его молчаливым помощником. Библиотека много значила для Энди, Нортон знал это и умело использовал. Энди говорил, что один из любимых афоризмов Нортон: *рука руку моет*. Итак, Энди давал ценные советы и вносил деловые предложения. Я не могу с уверенностью заявлять, что он продумал программу «Путь к искуплению», но уверен, что он сводил все счета, связанные с этой грязной махинацией, и — сукин сын! — библиотека получила

новый выпуск пособий по авторемонту, новое издание Энциклопедии Гройлера... и, конечно, нового Гарднера и Луи Амура.

И я убежден, что то, что произошло, должно было произойти, поскольку Нортон не хотел лишаться своей правой руки. Скажем больше: он боялся, что Энди слишком многое может рассказать о его делишках, если покинет Шенк.

Я узнавал эту историю на протяжении семи лет, немного здесь, немного там, кое-что от самого Энди, но далеко не все. Он не любил говорить об этом периоде своей жизни, и я его за это не виню. Я собирал эту историю по частям из дюжины разных источников. Заключение, как я уже отмечал, не более чем рабы. Возможно, поэтому им присуща рабская манера любопытствовать и пронюхивать. Теперь я излагаю вам все последовательно, с начала до конца. И возможно, вы поймете, отчего человек провел около десяти месяцев в жуткой депрессии. Думаю, он не знал всей правды до 1963 года, пятнадцать лет спустя с тех пор, как он попал в эту забытую Богом дыру. По моему, он не знал, как скверно это может оказаться.

Томми Вильямс поступил в Шоушенк в ноябре 1962 года. Томми считал себя уроженцем Массачусетса, но за свою двадцатисемилетнюю жизнь вдоволь попутешествовал по всей Новой Англии. Он был профессиональным вором. Томми был женат, и жена навещала его каждую неделю. Она вбила себе в голову, что Томми будет лучше — а уж ей и трехлетнему сынишке и подавно, — если он получит аттестат. Она уговорила мужа, и Томми Вильямс начал регулярно посещать библиотеку.

Для Энди все это было рутинным занятием. Он видел, как Томми набирал изрядное количество тестов высшей школы. Парень хотел освежить в памяти предметы, которые когда-то изучал — таковых было не много, — а затем пройти тесты. Он также получил по почте большое количество курсов по предметам, которые провалил или просто оставил без внимания в школе.

Томми явно не был хорошим учеником, и не знаю, получил ли он свидетельство об окончании высшей школы, да это и не важно для моего рассказа. Важно, что он очень привязался к Энди, как большинство людей, которые какое-то время с ним общались.

Пару раз он спрашивал Энди: «Что такой продувной парень, как ты, забыл в тюрьме?» — вопрос, который звучит как грубый эквивалент светской любезности: «Что такая милая девушка, как вы, делает в таком месте, как это?» Но Энди ничего не отвечал, только улыбался и переводил разговор на другую тему. Естественно, Томми стал расспрашивать окружающих и, когда получил ответ, был шокирован до глубины души.

Человек, который рассказал ему, почему Энди попал в тюрьму, был его партнером на гладильной машине в прачечной. Мы называли эту машину давилкой, и можете себе представить, что случилось бы с человеком, работающим на ней, если бы он ослабил свою бдительность. Партнером Томми был Чарли Лафроб, отбывавший свои двенадцать лет за убийство. Он с наслаждением принялся пересказывать все подробности истории Дюфресна; излюбленным развлечением для нас, старых обитателей тюрьмы, было введение новичков в курс всех наших дел. Чарли дошел уже до того места, как присяжные, придя с обеда, объявили Энди виновным, как вдруг послышался неожиданный свист, и давилка остановилась. В тот день машина обрабатывала свежевыстиранные сорочки для приюта Элиот. Они выкакивали из машины сухими и выглаженными со скоростью штука в секунду. Томми и Чарли должны были подхватывать их и складывать в тележку, высланную чистой бумагой.

Но Томми Вильямс продолжал стоять, открыв рот и тупо уставившись на Чарли. Он был завален грудой рубашек, которые падали на липкий грязный пол прачечной.

В тот день за прачечной присматривал Хомер Джесуб, и он уже спешил к машине, громко ругаясь на ходу. Томми даже не повернулся к нему. Он спросил Чарли, будто старина Хомер, который проломил за свою жизнь больше черепов, чем мог сосчитать, и вовсе отсутствовал.

— Как, ты сказал, звали того инструктора из гольф-клуба?

— Квентин, — произнес смущенный и почти напуганный Чарли. Он рассказывал потом, что мальчишка был бледен как полотно. — Кажется, Глен Квентин. Или что-то вроде этого, точно не помню...

— Эй, немедленно! — прорычал Хомер. Шея его налилась кровью. — Бросьте рубашки в холодную воду! Пошевеливайся, урод! Быстро, а то...

— Глен Квентин, о Боже, — произнес Томми Вильямс, это были его последние слова, потому что Хомер Джесуб, этот образец гуманности, уже опустил свою дубинку на череп бедного парня. Томми упал на пол лицом вниз, лишившись при этом трех передних зубов. Очнувшись он уже в одиночке, где и провел всю следующую неделю на «диете Нортон». Плюс черная отметка в его карточке.

Было это в феврале 1963 года, и Томми Вильямс обошел шесть или семь долгосрочников и услышал в точности ту же историю, что и от Чарли. Я знаю, потому что был одним из них. Но когда я спросил Томми, зачем ему это, вразумительного ответа не получил.

И вот в один прекрасный день Томми пришел в библиотеку и вывалил Энди всю информацию разом. В первый и последний раз, по крайней мере с тех пор, как он в смущении говорил со мной о Рите Хейуорт, Энди потерял присущее ему самообладание... Только на этот раз в куда большей степени.

Я видел его на следующий день, он выглядел как человек, который наступил на грабли и получил хороший удар промеж глаз. Руки Энди дрожали, и когда я заговорил с ним, он не отвечал. После полудня он нашел Билли Хенлона, дежурного охранника, и договорился с ним об аудиенции у коменданта на следующий день. Позже Энди рассказывал, что в ту ночь не спал ни минуты. Он прислушивался к завываниям холодного зимнего ветра, смотрел на длинные колеблющиеся тени на цементном полу камеры, которую называл домом с тех пор, как Трумэн стал президентом, и пытался все спокойно обдумать. Он говорил, что Томми принес ключ, который подходил к клетке, находящейся где-то в глубине его сознания. К такой же клетке, как его собственная камера, только вместо человека в ней был тигр. Тигр по имени надежда. Вильямс принес ключ, который открыл дверцу, и тигр вырвался на волю разгуливать по его сознанию.

Четырьмя годами раньше Томми Вильямс был арестован в районе Род-Айленд, когда вел краденую машину, набитую краденным товаром. Томми признался в своем преступлении, и ему смягчили приговор: два с небольшим года лишения свободы.

Прошло одиннадцать месяцев, и сокамерник Томми вышел на свободу, а его место занял некий Элвуд Блейч. Блейч отбывал наказание за кражу со взломом.

— Я никогда раньше не встречал настолько нервного типа, — говорил мне Томми, — такой человек не должен быть взломщиком, особенно вооруженным. Малейший шум, и он подскочит на три фута в воздух и начнет палить не глядя во все стороны... Однажды ночью он совершенно меня достал, потому что какой-то малый в нашем коридоре постукивал чашкой по прутьям своей решетки. Блейча это бесило.

Я провел с ним семь месяцев, прежде чем меня выпустили. Не могу сказать, что мы беседовали с моим соседом. Вы не можете разговаривать с Элом Блейчем. Это *он* разговаривает с *вами*. Треплется все время, и заткнуть его невозможно. А если вы попытаетесь вставить хоть слово, он грозит своим волосатым кулаком, вращает глазами. У меня мороз пробежал по коже, когда он так делал. Огромный тип, довольно высокий, почти совершенно лысый, с глубоко посаженными злобными зелеными глазами. Господи Иисусе, только бы никогда не увидеть его опять.

Каждую ночь начинался словесный понос. Я был вынужден все это выслушивать. Где он вырос, как сбегал из приютов, чем зарабатывал на жизнь, какие делишки проворачивал и каких женщин трахал. Мне ничего не оставалось, как выслушивать весь этот треп. Возможно, моя физиономия и не покажется вам слишком красивой, но она мне дорога, и я очень не хотел, чтобы этот тип видоизменил ее в припадке ярости.

Если ему верить, то он совершил не меньше двухсот краж со взломом. Мне сложно представить, что это мог проделать такой психопат, который взвизгивает как укушенный, стоит кому-то рядом пукнуть громче обычного. Но он клялся, что говорит правду. А теперь... слушай меня внимательно, Рэд. Я знаю, что люди иногда выдают желаемое за действительное и что никогда не стоит доверять своей памяти... Но прежде чем мне довелось услышать впервые про парня по имени Квентин, я, помнится, думал: «Если бы старина Эл когда-нибудь ограбил *мой* дом, то, узнав об этом, я чувствовал бы себя счастливейшим из смертных, что остался жив». Можешь себе представить, как этот

тип в спальне какой-нибудь дамы роется в ее шкатулке с драгоценностями, а она переворачивается во сне на другой бок или кашляет? У меня мурашки по коже пробегают, стоит только подумать об этом, клянусь именем моей мамочки.

И он говорил, что убивал людей, когда они его дергали. Так и говорил, и я ему верил. Эл был похож на человека, который способен убивать. Боже, какой же он был нервный! В точности как пистолет со взведенным курком. Знал я одного парнишку, у которого был «смит-вессон» со взведенным курком, и ничего хорошего в этом не видел. К тому же спусковой крючок на этом пистолете нажимался так легко, что мог прийти в движение просто от громкого звука. Вот такую штуковину напоминал мне Эл Блейч, и не сомневаюсь, что он прирезал кого-нибудь из-за своих чертовых нервов.

Однажды ночью я спросил его, просто чтоб хоть что-нибудь сказать: «Ну и кого же ты убил?» Он рассмеялся и ответил: «Один тип сейчас на зоне в Мэне. Мотает срок за двух людей, которых прикончил я. Его жена с одним козлом была в домике, куда я пробрался, там все и случилось».

Насколько мне помнится, он не называл имя женщины. А может, я просто пропустил мимо ушей. Да и какая разница? В Новой Англии Дюфресны встречаются так же часто, как Смиты и Джонсы на остальной территории страны. Главное, что Эл назвал убитого им парня, он сказал, парня звали Глен Квентин, и он был богатенький хер, тренер гольф-клуба. Эл говорил, что парень, по его предположению, держал дома тысяч пять долларов. А это по тем временам были деньги. И я спросил: «Когда это произошло?» Блейч сказал, что сразу после войны.

Он продолжал рассказывать эту байку: он вошел в домик, все там перерыл, а парочка проснулась, и тут начались неприятности. «Меня это достало», — сказал Эл. «Возможно, парень начал храпеть, и тебя достало это? Так?» — спросил я. А Эл, продолжая свой рассказ, упомянул юриста, чья жена лежала в постели с Квентином. «Теперь этот юрист мотает срок в Шоушенке», — закончил Эл и загоготал. Боже, как я счастлив, что больше не увижу этого гнусного типа.

Полагаю, теперь вы можете понять, почему Энди скверно чувствовал себя после того, как Томми рассказал эту историю,

почему волновался и хотел срочно видеть коменданта. Элвуд Блейч был осужден на шестилетний срок, когда Томми сидел с ним в камере. И теперь, в 1963-м, он мог быть уже на свободе... Или же собирался выйти на свободу. Вот что волновало Энди: с одной стороны, весьма вероятно, что Блейч все еще в камере, а с другой стороны, не менее вероятно, что он уже освобожден. И ищи теперь ветра в поле.

Конечно, в рассказе Томми встречались неувязки, но разве их нет в реальной жизни? Блейч упоминал о юристе, а Энди был банкиром, но необразованный человек легко может перепутать эти две профессии. Не забывайте, что прошло двенадцать лет с тех пор, как Блейч читал заголовки газет, кричащих о деле Энди. Могут показаться странными его слова, что он полез за деньгами и действительно нашел тысячу долларов, а полиция не обнаружила никаких следов грабежа. На этот счет могу выдвинуть несколько предположений. Во-первых, если хозяин имущества мертв, вы ни за что не выясните, что у него пропало, если кто-нибудь другой вам об этом не скажет. Во-вторых, кто сказал, что Блейч не солгал насчет этих денег? Возможно, он просто не хотел признаваться в том, что ни за что убил людей. В-третьих, следы взлома и грабежа могли отсутствовать, а полиция их проглядела: копы бывают на редкость дубоголовыми. Или даже, обнаружив эти следы, о них могли не упоминать, чтобы не разрушать версию прокурора. Прокурор, как уже упоминалось, шел на повышение, а привлечь внимание центральных органов к такому заурядному процессу, как кража, было бы сложнее.

Из этих трех версий лично я склоняюсь ко второй. Видал я таких Элвудов за свою долгую жизнь в Шоушенке. Такого рода малые хотят, чтобы вы думали, будто на каждом своем деле они наваривали миллионы и не стали бы стараться за что-то меньшее, чем королевский бриллиант. Даже если в результате их поймали на десятидолларовой мелочевке, за которую и посадили.

Была в рассказе Томми одна деталь, которая убедила Энди без тени сомнения. Блейч не описывал внешность Квентина. Он назвал его «богатым хером» и *упомянул*, что парень был инструктором по гольфу. Когда-то давно Энди с женой выбира-

лись в клуб пообедать, и случалось это пару раз в неделю на протяжении нескольких лет, а затем Энди частенько приходил туда выпить после того, как узнал все о Линде. При клубе была дискотека, и в 1947-м один из работавших там жокеев запомнился Энди. Он в точности соответствовал описанию Элвуда Блейча. Высокий крепкий мужчина, почти совсем лысый, с глубоко посаженными зелеными глазами. Он всегда смотрел так, будто оценивает вас взглядом. Он проработал там недолго, но Энди запомнил этого человека, поскольку тот обладал слишком примечательной внешностью.

Энди явился к Нортону в дождливый ветреный день, когда большие серые облака ползли по небу над серыми стенами, в день, когда с полей, лежащих вокруг тюрьмы, сходил последний снег, обнятая безжизненные пожелтевшие клочки прошлогодней травы.

У Нортона был солидных размеров кабинет в административном отделе тюрьмы, а прямо за его столом располагалась дверь, ведущая в комнату помощника коменданта. Помощник в тот день отсутствовал, а в его конторе находился один из заключенных, убогий прихрамывающий тип, имя которого я уже не припомню. Все звали его Честером. Ему было поручено поливать цветы в помещении и натирать полы. И у меня есть сильное подозрение, что земля в цветочных горшках в тот день осталась сухой, а все, что Честер в тот день натирал, — это собственное грязное ухо о замочную скважину.

Он услышал, как дверь, ведущая из коридора в кабинет коменданта, отворилась и захлопнулась, и Нортон сказал:

— Добрый день, Дюфресн, чем могу вам помочь?

— Видите ли, — начал Энди, и старина Честер признавался нам, что едва смог узнать его голос. — Видите ли, комендант, произошло нечто... Со мной случилось нечто такое, что я... я затрудняюсь, с чего и начать.

— Ну что ж, почему бы вам не начать сначала? — спросил Нортон своим еле слышимым голоском, словно предназначенным для зачитывания псалмов. — Наверное, это будет лучше всего.

Энди так и поступил. Он напомнил Нортону подробности преступления, за которое попал в Шоушенк. Затем в точности

пересказал всю историю, которую услышал от Томми Вильямса. Он назвал Томми, и возможно, вам это покажется не слишком мудрым в свете последующих событий, но что ему оставалось делать? Ведь иначе его история звучала бы и вовсе неправдоподобно.

Когда он закончил, Нортон некоторое время молчал. Я ясно вижу его, откинувшегося на спинку кресла под портретом губернатора Рида, висящим на стене: пальцы сплетены, губы сжаты, лоб собран в морщины, почетный значок на груди тускло поблескивает.

— Да, — наконец произнес комендант, — это одна из самых дурацких историй, которую я когда-либо слышал. И знаете, Дюфресн, что меня больше всего удивляет?

— Что, сэр?

— Что вы всему этому поверили.

— Сэр! Я не понимаю, что вы хотите этим сказать? — произнес Дюфресн, и Честер говорил потом, что едва мог узнать голос человека, тринадцать лет назад справившегося с Байроном Хедли. Сейчас Энди с трудом выговаривал слова, голос его дрожал.

— Что ж, — произнес Нортон, — для меня вполне очевидно, что этот молокосос Вильямс был вами совершенно очарован. Попал под ваше влияние, скажем прямо. Он услышал вашу горестную историю, и вполне естественно с его стороны было желание как бы... оправдать вас и приободрить. Вполне естественно. Он молод, не слишком рассудителен. Он никак не мог предвидеть, в какое состояние это вас приведет. Все, что я могу предложить...

— Разве я бы об этом не подумал? — перебил Энди. — Но я никогда не говорил Томми о том человеке, работавшем при клубе. Более того, *никому* не мог говорить, в этом просто не было необходимости. Но описание сокамерника Томми и того парня, которого я помню... они же *идентичны*!

— Прекрасно, но теперь вы склоняетесь к одностороннему восприятию действительности, — ответил Нортон. Фразочки типа «одностороннее восприятие действительности» в большом количестве усваиваются людьми, проходящими обучение, чтобы потом работать в исправительных учреждениях. И они применяют эти словечки к месту и не к месту.

— Но это не так, сэр.

— Это ваша точка зрения. Моя же принципиально иная. И учитите, у меня нет никаких фактов, кроме вашего слова, что *такой* человек действительно работал в клубе «Фэлмоуз-Хилл».

— Нет, сэр, не только, потому что...

— Подождите, — остановил его Нортон, голос его становился все громче и уверенней, — давайте посмотрим на дело с другой стороны. Предположим на секунду, просто предположим, не более, что действительно существовал человек по имени Элвуд Блоч.

— Блейч, — поправил Энди.

— Пусть Блейч, какая разница. И будем считать, что он действительно *являлся* сокамерником Томаса Вильямса в Род-Айленде. Шансы, что сейчас он уже на свободе, очень высоки. *Более чем высоки*. Ведь мы даже не знаем, сколько времени он провёл в тюрьме, прежде чем попал в камеру Вильсона, не так ли? Известно только, что он был осужден на шесть лет.

— Нет. Мы не знаем, сколько времени он отсидел. Но я полагаю, есть шанс, что он все еще там. Даже если это не так, в тюрьме сохранились сведения о его последнем адресе, имена близких друзей и родственников.

— То и другое, как вы понимаете, может ровным счетом ничего не значить. Концы в воду, и все тут.

Энди секунду помолчал, затем взорвался:

— Да, но *шанс* есть, так ведь?

— Да, конечно. Итак, Дюфресн, предположим далее, что Блейч не только существует, но и поныне находится в Род-Айленде. И что же, по-вашему, он скажет, когда мы придем к нему с показаниями вашего Томми? Возможно, упадет на колени, возведет глаза к небу и, рыдая, признается во всех своих грехах?

— Как можно быть настолько тупым? — пробормотал Энди так тихо, что Честер едва сумел его расслышать. Зато коменданта он услышал превосходно.

— Что?! Как вы меня назвали?!

— *Тупым!* — закричал в ответ Энди. — Или это намеренно?

— Дюфресн, вы отняли пять минут моего времени — нет, семь, — а я сегодня очень занят. Итак, полагаю, нашу встречу можно объявить законченной и...

— В клубе хранятся все старые бланки и карточки, вы хоть это понимаете? — продолжал кричать Энди. — У них и налоговые бланки, и В-формы, и компенсационные карточки для уволенных, и на каждой его имя! Кто-нибудь из администрации, кто работал в клубе прежде, остался там и сейчас! Возможно, и сам старик Бриггс, ведь прошло пятнадцать лет, а не вечность! *Они вспомнят его!* Если Томми подтвердит все, что рассказывал ему Блейч, и Бриггс удостоверит, что Блейч действительно работал при клубе, мое дело возобновят! Я смогу...

— Охрана! Охрана! Уберите этого человека!

— *В чем дело?* — дрогнувшим голосом спросил Энди. — Это моя жизнь, моя возможность выйти на волю, вы это понимаете? Почему бы не сделать всего лишь один запрос, чтоб подтвердить историю Томми? Послушайте, я заплачу...

Затем, по словам Честера, последовал легкий шум: охранники схватили Энди и потащили его прочь из кабинета.

— В карцер, — сухо сказал Нортон, и я представляю себе, как он при этом провел рукой по своему значку. — На хлеб и воду.

И Энди, окончательно вышедшего из-под контроля, увели. Честер говорил, что он слышал, как уже в дверях Энди продолжал кричать на коменданта:

— *Это моя жизнь! Неужели не понятно, это моя жизнь!*

Двадцать дней провел Энди на «диете Нортон». Это была его первая стычка с Сэмом Нртоном и первая черная отметка в карточке с тех пор, как он вступил в нашу маленькую счастливую семейку.

Расскажу теперь немного о шоушенкском карцере, раз уж к слову пришлось. Эта старая добрая традиция восходит в Мэне к временам первых поселенцев, началу и середине XVIII века. В те дни никто не тратил времени на такие вещи, как «искупление», «реабилитация», и прочую ерунду. Вещи подразделялись четко и ясно на черное и белос. Либо вы виновны, либо нет. Если виновны — вас полагается либо повесить, либо посадить в тюрьму. И если вы приговорены к лишению свободы, вас не будут отвозить в какое-то заведение, нет, вам придется рыть себе тюрьму своими руками, и власти провинции Мэн выделяют для

этого лопату. Вы вырастаете яму таких размеров, какие вам под силу, если копать от восхода солнца до захода. Затем, получив пару шкур и корзину, вы спускаетесь вниз, а яму сверху накрывают решеткой, сквозь которую вам будут бросать немного зерен или кусочек червивого мяса, а по редким праздникам потчевать ячменной похлебкой. Испражняться придется в бадью, а в шесть утра, когда приходит тюремщик, эту же самую бадью вы отдаете ему для воды. А в дождливую погоду приходится спасаться под ней от потоков воды.

Никто не проводил «в дыре» слишком долгое время — самое большее, насколько я знаю, тридцать месяцев. Это был четырнадцатилетний психопат, кастрировавший школьного товарища, но он был молод и здоров, когда его посадили.

Не забывайте при этом, что за любое более тяжкое преступление, чем пустячная кража или мелкое богохульство, вас повесят. А за такие мелкие преступления вы проводите три, или шесть, или девять месяцев в дыре и выходите оттуда абсолютно бледным, полуослепшим, начинаете бояться открытого пространства, зубы ваши шатаются и готовы окончательно вывалиться, ноги покрыты грибком. Старая добрая провинция Мэн...

Шоушенкский карцер являет собой некое более цивилизованное подобие средневековой тюрьмы... События в человеческой жизни развиваются в трех направлениях: хорошо, плохо и ужасно. И если вы углубляетесь в крошечную тьму ужасного, все труднее становится делать какие-либо различия.

Чтобы попасть в карцер, вы спускаетесь на двадцать три ступеньки в подвал. Единственный звук, проникающий туда, — звук падающей воды. Все освещение представлено тусклой шестидесятиваттной лампочкой. Камеры там одиночные, они имеют форму бочонка, как те стенные сейфы, что богатые люди скрывают в своем доме за какой-нибудь картиной. Как и в сейфе, двери раздвигающиеся, окон нет никаких, даже решетчатых, и единственное освещение — лампочка, которую выключают в восемь вечера, на час раньше, чем гасят огни в остальных помещениях тюрьмы. Вам приходится находиться в крошечной тьме, хотите вы этого или нет. В камере есть вентиляция, и можно слышать, как в вентиляционной системе шуршат и сну-

ют крысы. В камере есть прикрученная к стене койка и большой стульчак без сиденья. Таким образом, у вас есть возможность проводить время тремя способами: сидеть, испражняться или спать. Богатый выбор. Двадцать дней в таком месте тянутся, как год, тридцать — как два года, сорок дней могут показаться десятилетием.

Единственное, что можно сказать в защиту одиночки, — у вас появляется время подумать. Энди занимался этим все двадцать дней своего пребывания на «диете Нортон», а когда вышел, попросил о новом свидании с комендантом. Запрос был отклонен. Такая встреча, сказал комендант, будет «непродуктивна». Вот еще одно словцо, которому обучают на такого рода должности.

Энди терпеливо повторил свой запрос. И снова. И снова. Он действительно изменился, Энди Дюфресн. Той весной 1963 года на лице его появились морщины, а в волосах седые пряди. Исчезла маленькая усмешка, которая всегда так восхищала меня. Он стал часто смотреть в пустоту, а я знаю, что, когда у заключенного появляется такой взгляд, он считает оставшиеся годы в тюрьме, месяцы, недели, дни.

Энди возобновлял свой запрос снова и снова. Он был терпелив. У него не было ничего, кроме времени... Началось лето. В Вашингтоне президент Кеннеди обещал избирателям новое наступление на нищету и нарушения прав человека, не зная, что жить ему осталось всего полгода. В Ливерпуле появилась группа «Битлз» и стала популярна как одна из самых сильных музыкальных групп Англии, но полагаю, в Штатах их еще не слушали. Бостонская команда «Ред сокс» четыре года до того, что люди в Новой Англии назовут «Чудом-67», прозябала в бездействии в последних разрядах Американской лиги. Вот что происходило в большом мире, где жили свободные люди.

Нортон встретился с Энди в конце июня, и подробности их разговора я узнал от самого Дюфресна спустя семь лет.

— Можете не волноваться, что я сболтну что-нибудь, — говорил Энди Нортону тихим мягким голосом. — Информация о наших финансовых делах останется в тайне, я буду нем как рыба, и...

— Достаточно, — перебил его Нортон. Он откинулся в кресле так, что голова его почти касалась вышитых букв, оповещающих о грядущем пришествии. Лицо коменданта было холоднее могильного камня.

— Но...

— Больше не упоминайте при мне о деньгах. Ни в этом кабинете, ни где-либо еще. Если не хотите, конечно, чтобы библиотека опять превратилась в одну маленькую комнату типа чулана, как это было раньше. Надеюсь, это понятно?

— Я просто попытался вас успокоить, только и всего.

— Учтем на будущее. И если я когда-нибудь еще буду нуждаться в успокоениях такого сукина сына, то попрошу о них специально. Я согласился на эту встречу, потому что вы утомили меня своими запросами. Дюфресн. Этому пора положить конец. Я выслушивал бы идиотские истории типа вашей дважды в неделю, если бы пустил это дело на самотек. И каждый, кому не лень, использовал бы меня как жилетку, в которую можно поплакаться. Я раньше относился к вам с большим уважением. Но теперь это закончилось. Вот и все. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Да, — ответил Энди, — но я хотел бы нанять адвоката.

— О Боже, и для чего?

— Думаю, мы можем это обсудить. С показаниями Томми Вильямса, моими показаниями и информацией, полученной из клуба, можно начать новое дело.

— Томми Вильямс выбыл из Шоушенка.

— *Что?!*

— Он переведен.

— Переведен куда?

— В Кешмен.

Энди замолчал. Его никто не назвал бы недостаточно сообразительным, но тут и круглый идиот мог бы догадаться, что дело нечисто. Кешмен — тюрьма к северу от Арустука, слабо охраняемая. Заключенные часто посылаются на уборку картофеля, и это довольно тяжелая работа, но им выплачивают хороший заработок. А также у них есть реальная возможность обучаться в CVI, престижном техническом институте, если у кого возникает желание. Что самое главное для таких людей, как

Томми, людей с молодой женой и ребенком, — отпускная программа в Кешмене довольно свободная. Это означает реальный шанс хотя бы по выходным жить как нормальный человек. Воспитывать собственного ребенка, заниматься сексом с женой, даже ездить на пикник.

Нортон, несомненно, выложил все эти козыри перед ошалевшим Томми и потребовал взамен всего лишь одной маленькой услуги: ни слова больше про Элвуда Блейча. Томми предстояло решать, отправляться ли ему в Кешмен или оставаться здесь, где ему устроили бы действительно тяжкое существование и вместо секса с женой предложили бы секс с тремя-четырьмя сестрами.

— Но почему? — спросил Энди. — Почему вы...

— Да будет вам известно, — спокойно продолжал Нортон, — что я связывался с Род-Айлендом. Там действительно содержался заключенный по имени Элвуд Блейч. Он был выпущен на свободу во время последней амнистии, знаете, эти идиотские правительственные программы, выдумка обезумевших либералов, позволяющая уголовникам спокойно разгуливать по улицам. Блейч исчез.

— Начальник той тюрьмы... не приходится ли вам приятелем?

Сэм Нортон одарил Энди ледяной улыбкой...

— Да, мы знакомы.

— Почему? — повторил Энди. — Скажите мне, зачем вы это сделали? Я бы ни о чем не стал болтать, если бы вышел на свободу, это же очевидно. Так зачем же?..

— Затем, что люди, подобные вам, причиняют мне много расстройств и головную боль, — откровенно сказал Нортон. — Меня устраивает, что вы находитесь здесь, в Шоушенке, мистер Дюфресн. И пока я нахожусь на посту коменданта, вы на свободу не выйдете. Вы привыкли думать, что на голову выше всех окружающих. Это очевидно, для этого достаточно хоть раз посмотреть вам в глаза, и когда я впервые пришел в библиотеку, мне все стало очевидно. Ощущение собственного превосходства написано у вас на лбу крупными буквами. Теперь вы несколько изменились, и я этому рад. Не думайте, что вы для меня чем-то полезны, вовсе нет. Просто такого человека не по-

мешало бы поучить смирению. Вы привыкли шествовать по прогулочному двору так, как будто это гостиная в доме вашего приятеля и вы приглашены на вечерний коктейль. Знаете, такие очаровательные вечеринки, где всякий муж домогается чужой жены и все до одного напиваются безобразно пьяными. Но больше вы не будете прогуливаться подобным образом, я в этом уверен. И буду с большим удовольствием на протяжении многих лет следить за тем, чтобы к вам не вернулась прежняя самонадеянность. А теперь уберите прочь.

— О'кей. Но знайте, Нортон, что вся моя деятельность в качестве вашего личного экономиста сворачивается. И если вы захотите впредь обходить налоги и сводить концы с концами, обращайтесь в консультацию. Возможно, вам помогут.

Лицо коменданта на секунду стало красным от прихлынувшей крови, но затем прежний цвет вернулся к нему.

— Теперь вы пойдете в карцер. Тридцать дней. На хлеб и воду. Вторая черная пометка в карточке. И пока будете там сидеть, обдумайте мои слова: если вы *прекратите* на меня работать, я приложу все усилия, чтобы библиотека вернулась в то состояние, в котором была до вашего прихода. И сделаю вашу жизнь тяжелой... Очень тяжелой. Уж будьте спокойны, это я обеспечить смогу. Вы потеряете свою одноместную камеру в пятом блоке; поступающих сейчас много, так что будете жить с соседом. Потеряете все ваши камешки, лежащие на окне, и лишитесь протекции охраны против гомосексуалистов. Вы лишитесь всего... Ясно?

Думаю, Энди было ясно все.

Время шло — возможно, единственно невосполнимая, единственно ценная вещь в этом мире. Энди Дюфресн действительно изменился. Он продолжал делать грязную работу на Нортоне и заниматься библиотекой, все шло по-прежнему. По-прежнему он заказывал выпивку на день рождения и Рождество, по-прежнему отдавал мне недопитые бутылки. Время от времени я доставал ему полировальные подушечки, и в 1967-м принес молоток: старый, который он получил девятнадцать лет назад, совсем истерся... *Девятнадцать лет!* Когда вы произносите эти слова, они звучат как стук захлопывающейся двери в гроб-

ницу и дважды повернутого в замке ключа. Молоток, который тогда стоил десять долларов, теперь поднялся до двадцати двух, и мы с Энди печально улыбнулись, когда заключали сделку.

Энди продолжал обрабатывать камни, которые находил на прогулочном дворе. Правда, двор теперь стал меньше: половина его была заасфальтирована в 1962 году. Но Энди все равно находил достаточно, чтобы ему было чем заниматься. Заканчивая обрабатывать камень, он помещал его на подоконник. Энди говорил мне, что любит смотреть на камешки, освещаемые солнечными лучами, на кусочки планеты, которые он взял из пыли и грязи и отшлифовал до зеркального блеска. Аспидный сланец, кварц, гранит. Крошечные скульптуры, склеенные заботливыми руками Энди. Осадочные конгломераты, отполированные так, что можно было ясно видеть: они составлены из слоев различных пород, отлагавшихся здесь на протяжении многих веков. Энди называл такие образцы «тысячелетние сэндвичи».

Время от времени Энди убирал некоторые камешки с подоконника, чтобы освободить место для новых. Большинство из тех камней, что покинуло его комнату, перешло ко мне. Считая те, самые первые, напоминающие запонки, у меня было пять экземпляров. Одна скульптура человека, мечущего копье, два осадочных конгломерата, тщательно отполированных. У меня до сих пор хранятся эти камни, и я часто верчу их в руках, думая о том, сколь многого может добиться человек, если у него есть время и желание.

Итак, все текло своим чередом. Если бы Нортон мог *видеть*, как изменился Энди в глубине души, он был бы доволен результатами своих трудов. Но для этого ему пришлось бы заглянуть чуть глубже, чем он привык.

Он говорил Энди, что тот идет по прогулочному двору, как по гостиной на званом ужине. Я называл такое поведение чуть иначе, но прекрасно понимаю, что именно имел в виду комендант. Я уже говорил, что Энди носил свою свободу, как невидимый пиджак, и хотя он находился за решеткой, никогда не походил на заключенного. Глаза его никогда не принимали отсутствующего тупого выражения. Он никогда не ходил так, как большинство здесь, — сгорбившись, вжав голову в плечи, тя-

жело переставляя ступни, словно они налиты свинцом. Нет, не такой была походка Энди: легкий шаг, расправленные плечи, будто он возвращается домой, где его ждет прекрасный ужин и красивая женщина вместо пресного месива из овощей, переваренной картошки и двух жирных жестких кусочков того, что скорее можно назвать пародией на мясо... Плюс картинка с Ракел Уэлч на стене.

Но за эти четыре года, хотя Энди и не стал таким же, как остальные, он приутих, замкнулся в себе, стал более молчаливым и сосредоточенным. И кто может его винить? Разве что Нортон.

Мрачное состояние Энди прекратилось в 1967 году во время мирового чемпионата. Это был сказочный год, год, когда «Ред сокс» стали победителями. Первое место вместо предсказываемого Лас-Вегасом девятого. Когда это случилось — когда команда стала призером Американской лиги, — невиданное оживление охватило всю тюрьму. Это была какая-то идиотская радость, странное ощущение, что если ожила безнадежная, казалось бы, команда — то шанс на воскресение есть у *всякого*. Теперь я едва ли смогу объяснить природу этого чувства, как бывший битломан не объяснит *причин* своего сумасшествия, когда оно уже прошло. Но тогда все это было вполне доступным и реальным. Всякое радио включалось на волну радиостанции, передающей чемпионат, когда играли «Ред сокс». Жуткое уныние охватило публику, когда в Кливленде была пропущена под конец пара мячей, и идиотский взрыв буйного веселья последовал за решающим броском Рико Петроселли, который решил исход игры. Затем, после поражения в седьмой игре чемпионата, «Ред сокс» утратили свое магическое воздействие, и заключенные вновь впали в тягостное оцепенение. Подозреваю, как обрадовался этому Нортон. Проклятый сукин сын любил видеть вокруг себя людей с постными лицами, посыпающих головы пеплом, и на дух не переносил счастливых улыбок.

Что касается Энди, у него не было причин унывать. Возможно потому, что он никогда не был бейсбольным фанатом. Но тем не менее он сумел поймать то непередаваемое ощущение удачи, которое, казалось, потерял. Энди вытащил свою сво-

боду, как невидимый пиджак из пыльного шкафа, — и примерил вновь...

Я вспоминаю один ясный осенний денек спустя две недели после окончания чемпионата. Возможно, было воскресенье, потому что я помню множество людей, расхаживающих по двору, перекидывающихся мячиком, треплющихся друг с другом о всякой ерунде и заключающих сделки. Другие в это время сидели в зале для посетителей, общаясь с близкими под пристальным взглядом охранников, рассказывая с серьезным видом совершенно неправдоподобные сказки о своей жизни и радуясь передачам.

Энди сидел на корточках у стены, сжимая в руке только что подобранные камешки. Он поднял к солнцу лицо и, зажмурившись, впитывал тепло его лучей. В тот день была на редкость ясная погода, это я помню точно.

— Привет, Рэд, — окликнул он меня. — Подсаживайся, поговорим.

Я подошел.

— Хочешь? — Он протянул мне парочку тщательно отпечатованных «тысячелетних сэндвичей».

— Конечно. Чудные вещицы... Спасибо тебе большое.

Энди сменил тему:

— У тебя в следующем году знаменательная дата.

Я кивнул. В будущем году я отмечу тридцатилетие своего поступления в Шоушенк, шестьдесят процентов жизни проведено в тюрьме...

— Думаешь, ты когда-нибудь выйдешь отсюда?

— Разумеется. Когда у меня отрастет длинная седая борода, а старческий маразм разовьется настолько, что я уже не буду осознавать, в тюрьме я или на свободе.

Энди слегка улыбнулся и прищурился на солнце:

— Хорошо.

— Я думаю, почему бы не быть хорошему настроению в такой чудный денек.

Он кивнул, и некоторое время мы молчали.

— Когда я отсюда выйду, — наконец произнес Энди, — то поеду туда, где всегда тепло. — Он говорил с такой уверенностью, как будто до освобождения оставалось не больше месяца. — И знаешь, Рэд, куда я поеду?

— Понятия не имею, и куда же?

— Зихуатанехо, — ответил Энди, медленно, мягко выговаривая это слово, и оно звучало как музыка. — Недалеко от Мехико. Это маленькое местечко в двадцати милях от Тридцатой седьмой магистрали. Оно находится в сотне миль к северо-востоку от Акапулько в Тихом океане. Ты знаешь, что говорят мексиканцы о Тихом океане?

Я ответил, что не знаю.

— Говорят, у него нет памяти. Именно там я хочу провести остаток своих дней, Рэд. В теплом месте, где исчезает память.

Энди захватил в ладонь горсть пыли, и теперь, продолжая говорить, отбирал камешки. Пару раз кварц вспыхнул под солнечными лучами.

— Зихуатанехо. Там у меня будет маленький отель. Шесть домиков вдоль побережья и еще шесть — чуть подальше около магистрали. У меня будет парень, который станет возить гостей на рыбалку. А для того, кто поймает самую большую рыбу сезона, будет учрежден приз, и его портрет я повешу в вестибюле. Это будет такое место, где стоит провести свой медовый месяц.

— И где ты собираешься взять денег для этого всего? Финансовые операции?

Он взглянул на меня и улыбнулся:

— В точку, Рэд. Временами ты меня просто пугаешь. Так вот, слушай, — продолжал Энди, закуривая сигарету. — Когда случается что-нибудь скверное в этом суетном мире, люди делятся на две категории. Предположим, есть маленький домик, уютно обставленный и полный гениальных полотен и всякого антиквариата. И вот хозяин его услышал, что приближается ураган. Один из этих двух типов людей будет надеяться на лучшее. «Ураган свернет с пути, — говорит себе такой человек. — Было бы абсурдно уничтожить этот чудный дом и эти старые картины. Господь не позволит этого... Да если что и случится, все имущество здесь застраховано». Это один сорт людей. А другой пребывает в уверенности, что ураган может идти прямо на него и тогда разрушит все на своем пути. И даже если прогноз погоды утверждает, что ураган сменил путь, такой человек знает, что в любой момент он может вернуться вновь и сровнять его

милый домик с землей. Такие люди отдают себе отчет в том, что стоит надеяться на лучшее, это еще никому не вредило... Но готовиться стоит к худшему.

Я зажег сигарету и спросил:

— Ты хочешь сказать, что застраховался от неожиданности?

— Да, я подготовился *курагану*. Я знаю, как скверно он выглядит. У меня было мало времени, но во все отведенное мне время я действовал. У меня был друг, единственный человек, который остался со мной. Он работал в инвестиционной компании в Портленде. Шесть лет назад он умер.

— Жаль.

— Да. — Энди отбросил окурок. — У нас с Линдой было что-то около четырнадцати тысяч долларов — не много, но кое-что. Однако, черт, мы были молоды и ни о чем не думали. Но когда начался ураган, я принялся вытаскивать свои картины в безопасное место. Я продал акции и честно заплатил весь налог, как примерный школьник. Внес в декларацию абсолютно все, ничего не скрыл.

— Они заморозили твой счет?

— Я был обвинен в убийстве, Рэд, а не мертв! Невозможно заморозить имущество невинного человека. И слава Богу. А это все случилось еще до того, как меня обвинили в преступлении. У нас с Джимом, тем моим другом, было немного времени. Я все быстро скинул по дешевке. Конечно, много проиграл на этом. Но тогда у меня были другие, гораздо более серьезные поводы для волнения.

— Да, пожалуй.

— Когда я попал в Шоушенк, все это оставалось в целости. Как и теперь. Там, за этими стенами, живет человек, которого никто никогда не видел в лицо. У него есть карточка социального страхования и водительские права, полученные в Мэне. А также свидетельство о рождении на имя Питера Стивенса. Превосходное имя, не правда ли?

— Кто он? — спросил я. Похоже, я знал, что ответит Энди, но не мог в это поверить.

— Я.

— Не станешь же ты говорить мне, что у тебя было достаточно времени, чтобы получить фальшивые документы, пока

над тобой трудились копы. Или что ты оформил все это, находясь на судебном разбирательстве.

— Нет, этого я утверждать не стану. Мой друг Джим оформил все за меня. Он начал действовать после того, как отклонили мою апелляцию. Основные документы были в его руках до 1950 года.

— Он должен был быть тебе очень близким другом, — сказал я.

Не знаю, какой части из всего этого я поверил — всему, половине или же вовсе ничему. Но денек был теплый, солнце ясно светило, и все один черт — это была занимательная история.

— Ведь весь этот расклад на сто процентов нелегален.

— Он был близким другом. Мы вместе воевали. Франция, Германия, оккупация. Он был хорошим другом и знал, что в этой стране сделать фальшивые бумаги, пусть и нелегально, легко и безопасно. Он взял мои деньги, все налоги на которые были выплачены так тщательно, что налоговой службе было просто не к чему придаться. И вложил их на имя Питера Стивенса. Это было в 1950 и 1952 годах. Сегодня, по приблизительным расчетам, там триста семьдесят тысяч долларов.

Наверное, у меня отвисла челюсть, потому что Энди улыбнулся, глядя на меня.

— Если я не умру здесь, возможно, у меня будет семь или восемь миллионов, «роллс-ройс» и все, чего я ни пожелаю.

Ладонь его зачерпнула новую пригоршню камешков.

— Я надеюсь на лучшее, готовлюсь к худшему, и ничего кроме этого. Фальшивое имя предназначено для того, чтобы сохранить этот маленький капитал. Просто я перестраховывался и заранее выносил свои пожитки из дому. Но, к сожалению, не знал, что ураган будет продолжаться так долго.

Я некоторое время молчал, пытаюсь осознать, что этот невысокий худощавый человек в сером тюремном костюме может обладать большей суммой денег, чем комендант Нортон сумеет собрать за всю свою гнусную жизнь, даже если вывернется наизнанку.

— Значит, ты не придурился, когда говорил, что можешь нанять адвоката, — наконец вымолвил я. — За такие деньги можно пригласить Кларенса Дарроу или кто там сейчас самый

крутой вместо него. Почему ты до сих пор этого не делаешь? Ты бы вылетел из этой чертовой дыры, как пуля.

— Не совсем так, — ответил Энди, слегка улыбаясь.

— Хороший адвокат вытащит Томми Вильямса из Кешмана и заставит его говорить, хочет он того или нет. Твое дело возобновят, ты наймешь частных сыщиков для поисков Элвуда Блейча и смешаешь эту суку Нортон с дерьмом. Почему бы нет, Энди?

— Потому, что я сам себя перехитрил. Если я когда-нибудь попробую наложить лапу на деньги Питера Стивенса, находясь здесь, то потеряю все до цента. Это мог сделать Джим, однако он мертв. Видишь, в чем проблема?

Я видел: эти деньги так много могли дать Энди, но получалось так, будто они принадлежат другому лицу. И если отрасль, в которую они вложены, придет в убыток... Все, что остается Энди, — наблюдать за курсом акций на страницах «Пресс геральд», будучи не в силах сделать хоть что-нибудь. Хреновое положение, скажу я вам.

— И еще тебе кое-что скажу, Рэд. В городке Бакстоне есть сенокосный луг. Ты же знаешь, где находится Бакстон?

Я знал.

— Вот и хорошо. С севера луг огражден каменной стеной, совсем как в стихотворении Роберта Фроста*. И возле этой стены лежит камень, который не имеет никакого отношения ни к этому лугу, ни к штату Мэн. Это кусок вулканического стекла, который до сорок седьмого года был моим пресс-папье. Джим положил этот камешек у основания стены. Под ним лежит ключ от депозитного ящика в Портлендском банке.

— Ну и попал же ты в переделку, — сказал я. — Когда умер твой друг, налоговое управление вместе с исполнителем его завешания вскрыло все депозитные ящики.

Энди улыбнулся:

— Все не так плохо. Мы позаботились о такой возможности. Ящик зарегистрирован на имя Питера Стивенса, и каждый год компания юристов, являющаяся исполнителем завешания Джима, посылает в банк чек. Рента вносится исправно.

* Роберт Фрост (1874—1963) — патриарх американской поэзии, «певец Новой Англии», умевший увидеть необычное и значительное в обыденном. — *Примеч. ред.*

Питер Стивенс находится в этой коробке и рано или поздно выйдет наружу. Водительские права просрочены на шесть лет, потому что Джим умер шесть лет назад, но ничего не стоит восстановить их за пять долларов. В коробочке также находятся биржевые сертификаты и два десятка тысячедолларовых облигаций.

Я присвистнул.

— Питер Стивенс надежно заперт в ящике Портлендского банка, а Энди Дюфресн еще более надежно заперт в Шоушенке. Вот ведь в чем проблема. А ключ, которым можно открыть ящик с документами, деньгами и новой жизнью, находится под куском черного стекла на бакстонском лугу. Скажу больше. Рэд, последние двадцать лет я с необычайным интересом проглядывал газеты, выискивая в них все новости, касающиеся новых строительных проектов в Бакстоне. И в один прекрасный день, подозреваю, мне придется прочитать, что через луг проложили магистраль или начали строить там новый госпиталь или универмаг, похоронив мою новую жизнь под десятью футами бетона.

— О Боже, Энди, если все это так, как ты еще не сошел с ума?

Он улыбнулся:

— Все спокойно на западном фронте.

— Но возможно, через годы...

— Да, возможно. Но есть вероятность, что я окажусь на свободе чуть раньше, чем этого хотят государство и Нортон. Не могу позволить себе ждать долго. Я думаю о Зихуатанехо и своем отеле. Это все, чего я теперь хочу от жизни. Я не убивал Глена Квентина, и жену свою тоже не убивал, и этот отель... не так уж многое из всего, что может хотеть человек. Купаться, загорать и спать в комнате с открытыми окнами... не столь уж это и много. Естественное человеческое желание.

Он отбросил свои камешки и продолжил, довольно бесцеремонно глядя мне в глаза:

— А знаешь, Рэд, мне там непременно понадобится человек, умеющий крутиться и доставать вещи.

Я довольно долго думал об этом разговоре. И почему-то мне даже не казалось абсурдным, что мы обсуждали такие проекты

на вонючем тюремном дворе под пристальными взглядами вооруженных до зубов ребят на вышках.

— Не могу, — ответил я. — Там я ничего не могу. Я привык к своей несвободе. Здесь я человек, который может все — по крайней мере многое. Но там, на свободе, мои способности не будут нужны никому. И если ты захочешь купить плакаты или полировальные подушечки, у тебя всегда под рукой каталог любого крупного универмага. Здесь я выступаю в роли этого чертова каталога. А там... просто непонятно, с чего начать. И непонятно как.

— Не преуменьшай своих достоинств. Ты самоучка, человек, который всего в жизни добился сам. Совершенно замечательный человек, на мой взгляд.

— О дьявол, у меня нет даже диплома высшей школы.

— Я знаю, — ответил Энди. — Но не бумажка создает человека. И не тюрьма его уничтожает.

— За пределами этих стен я буду ничем, Энди. Это точно. Он встал.

— Обдумай мои слова, — негромко произнес он и пошел прочь, как если бы один деловой человек на свободе сделал конкретное предложение другому деловому человеку. И на какое-то мгновение я действительно *почувствовал* себя свободным. Да, Энди мог творить чудеса. Благодаря ему я на время забыл о том, что оба мы осуждены пожизненно, забыл о ребятах на вышках и коменданте-баптисте, которому нравится Энди Дюфресн, находящийся в Шоушенке, и нигде больше. Ведь Энди для него — как домашняя зверушка, обученная заполнять ведомости и проводить счета. Совершенно замечательное создание!

Но ночью в камере я вновь стал заключенным. Идея была совершенно абсурдной, но она зацепила мое воображение, как крючок. Видение голубой воды и белого песчаного пляжа теперь было скорее жестоким, чем идиотским. Я не умел носить тот невидимый пиджак, что отличал Энди от всех нас. Я провалился в мучительный скверный сон. Я видел огромный черный камень в форме гигантской наковальни посреди луга. Я пытался поднять его, чтобы вытащить ключ, но чертов валун был необыкновенно тяжел, и мне не удалось даже сдвинуть его с места. И где-то вдали слышался лай ищеек...

* * *

Теперь, думаю, стоит немного рассказать о побегах. Конечно, они случаются время от времени в нашей милой семейке. Через стену, конечно, вы не перепрыгнете при всем своем старании. Проектора освещают пространство всю ночь, протягивая длинные белые пальцы через поля, которые окружают тюрьму с трех сторон, и зловонное болото с четвертой стороны. Заключенные иногда перебираются через стену и всегда попадают под луч прожектора. Даже если этого не происходит, копы подбирают беднягу, пытающегося голосовать на Шестой или Девяносто девятой магистрали. Если они пытаются пробираться сквозь фермерские угодья, кто-нибудь непременно позвонит в тюрьму и сообщит местонахождение беглеца. Те ребята, которые пытаются бежать через стены, просто кретины. В сельской местности человек, бегущий по полям в сером тюремном костюме, находится в худшем положении, чем таракан, забравшийся на блюдо с пирогом посреди стола.

Ребята, которые действуют оптимально, всегда согласуются с требованиями момента. Они просто ловят счастливый случай и применяют всю свою сообразительность, чтобы его не упустить. Многие бежали в грудах белья, которое машина вывозит из прачечной за ворота тюрьмы. Когда я еще только попал в Шоушенк, таких случаев было много, и поэтому теперь администрация стала более бдительно следить за этой лазейкой.

Знаменитая программа Нортон «Путь к искуплению» породила новые варианты побега. Нет ничего проще, чем аккуратно прихватить грабли и пойти прогуляться в кустах, пока охранник отходит за стаканчиком воды или двое охранников увлечены перебранкой так, что вокруг себя почти ничего не замечают.

В тысяча девятьсот шестьдесят девятом заключенных отравили на картошку. Было уже третье ноября, и вся работа была выполнена почти до конца. Один из охранников по имени Генри Пух — теперь он уже выбыл из нашей счастливой семейки — сидел на бампере комбайна и спокойно завтракал, положив карабин на колени. И тут из осеннего легкого тумана реализовалась десятидолларовая купюра. Она медленно кружилась в морозном воздухе, и Пух решил, что в его бумажнике эта

штука будет смотреться куда лучше. Пока он сосредоточивал свое внимание на том, чтобы поймать бумажку, улетающую от него в слабом осеннем ветерке, трое заключенных тихо смылись. Двоих из них вернули. Третий не найден по сей день.

Но самый знаменитый случай, наверное, это побег, который совершил Сид Недью. Дело было в 1958 году. Сид линовал бейсбольное поле для предстоящего в субботу матча, когда слышался свисток, извещающий охрану о том, что уже три часа и пришла новая смена. Ворота открылись, отдежуривший патруль направился к выходу, а охранники, заступающие на смену, пошли на тюремный двор. Как всегда, смена охраны сопровождалась громкими приветствиями, похлопываниями по спине, бородатыми шутками... Сид просто развернул линовочную машину в направлении ворот и поехал, оставляя за собой белую полосу на протяжении всего пути до ямы, находящейся уже далеко за пределами тюремной территории, где перевернутая машина была обнаружена в гряде известки. Понятия не имею, как ему это удалось. Он просто ехал на этой штуковине, оставляя за собой клубы известковой пыли. Был ясный денек, охранники, покидающие тюрьму, радовались тому, что наконец уходят, а их сменщики были слишком огорчены тем, что заступают на работу, и никто из них не дернулся вовремя, чтобы остановить линовочную машину, к тому же совершенно невидную в клубах пыли. И пока все эти парни отряхивались и чихали, Сид и след простыл.

Насколько мне известно, он и теперь на свободе. Мы с Энди часто смеялись над этим грандиозным побегом, и когда слышали об угоне аэроплана, из которого один парень ухитрился выпрыгнуть с парашютом, Энди готов был биться об заклад, что настоящее имя этого малого Сид Недью.

— И наверняка он прихватил с собой пригоршню известковой пыли на счастье, — говорил Энди. — Везучий, сукин сын!

Но вы понимаете, что такие случаи, как Сид Недью с тем приятелем, который спокойно ушел с картофельного поля, очень редки. Столько счастливых совпадений должны предшествовать такой удачной попытке, а такой человек, как Энди, не может ждать десятки лет, пока представится шанс.

Возможно, вы помните, я упоминал парня по имени Хенли Бакас, бригадира в прачечной. Он пришел в Шоушенк в 1922 году и умер в тюремном лазарете тридцать один год спустя. Побег и попытки к побегу были его хобби. Возможно, потому, что он никогда не пытался проделать это сам. Он вываливал перед вами сотню различных схем, все совершенно сумасшедшие, и все рано или поздно были кем-то испробованы в Шоушенке. Мне больше всего нравилась байка о Бивере Моррисоне, который в подвале фабрики попробовал из каких-то отходов смастерить глайдер. Эта штука действительно должна была летать: он пользовался чертежами из старой книжки под названием «Занимательные технические опыты для юношества». В соответствии с рассказом, Моррисон построил глайдер, и его не засекли. Только он, к сожалению, обнаружил, что в подвале нет дверей таких размеров, через которые можно вывести проклятую штуковину наружу.

И таких историй Хенли знал дюжины две, не меньше. Как-то он сказал мне, что за время его пребывания в Шоушенке слышал более чем о четырехстах попытках бежать из тюрьмы. Только подумайте об этой цифре — *четыреста* попыток! Это выходит по двенадцать целых девять десятых на каждый год, который провел в нашей тюрьме Хенли Бакас. Можно основывать клуб «лучший побег месяца». Конечно, большинство из них были совершенно непродуманными и идиотскими и заканчивались примерно так: охранник хватает за руку какого-нибудь беднягу и вопрошает: «Куда это *ты* собрался, кретин?»

Хенли сказал, что классифицирует как серьезные чуть более шестидесяти попыток. И включил сюда знаменитое дело тридцать седьмого года, когда строился новый административный корпус и четырнадцать заключенных сбежали, воспользовавшись плохо запертым оборудованием. Весь южный Мэн впал в панику по поводу четырнадцати «жутких уголовников», большинство из которых были до смерти напуганы и имели какие-то соображения, куда им теперь податься, не более чем кролик, выскочивший вдруг на оживленную трассу под свет фар бешено несущихся машин. Никто из четырнадцати не смог уйти. Двое были застрелены — жителями, а не полицией и не персоналом тюрьмы, — и ни один не ушел.

Сколько побегов *произошло* между 1937 годом, когда я попал в Шоушенк, и тем октябрьским днем, когда мы говорили о Зихуатанехо? Складывая свою информацию с информацией Хенли, я полагаю, что десять. Десять вполне успешных. Но я предполагаю, что не меньше половины из этих десяти теперь сидят в других заведениях типа Шенка. Потому что к неволе *привыкаешь*. Когда у человека отнимают свободу и приучают его жить в клетке, он теряет способность мыслить как прежде. Он как тот самый кролик, испуганно вжимающийся в асфальт, по которому несутся машины. Чаще всего эти ребята заваливаются на каком-нибудь небрежно сработанном деле, у которого не было ни шанса на успех... И все почему? Потому что они просто хотят за решетку, туда, где надежнее и спокойнее.

Энди таким не был, а вот я был. Идея увидеть Тихий океан *звучала* прекрасно, но оказаться там на самом деле... Эта мысль меня до смерти пугала.

В любом случае в день того разговора о Мехико и Питере Стивенсе я поверил, что у Энди есть план побега. Я молил Бога, чтобы он был осторожен, если это так. И все равно не стал бы биться об заклад, что шансы на успех у него велики. Нортон пристально следил за Энди, не спуская с него глаз. Энди не был для него обыкновенным двуногим существом с номером на спине, как другие заключенные. У Энди были мозги, которые Нортон хотел использовать, и дух, который он хотел сломить.

Если за тюремными стенами в свободном мире где-то есть честные политики, то наверняка есть и честные охранники в тюрьме. И они не покупаются. Но ведь встречаются среди охраны и ребята с другими взглядами на жизнь, и если у вас достаточно здравого смысла и денег, кто-нибудь вовремя закроет глаза — и успех вашего побега обеспечен. Не стану говорить, что никто никогда не пользовался таким способом. Но он явно не годился Энди: бдительность Нортона была известна всем охранникам, и собственная шкура и работа были им все же дороги.

Никто не собирался посылать Энди в группе, задействованной в программе «Путь к искуплению», куда-либо за ограду Шоушенка. По крайней мере пока списки групп подписывал Нортон. И Энди был не тем человеком, который мог бы воспользоваться способом Сиды Недью.

Был бы на его месте я, мысль о ключе бесконечно угнетала бы меня. Каждую ночь я едва ли мог бы сомкнуть глаза и видел бы кошмарные сны. Бакстон менее чем в тридцати милях от Шоушенка. Так близко и в то же время так далеко!

Я оставался при своем мнении, что лучше всего пригласить адвоката и потребовать пересмотра дела. Хотя как-то вырваться из-под контроля Нортон. Возможно, Томми Вильямсу действительно заткнули рот этой чертовой отпускной программой. Но я не уверен. Скорее всего крутой парень из адвокатуры Миссисипи, поработав немного, сумеет Томми расколоть. И вряд ли ему придется слишком долго трудиться: мальчик был искренне привязан к Энди. Неоднократно я приводил все доводы, снова и снова повторял, что это лучший шанс на успех, а Энди только улыбался, говоря, что он над этим подумает.

Как выяснилось, он много над чем думал в те дни...

В 1975 году Энди Дюфресн сбежал из Шоушенка. Его не вернули, и я уверен, этого никогда не произойдет. Да и вряд ли сейчас где-нибудь существует такой Энди Дюфресн. Но я более чем уверен, что в Зихуатанехо живет человек по имени Питер Стивенс. Владелец небольшого отеля на тихоокеанском побережье.

Двенадцатого марта 1975 года двери камер в пятом блоке открылись в шесть часов тридцать минут утра, как каждое утро, кроме воскресенья. Как обычно, заключенные вышли в коридор, двери камер гулко захлопнулись за их спинами, а затем, выстроившись по двое, заключенные пошли к дверям блока. Там два охранника должны были сосчитать своих подопечных, прежде чем отправить их в столовую на скромный завтрак, состоящий из овсянки, яичницы-болтуни и жирного бекона.

Все шло как обычно, пока охранники не окончили счет. Двадцать шесть человек вместо двадцати семи. Заключенные пятого блока были отправлены на завтрак, а о случившемся сообщили капитану охраны.

Капитан, в общем-то неглупый и славный малый по имени Ричард Гоньяр, и его ублюдский ассистент Дейв Беркс зашли в пятый блок, открыли двери камер и медленно пошли по коридору.

дору, держа наготове дубинки и пистолеты. В таких случаях, когда кого-то недосчитывались, обычно обнаруживался какой-нибудь бедняга, заболевший так тяжело, что не мог подняться на ноги. Реже оказывалось, что кто-нибудь умер или покончил жизнь самоубийством.

Но на этот раз случилось нечто совершенно неожиданное: ни больного, ни мертвого человека охранники не нашли. Вообще никого. В пятом блоке четырнадцать камер, семь по одну сторону коридора и семь по другую, и все совершенно пустые.

Первое предположение Гоньяра, и вполне разумное: произошла ошибка при счете. Поэтому вместо того, чтобы пойти на работу после завтрака, заключенные пятого блока были приведены обратно в камеры, совершенно довольные происходящим. Любое нарушение надоевшего распорядка всегда желанно. Двери камер открылись, заключенные вошли, двери захлопнулись. Какой-то клоун крикнул:

— Эй, ребята, сегодня вместо работы по распорядку онализм?

Беркс:

— Заткнись немедленно, или я тебе сейчас вставлю ума.

Клоун:

— Жене твоей я вставлял, Беркс.

Гоньяр:

— Заткнитесь все немедленно, очень вам рекомендую.

Они с Берксом пошли вдоль коридора, считая всех по головам. Далеко идти не пришлось.

— Это чья камера? — спросил Гоньяр ночного охранника.

— Энди Дюфрессна, — пробормотал охранник, и эти два слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Надоевший порядок рухнул окончательно.

Во всех фильмах я видел, что, как только обнаруживают побег, начинаются завывания сирен и прочие шумовые эффекты. В Шоушенке никогда такого не происходило. Первое, что сделал Гоньяр, это связался с комендантом. Во-вторых, приказал обыскать тюрьму. В-третьих, предупредил полицию о возможности побега заключенного.

Все это было простое следование инструкции. Никогда не было никакой необходимости обыскивать камеру беглеца, да

никто этого и не делал. Зачем попусту тратить время? Вы увидите все ту же надоевшую картину: маленькая комнатуха с решетками на двери и окне, койкой, ну еще блестящие камешки на подоконнике.

И, конечно, плакат. На этот раз Линда Рондстадт. Картинка, привешенная прямо над койкой, на том же самом месте, где одна красавица сменяла другую на протяжении 26 лет. И если бы кто-нибудь заглянул за картинку, его хватил бы удар.

Но это произошло только ночью, спустя двенадцать часов после того, как обнаружилось отсутствие Энди, и не менее двадцати часов после того, как он совершил побег.

Нортон просто взбесился.

Информацию о происходящем в его кабинете я получал все из того же надежного источника: от старины Честера, натирающего полы в административном корпусе. Только в тот день ему не пришлось полировать ухом замочную скважину: крики коменданта были слышны по всей тюрьме.

— Вы с ума сошли, Гоньяр! Что вы подразумеваете, когда говорите, что он «не обнаружен на территории тюрьмы»? Что это значит? Это значит, что вы не нашли его! Лучше найдите! Ей-богу, это будет лучше для вас! Я этого хочу, слышите?!

Гоньяр что-то ответил.

— Что значит «не в вашу смену»? Никто не знает, *когда* это случилось. И как. И случилось ли вообще. Так вот, в 15.00 он должен быгь у меня в кабинете, или полетят головы. Уж это я обещаю! А я *всегда* выполняю свои обещания!

Какая-то реплика Гоньяра спровоцировала Нортонa на настоящий взрыв.

— Что?! Да вы посмотрите сюда! *Сюда, я говорю!* Узнаете?! Рапорт ночной смены пятого блока. Все заключенные на месте! Дюфрессн был закрыт в камере в девять вечера, и то, что сейчас его там нет, — невозможно! *Невозможно*, понимаете? *Немедленно его найдите!*

Но в 15.00 Энди в кабинете Нортонa не было. Комендант самолично ворвался в пятый блок, где все мы были заперты на целый день несколько часов спустя. Задавали ли нам вопросы?

Мягко сказано. Мы только тем и занимались в этот день, что отвечали на бесконечные вопросы нервничающих озлобленных охранников, которые чувствовали, что им скоро не поздоровится. Все мы говорили одно и то же: ничего не видели, ничего не слышали. И насколько я знаю, все мы говорили правду. Я в том числе. Все мы сказали слово в слово одно: Энди был на месте, когда запирали камеры и гасили огни.

Один парень с невинным видом заявил, что видел, как Энди пролезает в замочную скважину, и фраза эта стоила ему четырех дней карцера. Нервы у всех были на пределе.

Итак, к нам спустился сам Нортон. Его голубые глазки побелели от ярости и, казалось, могли бы высекать искры из прутьев решетки. Он смотрел на нас так, как будто думал, что мы все заодно. Могу спорить, он был в этом уверен.

Он вошел в камеру Энди и огляделся. Камера была все в том же состоянии, в каком ее оставил Энди: кровать расстелена, но не похоже, чтобы на ней сегодня спали. Камни на подоконнике... но не все. Один, самый любимый, Энди забрал с собой.

— Камни, — прорычал Нортон, сгреб их в ладонь и выбросил в окно. Гоньяр вздрогнул, но ничего не сказал. Взгляд Нортон остановился на плакате. Линда оглядывалась через плечо, держа руки в задних карманах облегающих бежевых слаксов. Майка-топ подчеркивала великолепный бюст и нежную гладкую кожу с темным калифорнийским загаром. Для Нортон с его баптистскими воззрениями такая девица была исчадием ада. Глядя на него в эту минуту, я вспомнил, как Энди когда-то сказал, что может пройти сквозь картинку и встать рядом с девушкой.

В точности так он и поступил, как обнаружил Нортон парой секунд позже.

— Какая пакость! — прошипел комендант, сорвав картинку со стены резким жестом.

И обнажил довольно большую зияющую дыру в бетоне, которая была скрыта за плакатом.

Гоньяр отказался лезть в эту дыру.

Нортон приказывал ему — Боже, это надо было слышать, как Нортон во весь голос орал на капитана, — а Гоньяр просто отказывался, да и все тут.

— Уволью! — вопил Нортон. Более всего он напоминал в этот момент истеричную бабу. Все спокойствие было окончательно утеряно. Шея покраснела, на лбу вздулись и пульсировали две вены. — Вы ответите за это, вы... вы, француз! Лишиться работы, и я уж прослежу за тем, чтобы ни одна тюрьма в окрестности не приняла такого кретина!

Гоньяр молча протянул коменданту служебный пистолет. С него было достаточно. Уже два часа как закончилась его смена, шел третий час, и все это ему порядком надоело. События развивались таким образом, будто исчезновение Энди из нашей маленькой семьи толкнуло Нортон на грань помешательства... Он был просто сумасшедшим в ту ночь. Двадцать шесть заключенных прислушивались к грызне Нортон и Гоньяра, пока последний свет падал с тусклого неба, какое бывает поздней зимой. И все мы, долгосрочники, которые не раз видели смену администрации и перепробовали на своей шкуре все новые веяния, все мы сейчас знали, что с Уорденом Сэмюэлом Нортон случилось то, что инженеры называют критическим напряжением.

И мне казалось, что я слышу далекий смех Энди Дюфресна.

Нортон наконец получил добровольца из ночной смены, который согласился лезть в дыру, открывшуюся за плакатом. Это был охранник Рори Тремонт, бедняга, который явно не стоял в очереди, когда Господь раздавал мозги. Возможно, ему пригрезилось, что он получит бронзовую звезду или нечто в этом роде. Как выяснилось, это оказалось большой удачей, что в лаз проник человек примерно того же роста и комплекции, что и Энди. Если бы туда полез охранник с толстой задницей, каковых большинство, могу биться об заклад, что он торчал бы там и поныне.

Тремонт полез внутрь, держась за конец нейлонового шнура, который кто-то нашел в багажнике своего автомобиля. Шнур для надежности обмотали вокруг талии охранника, в руку сунули мощный фонарь. Затем Гоньяр, который передумал уходить в отставку и который был единственным мыслящим человеком из присутствующих, откопал кипу распечаток, являющих собой план тюрьмы. Я прекрасно себе представляю, что он там увидел. Тюремная стена в разрезе смотрелась как сэндвич: вся она была толщиной в десять футов, внешняя и внутренняя сек-

ции — по четыре фута каждая, между ними оставалось свободное пространство в два фута. В этом и заключался весь фокус.

Из дыры донесся приглушенный голос Тремонта:

— Здесь что-то скверно пахнет, комендант.

— Не обращайтесь внимания! Продвигайтесь вперед.

Ноги Тремонта исчезли в дыре.

— Комендант, здесь жутко воняет.

— *Вперед*, я сказал! — заорал Нортон.

Едва слышный печальный голос Тремонта:

— Пахнет дерьмом. О Боже, это оно, дерьмо, это же *дерьмо*!

О Господи Иисусе. Сейчас меня стошнит. Дерьмо. Ведь это дерьмо. Боже...

После чего последовал характерный звук, свидетельствующий о том, что желудок бедняги выворачивается наизнанку.

Я ничего не мог с собой поделать. Весь последний день — нет, все последние тридцать лет с их событиями — все стало вдруг на свои места, ясно как Божий день, и я расхохотался. У меня никогда не было такого смеха с тех пор, как я переступил порог этого чертова места. И Боже, как мне было хорошо!

— Уберите этого человека! — орал Нортон, а я смеялся так, что совершенно не мог понять, имеет ли он в виду меня или Тремонта. Я свалился с ног и корчился на полу камеры, не в силах остановиться. Я не смог бы прекратить смеяться, даже если бы Нортон приказал пристрелить меня на месте.

— **УБЕРИТЕ ЕГО!**

Да, друзья, это было про меня. Убрали меня непосредственно в карцер, где я и провел последующие пятнадцать дней. Срок довольно долгий. Но как только я вспоминал о стенаниях бедняги Тремонта — *дерьмо, Боже мой, это дерьмо* — и представлял Энди Дюфресна, направляющегося к югу в собственной машине, в костюме и при галстукe, я начинал хохотать. Все пятнадцать дней я просто стоял на голове. Возможно, потому, что какая-то часть моего существа была сейчас с Энди Дюфресном. С Энди, который прошел через дерьмо и вышел чистым, с Энди, едущим к Тихому океану.

Я услышал о том, что происходило в остаток той ночи, из полдюжины различных источников. Дело на этом не закончилось. Очевидно, Тремонт рассудил, что ему нечего терять пос-

ле того, как он потерял недопереваренный ужин, потому что решил продолжить. Он не рисковал провалиться между внутренними и внешними секциями стены. Пространство было настолько узким, что Тремонт приходилось силой пропихивать себя вниз. Позже он говорил, что едва мог переводить дыхание и что это напоминало погребение заживо.

Внизу он обнаружил канализационную трубу, которая обслуживала четырнадцать туалетов пятого блока, керамическую трубу, установленную тридцать три года назад. В ней была пробита дыра, внутри которой Тремонт нашел молоток Энди.

Энди вышел на свободу, но это оказалось нелегко.

Труба была даже уже, чем промежуток между стенами. Тремонт внутрь не полез, и, насколько я знаю, на это не отважился никто. Пока Тремонт обследовал дыру в трубе, из нее выскочила крыса, и охранник позже клялся: зверюга была размером со щенка спаниеля. Тремонт в два счета взобрался по шнурку обратно в камеру, ловко, как обезьяна.

Энди вышел через трубу. Возможно, он знал, что она оканчивается на западной стороне тюрьмы в пяти сотнях ярдов от ее стен. Думаю, знал. Существовали эти карты, и Энди наверняка мог найти способ взглянуть на них. Он был методичен. Он узнал, что сточная труба, обслуживающая пятый блок, — единственная в Шоушенке не реконструированная по новому образцу, и он знал, что в августе 1975 года будет установлена новая канализационная система. Поэтому бежать надо было сейчас или никогда.

Пять сотен ярдов. Длина пяти футбольных полей. Он полз, сжимая в руке свой любимый камешек, а возможно, еще пару книг и спички. Полз сквозь зловоние, которое я боюсь себе даже представить. Крысы выскакивали перед его носом и следовали за ним, а в темноте они всегда наглей. Возможно, где-то ему приходилось протискиваться сквозь сужающуюся трубу, опасаясь, что он останется здесь навсегда. Если бы я был на его месте, клаустрофобия довела бы меня до сумасшествия. Но он все прошел до конца.

Через две мили от тюрьмы была найдена его униформа, и было это только днем позже.

Газетчики, как вы можете предположить, тут же принялись раздувать историю. Но ни один человек в радиусе пятнадцати миль от тюрьмы не пожаловался на угон автомобиля, кражу одежды. Никто не сообщил о том, что видел голого человека, бегущего в лунном свете. Даже собаки не лаяли во дворах. Энди вышел из канализационной трубы и таинственным образом исчез, словно растворился в воздухе.

Но я могу спорить, что растворился он в направлении Бакстона.

Три месяца прошло с того памятного дня, и комендант Нортон получил отставку. Но без радости могу добавить, что он к этому времени был совершенно раздавленным человеком. В последний раз он выходил из тюремных ворот ссутулившись, ковыляющей походкой, как старый больной заключенный ковыляет в лазарет за своими каплями. Комендантом стал Гоньяр, и для Нортонa это было худшее, чего только можно было ожидать. Насколько я знаю, Сэм Нортон и теперь живет в Элиоте, исправно посещает воскресные церковные службы. Его не покидают тягостные мысли об Энди Дюфресне, какого-то черта взявшем над ним верх. Все просто, Сэм: это должно было произойти. Имея дело с таким человеком, как Энди, следовало знать, что это должно произойти.

Вот все, что я знаю. Теперь попробую изложить свои предположения. Не знаю, насколько они окажутся близки к истине в деталях. Но могу спорить, что общую линию я уловил верно. И когда я теперь думаю об этом, то вспоминаю Нормадена, придурочного индейца.

— Славный малый, — говорил Нормаден после восьми месяцев проживания с Энди. — Но я был рад отсюда съехать. Такие сквозняки в камере. Все время холодно. Он не позволяет никому трогать свои вещи. Хороший человек. Но такие сквозняки...

Бедняга Нормаден знал больше, чем все мы. Прошло восемь долгих месяцев, прежде чем Энди смог снова остаться один в своей камере. Если бы не эти восемь месяцев, которые Нормаден провел с ним, Энди был бы на свободе еще до того, как Никсон стал президентом.

* * *

Я полагаю, все началось в 1949-м — не с молотка даже, а с Риты Хейуорт. Я уже описывал, каким нервным показался мне Энди, когда разговаривал со мной в кинотеатре. Тогда я подумал, что это просто смущение, что Энди из тех людей, которые не хотят, чтобы окружающие знали, что они тоже из плоти и крови и тоже могут хотеть женщину. Но теперь я знаю, что ошибался, возбуждение Энди имело совсем другую причину.

Что привело к появлению того лаза, который Уорден Нортона обнаружил за фотографией девочки, которая даже не родилась в те далекие дни, когда Энди принес в камеру Риту Хейуорт? Долгий труд и тщательный расчет Энди Дюфресна, этого у него не отнимешь. Но было еще кое-что: удача и те свойства, которыми обладает бетон. Что такое удача, объяснить не нужно. Насчет бетона я писал даже в Мэнский университет и получил адрес человека, который мог ответить на интересующие меня вопросы. Он был автором проекта строительства Шоушенкской тюрьмы.

Корпус, содержащий третий, четвертый, пятый блоки, строился с 1934 по 1937 год. Теперь не принято считать цемент и бетон «техническим достижением», как автомобили и ракеты, но это неверно. До 1870 года не было современного цемента, и до начала нашего столетия не существовало современного бетона. Смешивать компоненты для бетона — такая же непростая задача, как выпекать хлеб. Вы можете взять слишком много или слишком мало воды, передозировать песок или выбрать его неподходящего качества. И в 1934 году в этой области не было накоплено достаточно опыта, чтобы бетон всегда выходил качественно.

Стены пятого блока достаточно твердые, но недостаточно сухие. Точнее говоря, чертовски отсыревшие. Время от времени в них появлялись трещины, некоторые очень глубокие, к этому мы давно уже привыкли, и трещины регулярно замазывались. И вот в блоке появился Энди Дюфресн. Человек, который окончил Мэнский университет по экономическому профилю и был бизнесменом, но заодно окончил два или три геологических курса. Геология была его главным хобби. Это вполне соответствовало его скрупулезной, педантичной нату-

ре. Тысячелетние ледники. Миллионы лет горообразования. Движущиеся глубоко под земной корой тектонические плиты, которые на протяжении тысячелетий перемещались, натакивались друг на друга, образуя кору. *Давление*. Энди как-то сказал мне, что геология заключается в изучении давлений.

И, конечно, время.

У него оказалось много времени на изучение этих стен. Когда захлопывалась дверь камеры и гасли огни, просто не на что было смотреть.

Новички всегда трудно адаптируются к тюремной жизни. У них начинается нечто вроде горячки. Особо нервных приходится даже пичкать успокоительными в лазарете, чтобы они пришли в норму. Довольно обычное занятие для нас, стариков, слушать крики какого-нибудь бедняги, только вчера попавшего в нашу милую семейку. Он бьется о прутья решетки и кричит, чтобы его выпустили, и до тех пор, пока крики не утихнут, заключенные начинают напевать: «*Свежая рыба, эй, маленькая рыба, свежая рыба*, сегодня нам попалась свежая рыба».

Энди не выкидывал никаких штук, когда попал в Шоушенк в 1948-м, но это не значит, что он не испытывал тех же переживаний. Он, возможно, находился на грани сумасшествия и сумел удержаться на этой грани, не потерять рассудок. Хотя это так тяжело, когда старая жизнь рушится в одно мгновение и начинается долгий кошмар, жизнь в аду.

И что же он сделал? Он стал искать какое-нибудь занятие, что-нибудь, что помогало бы убить время и дать пищу для умственной деятельности. В тюрьме можно найти множество разнообразных способов развлечься; похоже, что человеческий мозг бесконечно изобретателен и имеет неограниченные возможности, когда дело касается развлечений. Я уже рассказывал о скульпторе, создавшем «Три возраста Иисуса». Многие собирают коллекцию монет, и их всегда крадут. Кто-то коллекционирует марки, и я знаю одного парня, у которого были почтовые открытки из тридцати пяти стран мира. И он отвернул бы голову тому, кто посмел бы тронуть его коллекцию.

Энди интересовался камнями. И стенами своей камеры.

Я думаю, первоначально его намерения заходили не слишком далеко. Разве что выбить на стене свои инициалы. Или,

может быть, несколько строчек стихотворения. Вместо того он обнаружил удивительно мягкий бетон. Возможно, с первого же удара молотка от стены откололся хороший кусок. Я представляю себе, как Энди лежит на своей койке, вертит в руках кусок бетона и задумчиво его разглядывает. На секунду стоит забыть о том, что вы находитесь в проклятой Богом дыре, что вся прошлая жизнь дала трещину и разлетелась на мелкие кусочки. Обо всем этом сейчас лучше не думать и внимательно посмотреть на этот кусок бетона.

Через несколько месяцев он решил, что будет забавно посмотреть, какое количество бетона он сможет вытащить, выбить из стены. Но нельзя ведь начать долбить стену вполне откровенно. И потом, когда придет недельная проверка (или одна из тех неожиданных проверок, которые вечно обнаруживают у заключенных «травку» и порнографию), просто сказать охраннику: «Это? Просто я ковырял маленькую дырочку в стене. Пустяки, не обращайтесь внимания».

Нет, так он поступить не мог. Поэтому пришел ко мне и спросил, нельзя ли достать плакат с Ритой Хейуорт. Большой экземпляр.

И, конечно, тот самый молоток. Помню, когда я доставал его в 1948 году, подумал, что уйдет шесть сотен лет на то, чтобы пробить такой шутовщиной стену. Вполне резонно. Но Энди пришлось проходить только *половину* стены, да еще из довольно мягкого бетона, и на это ушло всего лишь двадцать семь лет и два истершихся молотка.

Большую часть одного из этих лет пришлось потратить на Нормадена. К тому же Энди приходилось работать ночью, когда все, включая охранников ночной смены, спят. Но я подозреваю, что более всего работу замедляла необходимость куда-то девать вынутые из стены куски. Приглушить звук молотка можно было с помощью полировальных подушечек, но что делать с раскрошившимся бетоном и попадающим гравием?

Помню одно воскресенье вскоре после того, как я принес Энди молоток. Помню, как я смотрел на Энди, идущего по двору. Вот он останавливается, подбирает камешек... и тот исчезает в рукаве тюремной куртки. Такой карман в рукаве — старый тюремный трюк. В рукаве или в штанинах брюк. Помню и дру-

гое свое наблюдение. Энди Дюфресн прогуливался по двору в жаркий летний день, вокруг ног Энди легкий ветерок, казалось, поднимал и кружил песчинки и пыль.

Стало быть, у него была пара потайных карманов. В них набивался раскрошенный цемент, и как только Энди оказывался в сравнительной безопасности и никто не наблюдал за ним довольно пристально, он выпускал цементную пыль. Старый трюк, который применяли пленники времен Второй мировой войны, устраивающие подкопы.

Проходили годы, и Энди понемногу выносил свою разрушавшуюся стену на тюремный двор. Он участвовал в машинациях каждой новой администрации, и все думали, что он это делает потому, что хочет расширить библиотеку. Несомненно, в этом была доля истины, и довольно большая. Но главное заключалось в том, что Энди хотел оставаться один в четырнадцатой камере пятого блока.

Не знаю, были ли у него реальные планы побега. Или по крайней мере надежда на побег. Возможно, он считал, что стена более чем твердая и длиной десять футов. И если даже он пройдет этот путь, то выйдет наружу в тридцати футах над прогулочным двором. Но как я уже сказал, не думаю, чтобы он как-то беспокоился и особо задумывался на этот счет. Его мысли могли течь по следующему руслу: я прохожу всего фут стены за семь лет, значит, наружу смог бы выйти только лет через семьдесят, в сто один год, но и черт с ним со всем, будь что будет.

Посмотрим, как развиваются события дальше. Энди знает, что, если его увлечение обнаружат, он получит изрядный срок карцера и черную отметку в карточке. А так как регулярные проверки происходят каждую неделю, а неожиданная может прийти в любой момент, и чаще всего это происходит ночью, то все это не может продолжаться слишком долго. Рано или поздно какой-нибудь охранник может заглянуть за картинку, чтобы проверить, не прячет ли там Энди остро наточенную ручку алюминиевой ложки или сигарету с «травкой».

И Энди сделал из этого игру: поймают или не поймают? Тюрьма — чертовски скучное место, и возможность нарваться на ночную проверку в то время, когда Рита Хейуорт снята со стены, как всякий риск, вносила некий интерес и разнообразие в жизнь заключенного на протяжении первых лет.

Думаю, что с помощью одного везения ему не удалось бы продержаться двадцать семь лет. Но первые два года — до мая 1950-го, когда произошел эпизод с Байроном Хелли, — надеяться приходилось только на везение.

Кроме того, конечно, у него имелись деньги. Можно было каждую неделю распространять между дежурными охранниками небольшую сумму, чтобы они не слишком тщательно обыскивали его камеру во время проверок. Охранники не особо усердствуют в таких случаях: деньги у них в кармане, и пусть себе заключенный спокойно курит свои сигареты или развешивает картинки. К тому же Энди всегда был паинькой. Тихий, хладнокровный, корректный, он вовсе не напоминал тех дебоширов, к которым проверка приходит чаще, чем к остальным, переворачивая подушки и проверяя канализационную трубу.

Тогда, в 1950-м, Энди стал чем-то большим, чем просто примерным заключенным. Он стал заметной фигурой, человеком, который умеет обращаться с бухгалтерией. Он оформлял счета, давал советы по планированию вложений, заполнял бланки договоров по займу и аренде. Помню, как однажды Энди сидел в библиотеке, терпеливо, параграф за параграфом, прорабатывая с начальником охраны соглашение о прокате автомобиля. Он рассказывал во всех подробностях, что в договоре *хорошо* и что плохо, объясняя непонятные термины и предостерегая от операций с финансовыми компаниями, которые отличались от сидящих в Шенке грабителей только тем, что были официально зарегистрированы и признаны. Когда он закончил, начальник было протянул ему руку для пожатия... и быстро отдернул ее обратно. На секунду он забыл, что находится в тюрьме и имеет дело с заключенным.

Энди был в курсе всех изменений в законах о налогообложении и ситуаций на рынке акций, поэтому его деятельность как знающего специалиста не прекратилась после того, как его заперли в каменный мешок, а ведь это могло бы произойти. Он был полезен для администрации. Поэтому война с сестрами прекратилась, библиотека росла, и камера по-прежнему была в распоряжении Энди. Он был очень полезным ниггером. Им было выгодно видеть его счастливым.

* * *

Однажды в октябре 1967 года простое развлечение, долгое хобби превратилось в нечто иное. Ночью, когда Энди, проснувшись в дыру уже по пояс, продолжал крошить стену, молоток внезапно ушел в бетон по самую рукоятку.

Энди вытащил, возможно, несколько обломков, но он услышал, как другие провалились в пустоту, гулко ударившись о трубу внизу. Знал ли он к этому времени, что наткнется на пространство между стенами, или же был удивлен? Понятия не имею. Не знаю, была ли у него возможность до этого дня ознакомиться с планом тюрьмы. Если нет, будьте уверены: на следующий же день он это сделал.

Тогда Энди понял, что играет уже не в детские игрушки. Что ставки слишком высоки: его свобода, его жизнь. Даже тогда он не был вполне уверен в успехе, но идея побега уже пришла ему в голову, потому что именно в это время мы впервые говорили о Зихуатанехо. Вместо того чтобы оставаться простым вечерним развлечением, этот лаз сделался его хозяином, если Энди к этому времени знал уже о канализационной трубе и о том, что она выведена за стены тюрьмы.

На протяжении многих лет он беспокоился о своем ключе, лежащем под камнем в Бакстоне. Волновался, что какой-нибудь крутой охранник из новеньких устроит у него тщательный обыск и заглянет за плакат или что придет новый сокамерник. Все эти вещи действовали ему на нервы на протяжении восьми лет. Все, что я могу сказать по этому поводу: он — самый хладнокровный человек из мне известных. Я бы просто свихнулся от такой неопределенности. Но Энди продолжал свою игру.

Он вынужден был мириться с тем, что в любой момент его тайна раскроется, но боги были добры к нему на протяжении всего этого долгого времени.

Самое забавное, что только можно себе представить, — это его амнистия. Ведь три дня после того, как решение об освобождении принято, заключенный проводит в менее охраняемом корпусе, проходя физические, психические, профессиональные тесты. Пока он находится там, его камеру полностью освобождают от вещей хозяина и готовят для нового жильца. Поэтому вместо освобождения Энди получил бы довольно дол-

гий срок в карцере, а потом поднялся бы по все тем же ступеням, но уже в другую камеру.

Если он вышел на полость в 1967-м, почему же ничего не предпринимал до 1975-го?

Точно не знаю, могу лишь кое-что предполагать.

Во-первых, он должен был стать еще более осторожным. Он был слишком умен, чтобы сломя голову броситься осуществлять свои замыслы и попытаться выйти наружу за восемь месяцев или даже за восемнадцать. Он должен был расширять свой лаз понемногу. Отверстие размером с чашку, когда он заказал свою годовую выпивку в тот год. Размером с тарелку к тому времени, когда он отмечал день рождения в 1968-м. И уже довольно большой ход в 1969-м, когда начался бейсбольный сезон.

К тому времени он стал продвигаться гораздо быстрее, чем раньше. Вместо того чтобы измельчать куски бетона и выносить пыль во двор в потайных карманах, можно было просто выбрасывать их в полость. Возможно, он так и делал, а может, и нет, ведь шум мог бы возбудить подозрения. Или, если он уже знал о трубе, то мог бояться, что падающий вниз обломок бетона пробьет ее раньше времени. Канализационная система блока выйдет из строя, что повлечет за собой расследование, и его ход будет непременно обнаружен.

Несмотря на все это, к тому времени как Никсон был избран во второй раз, ход сделался настолько большим, что Энди спокойно мог проникнуть в него.

Почему же он этого не сделал?

Здесь какие-либо обоснованные предположения заканчиваются, и остаются только смутные догадки. Конечно, лаз мог быть засорен внизу осколками стены, и его надо было расчистить. Но эта операция не могла занять много времени. Что же тогда?

Мне кажется, Энди испугался.

Я уже описывал, как привыкает человек к несвободе. Сперва вы не можете находиться среди этих четырех стен, затем понемногу к ним привыкаете, начинаете принимать их как нечто естественное... И наконец, тело ваше и сознание настолько приспособляются к клетке, что вы начинаете ее любить. Здесь вам указывают, когда надо есть, когда писать письма, когда курить. Когда вы работаете, то каждый час вам выделяется пять

минут на то, чтобы справить свою нужду. Мой перерыв приходился на двадцать пятую минуту каждого часа, и это было на протяжении тридцати пяти лет. Поэтому единственное время, когда я мог захотеть в туалет, приходилось на двадцать пятую минуту. А если я по каким-то причинам туда не шел, на тридцатой минуте нужда проходила... До двадцать пятой минуты следующего часа.

Возможно, Энди тяготил страх оказаться за пределами тюремных стен, этот обычный для всякого заключенного синдром.

Сколько ночей провел он, лежа на койке под своим плакатом, раздумывая о канализационной трубе и своих шансах благополучно сквозь нее пробраться? Распечатки указали ему местоположение и радиус трубы, но никак нельзя было узнать, что находится внутри — не задохнется ли он, не будут ли крысы настолько велики, чтобы нападать на него, а не убегать, а главное, что он найдет на дальнем конце трубы, когда до него доберется? Ведь могла бы выйти даже более забавная история, чем с амнистией: Энди пробивает отверстие в трубе, ползет пять сотен ярдов, задыхаясь в зловонной темноте, и видит крупную металлическую сетку или фильтр на другом конце трубы. Забавная ситуация, не правда ли?

Все эти вопросы постоянно волновали его. И даже если все закончится благополучно и Энди вылезет из трубы, сможет ли он найти гражданскую одежду и исчезнуть не замеченным ни полицией, ни фермерами? Даже если все это произойдет и он будет далеко от Шоушенка прежде, чем поднимут тревогу, доберется до Бакстона, найдет нужный луг, перевернет камень... а там ничего? Нет даже необходимости в таком драматическом развитии событий, как прийти на нужное место и увидеть вместо луга новый супермаркет. Все может оказаться еще проще: какой-нибудь ребенок, любитель камней, увидит вулканическое стекло, вытащит его, обнаружив ключ, и унесет то и другое в качестве сувениров... да все, что угодно, может произойти.

Итак, мне кажется, что Энди просто на некоторое время затих. Что он мог потерять, спросите вы? Во-первых, библиотеку, и потом, привычную подневольную жизнь. И любой будущий шанс воспользоваться своими документами и деньгами.

Но в результате он решился и преуспел.

* * *

Но действительно ли ему удалось убежать, спросите вы? Что произошло потом? Что случилось, когда он перевернул камень... Даже если предположить, что камень все еще был на месте?

Я не могу описать эту сцену, потому что все еще сижу в четырех стенах своей камеры и вряд ли скоро покину Шенк.

Но кое-что я знаю. Пятнадцатого сентября 1975 года я получил почтовую открытку из маленького городка Макнери, штат Техас. Город расположен на американской стороне границы. Та сторона открытки, где полагается писать, была абсолютно пуста. Но я все понял.

Именно там он переходил границу. Макнери. Штат Техас.

Вот и вся моя история. Я никогда не задумывался о том, сколь долгой она получится и сколько страниц займет. Я начал писать сразу после того, как получил открытку, и закончил сегодня, 14 января 1976 года. Я использовал уже три карандаша и полную упаковку бумаги. Рукопись я тщательно прячу... Да и вряд ли кто-нибудь сможет прочитывать эти каракули.

Ты пишешь не о себе, говорю себе я. Ты пишешь об Энди, а сам являешься лишь второстепенным персонажем своего рассказа. Но знаете, каждое слово, каждое чертовое слово этого рассказа все-таки обо мне. Энди — это часть меня, лучшая часть, которая обрадуется, когда тюремные ворота откроются наконец и я выйду на свободу. В дешевом костюме, с двадцатью долларами в кармане. Эта часть моей личности будет радоваться независимо от того, насколько старой, разбитой и напуганной окажется оставшаяся половина.

Здесь есть и другие заключенные, которые, подобно мне, помнят Энди. Мы счастливы, что он ушел, но и опечалены. Некоторые птицы не предназначены для того, чтобы держать их в клетке. Их оперение блистает сказочными красками, песни их дики и сладкозвучны. Лучше дать им свободу, иначе однажды, когда вы откроете клетку, чтобы покормить птицу, она просто выпорхнет. И какая-то часть вашего существа будет знать, что все происходит так, как и должно, и радоваться. Но дом ваш опустеет без этого чудного создания, жизнь станет более скучной и серой.

Вот и все, что я хотел вам рассказать. И я рад, что мне это удалось, даже если мой рассказ где-то оказался непоследовательным и бессвязным, и если эти воспоминания сделали меня чуть печальнее и даже старше. Благодарю за внимание. И Энди, если ты действительно сейчас на свободе — а я верю, что это так, — погляди за меня на звезды после заката, набери полную пригоршню песка, брось ее в прозрачную чистую воду и вдохни за меня полной грудью воздух свободы.

Я никогда не подозревал, что снова возьмусь за свою рукопись, но вот передо мной лежат разбросанные по столу страницы, и я хочу к ним добавить еще несколько. Я буду писать их на новой бумаге, которую купил в магазине. Просто пошел в магазин на портлендской Конгресс-стрит и купил.

Я думал, что закончил свой рассказ в Шоушенкской тюрьме январским днем 1976 года. Сейчас май 1977-го, и я сижу в маленькой дешевой комнатухе отеля «Брюстер» в Портленде.

Окно распахнуто настежь, и доносящийся с улицы гул машин кажется мне очень громким, волнующим, будоражащим сознание. Я постоянно выглядываю в окно, чтобы убедиться, что на нем действительно нет решетки. Ночью я плохо сплю, потому что кровать в моем дешевом номере кажется слишком большой и непривычно роскошной. Я вскакиваю в шесть тридцать каждое утро совершенно растерянный и испуганный. Мне снятся дурные сны, и постоянно возникает чувство, что свобода моя вот-вот исчезнет, и это ужасно.

Что со мной случилось? Я был выпущен из тюрьмы. После тридцати восьми лет подъемов и отбоев по звонку я оказался свободным человеком. Они решили, что в возрасте пятидесяти восьми лет после долгого заключения я слишком стар, разбит и совершенно безопасен для общества.

Я едва не сжег рукопись. Выходящих на свободу заключенных обыскивают так же тщательно, как новичков, попадающих в тюрьму. А моя рукопись содержит в себе достаточно взрывоопасных вещей, чтобы стоить мне еще шести или восьми лет заключения. И главное — название города, где находится сейчас Энди Дюфресн. Мексиканская полиция с удовольствием объединит свои усилия с американской, и я не хочу, чтобы мое

нежелание расставаться с записями, которым я отдал столько времени и энергии, стоило Энди его свободы.

И вот я вспомнил, каким способом Энди в 1948-м пронес в тюрьму пятьсот долларов, и вынес свои исписанные листки точно так же. Для перестраховки я тщательно вымарал название Зихуатанехо. Если бы даже записи обнаружили, я вернулся бы в Шенк еще на некоторое время, но Энди бы никто найти не смог. Комитет по освобождению дал мне работу в большом продовольственном магазине на Спрус-Мэлл в Портленде. Я стал посыльным. Есть только два типа мальчиков на побегушках, насколько известно: мальчишки и старики. Если вы делали закупки на Спрус-Мэлл, возможно, я даже относил вашу корзинку к автомобилю. Но только если это происходило между мартом и апрелем 1977 года, поскольку именно в этот период я там и работал.

Сперва я думал, что никогда не приспособлюсь к жизни за стенами Шенка. Я описывал тюрьму как уменьшенную модель общества, но никогда не представлял себе, как *интенсивно* развиваются события и *как быстро* движутся люди в большом мире. Они даже говорят быстрее. И громче.

Теперь мне приходится проходить период адаптации, и он еще не закончился. Например, меня смущают женщины. На протяжении сорока лет я успел забыть, что они тоже являют собой половину рода человеческого. И вот внезапно я оказался в магазине, переполненном женщинами. Старые леди, беременные женщины в майках со стрелочками, указывающими на живот и надписью БЕБИ ЗДЕСЬ... Женщины всех возрастов и форм. Я большую часть времени находился в легком смущении и ругал себя за это: «Прекрати глазеть по сторонам, грязный старикашка!»

Другой пример — необходимость отлучиться в туалет или ванную. Когда мне приходило такое желание (обычно это случалось на двадцать пятой минуте часа по старой привычке), мне приходилось бороться с непреодолимым желанием спросить разрешения у босса. Одно дело знать, что я могу обойтись без чьего-либо разрешения на эти вещи в свободном мире. Другое дело — выработавшаяся за долгие годы привычка доложить о своем уходе ближайшему охраннику: уклонение от этого правила могло стоить двух дней карцера.

Мой босс меня не любил. Он был молод, лет двадцати шести или двадцати семи. Я видел, что вызываю у него отвращение, какое может вызывать подползающий к вам на брюхе, чтобы его погладили, старый пес. Боже, я и сам себе был отвратителен. Но ничего не мог с собой поделать. Я хотел сказать ему: *Вот что делает с человеком жизнь, проведенная в тюрьме. Она превращает каждого vyšестоящего в хозяина, а тебя делает псом. Но там, за решеткой, когда все вокруг тебя находятся в том же положении, это не имеет большого значения. А здесь становится заметным.* Но я не мог сказать ему этих слов, да и зачем? Все равно он никогда не поймет меня, как и мой инспектор, огромный тип с густой рыжей бородой и богатым набором шуток о поляках. Он встречался со мной минут на пять каждую неделю.

— Остаешься по эту сторону решетки, Рэд? — спрашивал он, когда запас шуток иссякал.

Я отвечал утвердительно, и мы расставались до следующей недели.

Музыка по радио. Когда я попал в Шенк, музыкальный бум только начинался. Теперь же вокруг было множество групп самых разнообразных направлений. Казалось, все только и поют, что о страхе. Возможно, это мне только казалось... Много машин и очень оживленное движение на улицах. Первое время когда я переходил улицу, то чувствовал себя так, будто жизнь моя висит на волоске.

Было много *всего*, чего и не опишешь, но, думаю, суть вы уловили. Я начал подумывать о возвращении в старый добрый Шенк. Когда вас только освободили, нет ничего проще. Стыдно признаться, но я намеревался даже украсть выручку в своем магазине... В общем, что угодно, чтобы попасть обратно туда, где день регламентирован и все предписано и известно заранее.

Если бы я не был знаком с Энди, то так бы и поступил. Но я вспоминал о том, как долгие годы этот человек терпеливо пробивал стену тюрьмы, чтобы выйти на свободу. И мне становилось стыдно. Да, вы можете сказать, что у него было больше причин, чем у меня, желать освобождения. У него были новые документы и уйма денег. Но это не совсем так. Он не мог быть уверен, что документы все еще на месте, а без документов и

деньги находились за пределами досягаемости. Нет, он просто хотел на свободу. И поэтому мое трусливое желание вернуться в клетку было просто предательством.

Тогда в свободное от работы время я начал ездить в маленький городок Бакстон. Было начало апреля 1977 года, уже тепло, снег сходил с полей, бейсбольные команды уехали на север, чтобы открыть новый сезон единственной богоугодной, по моему, игры. Когда я отправлялся в эти поездки, в правом кармане у меня всегда лежал компас.

В Бакстоне есть большой луг. С севера он огражден каменной стеной, как в стихотворении Роберта Фроста. И возле этой стены лежит камень, который не имеет отношения к этому лугу в Мэне.

Идиотская идея, скажете вы. Сколько лужаек в маленьком провинциальном городишке? Сотня? По моему собственному опыту могу сказать, что даже больше. Стоит еще посчитать те, которые были обработаны после того, как Энди попал в тюрьму. И если даже я найду нужное место, то не факт, что узнаю его. Потому что кусочек вулканического стекла можно проглядеть. Или Энди мог забрать его с собой.

Да, я с вами согласен. Затея глупая и даже опасная для бывшего заключенного, потому что некоторые из этих лужков обнесены теперь оградой с табличкой ВХОД ВОСПРЕЩЕН. А как я уже говорил, вас всегда рады упрятать обратно за решетку по любому пустячному поводу. Дурацкая идея... Впрочем, не более, чем пробивать дырку в стене на протяжении двадцати семи лет. И если вы перестали быть значимой персоной, человеком, который может все достать, и стали просто старым мальчиком на побегушках, то замечательно будет завести себе какое-нибудь хобби. Моим хобби стали поиски камня Энди.

Итак, я ездил в Бакстон и прогуливался по дорогам. Я слушал пение птиц, наблюдал, как с полей сходит снег, обнажая прошлогоднюю траву и валяющиеся тут и там обрывки газет, консервные банки, бутылки. Все бутылки непригодны к возвращению; удивительно расточительным стал этот мир... И конечно, я искал лужайки. Большинство из них отпадало сразу. Никаких каменных оград. Или же компас указывал мне, что они расположены не на том краю. Я проходил мимо. Эти прогулки были довольно приятны, я действительно *ощущал* спокойствие,

умиротворенность, свободу. В одну субботу меня сопровождала какая-то дворняжка, а однажды я увидел вышедшего из-за деревьев оленя.

Затем наступило двадцать третье апреля, день, который останется в моей памяти, даже если я проживу еще пятьдесят восемь лет. Была суббота, и я шел по направлению Олд-Смитроуд, следуя совету мальчишки, рыбачившего на мосту. Я взял с собой несколько бутербродов в коричневом пакете нашего магазина и позавтракал, сидя на обочине дороги. Потом встал, аккуратно закопал пакет, как учил меня папенька, когда я был не старше этого рыбака, и пошел дальше.

Часа в два дня я увидел слева от себя большой луг. Каменная стена ограждала его в точности с северной стороны. Я пошел к ней, хлюпая по весенней грязи. Белка внимательно глядела на меня с ветки дуба.

Пройдя три четверти пути вдоль ограды, я увидел камень. Тот самый, ошибки быть не могло. Черное стекло, гладкое как шелк. Камень, не имеющий никакого отношения к этому лугу. Долгое время я стоял и просто смотрел на него, чувствуя, что сейчас могу заплакать. Сердце мое бешено билось.

Когда я почувствовал, что немного взял себя в руки, то приблизился к камню и дотронулся до него. Он был реальный. У меня и в мыслях не было брать его: я был уверен, что в тайнике уже ничего нет, и спокойно мог бы пойти домой, так ничего и не обнаружив. И ни в коем случае не стал бы я уносить его с собой — это было бы хуже воровства. Нет, я просто взял камень в руки, чтобы лучше ощутить его реальность, чтобы окончательно понять, что это не галлюцинация. Долгое время я не двигаясь смотрел на то, что лежало под камнем. Глаза мои все видели, но мозг был не в состоянии что-либо понять. Там лежало послание, аккуратно запечатанное в пластиковый пакет для предохранения от сырости. На нем каллиграфическим почерком было выведено мое имя. Я взял письмо и вернул на место камень.

Дорогой Рэд!

Когда ты читаешь эти строки, ты уже дышишь вольным воздухом. Так или иначе, ты вышел на свободу. Теперь, возможно,

ты запомнил название города? Мне очень нужен такой человек, как ты, чтобы помочь наладить мое дело.

Пропусти теперь стаканчик виски и обдумай это предложение. Помни, что надежда — хорошая вещь, возможно, даже лучшая из всех. Она не умирает. Я буду надеяться, что это письмо найдет тебя, и все будет хорошо.

Твой друг
Питер Стивенс

Я не стал читать письмо прямо на лугу. Меня охватил ужас, и захотелось немедленно убежать отсюда, пока меня никто не увидел.

Я вернулся в свою комнату и прочитал его там. С кухни доносился запах дешевых обедов — Бифарони, Рис-а-рони, Нудл-рони... Могу спорить, что все, что сейчас едят в Америке пожилые люди с ограниченным доходом, оканчивается на *рони*.

Я вскрыл пакет и прочитал письмо. Потом уронил голову на руки и заплакал. К письму были приложены двадцать новеньких пятидесятидолларовых банкнот.

И вот я сижу за столом в своей дешевой комнатухе отеля «Брюстер» и думаю, что делать дальше. Кажется, я слегка обойду закон. Нарушение условия освобождения. Преступление не слишком тяжкое: инспектор будет недоволен, но засад на дорогах никто выставлять не станет.

Передо мной эта рукопись. На кровати валяется весь мой багаж, уместающийся в чемоданчике размером с докторский. В кармане девятнадцать пятидесятидолларовых бумажек, четыре десятки, пятерка, три доллара и всякая мелочь. Я разменял одну из пятидесяток, чтобы купить упаковку бумаги и курево.

Я раздумывал, как быть дальше. Но на самом деле никаких сомнений не было. Всякий выбор сводится к одному простому вопросу: быть или не быть, жить или существовать.

Сперва я положу рукопись в чемоданчик. Затем закрою его, возьму пальто, спущусь по ступенькам и покину этот клоповник. Я пойду в бар, положу перед барменом пять долларов и закажу две порции «Джек Дэниэлс» — одну для меня и другую для Энди Дюфресна. Если не считать того пива на крыше фаб-

рики, это будет первая моя выпивка с 1938 года. Затем я поблагодарю бармена и оставляю ему доллар на чай. Я пойду к станции Грейхаунд, где куплю билет до Эль-Пасо. Там я пересяду на автобус до Макнери. Когда я приеду в этот городишко, там уже будет видно, сможет ли такой старый плут, как я, пересечь мексиканскую границу.

Я запомнил это название: Зихуатанехо. Такое название трудно забыть.

Я чувствую прилив энергии и настолько возбужден, что едва могу держать карандаш в дрожащей руке. Думаю, такое возбуждение может испытывать только свободный человек, отправляющийся к океану.

Я надеюсь, Энди сейчас там.

Надеюсь, что смогу пересечь границу.

Надеюсь увидеть моего друга и пожать ему руку.

Надеюсь, что Тихий океан такой же голубой, как в моих снах...

Я надеюсь.

ДЕТИ КУКУРУЗЫ

Этот фильм в некотором смысле — визитная карточка фильмов ужасов семидесятых: даже лужи крови с виду готовы втянуть кокса и начать танцевать диско под мотив «Би Джиз», — и в фильме (не в книге, как вы сами заметите) есть фраза, над которой все еще хихикают мои дети: «Чужак! У нас твоя женщина!» И все-таки... все-таки не так уж это и плохо. Мне кажется, в нем есть что-то от «Плетеного человека» (первого еще, который хороший), а Линда Хэмилтон, стремительно приближавшаяся к славе «Терминатора», все отдала этой картине.

Однако бывает, что отдаешь все — а этого мало. Иногда книга лучше хотя бы потому, что в бюджет фильма не заложить воображение читателя. Мне кажется, что версия на бумаге пугает сильнее, потому что кукуруза в ней сильнее пугает. В фильме она — просто себе кукуруза. В фильме кукуруза никогда не составит конкуренцию Дракуле.

Еще одно замечание: именно «Дети кукурузы» из всех моих произведений породили больше всего плохих сиквелов. Существуют «Дети кукурузы» 2, 3 и 4 как минимум. Может, их и больше (я в конце концов потерял счет). Если бы у меня сейчас, когда я это пишу, не был отключен Интернет, я бы проверил, нет ли случайно «Детей кукурузы в космосе». Почти уверен, что было что-то такое. Единственный сиквел, который был бы мне по душе, — это «Дети кукурузы против лепрекона». Хотелось бы услышать, как маленький лепреконтчик орет с милым ирландским акцентом: «Отдайте мою кукурузу!»

Берт включил радио слишком громко и не стал делать тише, потому что у них с женой назревала очередная ссора, а ему уже не хотелось ругаться. Совсем не хотелось.

Вики что-то сказала.

— Что? — прокричал он.

— Сделай потише! Хочешь, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки?!

Он сдержался. Он промолчал. И сделал радио потише.

Вики обмахивалась косынкой, словно ей было жарко. Хотя в машине работал кондиционер.

— Кстати, а где мы?

— В Небраске.

Она одарила его холодным, неопределенным взглядом:

— Да, Берт. Я знаю, что это Небраска, Берт. Но где мы, черт побери, *конкретно*?

— У тебя же есть атлас. Вот, возьми и посмотри. Или ты разучилась читать?

— Какой ты умный! Наверно, поэтому мы и свернули с автостреды. Чтобы проехаться среди кукурузных полей. Насладиться сплошной кукурузой на три тысячи миль вокруг и поиметь счастье приобщиться к великой мудрости Берта Робсона.

Он сжимал руль с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Он даже знал почему: если сейчас он расслабится, если не вцепится в руль мертвой хваткой, его рука может сорваться сама собой и ударить бывшую королеву школьного выпускного бала прямо в челюсть. *Мы спасаем наш брак*, твердил он мысленно. *Да. Мы спасаем наш брак. Точно так же, как пехотинцы спасают деревни во время войны.*

— Вики, — сказал он, тщательно подбирая слова, — с тех пор как мы выехали из Бостона, я проехал по автотрассе полто-

ры тысячи миль. Все это время я был за рулем, потому что ты отказалась вести машину. А потом...

— Я не отказывалась! — с жаром возразила Вики. — У меня начинается мигрень, если я долго сижу за рулем, и только поэтому...

— А потом я спросил, сможешь ли ты поработать штурманом, если мы съедем с автомагистрали и поедem по второстепенным дорогам. И ты сказала: «Да. Берт, конечно». Да, именно так, слово в слово. «Да, Берт, конечно». А потом...

— Я иногда поражаюсь... как я вообще вышла за тебя замуж?

— Я сделал тебе предложение, и ты ответила мне «да».

Пару секунд она просто смотрела на него, поджав губы. Потом взяла в руки атлас автодорог и принялась яростно перелистывать страницы.

Да, зря они съехали с автотрассы, мрачно подумал Берт. Причем «зря» — во всех смыслах. Потому что до этого они очень неплохо ладили и общались друг с другом почти по-человечески. Иногда ему даже казалось, что из этой поездки на побережье — якобы навестить брата Вики с его женой, хотя, если по правде, это была отчаянная попытка сохранить их собственный брак — действительно получится что-нибудь путное.

Но когда они съехали с автострады, все опять стало плохо. Насколько плохо? Да просто ужасно.

— Мы съехали с трассы у Гамбурга, так?

— Ну да.

— Дальше будет Гатлин. А до него вообще ничего не будет, — сказала Вики. — Двадцать миль. Вроде и не совсем крошечный городок. Может, остановимся там и перекусим? Или, следуя твоему всемогущему и непреклонному распоряжению, мы снова не станем обедать строго до двух часов дня, как было вчера?

Берт оторвал взгляд от дороги и посмотрел на жену:

— Все, с меня хватит, Вики. По мне, так можно вот прямо сейчас развернуться и поехать домой — и сразу пойти к адвокату, с которым ты хотела увидеться. Потому что и так уже ясно: все бесполезно...

Вики смотрела прямо перед собой. С каменным выражением лица. И вдруг у нее на лице отразилось изумление и испуг.

— Берт, смотри, куда едешь...

Он снова сосредоточил внимание на дороге, и тут что-то угодило под бампер их «тандерберда». Спустя долю секунды, когда Берт только начал давить на тормоз, он почувствовал, как машина проехала по чему-то мягкому. Сначала — передними колесами, потом — задними. Их с Вики швырнуло вперед. Автомобиль вынесло на разделительную полосу. За считанные секунды скорость упала с пятидесяти до нуля. За «тандербердом» протянулись черные полосы — след от жженой резины.

— Собака, — проговорил он. — Вики, скажи мне, что это была собака.

Ее лицо было бледно-творожного цвета.

— Мальчик. Маленький мальчик. Выскочил из зарослей кукурузы, и... мои поздравления, охотник. — Она нащупала ручку, открыла дверцу, высунулась наружу — и ее стошнило.

Берт сидел неподвижно, по-прежнему сжимая руль обеими руками. На какое-то время он вообще перестал воспринимать все вокруг — кроме густого, насыщенного запаха удобрений.

Потом он заметил, что Вики уже нет рядом. В боковое зеркало ему было видно, как жена подходит машину и приближается к бесформенному бугорку, напоминавшему кучу тряпья. Вообще-то Вики была грациозной, изяшной женщиной, но сейчас она еле передвигала ноги и спотыкалась на каждом шагу.

Я человекоубийца. Да, именно так это называется. Я отвлекся и не смотрел на дорогу.

Берт заглушил двигатель и выбрался из машины. Ветер тихо шелестел среди стеблей кукурузы высотой в человеческий рост. Жутковатый был звук. Похожий на чье-то дыхание. Вики стояла над кучей тряпья на дороге и рыдала в голос.

Он был уже на полпути к Вики, как вдруг краем глаза заметил кое-что необычное. Слева, в зарослях кукурузы. Ярко-красные брызги среди зеленых стеблей. Как будто там пролили краску.

Берт остановился и присмотрелся внимательнее. В голову лезли какие-то совсем неуместные мысли (все, что уютно, лишь бы не думать о грудe тряпья, которая была отнюдь не тряпьем), что вот в этом году кукуруза скорее всего уродится на славу. Сочные стебли, уже готовые дать плоды, росли аккуратными ровными рядами, тесно примыкающими один к другому. Если поглубже войти в эти тенистые заросли, можно весь день про-

блуждать в поисках пути назад. Но в одном месте, у самой дороги, ровный строй кукурузных стеблей был нарушен. Причем казалось, что эти стебли сломали совсем недавно. А чуть дальше, в тени... что там такое?

— Берт! — позвала Вики. — Может, все-таки подойдешь посмотреть? Ну, чтобы потом рассказать партнерам по покеру, кого ты прикончил в Небраске. Может, все-таки... — Она разрыдалась, даже не договорив. Ее тень лежала у самых ног темным густым пятном. Был почти полдень.

Берт вошел в заросли кукурузы, и над ним сразу сомкнулся прохладный сумрак. Красная краска на стеблях — это была кровь. Среди стеблей монотонно и сонно жужжали мухи: подлетали, садились, угощались и улетали прочь... может быть, сообщить другим мухам. Кровь на листьях была даже здесь, в нескольких метрах от дороги. Но ведь она не могла брызнуть так далеко? А потом Берт подошел к этой самой штуковине, которую видел с обочины. Наклонился, поднял с земли.

Ровный ряд кукурузы был нарушен и здесь. Несколько стеблей погнуто, два — отломаны подчистую. Земля притоптана. На земле — кровь. Кукуруза вновь зашелестела. Берт невольно пожегся, развернулся и пошел обратно. К дороге.

Вики билась в истерике, ругалась, кричала что-то невразумительное, плакала и смеялась. Кто бы мог подумать, что все закончится как в плохой мелодраме? Он посмотрел на жену и вдруг понял, что у него нет никакого возрастного кризиса, никаких трудностей с поиском своего «я» или своего места в жизни — и никаких других модных психологических заморочек. Просто он ненавидит жену — вот и все. Он влепил ей пощечину. Как говорится, от всей души.

Вики сразу заткнулась и прижала руку к щеке, на которой уже наливались красным отметины от его пальцев.

— Тебя посадят, Берт, — мрачно проговорила она.

— Ну уж вряд ли, — ответил он и поставил к ее ногам чемодан, который нашел в зарослях кукурузы.

— Это что?

— Не знаю. Наверное, его чемодан. — Берт указал на бездыханное тело, распростертое на дороге лицом в асфальт. Со всем мальчишка. Лет тринадцать, не больше.

Старый коричневый кожаный чемодан, изрядно обтрепанный и потертый, был обмотан двумя бельевыми веревками, завязанными на бантик. Вики хотела развязать веревки, но увидела кровь, пропитавшую узлы, и быстро убрала руку.

Берт встал на колени и осторожно перевернул тело на спину.

— Не буду смотреть. Не хочу, — сказала Вики, но все равно посмотрела. И опять закричала, встретившись взглядом с широко распахнутыми глазами мертвого мальчика. Его чумазое лицо искажала гримаса ужаса. У него было перерезано горло.

Вики покачнулася. Берт поднялся и обхватил жену обеими руками.

— Только не падай в обморок, — попросил он очень тихо. — Слышишь, Вики? Не падай в обморок.

Он повторял это снова и снова, пока Вики не начала успокаиваться. Она тоже обняла мужа и прижалась к нему. Сейчас они были похожи на двух танцоров — под полуденным солнцем, на заброшенной дороге, над телом мертвого мальчика.

— Вики?

— Что? — пробормотала она, уткнувшись ему в плечо.

— Сходи к машине, достань ключи из замка зажигания, положи их в карман. Возьми с заднего сиденья одеяло. И мое ружье. И принеси все сюда.

— И ружье тоже?

— Ему перерезали горло. Может, тот, кто его убил, до сих пор где-то рядом. Может, он наблюдает за нами.

Она вскинула голову и испуганно осмотрелась. По обеим сторонам дороги простирались бескрайние кукурузные поля.

— Скорее всего он ушел. Но я не хочу рисковать. Давай. Иди.

Вики медленно пошла к машине неестественной, напряженной походкой. Тень скользила за ней темным пятном под ногами, словно привязчивый ручной зверек, который в это время суток всегда старается держаться поближе к хозяину. Берт присел на корточки рядом с телом мальчишки. Самый обыкновенный мальчишка, без особых примет. Да, он попал под машину. Но не машина перерезала ему горло. Разрез был рваный, сделанный неловко и неумело, — человек, прикончивший мальчика, явно не обучался у армейских сержантов тонкостям рукопашного боя, — но в итоге удар все равно оказался смертельным.

Последние тридцать шагов из зарослей кукурузы мальчик либо пробежал сам, либо его — уже мертвого или смертельно раненого — попросту вытолкнули на дорогу, где его сбил Берт Робсон на своем «тандерберде». Если тогда мальчик был еще жив, он все равно не продержался бы и тридцати секунд.

Вики легонько похлопала Берта по плечу, и он буквально подпрыгнул от неожиданности.

Она стояла у него за спиной, старательно отводя глаза в сторону. Через левую руку перекинута плотное армейское одеяло, а в правой — зачехленное помповое ружье. Берт взял одеяло и, расстелив на дороге, перекатил на него тело мальчика. Вики болезненно застонала.

— Ты там как, держишься? — Он взглянул на нее. — Вики!

— Держусь, — сдавленным голосом проговорила она.

Берт накинуд края одеяла на тело, сгреб жуткий сверток в охапку и кос-как поднял с земли. Тело было тяжелым, оно перегнулось и чуть не выскользнуло у него из рук. Берт прижал его к себе крепче, и они с Вики вернулись к машине.

— Открой багажник, — прохрипел он.

Багажник был полон: чемоданы, сувениры, дорожные сумки. Вики пришлось переставить почти все на заднее сиденье, чтобы освободить место. Берт положил тело мальчика внутрь, захлопнул крышку и с облегчением вздохнул.

Вики стояла у водительской дверцы, по-прежнему сжимая в руках зачехленное ружье.

— Клади на место и садись в машину.

Берт взглянул на часы: прошло всего пятнадцать минут. А казалось, целая вечность.

— А чемодан? — спросила Вики.

Берт вернулся туда, где стоял чемодан. Прямо на белой разделительной полосе, словно центр композиции на какой-нибудь импрессионистской картине. Он поднял чемодан за потертую ручку и настороженно замер. У него было стойкое ощущение, что за ним наблюдают. Раньше он только читал о таких ощущениях, по большей части в дешевых бульварных романах, и не верил, что так бывает на самом деле. Но теперь он поверил. Ему казалось, что там, среди зарослей кукурузы, скрывались люди. Возможно, много людей. И они бесстрастно оцени-

вали обстановку, пытаясь прикинуть, успеет ли женщина расчехлить ружье и открыть огонь, прежде чем они схватят Берта, уташат в сумрак среди стеблей и перережут ему горло...

С бешено бьющимся сердцем он добежал до машины, выдернул ключи из замка багажника и забрался на водительское сиденье.

Вики снова расплакалась. Берт завел двигатель и поддал газу. Не прошло и минуты, как страшное место осталось далеко позади.

— Какой там, ты говорила, следующий городок? — спросил он.

— Сейчас. — Она снова склонилась над атласом автодорог. — Гатлин. Мы будем там минут через десять.

— Надеюсь, там есть полицейский участок... Большой городок?

— Небольшой. Просто точка на карте.

— Ну, может, там будет хотя бы констебль.

Какое-то время они ехали молча. Проехали мимо силосной башни, по левую сторону дороги. А кроме башни, не было вообще ничего. Сплошная кукуруза. На дороге — и на их полосе, и на встречной — ни единого автомобиля. Ни легковушек, ни грузовиков.

— Слушай, Вики, а после того как мы съехали с автотрассы, нам попадались автомобили?

Она на секунду задумалась.

— Была одна легковая машина. И трактор. На том перекрестке.

— Нет. На *этой* дороге. Шоссе номер 17.

— Нет. На этой дороге — нет.

Раньше она бы не ограничилась столь лаконичным ответом. Это было бы только вступление к очередному язвительному замечанию. Но сейчас Вики просто смотрела в окно, прямо перед собой, на дорогу и бесконечные белые штрихи разделительной полосы.

— Вики, может, откроешь его чемодан?

— Думаешь, надо?

— Не знаю. Наверное.

Пока Вики возилась с узлами (при этом выражение ее лица было специфическим: вроде бы безучастным и совершенно пу-

стым, но с напряженно поджатыми губами; точно такое же лицо — Берт хорошо это помнил — всегда было у его мамы, когда та потрошила цыпленка к воскресному обеду), он опять включил радио.

На волне легкой музыки, которую они слушали раньше, шли сплошные помехи. Берт принялся крутить ручку настройки. Какая-то сельскохозяйственная программа. Вести с полей. Бак Оуэнс. Тэмми Уайнетт. Звук едва пробивался сквозь помехи. А потом, уже в самом конце шкалы, из динамика неожиданно вырвалось одно-единственное слово — причем так громко и четко, словно тот, кто его произнес, сидел прямо здесь, за решеткой динамика на приборной доске.

— ИСКУПЛЕНИЕ! — проревел голос.

Берт тихо крикнул от неожиданности. Вики вздрогнула.

— МЫ СПАСЕМСЯ ЛИШЬ КРОВЬЮ АГНЦА! — прогреготал голос, и Берт поспешно убавил звук. Станция явно была где-то рядом. Совсем близко... да вот же она. Паукообразное сооружение прямо на горизонте, над морем кукурузных стеблей. Красная тренога на фоне голубого неба. Радиомачта.

— Искупление — вот наш путь, братья и сестры, — продолжал голос в динамике, но теперь он звучал не так громко и не бил по ушам. На заднем плане, вдали от микрофона, приглушенный хор голосов отозвался: «Аминь». — Кое-кто убежден, что возможно пройти путями мирскими — и не запятнать свою душу грехом, коим полнится мир. Но разве тому учит нас слово Божье?

Вдали от микрофона, но все равно громко: «Нет!»

— СВЯТЫЙ БОЖЕ! — снова возвысил голос проповедник. Теперь его речь наполнилась мощной пульсацией, в которой был некий захватывающий драйв, почти как в ритмах рок-н-ролла. — Когда же уразумеют они, что путь греха ведет к смерти? Когда они уразумеют, что за все надо платить и возмездие ждет по ту сторону? Иисус сказал: «В доме Отца Моего обителей много». Но нет в нем обители для блудодеев. Нет в нем обители для завистников. Нет обители для осквернителей кукурузы. Нет обители для мужеложцев. Нет обители...

Вики выключила радио.

— Иначе меня сейчас точно стошнит.

— Что он сказал? — спросил Берт. — Что-то про кукурузу.
— Не знаю, не слышала. — Вики занялась вторым узлом.
— Он что-то сказал про кукурузу. Точно сказал, я слышал.
— Готово! — воскликнула Вики и открыла чемодан, лежавший у нее на коленях.

Они проехали указатель: ГАТЛИН. 5 МИЛЬ. ВОДИТЕЛЬ, БУДЬ ОСТОРОЖЕН. ПОБЕРЕГИ НАШИХ ДЕТЕЙ. Указатель, установленный в свое время членами ордена лосей*, был изрешечен пулями 22-го калибра.

— Носки, — принялась перечислять Вики. — Две пары брюк... рубашка... ремень... галстук-ленточка... Кто это, не знаешь? — Она показала ему облупившуюся позолоченную застежку для галстука с портретом какого-то ковбоя.

Берт посмотрел на застежку:

— По-моему, Хопалонг Кэссиди**.

— Ага. — Вики положила галстук с застежкой обратно в чемодан и снова расплакалась.

Помолчав пару секунд, Берт спросил:

— А ты не заметила ничего странного в этой проповеди по радио?

— Нет. Я еще в детстве наслушалась этого бреда. На всю оставшуюся жизнь. Я же тебе рассказывала.

— А тебе не показалось, что у него слишком уж молодой голос? У проповедника?

Она невесело рассмеялась:

— Да, молодой. Ну и что? Может, это подросток. А может, и вовсе ребенок. В том-то и ужас. Им с малых лет промывают мозги, пока они еще гибкие и податливые. Те, кто их обрабатывает, они знают, как сыграть на чувствах, и мастерски давят на психику. Ты бы послушал эти «выездные проповеди», на которые меня таскали родители... ну, где меня «спасали». Ладно, давай вспоминать. Вот, к примеру, малышка Гортензия, Поющее чудо. Ей было восемь. Она пела на улицах «Только под рукой Всевыш-

* Полное официальное название: Благотворительный и покровительствующий орден лосей США — мужская патриотическая и благотворительная организация, основанная в 1868 г.

** Хопалонг Кэссиди — герой вестернов американского писателя Луниса Ламура (1908—1988).

него», а ее папаша со шляпой обходил зрителей и говорил всем и каждому: «Не скупитесь, давайте больше, не покиньте в нужде дитя Божие». Потом был еще Норман Стонтон. Этаким маленьким лорд Фаунтлерой в пиджачке и коротких штанишках. Прочил всем вечные муки и адское пламя. Ему было семь лет.

Берт недоверчиво покачал головой, и Вики кивнула: мол, она не врет.

— И если бы их было всего двое! Но их было много, таких вот детей. Они хорошо привлекали публику и *пользовались успехом*. — Последнюю фразу Вики проговорила, скривившись от отвращения. — Руби Стэмплелл. Десятилетняя знахарка. Лечила молитвами и наложением рук. Сестрички Грейс. Они выходили на публику с нимбами из фольги и... ой!

— Что там? — Берт резко повернул голову и взглянул на вещицу в руках у жены. Вики достала ее, не глядя, с самого дна чемодана. Берт наклонился пониже — хотел рассмотреть, что там такое. Вики без слов отдала эту штуку ему.

Это было распятие с крестом из перекрученных кукурузных листьев, когда-то зеленых, а теперь высохших и пожелтевших. Толстыми нитками, сплетенными из кукурузных рылец, к кресту был привязан стержень маленького кукурузного початка. Большая часть зерен аккуратно вынута — наверное, их выковыривали по одному крошечным перочинным ножом. Оставшиеся зернышки образовали грубое изображение распятой фигуры в виде «мозаичного» барельефа. Глаза — желтые зерна с продольными надрезами зрачков. Раскинутые руки. Над головой у фигуры — четыре буквы: INRI*.

— Мастерски сделано, — сказал Берт.

— Мерзкая вещица, отвратительная, — напряженно проговорила Вики. — Выброси.

— Вики, в полиции наверняка захотят на нее посмотреть.

— Зачем?

— Ну, не знаю. Может...

— Выброси. Можешь ты выполнить мою просьбу? Я не хочу, чтобы *это* было в машине.

* INRI (Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum) — Иисус Назарянин, Царь Иудейский (лат.).

— Я пока уберу его на заднее сиденье. А как только мы доберемся до участка, сразу отдам полицейским. Даю честное слово. Хорошо?

— Да делай что хочешь! — закричала она. — Ты все равно всегда делаешь все по-своему!

Встревоженный и раздраженный, Берт зашвырнул кукурузное распыление на заднее сиденье. Оно приземлилось на стопку одежды. Глаза-зерна сосредоточенно уставились на плафон верхнего света. Берт прибавил газу. Из-под колес полетел гравий.

— Мы отдадим полицейским и тело, и чемодан, и все, что лежит в чемодане, — пообещал он жене. — И развяжемся с этой историей раз и навсегда.

Вики ему не ответила. Она разглядывала свои руки. Они проехали еще милю, и бесконечные кукурузные поля отодвинулись от дороги, уступив место фермерским домам и хозяйственным постройкам. В одном из дворов вялые, грязные куры равнодушно ковырялись в земле. На крышах амбаров — поблекшие щиты с рекламой кока-колы и жвачки. Рекламный щит у дороги: ЛИШЬ БЛАГОДАТИЮ ИИСУСА СПАСЕМСЯ. Кафе с автозаправкой. Но Берт решил туда не заезжать. Подумал, что лучше добраться до центра. Если в этом местечке вообще имелся центр. Если нет, тогда можно будет вернуться на автозаправку. И только когда он проехал кафе, до него вдруг дошло, что на стоянке перед входом не было не единой машины, если не считать старого замызганного пикапа, у которого, как ему показалось, были спущены шины.

Вики вдруг рассмеялась — резко, пронзительно. Как подумал Берт, она опять была на грани истерики.

— Чего смешного?

— Да указатели, — выдавила она, икая и задыхаясь. — Ты их вообще видишь? Читаешь? Эти штаты не зря называют Библейским поясом. Те, кто придумал такое название, не шутили. О Господи! Очередное божественное откровение. — Она опять рассмеялась все тем же надрывным истеричным смехом и зажала рот обеими руками.

На каждом из указателей, закрепленных на побеленных столбах вдоль дороги, было написано по одному слову. Столбы стояли через равные интервалы примерно в восемьдесят футов,

причем, судя по облезлой побелке, стояли довольно давно. Слова, если читать их подряд, складывались в предложение. Берт прочел:

СТОЛП... ОБЛАЧНЫЙ... ДНЕМ... И... СТОЛП... ОГНЕН-
НЫЙ... НОЧЬЮ.

— Кое-что они явно забыли. — Вики опять хохотнула, не в силах сдержаться.

— Что забыли? — нахмурился Берт.

— Добавить в конце: «Бирма шейв»*. — Она прикусила кулак, чтобы сдержать смех, но истерическое хихиканье все равно пробилось наружу, словно шипучие пузырьки имбирного эля.

— Вики, ты хорошо себя чувствуешь?

— Пока не очень. Но мне сразу же станет лучше, когда мы доберемся до грешной солнечной Калифорнии, за тысячу миль отсюда. И чтобы между нами и Небраской были Скалистые горы.

Они проехали еще одну серию рекламных щитов.

ВОЗЬМИТЕ... СИЕ... И... ЕШЬТЕ... СКАЗАЛ... ГОСПОДЬ.

Берт сам не знал, почему эта фраза вызвала у него стойкую ассоциацию с кукурузой. Кажется, эти слова произносят священники, когда совершают таинство причастия. Но Берт не смог вспомнить точно — слишком давно не был в церкви. Впрочем, он бы не удивился, если бы ему сказали, что в здешних краях вместо облаток используют кукурузные хлебцы. Он хотел поделиться своими мыслями с Вики, но передумал.

Они поднялись на вершину холма, откуда открывался вид на Гатлин — маленький городок в три квартала, похожий на декорацию из фильма о Великой депрессии.

— Там наверняка есть констебль, — сказал Берт и вдруг удивился, почему при одном только взгляде на этот крошечный за-

* Имеется в виду марка пены для бритья «Burma Shave», знаменитая своей «щитовой» рекламной кампанией, длившейся с 1925 по 1963 г. На рекламных щитах, установленных вдоль автотрасс на расстоянии нескольких сот метров друг от друга, располагались короткие, порой забавные фразы, которые складывались в рифмованные слоганы типа: «Девушкам хочется/Чтобы мужчины/Ходили с лицами/Без щетины». На последнем щите обычно было написано название рекламируемой продукции: «Burma Shave».

холустный городишко, дремлющий под полуденным солнцем, его сердце жалось от страха.

Они проехали знак ограничения скорости. Не больше тридцати миль в час. Еще один знак, весь в струпьях ржавчины: **ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В ГАТЛИН, ЛУЧШИЙ ГОРОДОК ВО ВСЕМ ШТАТЕ НЕБРАСКА — И НА ВСЕМ БЕЛОМ СВЕТЕ! НАСЕЛЕНИЕ 4531.**

Вдоль дороги росли пропыленные вязы, большинство — явно больные.

Они проехали мимо склада пиломатериалов. Потом была автозаправка. Таблички с расценками и информацией вяло покачивались под горячим полуденным ветерком: **ОБЫЧН. 35,9, ОЧИЩ. 38,9. ВОДИТЕЛИ ГРУЗОВИКОВ! ДИЗЕЛЬНОЕ ТОПЛИВО — С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.**

Миновав два перекрестка, улицу Вязов и Березовую, они подъехали к городской площади. Все жилые дома в городке были деревянными, с застекленными верандами. Строгие, функциональные постройки. Без украшений и архитектурных изысков. Заброшенные лужайки с пожелтевшей, пожухлой травой. На Кленовой улице им повстречалась дворняга — она медленню вышла прямо на середину улицы, пару секунд постояла, глядя в их сторону, а потом улеглась на проезжей части, положив морду на лапы.

— Остановись, — сказала Вики, — прямо здесь остановись. Берт послушно подъехал к обочине.

— Разворачивайся, и поедem назад. Отвезем тело в Гранд-Айленд. Это не так уж и далеко. В общем, поехали.

— Вики, что случилось?

— А то ты не знаешь! — В ее голосе явственно зазвучали визгливые нотки. — В этом городе никого нет. Кроме нас с тобой — ни единой живой души. Ты сам разве не чувствуешь?

Да, он что-то такое почувствовал и до сих пор не избавился от этого ощущения. Но...

— Это просто так кажется, — сказал Берт. — Тихое, провинциальное местечко. Делать особенно нечего, все сидят по домам. Или, может, они все на площади. На распродаже домашней выпечки или на розыгрыше лотереи.

— *Здесь никого нет*, — проговорила она с нажимом, выделяя каждое слово. — Ты видел ту автозаправку?

— Рядом со складом? Конечно, видел. И что?

Берт отвечал машинально, думая о своем. В кроне ближайшего вяза стрекотали цикады. Пахло засохшими розами, кукурузой и, разумеется, удобрениями. В первый раз за все время их путешествия они с Вики свернули с автомагистрали — и вот приехали в этот маленький городок в штате Небраска, где Берт еще никогда не бывал (хотя несколько раз пролетал над ним на самолете). Действительно странное место. Что-то в нем не так. И в то же время это самый обыкновенный провинциальный городок. Если проехать чуть дальше, там наверняка будет аптека с питьевым фонтанчиком с содовой, и кинотеатр под названием «Киноклуб», и школа имени Джона Кеннеди.

— Берт, там указаны цены. Тридцать пять девяносто — обычный бензин, тридцать восемь девяносто — очищенный. Когда ты в последний раз видел такие цены?

— Ну, года четыре назад, — признался он. — Но, Вики...

— Мы почти в центре, Берт, и не видели ни единой машины! *Вообще ни одной!*

— До Гранд-Айленда — семьдесят миль. Если мы привезем тело туда, это будет выглядеть странно по меньшей мере.

— Мне все равно, как это будет выглядеть!

— Слушай, давай хотя бы доедем до здания здешней администрации и...

— *Нет!*

Ну все, началось. Вот вам вкратце ответ на вопрос, почему разваливается брак: «Нет. Ни за что. Никогда. Позеленею и сдохну, но добьюсь, чтобы все вышло по-моему».

— Вики...

— Уедем отсюда. Немедленно. Мне здесь не нравится, Берт.

— Вики, послушай меня...

— Разворачивайся, и поедem.

— Вики, можешь ты пару минут помолчать и послушать?

— Я помолчу и послушаю на обратном пути. Все, поехали.

— *У нас в багажнике мертвый ребенок!* — заорал он ей в лицо и не без удовольствия отметил, как она вздрогнула и поникла. Он продолжил уже не так громко, но все-таки на повышенных тонах: — Ему перерезали горло, а потом вытолкнули на дорогу, где я его сбил. И теперь я собираюсь найти полицейский учас-

ток, или городскую управу, или что еще у них тут есть, я не знаю, и сообщить о случившемся. Если тебе так хочется вернуться на трассу, иди пешком. Я тебя подхвачу на обратном пути. Делай что хочешь. Только не говори мне, чтобы я развернулся и ехал семьдесят миль до Гранд-Айленда, как будто у нас в багажнике не мертвый ребенок, а куча мусора. Он был чьим-то сыном, и мать лишилась ребенка, и мы должны сообщить обо всем куда следует, пока убийца не ушел далеко и его можно поймать.

— Ты скотина, — расплакалась Вики. — Как я живу с тобой, не понимаю!

— Я тоже не понимаю. Давно не понимаю. Но это можно исправить, Вики.

Он отъехал от тротуара. Дворняга, лежавшая на дороге, на миг подняла голову и вновь опустила ее на лапы.

До площади оставалось проехать всего полквартала. На пересечении с улицей Радости Главная улица разделялась на две дорожки, огибавшие лужайку с маленьким сквером и летней эстрадой посередине. Собственно, это и была центральная площадь. На другом конце сквера, там, где Главная улица снова сливалась в одну дорогу, стояли два дома, более или менее похожие на административные здания. Берт разглядел надпись над входом в одно из них: ГАТЛИНСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА.

— Ну вот, — сказал он.

Вики не сказала вообще ничего.

Берт остановил машину примерно в центре площади. Перед входом в закусочную «Гриль-бар "Гатлин"».

— Ты куда? — встревожилась Вики, когда Берт открыл дверцу.

— Попробую выяснить, где все. Видишь, табличка в окне. «Открыто».

— Но ты же не оставишь меня здесь одну.

— Ну, так пойдем вместе. Кто тебе мешает?

Вики открыла дверцу и выбралась из салона. Он увидел, какое бледное у нее лицо, и на мгновение ощутил к ней жалость. Безысходную жалость.

— Слышишь? — спросила жена.

— Что?

— Ничего. Ни машин. Ни людей. Ни тракторов. Ничего.

А потом откуда-то со стороны соседнего квартала донесся звонкий и радостный детский смех.

— Я слышу, как смеются дети, — сказал Берт. — А ты разве нет?

Вики встревоженно посмотрела на мужа.

Он открыл дверь закускойной и вошел в сухую и душную тишину. Толстый слой пыли на полу. Потускневшие хромированные покрытия. Неподвижные вентиляторы под потолком. Пустые столики. Пустые табуреты у барной стойки. Но зеркало позади стойки разбито. И что-то еще... что-то явно не так... через пару секунд Берт сообразил, что именно. Все пивные краны были отломаны и лежали на стойке, словно оригинальные сувениры для раздачи гостям на празднике.

— Ну да. Спроси у кого-нибудь... — В голосе Вики сквозило натужное веселье на грани срыва. — Прошу прощения, сэр, вы не подскажете...

— Помолчи! — рывкнул Берт, но как-то тускло, без всякого выражения. Они стояли прямо напротив большого окна, в пропыленном луче яркого света, и у Берта снова возникло тревожное ощущение, что за ними наблюдают. Он подумал о мертвом мальчишке в багажнике. Подумал о звонком смехе детишек. В голове почему-то крутилось одно: *Вслепую, вслепую, вслепую.*

Его взгляд скользил по пожелтевшим картонкам, приколотым кнопками к стене за стойкой: ЧИЗБУРГЕР 35 центов. ЛУЧШИЙ В МИРЕ КОФЕ 10 центов. КЛУБНИЧНЫЙ ПИРОГ С РЕВЕНЕМ 25 центов. БЛЮДО ДНЯ: ВЕТЧИНА С СОУСОМ «ВЫРВИ ГЛАЗ» И КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЮРЕ 80 центов.

Когда он в последний раз видел такие цены?

Ответ на невысказанный вопрос подсказала Вики.

— Вот, смотри! — Она ткнула в календарь на стене. — Свежайшие блюда двенадцатилетней давности! — Она рассмеялась с наигранной веселостью.

Берт подошел поближе, чтобы как следует рассмотреть календарь. На картинке были изображены два мальчика, купавшиеся в пруду, и забавный щенок, уносивший в зубах их одежду. Под картинкой шла подпись: ГАТЛИНСКИЙ МАСТЕРОВОЙ. ПИЛОМАТЕРИАЛЫ И СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ. ВЫ ЛОМАЕТЕ, МЫ ПОЧИНЯЕМ. Месяц — август. Год — 1964.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Но я уверен...
— Ты уверен! — взбеленилась Вики. — Конечно, уверен! Кто бы сомневался! Вот что меня в тебе бесит, Берт, — ты всегда и во всем *уверен*!

Он пошел к выходу, и Вики бросилась следом за ним:

— Ты куда?

— В городскую управу.

— Берт, ну почему ты такой упрямый? Ты же сам видишь: здесь что-то не так. И все равно не желаешь признать очевидное.

— Я не упрямый. Просто хочу поскорее избавиться от того, что в багажнике.

Они вышли на улицу, и Берт вновь поразился тому, как здесь тихо. Ни единого звука. И запах... Да, запах. Про него как-то не вспоминаешь, когда мажешь маслом только что сваренную кукурузу, посыпаешь ее солью, откусываешь и жуешь. Но вот же он, тот самый запах, в котором слились солнце, дождь, всевозможные химические удобрения и хорошая порция экологически чистого навоза. Хотя здесь он чуть-чуть отличался от запаха унавоженной земли, каким Берт его помнил из детства. (Он вырос в деревне, на севере штата Нью-Йорк.) Да, органические удобрения — это тебе не душистые ландыши, но в середине весны, ранним вечером, когда теплый ветер доносил запах навоза со свежевспаханных полей, на душе становилось тепло и уютно, и ты вдруг очень отчетливо понимал, что зима наконец-то ушла и уже не вернется, и впереди будет лето, и учиться осталось всего ничего, месяца полтора-два, а потом школу закроют на летние каникулы, самые длинные в году. Для Берта запах навоза — прямо скажем, не самый благоуханный — навсегда связан с другими запахами весны, *по-настоящему* приятными и ароматными: тимофеевки, клевера, свежей земли, алтея и кизила.

Но здесь они удобряют как-то по-другому, подумал он. Запах очень похожий, но не совсем тот же. Был в нем какой-то сладковатый привкус. Тошнотворный дух смерти. Как бывший санитар на войне во Вьетнаме, Берт хорошо знал этот запах.

Вики сидела в машине, пристально глядя на кукурузное распытие, лежавшее у нее на коленях. Берту это не понравилось.

— Убери эту штуку подальше, — сказал он.

— Нет. — Вики даже не подняла голову. — У тебя свои игры, а у меня — свои.

Берт завел мотор и проехал немного вперед, до угла, где не-работающий подвесной светофор тихонько покачивался на ветру. Слева стояла аккуратная белая церквушка. Трава на лужайке была пострижена. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, росли ухоженные цветы. Берт остановился.

— Что ты делаешь?

— Хочу зайти в церковь, — ответил Берт. — Похоже, это единственное место в городе, не покрытое вековой пылью. И посмотри на доску объявлений. Там расписание воскресных проповедей.

Вики взглянула на объявление под стеклом: ГНЕВ И МИЛОСТЬ ТОГО, КТО ПРОХОДИТ В ПОЛЯХ.

Внизу была дата: 27 июля 1976 года. Прошрое воскресенье.

Берт заглушил двигатель и сказал:

— Тот, Кто Проходит в Полях. Надо думать, одно из девяти тысяч имен Господних, принятых исключительно на территории штата Небраска. Ты идешь?

Вики даже не улыбнулась.

— Я никуда не пойду.

— Ладно, как скажешь.

— Я не была в церкви, с тех пор как сбежала из дома. Я не хочу заходить ни в какую церковь. И уж тем более в *эту* церковь в *этом* городке. Мне страшно, Берт. Неужели ты не понимаешь? Давай уедем.

— Я всего на минутку.

— У меня есть ключи от машины. Если ты не вернешься через пять минут, я уеду сама. Без тебя.

— Нет, погоди...

— Я уеду сама. Да, Берт, уеду. Если только ты не отберешь ключи силой. Ты на это способен, я знаю.

— Но ты уверена, что до этого не дойдет.

— Думаю, не дойдет.

Ее сумочка лежала на сиденье между ними. Берт быстро схватил ее. Вики вскрикнула и попыталась ухватиться за ремешок, но Берт отвел руку подальше, и Вики не дотянулась. Он

не стал рыться в сумке, а просто открыл ее, перевернул и вытряхнул все на сиденье. Салфетки, косметика, мелкие монетки, смятые листочки со списками покупок, ключи от машины. Вики хотела их перехватить, но Берт вновь ее опередил: забрал ключи и спрятал в карман.

— Зачем ты так? — Вики расплакалась. — Отдай!

Он недобро усмехнулся:

— Не отдам.

— *Берт, пожалуйста! Мне страшно!* — Она протянула руку, умоляюще глядя на мужа.

— Ты бы подождала две минуты и решила, что этого более чем достаточно.

— Нет, я бы...

— А потом ты бы уехала и еще посмеялась бы: «Так ему, дураку, и надо. Будет знать, как со мной спорить!» Это же твой главный принцип семейной жизни: «Все должно быть по-моему, а если Берт не согласен, то сам дурак. Будет знать, как со мной спорить».

Он вышел из машины.

— Берт, пожалуйста... — умоляюще проговорила она, перегнувшись на водительское место. — Послушай... я знаю... можно же позвонить по телефону... Давай уедем из этого города! И позвоним из первого же автомата, который попадется по пути... У меня много мелочи. Просто ведь можно же что-то придумать... *Не оставляй меня, Берт. Не оставляй меня одну!*

Он захлопнул дверцу, привалился к машине, крепко зажмурился и пару секунд постоял, давя на глаза большими пальцами. Вики стучала кулаками в боковое стекло и выкрикивала его имя. М-да... Его женушка произведет неизгладимое впечатление на представителей местных властей, когда он наконец-то разыщет кого-нибудь, кто заберет тело мальчика. Поистине неизгладимое впечатление.

Он развернулся и направился по мошеной дорожке к входу в церковь. Минуты две-три, не больше. Он просто заглянет — и сразу назад. Вполне вероятно, что церковь и вовсе закрыта.

Но двери открылись, бесшумно и плавно, на хорошо смазанных петлях («Смазанных с трепетным благоговением», — почему-то подумал Берт, и ему стало смешно), и он вошел в

притвор, где было сумрачно и прохладно. Даже, наверное, холодновато. Глаза не сразу привыкли к полумраку.

Берт осмотрелся. Первое, на что упал взгляд, — пыльные деревянные буквы, сваленные кучей в дальнем углу. Он подошел поближе рассмотреть их, из чистого любопытства. С виду они казались такими же старыми и заброшенными, как и календарь на стене в гриль-баре, в отличие от остального убранства церкви, где было чисто и прибрано. Каждая буква — высотой фута в два. Очевидно, когда-то они составляли целую фразу. Берт разложил их на ковре — букв было шестнадцать — и попытался составить что-то осмысленное. ГОРОДЕЛКА БИТА ВЬЦ. Нет, явно не то. ДВЕРЬ ИКОТА БОГ ЦЛА. Опять полный бред. И вообще, хватит страдать идиотизмом. Пока он тут занимается глупостями, переставляя буковки, Вики сходит с ума в машине. Берт уже собирался уйти, как вдруг его осенило. Он же в церкви! Конечно! Он быстро составил слово ЦЕРКОВЬ. А из оставшихся букв через две-три попытки сложилось слово БЛАГОДАТИ. Ну да! Конечно! Ведь есть же такая баптистская церковь! Видимо, раньше здесь была надпись над входом. А потом ее сняли, буквы свалили в углу, стену покрасили заново, и от прежней надписи теперь и следа не осталось.

Но почему?

Ответ напрашивался сам собой: потому что здесь больше нет никакой баптистской церкви. А есть другая... Вот только какая? Берт невольно поежился. Почему-то этот простой вопрос отозвался в его душе смутным страхом. Он быстро поднялся, отряхивая руки от пыли. Ну подумаешь, сняли надпись над входом! И что с того? Может, здесь теперь филиал церкви «Что тут у нас происходит» короля юмора Флипа Уилсона*.

Кстати, хороший вопрос: что тут у них происходит?

Берт решил не ломать себе голову над ответом и открыл дверь, ведущую из притвора в помещение самого храма. Оказавшись внутри, он взглянул в сторону нефа, и его сердце сжалось от страха. Он нервно втянул носом воздух, и в многозначительной сумрачной тишине его вдох прозвучал как-то уж слишком громко.

* Флип Уилсон — первый афроамериканский исполнитель, которому дали возможность вести собственное шоу на американском телевидении.

Почти всю стену за кафедрой занимало огромное изображение Христа. Берт подумал: «Вики бы точно сейчас заорала как резаная и забилась в истерику».

Христос ухмылялся — этакой хитроватой ухмылкой. Его широко распахнутые глаза неприятно напоминали глаза Лона Чейни в «Призраке оперы». В больших черных зрачках пылал огонь, в котором горели какие-то люди (предположительно грешники). Но самое странное — у Христа были зеленые волосы, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении молодыми кукурузными побегами. Нарисовано грубо, но впечатление производит убийственное. Словно картинка из комикса, сделанного одаренным ребенком, — ветхозаветный, а то и вовсе языческий Христос, не наставляющий свою паству, а ведущий ее на заклание.

По левую руку, между кафедрой и первым рядом церковных скамеек, стоял орган, и поначалу Берт даже не понял, что с ним не так. Он подошел ближе и с ужасом обнаружил, что клавиши выдраны, клапаны раскурочены... а трубы забиты сухими кукурузными листьями. Над органом висела табличка, написанная от руки аккуратными печатными буквами: НЕ СОТВОРИ ИНОЙ МУЗЫКИ, КРОМЕ КАК РЕЧЬЮ, ДАННОЙ НАМ ГОСПОДОМ, — СКАЗАЛ ИИСУС.

Вики была права. Здесь явно творятся какие-то странные — страшные — вещи. Берт подумал, что, может быть, стоит немедленно вернуться в машину и уехать из этого города как можно скорее, и черт с ней, с городской управой. Но ему не хотелось сдаваться так быстро. «Давай уж начистоту, — сказал он себе. — Тебе просто хочется, чтобы она там сходила с ума и мучилась по полной программе, прежде чем ты вернешься и признаешь ее правоту».

Он решил, что еще чуть-чуть — и он вернется.

А пока все же посмотрит, что здесь и как.

Берт направился к кафедре, размышляя примерно в таком ключе: Гатлин располагается у дороги, а значит, сюда постоянно кто-то заезжает. У здешних жителей наверняка есть родственники и друзья в соседних городках. Полиция штата должна время от времени патрулировать город. А инспектора из компании по энергосбыту? Светофор не работал. Если бы в городе

в течение двенадцати лет не было электричества, уж кто-то бы это заметил, правильно? Отсюда вывод: ничего страшного в Гатлине произойти не могло. Бояться нечего.

Но его все равно пробирал озноб.

Берт поднялся на возвышение, где стояла кафедра — четыре ступеньки, застеленные ковром, — и окинул взглядом пустые скамьи, тускло мерцавшие в полумраке. Он буквально физически ощущал, как ему в спину вливается взгляд жутких, явно не христианских глаз.

На аналое лежала толстенная Библия, открытая на тридцать восьмой главе Книги Иова. Берт прочел: «Господь отвечал Иову из бури и сказал: Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?.. Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь». Господь. Тот, Кто Проходит в Полях. *Скажи, если знаешь.* И прими благодать кукурузы.

Он принялся лихорадочно перелистывать Библию. Страницы сухо зашелестели в тишине пустой церкви — наверное, так перешептывались бы привидения, если бы они существовали. Хотя, когда попадаешь в подобное место, очень просто поверить и в привидения, и вообще в любую чертовщину. Из Библии были вырезаны целые куски. В основном — из Нового Завета. Кто-то изрядно подправил старого доброго короля Якова с помощью ножниц.

Но Ветхий Завет остался нетронутым.

Берт уже собирался спуститься с кафедры, как вдруг заметил еще одну книгу на нижней полке. Должно быть, в ней записаны даты венчаний, конфирмаций и похорон.

Берт взял книгу в руки и невольно поморщился, прочитав надпись, неумело выдавленную на обложке позолоченными буквами: И СКАЗАЛ ГОСПОДЬ: «И ДА СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ И УДОБРЯТ ЗЕМЛЮ, ДАБЫ ВНОВЬ ДАЛА ВСХОДЫ».

У них тут, похоже, все мысли в одном направлении, и Берт уже вроде бы понял — в каком, но ему это было нисколько не интересно.

Он открыл книгу на первой разлинованной странице. Сразу видно, что записи делал ребенок. Где-то чернила стирали специальной резинкой, чтобы исправить ошибки. Ошибок, кста-

ти, не было. Но буквы были большие, по-детски нескладные. Скорее нарисованные, чем написанные. Берт начал читать с первой страницы:

Амос Дейган (Ричард) 4 сент. 1945 — 4 сент. 1964
Исаак Ренфру (Уильям) 19 сент. 1945 — 19 сент. 1964
Софония Кирк (Джордж) 14 окт. 1945 — 14 окт. 1964
Мария Уэллс (Роберта) 12 ноября 1945 — 12 ноября 1964
Иеремия Холлис (Эдвард) 5 янв. 1946 — 5 янв. 1965

Хмурясь, Берт пролистал все книгу. Ближе к концу вторая колонка с датами резко и окончательно обрывалась:

Рахиль Стигмен (Донна) 21 июня 1957 — 21 июня 1976
Моисей Ричардсон (Генри) 29 июля 1957
Малахия Бордмен (Крейг) 15 августа 1957

Последняя запись: «Руфь Клоусон (Сандра) 30 апреля 1961». Берт еще раз заглянул под кафедру и увидел на нижней полке еще две книги. На первой была та же надпись «И ДА СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ», а внутри — точно такие же записи в две колонки: имя и дата рождения. *Сентябрь 1964 года* начинался с Иова Гилмана (Клейтона), который родился 6 сентября. А дальше шла Ева Тобин: 16 июня 1965 года. Просто Ева, без второго имени в скобках.

Третья книга была чистой.

Берт задумался.

Что-то случилось здесь в 1964-м. Что-то, связанное с религией, кукурузой... и детьми.

Благослови нам, Господи Боже наш, год сей и все его урожаи, аминь.

И занесли уже жертвенный нож над агнцем... но был ли то агнец, вот в чем вопрос! Может, весь городок поразила какая-то религиозная мания? Они здесь одни, на отшибе, отрезанные от мира бесконечными полями сплошной кукурузы, шепчущей ветру свои секреты. Совершенно одни, под необъятным небесным сводом. Одни под недремлющим взором Господа, этого странного зеленоволосого Бога, Бога кукурузных посевов —

такого старого, неумолимого и ненасытного. Того, Кто Проходит в Полях.

Берту вдруг стало не по себе.

Вики, хочешь, я расскажу тебе сказку? Про Амоса Дейгана, который родился 4 сентября 1945 года и получил при крещении имя Ричард? Амосом он стал в 1964-м. Амос, кстати, — нормальное ветхозаветное имя. Был такой библейский пророк. Так вот, Вики, слушай, что с ним приключилось... только не смейся... этот самый Дик Дейган и его друзья: Билли Ренфру, Джордж Кирк, Роберта Уэллс, Эдди Холлис и все остальные — вдруг преисполнились религиозного рвения и перебили своих родителей. Всех до единого. Весело, правда? Застрелили в постели, во сне. Зарезали в ванной. Отравили, повесили, выпотрошили, как цыплят... в общем, так или иначе. Эти дети убили своих родителей.

Почему? Из-за кукурузы. Не знаю, может, она погибала. И они почему-то решили, что так получилось из-за людских прегрешений. Потому что все забыли о Боге и перестали приносить ему жертвы. И они взялись это исправить — прямо на поле, среди кукурузы.

И знаешь, Вики, я абсолютно уверен, что они определили себе крайний срок жизни: девятнадцать лет, и ни днем больше. Герой нашей сказки, Ричард Дейган, который потом стал Амосом... ему исполнилось девятнадцать 4 сентября 1964 года. Вторая дата в церковной книге. Дата смерти. Я думаю, его убили. Принесли в жертву на кукурузном поле. Правда, дурацкая сказка?

А теперь смотри: Рахиль Стигмен, которая до 1964-го была Донной, исполнилось девятнадцать в этом году. 21 июня, месяц назад. Моисей Ричардсон родился 29 июня. Через три дня у него день рождения. Ему исполняется девятнадцать. Как ты думаешь, что произойдет с Моисеем двадцать девятого?

Догадайся с трех раз.

Берт облизнул пересохшие губы.

И еще одно, Вики. Смотри. Иов Гилман (Клейтон) родился 6 сентября 1964 года. А потом до 16 июня 1965-го здесь, в Гатлине, никто не рождался. Перерыв в десять месяцев. Знаешь, как я это себе представляю? Они убили своих родителей. Всех до единого. Даже беременных матерей. А в октябре 1964-

го одна из *них* забеременела. Шестнадцати- или семнадцати-летняя девчонка. Она забеременела и родила Еву. *Еву. Первую женщину.*

Берт принялся лихорадочно перелистывать книгу, пока снова не нашел запись о Еве Тобин. Сразу за ней шел Адам Гринлоу. 11 июля 1965-го.

Им сейчас по одиннадцать, подумал Берт, и его снова проbral озноб. И они, может быть, прячутся где-то поблизости. Где-то здесь.

Как такое возможно, чтобы никто ничего даже не заподозрил за столько лет?! Так не бывает...

Разве что с одобрения их кукурузного Господа.

— О Боже! — прошептал Берт в глухой тишине, и в ту же секунду до него донесся автомобильный гудок. Долгий, настойчивый, непрерывный.

Берт спрыгнул с кафедры и побежал по центральному проходу. Распахнул дверь и выскочил на крыльцо, навстречу слепящему жаркому свету. Вики сидела на водительском месте, давя на клаксон обеими руками и отчаянно мотая головой. Отовсюду к машине сходились дети. С радостным смехом они размахивали топорами, ножами, обрезками труб, молотками, камнями. Маленькая девчушка с красивыми длинными золотистыми волосами — ей было лет восемь, не больше — держала в руках ручку домкрата. Деревенское оружие. Никаких самопалов и ружей. Берт еле сдержался, чтобы не закричать: «Кто из вас Ева? А кто Адам? Где здесь мамы? Где дочери? Где сыновья? Где отцы?»

Ответь, если знаешь.

Они выходили из боковых улиц, из сквера на площади, со школьного двора, огороженного сетчатым забором. Одни равнодушно поглядывали на Берта, застывшего на ступенях церковного крыльца. Другие толкали друг друга локтями, показывали на него пальцем и улыбались, как улыбаются дети, радостно и невинно.

Девочки были одеты в длинные коричневые платья из шерстяной пряжи и светлые, вылинявшие чепцы. Мальчики напоминали квакерских пасторов: все в одинаковых черных костюмах и широкополых шляпах. Они приближались к машине со всех сторон. Несколько человек прошли через двор бывшей бап-

тистской церкви, совсем близко от Берта, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки.

— Ружье! — крикнул Берт. — Вики, возьми ружье!

Но она уже ничего не соображала от страха. Это было заметно даже отсюда, с церковного крыльца. К тому же Берт сомневался, что она слышит его в машине с закрытыми окнами.

Дети окружили «тандерберд», сомкнувшись. На машину со всех сторон обрушились топоры, тесаки, куски металлических труб. «Господи, неужели все это происходит на самом деле?!» — подумал Берт, не в силах сдвинуться с места, словно его вдруг разбил паралич. От борта отвалилась хромированная стрела. Фирменный знак отлетел от капота. Ножи пропороли все четыре шины. Гудок продолжал надрываться. Лобовое стекло и боковые окна сделались матовыми, непрозрачными и пошли мелкими трещинками под ударами топоров и молотков... а потом безопасное небьющееся стекло все-таки поддалось и рассыпалось мелкими осколками, брызнувшими в салон, и Берту вновь стало видно, что происходит в машине. Вики сжалась в комок на сиденье, одной рукой прикрывая лицо, а другой по-прежнему давя на клаксон. Нетерпеливые детские руки потянулись в салон, пытаясь нащупать кнопку, открывавшую замок дверцы. Вики отчаянно отбивалась. Гудок зазвучал с переборами, а потом умолк.

Смятая, побитая дверца открылась. Дети схватили Вики и попытались вытащить наружу, но она мертвой хваткой вцепилась в руль. Кто-то из них наклонился поближе, с ножом в руке, и... и вот тут Берт наконец вышел из ступора, прыгнул с крыльца и со всех ног рванул к машине. Один из мальчишек — лет шестнадцать, не больше — с длинными рыжими волосами, выбивавшимися из-под шляпы, обернулся к нему этак небрежно, как бы вскользь, и что-то сверкнуло в воздухе. Левая рука Берта дернулась, словно ее резко рванули назад, и на мгновение его посетила абсурдная мысль, что парень ударил его на расстоянии. А потом предплечье пронзило болью — такой внезапной и острой, что у него потемнело в глазах.

Берт с тупым удивлением взглянул на свою руку, из которой торчал складной нож, похожий на странный нарост. Рукав рубашки медленно наливался красным. Время как будто оста-

новилось. Берт все смотрел и смотрел на свою руку и никак не мог понять, почему у него из руки вдруг вырос нож... ведь так не бывает... не может быть.

Когда он наконец поднял взгляд, парень с рыжими волосами был уже совсем рядом. Он улыбался, уверенный, что Берт никуда не денется.

— Ах ты скотина... — Голос Берта дрожал и срывался.

— Обрати свою душу и помыслы к Богу, ибо предстанешь сейчас перед Его престолом. — Парень с рыжими волосами резко выбросил руку вперед, целясь Берту в глаза.

Берт отшатнулся, вырвал нож у себя из своей руки и вонзил рыжему в горло. Хлынула кровь. Алый фонтан брызнул прямо на Берта. Рыжеволосый мальчишка с глухим булькающим звуком пошел по широкой дуге, пытаясь выдернуть нож из горла, но он засел намертво. Берт смотрел на парнишку как завороченный. Это все — не на самом деле. Это просто сон. Дурной сон. Рыжий мальчишка медленно шел по кругу и тихо хрипел. И кроме этого хрипа никаких других звуков не было. Все как будто застыло в жарком послеполюденном мареве. Другие дети стояли, в потрясенном молчании наблюдая за происходящим.

Это не по сценарию, подумал Берт в полном оцепенении. Такого в сценарии не было. Мы с Вики — были. И тот мальчик в зарослях кукурузы, который пытался спастись. Да, и он тоже. Но не эти другие. Он смотрел на детей, и внутри у него все бурлило от ярости. Ему хотелось закричать: «Что, не ждали?!»

Рыжий мальчишка издал последний, едва слышный хрип и упал на колени. Пару секунд он смотрел прямо на Берта, а потом его руки бессильно упали, выпустив рукоятку ножа, и он плашмя повалился на землю.

Среди детей, окружавших машину, пробежал тихий шелест. Как будто прежде они задержали дыхание, а теперь выдохнули, все разом. Они смотрели на Берта. Берт смотрел на них. Смотрел, не осознавая происходящее... и только потом до него дошло, что Вики уже нет в машине. Ее вообще нигде нет.

— Где она? — спросил он. — Что вы с ней сделали?

Один из мальчишек приставил к горлу испачканный кровью охотничий нож, выразительно чиркнул им в воздухе и ухмыльнулся. Это и было ответом.

Откуда-то из задних рядов донесся тихий голос юноши по-старше:

— Взять его.

Мальчишки угрожающе двинулись на Берта. Он принялся отступать. Они прибавили шаг. Он тоже ускорился. Черт, ему бы ружье! Но до него не добраться. Никак. Темные тени мальчишек уже подбирались к нему по зеленой лужайке на церковном дворе... а потом Берт вышел на тротуар. Развернулся и побежал.

— *Убейте его!* — раздался крик у него за спиной, и дети бросились следом за ним.

Он бежал со всех ног, но все-таки видел, куда бежит. Обогнул здание городской управы — внутрь было нельзя: там его сразу загонят в угол, — и выскочил на Главную улицу, которая буквально через пару кварталов переходила в шоссе, уводящее из города прочь. Если бы он послушал жену, сейчас они были бы уже далеко-далеко отсюда.

Подошвы его мокасин шлепали по асфальту. Впереди показало еще несколько общественных зданий, в том числе «Кафе-мороженое "Гатлин"» и — кто бы сомневался! — кино-театр «Киноклуб». На запыленной, заляпанной грязью афише еще можно было прочесть: ТОЛ О НА Э ОЙ НЕ ЕЛЕ ЭЛИ А ЕТ ТЕЙЛОР КЛЕОПА РА. За следующим перекрестком была автозаправка, город заканчивался, начинались поля кукурузы. Сплошное зеленое море стеблей по обеим сторонам дороги.

Берт бежал. Ему уже не хватало дыхания. Раненая рука разболелась не на шутку. Кровь, вытекавшая из раны, капала на асфальт. Берт на бегу вытащил из кармана носовой платок и засунул под рукав.

Он бежал. Подошвы мокасин глухо стучали по растрескавшемуся асфальту, дыхание рвалось из горла горячим скрежещущим хрипом. Рука налилась обжигающей болью. В голове билась одна-единственная едкая мысль: сможет ли он пробежать до ближайшего города, хватит ли сил на то, чтобы пробежать двадцать миль по щебеночно-асфальтовому проселку?

Он бежал. За спиной слышались крики и топот ног. Дети. Они нагоняли его. Они были моложе, выносливее, быстрее. Они улюлюкали и радостно перекрикивались друг с другом. Им было

весело. Да уж, подумал Берт без всякой связи, это значительно веселее, чем пожар высочайшей категории сложности. Им потом будет что вспомнить.

Он бежал.

Каждый вдох отдавался в груди резкой, саднящей болью. Берт уже миновал автозаправку на самой окраине городка. Теперь у него оставался единственный выход. Единственный шанс уйти от погони и спасти свою жизнь. Дома закончились, город закончился. Осталась только дорога и зеленое море стеблей кукурузы, подступавшее к самому краю дороги с обеих сторон. Зеленые мечевидные листья тихо шелестели под ветром. Там, в глубине кукурузного поля, среди этих стеблей высотой в человеческий рост, будет прохладная тень. Там будет тень и прохлада.

Он пробежал мимо знака с надписью: **ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГАТЛИН, ЛУЧШИЙ ГОРОДОК ВО ВСЕМ ШТАТЕ НЕБРАСКА — И НА ВСЕМ БЕЛОМ СВЕТЕ! ПРИЕЗЖАЙТЕ ЕЩЕ!**

«Всенепрременно приеду», — мрачно подумал Берт.

Он пробежал мимо знака, как спринтер, пересекающий финишную черту, резко свернул налево, пересек дорогу и сбросил мокасины. И вот он уже в зарослях кукурузы. Шуршащие стебли сомкнулись у него за спиной. Сомкнулись над головой, словно волны зеленого моря. Принимая его. Пряча его. Он испытал несказанное облегчение — ощущение было внезапным и острым, — и в ту же секунду у него неожиданно открылось второе дыхание. Легкие, которые, казалось, сжались в тугий комок, вдруг разомкнулись, и он опять задышал.

Он бежал прямо, по тому ряду, через который вошел на поле. Бежал, задевая плечами листья, отчего те дрожали. Преодолев ярдов двадцать, свернул направо. Теперь он бежал параллельно дороге — бежал, пригнувшись, чтобы его темноволосую голову не заметили среди желтых кукурузных метелок. Стараясь запутать следы, он взял чуть правее, в сторону дороги, пересек несколько рядов, потом повернулся спиной к шоссе и принялся беспорядочно перебегать от одного ряда к другому, углубляясь все дальше и дальше в поле.

Наконец он упал на колени и прижался лбом к земле. Он слышал лишь звук своего собственного тяжелого дыхания, и в

голове крутилась одна-единственная мысль: «Слава Богу, я бросил курить, слава Богу, я бросил курить, слава Богу...»

А потом он слышал голоса — дети перекрикивались между собой, а иногда и натывались друг на друга («Эй, это мой ряд!»), — слышал и приободрился. Они были достаточно далеко слева, и, судя по всему, системы в их поисках не было никакой.

Берт вытащил из-под рукава носовой платок, которым затыкал рану, и осмотрел порез. Кровотечение вроде бы прекратилось, хотя по идее после такой интенсивной физической нагрузки кровь должна была течь и течь. Берт сложил платок и снова засунул под рукав.

Он решил отдохнуть еще пару секунд и вдруг с удивлением понял, что ему *хорошо*. Если не брать в расчет боль в руке, то в плане физического самочувствия он себя чувствовал просто прекрасно — наверное, впервые за несколько лет. Он словно получил хороший заряд бодрости и неожиданно нашел очень простое (пусть даже и совершенно безумное) решение, как одним махом избавиться от проблемы, над которой бился почти два года, пытаясь бороться со злыми бесами, что испортили их с Вики брак, высосав из него все соки.

Ему стало стыдно за эти мысли. Это какие-то не те мысли — совершенно неправильные. Его жизнь в опасности. Жену увели неизвестно куда. Может, ее уже нет в живых. Берт попытался представить лицо Вики, чтобы прогнать это странное, неуместное ощущение радостной легкости, но у него ничего не вышло. Вместо лица жены перед глазами встал образ рыжеволосого парня с ножом, вонзенным в горло.

Берт только теперь ощутил аромат созревающей кукурузы. Он был везде, этот запах. Ветер, качавший верхушки стеблей, напоминал чьи-то голоса. Мягкие, утешающие. Что бы здесь ни творилось именем этой самой кукурузы, сейчас она стала ему защитой.

Но они приближались.

Берт опять побежал, беспорядочно меняя ряды и стараясь держаться так, чтобы голоса ищущих его детей всегда оставались по левую руку, но с каждой новой минутой это давалось ему все труднее и труднее. Голоса сделались тише, и нередко

шелест зеленых стеблей полностью их заглушал. Берт бежал, замирал на мгновение, прислушивался. Бежал дальше. Земля была хорошо утрамбована, и его ноги в одних носках практически не оставляли следов.

Он бежал очень долго, а когда наконец остановился, солнце, которое теперь было справа, уже склонялось к горизонту, алое и воспаленное. Берт взглянул на часы: четверть восьмого. Солнце окрасило верхушки кукурузных стеблей в красноватое золото, но здесь, ближе к земле, тени были густыми и совсем-совсем темными. Берт прислушался. С приближением заката ветер стих, и кукуруза стояла молчаливая и неподвижная, наполняя теплый нагретый воздух ароматом безудержного созревания. Если они — те, кто искал его в зарослях кукурузы, — еще не ушли с поля, то они либо были сейчас далеко-далеко, либо затаились и тоже прислушивались к тишине. Впрочем, Берт сомневался, что большая компания детей, пусть даже и сумасшедших детей, сможет так долго хранить молчание. Скорее всего они поступили совсем подетски, не считаясь с возможными последствиями своего поступка: забросили поиски и разошлись по домам.

Он повернулся лицом к заходящему солнцу, красневшему в прорези в облаках низко над горизонтом, и пошел в ту сторону. Если двигаться по диагонали сквозь ряды кукурузы, так чтобы солнце всегда было прямо по курсу, рано или поздно он выйдет к шоссе номер 17.

Боль в руке превратилась в приглушенную пульсацию. Ощущение было почти приятным. Берта не покидало хорошее настроение. Он решил, что на данный момент можно и не терзаться по этому поводу. Чувство вины непременно вернется, когда он станет объясняться с властями и рассказывать о том, что случилось в Гатлине. Но это будет потом.

Он шел сквозь заросли кукурузы и думал, что еще никогда в жизни не испытывал такой пронзительной остроты ощущений. Солнце уже опускалось за горизонт. Минут через пятнадцать от красного круга осталась лишь половина. Что-то заставило Берта остановиться. Его обострившееся восприятие уловило какие-то изменения, они ему не понравились. Ощущение было... смутно тревожным, пугающим.

Берт прислушался. Кукуруза шелестела.

Да, он и до этого слышал ее тихий шелест, но только теперь до него дошло, в чем тут странность. Ветра не было. Как такое возможно?

Он настороженно осмотрелся, почти уверенный, что вот-вот из зеленых зарослей выскочат улыбающиеся мальчишки в черных квакерских пиджаках и с ножами в руках. Но его опасения оказались напрасными. Кукуруза по-прежнему шелестела. Звук доносился откуда-то слева.

Берт пошел в ту сторону. Ему уже не приходилось продираться сквозь заросли. Ряд, по которому он шел, вел его именно в том направлении, что было нужно. Потом ряд закончился. Закончился? Нет, просто вывел его на поляну. Шелест доносился оттуда.

Берт замер на месте. Ему вдруг стало страшно.

Запах кукурузы был настолько густым и насыщенным, что каждый вдох оставлял приторно-сладкий привкус. Кукуруза, нагретая солнцем, хранила тепло, накопившееся за день, и Берт только теперь осознал, что он весь мокрый от пота. И весь облеплен какими-то чешуйками и кукурузными рыльцами, тонкими, как паутинка. По идее сейчас по нему должны ползати десятки жучков-паучков... но они почему-то не ползали.

Он стоял неподвижно, глядя на эту поляну. Большой круг голой земли.

Здесь не было ни комаров, ни мух, ни мелкой мошкеры — всех этих летучих букашек, которые так донимали их с Вики, когда Берт еще только обхаживал свою будущую жену и возил ее в кинотеатр на открытом воздухе. Они называли их «киномошки», вспомнил он с неожиданной ностальгической грустью. Ворон, кстати, тоже не было видно. Как-то странно... кукурузное поле — и без ворон!

В угасающем свете дня Берт внимательнее присмотрелся к ближайшим к нему кукурузным стеблям. Каждый лист, каждый стебель — все безупречно, без единого изъяна. Но так не бывает. Ни одного бурого пятнышка. Ни одного рваного или сухого листочка, никаких гусениц и личинок, ни одной червоточинки, ни одного...

Берт удивленно нахмурился.

Господи, ни одного сорняка!

Ни единого. Только ровные ряды кукурузных стеблей, растущие на расстоянии в полтора фута один от другого. Ни лопухов, ни полыни, ни лаконоса, ни пырея, ни осота — ничего.

Берт поднял глаза. Солнце уже почти село. Облака плыли низко над горизонтом. Золотое свечение под ними бледнело, окрашиваясь розовым и блекло-желтым. Уже скоро стемнеет.

И пока не стемнело, надо выйти на эту поляну и посмотреть, что там такое, — ведь так все и было задумано, да? Все это время, пока Берт мчался по полю в полной уверенности, что выберется к шоссе, его вели к этому месту.

Обмирая от страха, он дошел до конца ряда и встал на самом краю поляны. Хотя день уже угасал, света было достаточно, так что Берт все увидел. Он не смог закричать. Из легких как будто выкачали весь воздух. Ему вдруг стало трудно дышать. Он прошел чуть вперед на негнушихся, деревянных ногах. Он смотрел и не верил своим глазам.

— Вики, — прошептал он. — О Господи, Вики...

Это было так страшно. Ее распяли на грубо сбитом кресте, прикрутив руки и ноги колючей проволокой, что продается по семьдесят центов за ярд в любой скобяной лавке штата Небраска. Ей вырвали глаза, а глазницы набили кукурузными рыльцами. Рот, раскрытый в беззвучном крике, заткнули зелеными обертками кукурузных початков.

На другом кресте, слева от Вики, висел скелет в полусгнившем стихаре. Казалось, скелет ухмылялся. Его пустые глазницы чуть ли не весело смотрели на Берта, как будто бывший служитель баптистской церкви Благодати пытался сказать: «Это не так уж и плохо, когда маленькие дьяволята-язычники приносят тебя в жертву на кукурузном поле; это не так уж и плохо, когда тебе вырывают глаза по Моисеевым законам; это не так уж и плохо, когда...» Слева от скелета в стихаре был еще один — в синем форменном кителе и надвинутой на глаза фуражке с зеленой кокардой: «Начальник полиции».

А потом Берт услышал шаги: не детей, а кого-то другого — кого-то огромного, кто пробирался по полю и уже приближался к поляне. Это были не дети, нет. Они никогда бы не осмелились войти в кукурузные заросли ночью. Это было священное место, место Того, Кто Проходит в Полях.

Берт развернулся, хотел бежать, но прохода, что вывел его на поляну, уже не было. Ряды кукурузы сомкнулись. Все ряды, все до единого. А тот, другой — он приближался. Берт слышал, как он пробирается сквозь плотные заросли кукурузы. Слышал его дыхание. Берт застыл в странном оцепенении, охваченный экзотическим первобытным ужасом. Шаги были уже совсем близко. Кукуруза на дальней стороне поляны внезапно потемнела, словно ее накрыла гигантская тень.

Он пришел.

Тот, Кто Проходит в Полях.

Вот он уже выбирается на поляну. Берт увидел нечто огромное, закрывшее собой полнеба... нечто зеленое, с красными горящими глазами, каждый — размером с футбольный мяч.

От него пахло, как пахнет от сухих кукурузных оберток, много лет пролежавших в каком-нибудь темном амбаре.

Берт закричал. Но кричал он недолго.

А чуть погодя в небе возшла полная луна, набухшая оранжевым светом.

В полдень дети кукурузы собрались на круглой поляне, где к двум распятым скелетам теперь прибавились еще два тела, которые пока не превратились в скелеты, но потом превратятся. Со временем. Ибо здесь, в самом сердце Небраски, посреди кукурузных полей, времени было в избытке. Здесь не было ничего, кроме времени.

— Слушайте все! Был мне сон нынче ночью. Явился Господь предо мной и со мной говорил.

Все повернулись к Исааку и замерли в благоговейном страхе. Все до единого, даже Малахия. Исааку было всего девять лет, но он стал Пророком еще в прошлом году, когда кукуруза забрала Давида. Давиду исполнилось девятнадцать, и в свой день рождения он ушел в кукурузу, как только вечерние сумерки спустились на летнее поле.

Лицо маленького Исаака было насупленным и серьезным. Он продолжал:

— Во сне Господь явился мне тенью, что проходит в полях, и обратился ко мне с наставлением, как Он обращался когда-то к нашим старшим братьям. Он весьма недоволен последней жертвой.

Они затаили дыхание, испуганно глядя на зеленые стебли, что окружали поляну сплошной стеной.

— И сказал Господь: «Разве я не дал вам места для жертвенного заклания, дабы вы там оставляли свои приношения? Разве я не даровал вам свою благодать? Но сей человек совершил святотатство в моих пределах, и я самовольно принес его в жертву. Как полицейского, как подложного священника, которые тоже пытались сбежать».

— Как полицейского... как подложного священника, — шепотом повторили они, встревоженно переглядываясь друг с другом.

— А посему Возраст Благодати теперь исчисляется не девятнадцатью урожаями, как было прежде, а восемнадцатью, — сурово и непреклонно продолжал Исаак. — Плодитесь и размножайтесь, как плодится сама кукуруза, дабы милость моя пребывала с вами и впредь.

Исаак замолчал.

Теперь все смотрели на Иосифа и Малахию, которым уже исполнилось восемнадцать. На поляне таких было двое. Но в городе были и другие восемнадцатилетние. Всего, наверное, человек двадцать.

Все ждали, что скажет Малахия — Малахия, предводитель охоты на Иафета, который отныне и впредь будет известен под именем Ахаз, проклятый Богом. Именно он, Малахия, перерезал Ахазу горло и вытолкнул из кукурузы, дабы тело богоотступника не осквернило священные посевы.

— Я подчиняюсь Господней воле, — прошептал Малахия. Кукуруза одобрительно зашелестела.

В ближайшие пару недель девочкам предстоит сделать немало кукурузных распятий, дабы отвратить зло.

В тот же вечер все, кто достиг Возраста Благодати, молча ушли в кукурузу — обрести бесконечную благодать Того, Кто Проходит в Полях.

— До свидания, Малахия! — крикнула Руфь, безутешно махая рукой. Она носила под сердцем ребенка Малахии, и тихие слезы текли по ее щекам. Малахия не обернулся. Он уходил с высоко поднятой головой. Кукурузные стебли сомкнулись за ним.

Руфь отвернулась, давясь слезами. Втайне она ненавидела кукурузу и мечтала о том, чтобы взять в каждую руку по факелу и войти в эти заросли — но не сейчас, а в сухом сентябре, когда стебли совсем пересохнут и загорятся от первой же искры. И в то же время ей было страшно. Там, в кукурузных полях, по ночам ходил кто-то, кто видел все... даже самые сокровенные тайны, спрятанные в глубине человеческих сердец.

Небо совсем потемнело, настала ночь. Вокруг Гатлина шелестела довольная кукуруза. Ей угодили на славу.

**10 моих самых любимых
экранизаций**
(в алфавитном порядке)

- 1408
- Буря столетия
- Долорес Клэйборн
- Зеленая миля
- Куджо
- Мгла
- Мизери
- Останься со мной
- Побег из Шоушенка
- Способный ученик

Содержание

1408. <i>Перевод В. Вебера</i>	5
«Мясорубка» (Давилка). <i>Перевод Н. Рейн</i>	49
Низкие люди в желтых плащах	
(Сердца в Атлантиде). <i>Перевод И. Гуровой</i>	79
Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка	
(Побег из Шоушенка). <i>Перевод Б. Самарханова</i>	333
Дети кукурузы. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	439
10 моих самых любимых экранизаций	477

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
Стивен Кинг идет в кино

Сборник

Ответственный редактор *А. Батурина*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 30.07.2019. Формат 84х108 1/32.

Печать офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. печ. л. 25,2. Тираж 4000 экз. Заказ № 43606.

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705,
пом. 1, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru. Интернет-магазин: www.book24.ru.

E-mail: neoclassic@ast.ru. ВКонтakte: vk.com/ast_neoclassic.

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ., Домбровский қос., 3-а., Б.лігтері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90, 91,

факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz

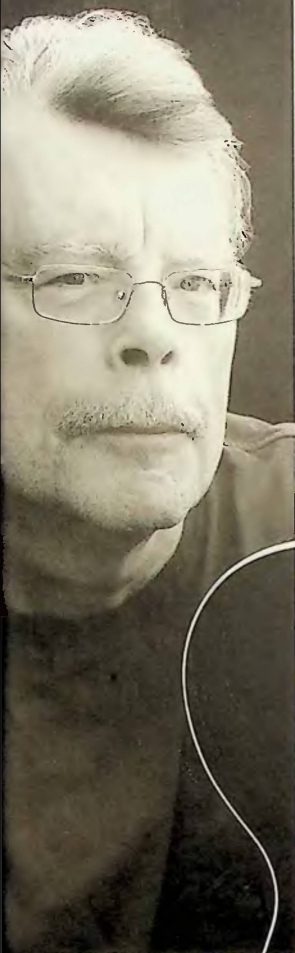
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2019

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в АО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени. Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем. Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов. Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

В этом сборнике Стивен Кинг собрал повести и рассказы, которые легли в основу известных голливудских фильмов. Писатель также добавил свои комментарии, делясь впечатлениями о каждой картине и размышляя, удалось ли режиссерам передать дух его произведений или, может, даже превзойти их.

Сюрреалистичная и жестокая «Мясорубка», оригинальные и пугающие «Дети кукурузы», загадочные и интеллектуальные «Сердца в Атлантиде», увлекательный и реалистичный «Побег из Шоушенка» и классический ужастик «1408».

Пять историй, пять экранизаций с лучшими актерами — от Моргана Фримена и Тима Роббинса до Энтони Хопкинса и Джона Кьюсака.

Вы смотрели эти фильмы?

Возможно, теперь самое время перечитать литературные произведения, по которым они были сняты!..

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-118092-8

